ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА.

ВЫП. III.

ИЗДАНІЕ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

ВИТЕБСКЪ.
1916
Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана.

Печатается по постановленію Совѣта Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Предсѣдатель Комиссіи **Кл. Тихомировъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

*) За смертію Д. С. Леонардова этотъ трудъ его остается незаконченнымъ.

Сказанія исландскихъ, или скандинавскихъ сагъ о Полоцкѣ, князьяхъ полоцкихъ и р. Западной Двинѣ [1].

Весьма цѣнныя для русской исторіи свѣдѣнія находятся въ исландскихъ сагахъ, сохранившихъ живыя черты дѣйствительности.

Саги заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, сказаніе о славной и могущественной державѣ, основанной, гораздо раньше Рюрика, въ нынѣшней Россіи однимъ скандинавскимъ конунгомъ, или княземъ, по имени Эймундомъ (Древнимъ), котораго называютъ они царемъ Гардарика и Гольмгарда (т. е. Россіи и Новгорода), а также всѣхъ западныхъ странъ.

Саги знаютъ князя Владиміра (Valldamar), его сыновей: Святополка (Burislafr) и Ярослава (Jarislafr), четырехъ сыновей Ярослава (между ними Владиміра, смѣшиваемаго съ Владиміромъ Мономахомъ), и внука Владиміра, Брячислава (Vartilafr), котораго саги называютъ сыномъ Владиміра.

Владиміръ въ сагахъ выставляется нерѣшительнымъ и слабымъ, Ярославъ—дальновиднымъ, но весьма скупымъ; жена его, Ингигерда,—прекрасно одаренной женщиной и въ то же время щедрой.

Саги указываютъ также и на нѣкоторыя любопытныя особенности быта того времени. Такъ, онѣ свидѣтельствуютъ о весьма самостоятельномъ и независимомъ положеніи, которое занимала женщина древней Руси. Жены князей играли видную политическую роль, имѣли свои собственныя матеріальныя средства, свои дворцы, свою дружину, принимая и въ общественной жизни мужей самое широкое участіе.

---

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность моимъ сотрудникамъ: библіотекарю Импер. СПБ. универ. Б. И. Эпимаху-Шипилло и препод. гимназіи В. П. Веросу. А. С.

Значительный интересъ представляетъ указанiе сагъ на нѣкоторую финансовую зависимость князя отъ вѣча. Полоцкiй князь Брячиславъ (сага называетъ его Vartilafr), принимая къ себѣ на службу варяга Эймунда съ дружиною, говоритъ ему: „Дайте мнѣ время посовѣтоваться съ моими мужами, потому что они даютъ мнѣ деньги, а я только ихъ трачу". Затѣмъ князь, дѣйствительно, созываетъ мужей своихъ на вѣче, передавъ на ихъ разсмотрѣнiе вопросъ о наймѣ воиновъ [1]).

Россiя въ сагахъ именуется: Gardariki, Ruzia, Ruzcia, Russia, Russialand; Польша—Pulinaland, Polena.

Въ Россiи саги знаютъ города:

Holmgardr—Новгородъ;

Kaenugardr [2]), Kiaenugardar, Koenugord, Kiu—Кiевъ;

Pallteskja, Palteskia, Peltisca, Pallteskjuborg—Полоцкъ;

Smalenskja, Smalenzkia, Smalizka, Smaland—Смоленскъ;

Moramar—Муромъ;

Sursdal, Surdalar—Суздаль;

Radstofa, Rostofa—Ростовъ;

Gerzike, Gerskekaburg—Герсикъ.

Рѣки: Nepr—Днѣпръ;

Dina, Dyna, Duna—Западная Двина.

Имѣются слѣдующiя изданiя сагъ:

1. Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la Societé Royale des Antiquaires du Nord.—Copenhague, t. I—1850, t. II—1852. Исландскiй подлин-

[1]) „Русскiе князья по исландскимъ сагамъ", проф. Ѳ. Брауна. (Записки отд. русской и славянской археологiи Импер. Русскаго Археол. Общ., т. VII. вып. 1. СПБ., 1905). Это - краткiй рефератъ; обѣщанное пр. Ѳ. Брауномъ сочиненiе по этому вопросу, насколько мнѣ извѣстно, еще не издано.

[2]) Ст. Рожницкiй („Изъ исторiи Кiева и Днѣпра въ былевомъ эпосѣ") усматриваетъ тѣсную связь древне-скандинавскаго Koenugardr съ былинными: Кыянъ-городомъ, Кiянъ-градомъ, Кiяновымъ градомъ, Кiевомъ-градомъ и затѣмъ варяжскихъ „Nepr", „Нѣпровскiй" городъ—съ Днѣпромъ и Кiевомъ. См. „Извѣстiя отд. русск. яз. и слав. Импер. Акад. Наукъ, т. XVI, кн. 1 и 2. СПБ., 1911.

никъ съ переводомъ на латинскій языкъ и съ примѣчаніями на французскомъ языкѣ.

2. Die Deutsche Heldensage und ihre Heimat. B. 2. Die Sagen von den Wölsungen und Niflungen, den Wilcinen und könig Thidrek von Bern. Hannover, 1858.

Моя задача: сдѣлать извлеченія, въ переводѣ съ латинскаго, изъ тѣхъ сагъ, въ которыхъ говорится о Полоцкѣ и князьяхъ полоцкихъ, а также о р. Западной Двинѣ.

Таковы саги:

1. Saga af Ragnar Lodbrok.
(Antiquités Russes, I, 87—89).
2. Saga af Örvaroddi.
(Ant. Russes, I, 105—106).
3. Gaungu-Hrolfs saga.
(Ant. R., I, 230—231).
4. Eymundar saga.
(Ant. R., II, 170—211).

Сага эта впервые издана подъ заглавіемъ: „Eymundar saga. Eymundi et Ragnaris, Norvegiorum principum, tandem Polteskae, vel Polociae, in Russia dynastarum, vitae et gesta, in originali islandico, etc. edidit S. R. A. S. Hafniae, 1833. (Эймундова сага. Жизнь и дѣянія Эймунда и Рагнара, норвежскихъ князей, потомъ полоцкихъ въ Россіи владѣльцевъ, въ исландскомъ подлинникѣ, съ латинскимъ переводомъ и краткимъ введеніемъ, изданная по древнему списку королевской библіотеки Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ, въ Копенгагенѣ, 1833, въ 8, стр. VIII и 60).

Затѣмъ—въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1834 г., т. II. (Исландскій подлинникъ, съ переводомъ на русскій яз., О. И. Сенковскаго).

5. Kristnisaga.
(Ant. R., II, 236—237).
6. Annotations géographiques dues à l'abbé Nicolas de Thingeyrar.
(Ant. R., II, 403).
7. Annotations géographiques, tirées du livre de Hauk Erlendson.
(Ant R., II, 430—431).

8. Extrait de la saga de Théodoric de Bern.
(Ant. R., II, 453—455).
9. Thidrekssaga.
(Die Deutsche Hildensage und ihre Heimat, II, 317—323).

---

1. Saga af Orvaroddi.

„Семь лѣтъ тому назадъ, произошло новое событіе (состоящее въ томъ), что послѣ смерти конунга (короля), правившаго на востокѣ Гольмгардами (Holmgördum—Новгородцами), какой-то неизвѣстный мужъ, по имени Квилланъ (Kvillanus) [1]), захватилъ въ свои руки правленіе и сдѣлался тамъ королемъ. Страннымъ (въ нѣкоторомъ родѣ) было поведеніе этого человѣка, такъ какъ онъ покрывалъ свое лицо маскою, чтобы оно никогда не являлось обнаженнымъ; людямъ это казалось страннымъ. Къ этому присоединялось еще и то обстоятельство, что никто не зналъ ни объ его происхожденіи, ни объ его родинѣ, ни о томъ, откуда онъ прибылъ; много поэтому толковали объ этомъ. Широко распространившаяся молва объ этомъ дошла въ Грецію (Grikkland) до слуха Одда; онъ сильно заинтересовался этимъ человѣкомъ, потому что, пропутешествовавъ по столь многимъ мѣстамъ, онъ никогда не слыхалъ упоминанія о немъ. Итакъ, Оддъ (Oddr) даетъ обѣтъ, что онъ узнаетъ, кто такой король у Гардовъ (Gördum) на востокѣ. Спустя нѣкоторое время, онъ собираетъ войска и снаряжается въ путь изъ дому. Посылаетъ онъ вѣстника къ Сирнію, своему преданному другу, который идетъ къ нему на встрѣчу съ восточной

---

[1]) По объясненію ученыхъ издателей сагъ, Kvillanus—то же самое лицо, что и Ögmundr, о которомъ въ той же сагѣ (§ 19) разсказывается, между прочимъ, слѣдующее: „Эгмундъ, когда ему было три года, отправленъ былъ въ Финляндію (Finnmörk), гдѣ онъ изучилъ всякаго рода волшебство и отравленіе ядомъ... Когда ему было семь лѣтъ, онъ имѣлъ такой же видъ, какой имѣетъ возмужалый человѣкъ... (На видъ) онъ былъ темный и синеватый, волосы на головѣ черные и длинные, косматые, спускавшіеся предъ глазами, вродѣ хохла; онъ былъ прозванъ тогда Эгмундомъ косматымъ"...

Не напоминаетъ ли отчасти этотъ чародѣй Квилланъ-Эгмундъ полоцкаго князя-чародѣя Всеслава съ „язвеномъ на главѣ его"?

стороны Вендіи (Vinnland) съ тридцатью кораблями; Оддъ велъ пятьдесятъ (кораблей). Оба они, хорошо снабженные оружіемъ и воинами, направляются на востокъ въ Гольмгардъ (Hollmgard—Новгородъ).

„Государство Гардовъ (Gardariki) столь обширно, что оно въ то время обнимало владѣнія многихъ князей: Marro назывался князь, правившій провинціей Муромской (Moramar), принадлежащей къ государству Гардовъ; Radstafr назывался князь, управлявшій провинціей Ростовской (Radstofa); Eddval назывался князь, управлявшій княжествомъ, называемымъ Суздаль (Sursdal); Holmgeirr назывался князь, который рядомъ съ Квилланомъ правилъ Гольмгардомъ; *Паллтесъ* (Palltes) назывался князь, управлявшій *Полоцкомъ* (Pallteskjuborg); Kaenmar назывался князь, который правилъ Кіевомъ (Kaenugördum)... Всѣ эти только что упомянутые князья были данниками Квиллана.

„Прежде чѣмъ Оддъ прибылъ въ Гольмгардъ, Квилланъ уже въ теченіе трехъ предшествовавшихъ зимъ набиралъ вооруженныхъ людей; по мнѣнію людей, онъ напередъ зналъ, что Оддъ явится сюда. Тутъ были собраны всѣ вышеупомянутые князья. Свартръ, сынъ Гейрридара (Svartr Geirridarson) былъ также здѣсь... Было тамъ и большое войско изъ Kirjalalandi, Rafestalandi, Refalandi, Virlandi, Eistlandi, Liflandi, Vitlandi, Curlandi, Samlandi, Ermlandi, Pulinalandi (Польши). Это было столь большое войско, что и по сотнямъ не могло быть сосчитано. Очень удивлялись люди, какъ было стянуто это огромное войско“... [1]).

(Saga af Örvaroddi, Antiquités Russes, I. 105—106).

---

[1]) Въ этой же сагѣ о смерти Одда разсказывается буквально то же, что въ лѣтописяхъ—о смерти князя Олега: Одду было предсказано, что причиной смерти его будетъ голова Факсія, любимаго коня Одда (caput huius Faxii exitio tibi erit). Дѣйствительно, спустя нѣсколько лѣтъ, Оддъ увидѣлъ однажды на полѣ конскую голову и узналъ, что это голова его коня Факсія. Оддъ ударилъ копьемъ по черепу, откуда выползла змѣя, которая укусила Одда за ногу, отчего онъ и умеръ (Serpens in Oddum irruens pedem ejus percussit).

2. Eymundar saga [1]).

Древнѣйшій списокъ этой саги относятся къ XIII ст.

Сага не избѣжала общей почти участи скандинавскихъ сказаній, она также сокращена: сократитель выкинулъ всю ея середину и оставилъ только начало и конецъ.

Сага сочинена по разсказу пятерыхъ исландцевъ, которые не только были очевидцами описываемыхъ въ ней происшествій, но и сами въ нихъ участвовали. Они пришли въ Россію въ концѣ 1015 г. съ Эймундомъ и Рагнаромъ и подъ ихъ знаменами служили здѣсь Ярославу. Послѣ убійства Эймундомъ Святополка, исландцы вмѣстѣ съ Эймундомъ и Рагнаромъ перешли къ *полоцкому князю Вартилафу—Брячиславу*. По смерти Эймунда, они возвратились въ Исландію. Имена ихъ узнаемъ изъ ихъ же разсказа; они назывались: Біорнъ, Гарда-Кетилль, Аскель, Тордъ Старшій и Тордъ Младшій.

Содержаніе саги: Эймундъ, сынъ одного удѣльнаго норвежскаго конунга [2]), во время отлучки своей на витяжствѣ [3]), былъ лишенъ своихъ владѣній св. Олафомъ, который сдѣлался единодержавнымъ Государемъ всей Норвегіи. Возвратясь въ отечество, онъ увидѣлъ себя изгнанникомъ и предложилъ своимъ витязямъ и воинамъ отправиться въ Россію, гдѣ, какъ ему было извѣстно, сыновья Владиміра начинали спорить между собою о наслѣдствѣ.

Эймундъ, котораго ученые издатели сагъ считаютъ потомкомъ Эймунда Древняго, обладателя Россіи еще до Рюрика, съ другомъ своимъ Рагнаромъ и шестьюстами воиновъ прибылъ въ Новгородъ, еще до начала междоусобій Владиміровичей и вступилъ въ службу къ Ярославу. Онъ скоро сдѣлался его другомъ и совѣтникомъ. По словамъ саги, война съ Святополкомъ (Burizlafr) [4]) возгорѣлась по по-

---

[1]) „Скандинавскія саги". О. И. Сенковскаго. „Библіотека для чтенія", 1834, т. 1.

[2]) Князь—изъ konung, koning, koenig. О. С.

[3]) Витязь—vicking—собственно обозначалъ морского богатыря, проводящаго жизнь въ набѣгахъ, приключеніяхъ и опасностяхъ „для чести и богатства"; отсюда—витяжство—vickingum. О. С.

[4]) Варяжскіе князья имѣли по нѣскольку именъ, изъ которыхъ одними назывались они дома, другими—въ народѣ, третьими—въ войскѣ и т. д. Быть можетъ, въ Новгородѣ Святополку дано было имя Burizlafr въ порицаніе, т. к. Буриславъ, Burzyslaw—значитъ „разрушитель". О. С.

воду требованія имъ отъ Ярослава уступки нѣкоторыхъ областей. Ярославъ хотѣлъ было уже согласиться, но Эймундъ отсовѣтовалъ ему такую опасную уступчивость и убѣдилъ искать счастія въ оружіи.

Послѣ сраженія при Любечѣ, слѣдуя сагѣ, разнесся слухъ, что Святополкъ погибъ.

Въ лѣтописи бѣгло упоминается, что Святополкъ послѣ сраженія бѣжалъ „въ Ляхи"; сага, напротивъ, указываетъ, что онъ сперва ушелъ въ Бярмію [1]).

Ярославъ занялъ безпрепятственно Кіевъ.

Но на слѣдующую весну Святополкъ неожиданно явился подъ стѣнами Кіева съ многочисленною ратью бярмійцевъ, т. е. финновъ.

Цѣлыя двѣ главы саги посвящены описанію осады Кіева. Наконецъ, осаждающіе потерпѣли полное пораженіе. Святополкъ бѣжалъ. Опять распространился слухъ, что онъ лишился жизни. Ярославъ считалъ себя въ полной безопасности.

Здѣсь въ сагѣ большой пропускъ. Можетъ быть, молчаніе саги обо всемъ періодѣ польской войны и о сраженіи при Альтѣ происходитъ отъ того, что Эймундъ съ своей дружиной не участвовалъ въ этихъ событіяхъ.

Не найдя пріюта въ Польшѣ, Святополкъ удалился къ половцамъ. Весною стало извѣстно въ Кіевѣ, что онъ идетъ на Ярослава съ турками, бѣло-куманами и другими народами. Ярославъ сталъ поспѣшно собирать войска, но Эймундъ предложилъ ему убить Святополка. Ярославъ отринулъ это предложеніе. Тѣмъ не менѣе, Эймундъ, собравъ свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ силъ, приказалъ десяти норманнамъ приготовиться къ тайному походу на встрѣчу Святополку. Засѣвъ въ лѣсу, гдѣ, по ихъ расчетамъ, должны были расположиться на ночлегъ полчища Святополка, Эймундъ сталъ ожидать ихъ прибытія. Проникнувъ ночью въ ставку Святополка, Эймундъ убилъ его. Голову Святополка Эймундъ доставилъ въ Кіевъ Ярославу, но послѣдній сказалъ: «опрометчивое дѣло сдѣлали вы, друзья, и на мнѣ тяжко лежащее».

---

[1]) Это слово иногда принимается въ общемъ значеніи сѣверо-восточной части нын. Россіи, населенной тогда финскими племенами. Въ Новгородской лѣтописи говорится, что Святополкъ бѣжалъ не въ Польшу, а къ печенѣгамъ. О. С.

Норманны требовали награды за злодѣяніе. Ярославъ уклонялся, утверждая, что онъ не приказывалъ имъ убивать брата. Они поссорились. Норманны перешли къ *полоцкому князю.* Оставляя Кіевъ, они чуть не похитили жены Ярослава, Ингигерды, которую спасъ отъ ихъ буйства Эймундъ.

Мы знаемъ изъ лѣтописей о началѣ войны Ярослава съ *кн. полоцкимъ Брячиславомъ.* Но о дальнѣйшемъ ходѣ ея лѣтописи не говорятъ ни слова.

Хотя въ этомъ мѣстѣ текстъ саги опять потерпѣлъ сокращеніе, т. е. пропускъ одной или двухъ главъ, но въ ней все же находится много любопытныхъ фактовъ.

Несогласія Брячислава съ Ярославомъ начались по тому же поводу, по которому послѣдній взялся за оружіе противъ Святополка: великій князь кіевскій потребовалъ уступки или возвращенія нѣсколькихъ городовъ съ ихъ областями. Но Брячиславъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Здѣсь исландское сказаніе прерываетъ рѣчь о военныхъ приготовленіяхъ и переходитъ къ обстоятельствамъ, которыя положили конецъ междусобію. Норманны узнали, что прекрасная Ингигерда должна была пріѣхать въ станъ Ярослава и рѣшились показать Брячиславу свое молодечество. Они ночью подстерегли Ингигерду на пути и похитили ее такъ ловко, что сопровождавшіе ее воины не знали, куда она дѣвалась. При ея-то посредничествѣ и былъ заключенъ миръ.

Въ сагѣ находятся даже условія этого договора: Ярославъ удержалъ за собою Новгородъ, а Брячиславу уступилъ Кіевъ въ условное владѣніе «со всѣми податями и данями». Брячиславъ, съ своей стороны, поручилъ Эймунду въ управленіе *Полоцкъ* и, сверхъ того, вмѣстѣ съ Ярославомъ, далъ ему небольшую область въ удѣльное владѣніе, съ тѣмъ, что, если Эймундъ не оставитъ потомства, то область эта возвратится опять къ Ярославу и Брячиславу. Жалуя Эймунду эту область, князья сказали: «не хотимъ выпустить его изъ Русской земли». Эймундъ обязался за то защищать оба владѣнія, новгородское и кіевское, отъ всѣхъ враговъ и начальствовать на войнѣ отъ имени обоихъ князей, которые, съ своей стороны, должны

снабдить его войсками и поддерживать своею властію. По кончинѣ Брячислава, положено было Ярославу быть единодержавнымъ государемъ всей Россіи.

Брячиславъ, какъ видно изъ саги, правилъ Кіевомъ безъ званія великаго князя, а только какъ жалованнымъ на время удѣломъ, не болѣе трехъ лѣтъ послѣ этой сдѣлки.

Эймундъ, по прежнему, оставался конунгомъ, или княземъ своей области и по смерть носилъ званіе главнаго полководца. Пока онъ исправлялъ защиту государства „отъ имени Ярослава, набѣговъ не было въ Россіи“.

Эймундъ умеръ „не старъ“, не оставивъ наслѣдниковъ, и завѣщалъ свое небольшое княжество, „съ дозволенія Ярослава и Ингигерды“, другу и товарищу своему Рагнару, какъ достойнѣйшему и храбрѣйшему изъ своихъ сослуживцевъ.

Эймундова сага [1]).

„Былъ конунгъ, по имени Рингъ; онъ рядилъ Упландіею, въ Норвегіи. Удѣлъ этотъ назывался Рингарикъ, потому, что онъ былъ надъ нимъ конунгомъ. Онъ былъ уменъ, милостивъ, очень добръ и богатъ, и былъ сынъ Дага Ринговича, внукъ Гаральда-Прекрасноволосаго, а тѣ, которые были получше и познаменитѣе (происхожденіемъ) въ Норвегіи, отъ него себя производили. У Ринга было три сына, и всѣ они были конунги: одинъ назывался Рёрекъ (Hrarek—Рюрикъ), и тотъ былъ старшій; второй Эймундъ, третій Дагъ. Всѣ они были храбрые мужи, заступали мѣсто отца своего въ походахъ и въ (морскомъ) витяжествѣ, и тѣмъ весьма прославились. Это было въ то время, когда и конунгъ Сигурдъ-Свинья рядилъ въ Упланіи; онъ имѣлъ (женою) Асту, дочь Гудбрандову и мать Олафа-Святого. Они воспитывались и выросли вмѣстѣ, Олафъ Гаральдовичъ и Эймундъ Ринговичъ; и были почти равныхъ лѣтъ. Они были обучены всему, что дѣлаетъ человѣка отличнымъ, и проживали частью у конунга Сигурда, частью у конунга Ринга, отца Эймундова. Когда ко-

[1]) Переводъ этой саги сдѣланъ проф. О. И. Сенковскимъ прямо съ исландскаго подлинника.

нунгъ Олафъ отправился въ Англію, Эймундъ отправился тоже; съ ними былъ еще Рагнаръ Агнаровичъ, внукъ Рагнара-Риккиля, сына Гаральда-Прекрасноволосаго, и многіе другіе знатные мужи. Они становились тѣмъ достопочтеннѣе и славнѣе, чѣмъ дальше странствовали, какъ то ясно сбылось потомъ въ разсужденіи Олафа-Святого, ибо имя его сдѣлалось извѣстнымъ по всему Сѣверу: когда достигъ онъ власти въ Норвегіи, то покорилъ себѣ всю страну и истребилъ всѣхъ удѣльныхъ конунговъ, какъ о томъ сказано въ его Сагѣ, употребивъ къ тому различныя средства, о чемъ писали мудрые мужи...

Объ Эймундѣ и Рагнарѣ.

„Напередъ сказать, что Эймундъ и Рагнаръ воротились въ Норвегію скоро послѣ этого, со многими ладьями. Конунгъ Олафъ былъ тогда въ далекой сторонѣ..... Эймундъ составилъ вѣче изъ жителей области и говорилъ такимъ образомъ: „Здѣсь произошли большія вещи, въ области, съ тѣхъ поръ какъ мы уѣхали вдаль. Мы потеряли родныхъ нашихъ, а нѣкоторые изъ нихъ изгнаны изъ отчизны въ несчастномъ видѣ. Срамъ и убытокъ постигли насъ послѣ (истребленія) знаменитыхъ и достопочтенныхъ родственниковъ нашихъ. Теперь одинъ конунгъ въ Норвегіи, тогда какъ прежде было ихъ много. Я полагаю, что это государство пойдетъ хорошо, будучи управляемо конунгомъ Олафомъ, моимъ совоспитанникомъ, хотя иное кажется что-то весьма страннымъ въ его правительствѣ“..... Эймундъ сказалъ: „Хотите ли принять нарядъ, который задумалъ я въ мысли? Я скажу вамъ мое мнѣніе, если вы желаете: я узналъ о кончинѣ конунга Вальдамара (Владиміра), на востокѣ, въ Гардарикѣ, и теперь это владѣніе держать три его сына, мужи самые доблестные. Но онъ раздѣлилъ владѣніе свое между ними едва ли поровну, потому что одинъ изъ нихъ имѣетъ областей болѣе, нежели два другіе. Одинъ называется Бурислейфъ (Буриславъ, Святополкъ) и получилъ самую большую часть отцовскаго наслѣдства; онъ же и самый старшій между ними; другому имя Ярислейфъ; третьему Вартилафъ (Вратиславъ, Брячиславъ). Бурислейфъ имѣетъ Кенугардъ (Кіевъ—городъ), Ярославъ—Гольмгардъ (Новгородъ), а третій правитъ *Палтескомъ (Полоцкомъ) и всею тою областью, которая лежитъ подлѣ;* но они теперь

въ несогласіи изъ-за своихъ владѣній: недовольствуется своимъ добромъ тотъ, который держитъ самую большую и лучшую часть раздѣла, думая, что у него мало государства, потому что менѣе, нежели какъ было у отца, и считая себя поэтому ниже своихъ предковъ. Теперь мнѣ пришло въ голову: не покажется ли вамъ удобнымъ, чтобъ мы отправились туда и повидались съ тѣми конунгами, да пристали-бъ къ которому-нибудь изъ нихъ, а всего лучше къ тому, кто хочетъ удержать свое владѣніе за собою и доволенъ такъ, какъ отецъ раздѣлилъ между ними? Для насъ это было бы хорошо, какъ въ разсужденіи богатства, такъ и почестей. Я укрѣплю этотъ нарядъ за вами!" И всѣ они изъявили то же желаніе. Были тамъ многіе мужи, которые хотѣли стяжать себѣ богатство и имѣли въ виду вознаградить за обиды свои въ Норвегіи; они скорѣе предпочли покинуть отчизну, нежели оставаться и терпѣть послѣднюю бѣду отъ конунга и своихъ враговъ, рѣшились итти на чужбину съ Эймундомъ и Рагнаромъ и поплыли вдаль, со многими людьми и съ большою, по мужеству и храбрости, силою, держа путь на Аустурвегъ (Россію).

Эймундъ пріѣзжаетъ въ Гардарикъ.

„Эймундовцы не прежде оставили путешествіе, какъ прибывъ на востокъ, въ Гольмгардію, къ конунгу Ярислейфу. Они рѣшились, (не предлагая своей службы другимъ), напередъ явиться къ конунгу Ярислейфу, согласно настоянію Рагнара. Конунгъ Ярислейфъ былъ въ родствѣ со шведскимъ конунгомъ Олафомъ: онъ имѣлъ (въ супружествѣ) дочь его, Ингигерду. Какъ скоро свѣдалъ конунгъ о прибытіи ихъ въ ту страну, онъ послалъ къ нимъ мужей предложить имъ безопасность въ дружеской землѣ и (звать ихъ) на веселый пиръ, за что они хорошо возблагодарили. Когда усѣлись къ пиру, конунгъ и господыня (его супруга), разспрашивали у нихъ о разныхъ норвежскихъ дѣлахъ и о конунгѣ Олафѣ Гаральдовичѣ. Эймундъ сказалъ имъ много хорошаго объ немъ и объ его нравахъ...... Эймунду и Рагнару понравилось все, касающееся какъ до конунга, такъ и до господыни, ибо она была рѣшительна (въ дѣлахъ) и мягка на пенязь (т. е. щедра); конунгъ же Ярислейфъ, хотя отнюдь не славился мягкостью своею на пенязь, но былъ князь способный къ правленію и знатновидный.

Договоръ Эймунда съ конунгомъ Ярислейфомъ.

«Тутъ конунгъ спросилъ у нихъ, куда думаютъ они направить дальнѣйшій путь; но они сказали: „Мы свѣдали, господарь, что ты будешь въ нѣкоторомъ убыткѣ по твоему владѣнію изъ-за твоихъ братьевъ; мы же изгнаны изъ нашей отчизны и отправились къ востоку, сюда, въ Гардарикъ, чтобъ повидать васъ, троихъ родныхъ. Мы намѣрены помогать тому изъ васъ, кто болѣе всѣхъ доставитъ намъ уваженія и почестей, потому что желаемъ сами стяжать себѣ богатство и славу, а вамъ быть благодарными за почести и уваженія.... Мы просимся быть защитниками этого владѣнія, (хотимъ) сойтись съ вами на условіяхъ и получать отъ васъ золото, и серебро, и хорошее платье; а если вы не намѣрены тотчасъ согласиться на наше предложеніе, мы получимъ то же самое добро отъ другихъ конунговъ, когда вы отъ насъ уклоняетесь“. Конунгъ Ярислейфъ отвѣчалъ: „И очень нуждаемся мы въ вашей дружинѣ и распорядительствѣ, потому что вы умные и храбрые мужи, нордманны; но мнѣ неизвѣстно, сколько потребуете вы жалованья за вашу службу“. Эймундъ отвѣчалъ: „Во-первыхъ, ты пожалуешь домъ для насъ и всѣхъ нашихъ людей и не откажешь намъ ни въ какомъ добрѣ изъ лучшихъ твоихъ припасовъ, въ которомъ будемъ мы имѣть надобность“. „На это иждивеніе я согласенъ“, сказалъ конунгъ. Эймундъ промолвилъ: „Тогда эти люди готовы сражаться впереди тебя и итти (на врага) первые за твоихъ людей и за твое владѣніе; сверхъ того, долженъ ты отпускать на каждаго нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику ладьи платить еще по полъ-унціи“. Конунгъ возразилъ: „Этого мы не можемъ!“ Эймундъ сказалъ ему: „Можешь, господарь, потому что, вмѣсто этой платы, мы примемъ бобровъ, и соболей, и другое добро, какое здѣсь, въ вашей землѣ, водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами, (а не наши воины); а если случится какая добыча, тогда можете отпустить намъ пенязями; если будемъ сидѣть безъ дѣла, то добра жаловать намъ менѣе“. Конунгъ изъявилъ на все это свое согласіе, и заключенное условіе долженствовало продолжаться двѣнадцать мѣсяцевъ.

Эймундъ одерживаетъ побѣду въ Гардарикѣ.

«Тогда Эймундовцы вытащили свои ладьи на берегъ и прилично ихъ пристроили. Конунгъ Ярислейфъ повелѣлъ построить для нихъ каменный домъ и обить его (внутри) краснымъ сукномъ [1]); все нужное было имъ доставляемо въ исправности изъ лучшихъ припасовъ. Они проводили всякій день съ конунгомъ и господыней въ большой радости и потѣхѣ. Но когда прожили они недолгое время въ добромъ почитаніи, (вдругъ) пришли письма отъ конунга Бурислейфа къ конунгу Ярислейфу, въ которыхъ было сказано, что онъ требуетъ отъ конунга нѣсколькихъ деревень и торговъ, примыкающихъ къ его владѣнію, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходовъ...... Послы уѣхали и разсказали своему конунгу все, какъ что было,—что конунгъ Ярислейфъ не хочетъ дѣлиться съ братомъ ни малѣйшею частью своего владѣнія и готовъ бороться, если тотъ пріѣдетъ въ его удѣлъ.... Оба конунга созвали своихъ людей. Сбылось такъ, какъ предполагалъ Эймундъ, что конунгъ Бурислейфъ выступитъ изъ своего владѣнія противъ брата; а тамъ, гдѣ они встрѣтились, былъ большой лѣсъ съ рѣкою; ставки свои они расположили такъ, что посреди протекала рѣка, а числомъ людей различествовали немного.... Поднялся бранный кликъ, возвысили знамена и распредѣлили рать къ войнѣ. Оба ратные народа сошлись вмѣстѣ; наступила страшная битва, и гибло очень много людей. Конунгъ Эймундъ и Рагнаръ направили на конунга Бурислейфа сильный ударъ, напавъ на него по ту сторону щитовъ; наступила жесточайшая битва и рѣзня. Вслѣдъ за тѣмъ Бурислейфова рать была сломана, и его люди начали бѣжать. Но Эймундъ заступилъ имъ путь и избилъ такое множество мужей, что долго было бы прописывать имена всѣхъ ихъ...... Конунгъ Ярислейфъ удержалъ за собою оба владѣнія и всю добычу, какая была пріобрѣтена въ этомъ сраженіи.

---

[1]) Подъ словомъ „для нихъ“ сага понимаетъ только Эймунда и Рагнара. Красное сукно, или багряница, почиталось тогда предметомъ чрезвычайной роскоши, и подобные шпалеры показываютъ большую пышность новгородскаго двора.

О. С.

Эймундъ умерщвляетъ конунга Бурислейфа.

«Однажды утромъ, очень рано, Эймундъ позвалъ къ себѣ родственника своего, Рагнара, и десять другихъ мужей. Онъ приказалъ имъ сѣдлать коней. Они выѣхали за городъ, всѣ двѣнадцать человѣкъ вмѣстѣ, составляя горстку народа, а прочихъ воиновъ оставивъ дома..... Они вступили въ какой-то лѣсъ и ѣхали весь этотъ день, пока не настала ночь; потомъ выѣхали изъ лѣсу и прибыли къ одному большому дубу, гдѣ была прекрасная поляна и много ровнаго мѣста. Конунгъ Эймундъ сказалъ (своимъ товарищамъ): «Надо здѣсь остановиться; я свѣдалъ, что конунгъ Бурислейфъ въ этомъ мѣстѣ будетъ имѣть ночлегъ и учредитъ свой станъ къ ночи».... Скоро увидѣли они огромную рать и богатую колесницу, за которою слѣдовало много мужей; впереди ея несли знамя. Ратные люди распространились до (кряжа) лѣса и заняли поляну въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ она представляла самое удобное положеніе для ставокъ, какъ то предусмотрѣлъ Эймундъ. Тамъ они разбили княжескую палатку, а по сторонамъ, подлѣ лѣса, расположилась вся рать. Это продолжалось до темной ночи. Палатка конунга была чрезвычайно богата и прекрасно сдѣлана: она состояла изъ четырехъ полосъ; высокій шестъ (staung, stöng—стягъ) возвышался надъ нею, (украшенный) золотымъ шаромъ съ вымпелами.... Эймундъ еще съ вечера тщательно запомнилъ то мѣсто, гдѣ конунгъ спитъ въ своей палаткѣ; онъ двинулся туда и быстрыми ударами нанесъ смерть ему и многимъ другимъ. Доставъ Бурислейфову голову въ свои руки, онъ пустился бѣжать въ лѣсъ, мужи его за нимъ,—и (турки) ихъ не отыскали. Оставшіеся въ живыхъ Бурислейфовы мужи были поражены ужаснымъ испугомъ отъ этого страшнаго приключенія, а Эймундъ съ своими людьми ускакали прочь. Они прибыли домой (въ Кіевъ) утромъ, очень рано, и пошли прямо къ конунгу Ярислейфу, которому наконецъ донесли съ достовѣрностью о кончинѣ конунга Бурислейфа......

Эймундъ отъ Ярислейфа уѣхалъ къ его брату [1]).

«Потомъ истекло лѣто и зима и нечего было дѣлать; жалованье опять не отпускалось. Нѣкоторыми людьми было представлено конунгу, что воспоминаніе объ убійствѣ брата великое дѣло: они говорили также, что Нордманны теперь считаютъ уже себя лучшими, нежели самъ конунгъ. наступилъ день, въ который жалованье долженствовало быть выдано; они пошли къ конунгову жилищу. Онъ принялъ ихъ хорошо и спросилъ, чего хотятъ они такъ рано утромъ. Эймундъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, господарь, вы не нуждаетесь болѣе въ нашихъ людяхъ и исправно отпустите намъ изъ рукъ жалованье, которое должны мы получить?» Конунгъ воскликнулъ: «Много вещей надѣлало ваше сюда прибытіе!»—«Это правда, господарь, сказалъ Эймундъ, потому что давно уже былъ бы ты изгнанъ изъ своихъ владѣній, еслибъ не воспользовался нами. А что (касается) до погибели твоего брата, то дѣло (съ тѣхъ поръ нисколько не перемѣнилось: оно) и теперь такъ же, какъ было тогда, когда ты далъ на то согласіе». Конунгъ примолвилъ: «Что же думаете вы теперь дѣлать?» Ему отвѣчалъ Эймундъ: «А чего желалъ бы ты всего менѣе?—«Этого-то и я не знаю!» возразилъ конунгъ. Эймундъ продолжалъ: «А я знаю это очень хорошо! Всего менѣе ты желалъ бы, чтобъ мы отправились къ конунгу Вартилафу (Брячиславу), брату твоему,—а мы именно туда и отправимся и сослужимъ ему все, что только можемъ; сиди теперь здорово, господарь!» Они поспѣшно вышли (изъ дворца) и (обратились) къ своимъ ладьямъ, которыя стояли уже готовыя.... Нордманны поплыли вдаль и не прежде остановились, какъ прибывъ въ удѣлъ конунга Вартилафа, гдѣ они тотчасъ пошли къ нему. Вартилафъ принялъ ихъ хорошо и распросилъ о дѣлѣ. Эймундъ разсказалъ ему все, что и какъ случилось: и о началѣ своей службы, и объ ихъ размолвкѣ съ Ярислейфомъ.—„Что же полагаете вы дѣлать впередъ?“ спросилъ конунгъ. Эймундъ отвѣчалъ: «Я объявилъ ко-

---

[1]) Vartilafr—Брячиславъ былъ племянникъ Ярослава; сага считаетъ Брячислава—братомъ Ярослава.

нунгу Ярислейфу, что мы отправляемся сюда, къ вамъ, ибо я подозрѣваю, что онъ хочетъ оставить тебя въ убыткѣ по твоему владѣнію, подобно тому, какъ братъ его съ нимъ сдѣлалъ. Теперь посмотри въ свой рядъ, господарь: предпочтешь ли (принять) насъ къ себѣ, или (удалить) прочь, и не думаешь ли, что по чему-нибудь можешь нуждаться въ нашей помощи».—«Да! сказалъ конунгъ, я желалъ бы воспользоваться вашею помощію; но на какихъ условіяхъ вы договариваетесь?» Эймундъ отвѣчалъ: «Мы желаемъ имѣть то же самое иждивеніе, какое имѣли у твоего брата. «Дайте мнѣ время посовѣтоваться съ моими мужами, потому что они вносятъ мнѣ деньги, хотя я отпускаю ихъ изъ рукъ». Конунгъ Вартилафъ составилъ вѣче съ своими мужами и сообщилъ имъ, какія извѣстія получилъ онъ о конунгѣ Ярислейфѣ, своемъ братѣ,—что онъ умышляетъ на его удѣлъ, присовокупляя, что конунгъ Эймундъ прибылъ сюда и просится (подать) свою помощь и драться впереди. Они очень заохочивали конунга принять нордманновъ къ себѣ; на этомъ основаніи, онъ приторговался съ ними, предоставивъ себѣ право пользоваться совѣтами Эймунда:—«Ибо я не такой рядительный мужъ, какъ мой братъ, конунгъ Ярислейфъ, (сказалъ Вартилафъ), а и съ нимъ у васъ пошло на ссору! Я желаю часто держать съ вами бесѣду (о дѣлахъ), но платить вамъ буду все по договору». Съ того времени они были у конунга въ большой чести и почитаніи.

Миръ между Ярислейфомъ и Вартилафомъ.

«Такъ и случилось, что послы прибыли отъ конунга Ярислейфа требовать весей и городовъ, лежащихъ поблизости его владѣнія, отъ конунга Вартилафа. Онъ сообщилъ о томъ конунгу Эймунду, но тотъ отвѣчалъ: «Вы должны рядить объ этомъ, господарь!» Конунгъ промолвилъ: «Теперь именно и пришелъ случай, гдѣ вы, какъ то было условлено, обязаны опредѣлять рядъ вмѣстѣ со мною». Эймундъ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется такъ, господарь, что надобно ожидать нападенія алчнаго волка; онъ не преминетъ требовать болѣе, если это будетъ уступлено. Пусть послы ѣдутъ назадъ въ покоѣ, продолжалъ онъ: они, (Ярислейфъ и его супруга), я думаю, скоро увидятъ нашъ рядъ; сколько времени нужно, чтобъ собрать людей?»—„Полмѣсяца“,

сказалъ конунгъ. Эймундъ примолвилъ: „Теперь опредѣли, господарь, гдѣ должны вы сойтись для сраженія и объяви посламъ, чтобъ они могли сказать своему конунгу“. Такъ было и сдѣлано; послы отправились домой. (Значительный пропускъ въ текстѣ) [1].....

„Съ обѣихъ сторонъ рати были приготовлены къ сраженію и сошлись въ опредѣленномъ мѣстѣ на границѣ той страны, гдѣ, учредивъ станы, онѣ простояли нѣсколько ночей. Конунгъ Вартилафъ молвилъ: «Зачѣмъ сидимъ мы здѣсь понапрасну? Мы упустили побѣду изъ рукъ». Эймундъ отвѣчалъ: „Предоставьте мнѣ судить объ этомъ, ибо въ бѣдѣ [2]) лучшее дѣло отсрочка; притомъ еще не пріѣхала господыня Ингигерда, которая держитъ рядъ за всѣхъ ихъ, хотя конунгъ считается предводителемъ ихъ людей; самъ я буду со-

---

[1]) „Въ этомъ мѣстѣ, по нашему мнѣнію,—говоритъ О. И. Сенковскій,—должно быть помѣщено внезапное нападеніе Брячислава на Новгородъ. Позволительно предполагать, что, отпустивъ кіевскихъ пословъ, полоцкій князь и Эймундъ рѣшились воспользоваться временемъ и, пока Ярославъ успѣетъ собрать войско, нанести ему ударъ въ Новгородѣ. Нѣсколько строкъ, которыя лѣтопись посвящаетъ этому событію весьма сбивчивы, именно: „Въ лѣто 6529 (1021). Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь на Новгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ Новгородцѣ и имѣнье ихъ, *поиде Полотьску опять*; и пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту, и побѣди Ярославъ Брячислава и Новгородцѣ вороти Новугороду, а *Брячиславъ бѣжа Полотьску*“. Какъ же это? Брячиславъ однажды уже пришелъ къ Полоцку, уже воротился домой съ Новгородцами, и вслѣдъ затѣмъ Ярославъ настигъ его у р. Судомѣри? Можно ли, сверхъ того, предположить, что Ярославъ прошелъ въ 7 дней около 1000 верстъ, отъ Кіева до Судомѣри? И еще: Новгородцы уже были приведены въ Полоцкъ, а Ярославъ воротилъ ихъ назадъ отъ р. Судомѣри! Одно лишь слѣдующее предположеніе было бы способно нѣсколько уменьшить запутанность, именно, что были двѣ отдѣльныя экспедиціи; что Брячиславъ сперва ограбилъ Новгородъ и воротился въ Полоцкъ съ добычею, а потомъ уже вышелъ на встрѣчу Ярославу. Что касается до Новгородцевъ, то они, вѣроятно, были возвращены не съ поля сраженія, но по договору. Ярославъ могъ одержать въ стычкѣ верхъ надъ полоцкимъ княземъ, но нордманны рѣшили войну въ пользу послѣдняго похищеніемъ Ингигерды, и великій князь, чтобы обратно получить жену, которая имѣла большую власть надъ нимъ, принужденъ былъ согласиться на условія, выгодныя для Брячислава и для Эймунда. Послѣднее видно изъ саги. О. С.

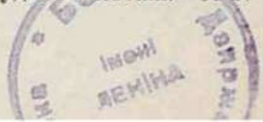
[2]) Это выраженіе показываетъ, что Ярославъ одержалъ верхъ надъ полоцкимъ княземъ. О. С.

держать стражу, господарь!“ Конунгъ сказалъ: «Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите!» Они простояли семь ночей съ ратью..... Въ одну ночь вѣтеръ былъ злой и темнота большая; конунгъ Эймундъ и Рагнаръ (непримѣтно) улизнули отъ своихъ людей. Они поѣхали въ лѣсъ, позади стана конунга Ярислейфа, (ожидавшаго пріѣзда Ингигерды), и засѣли тамъ подлѣ одной дорожки. Тутъ конунгъ Эймундъ сказалъ: «Вѣрно этою тропою поѣдутъ Ярислейфовы мужи (съ его супругою); если бъ самъ я хотѣлъ проѣхать скрытно, я бы тоже избралъ этотъ путь; останемся здѣсь». Они просидѣли въ этомъ мѣстѣ нѣкоторое время. Конунгъ Эймундъ воскликнулъ: „Безразсудно мы здѣсь сидимъ!“ Но вслѣдъ затѣмъ послышали они (шумъ) ѣдущихъ (всадниковъ), такъ, что, (казалось), женщина была между путниками: они подмѣтили, что одинъ мужъ ѣдетъ верхомъ впереди женщины, а другой позади ея. Тогда сказалъ Эймундъ: «Вѣрно проѣзжаетъ господыня! раздѣлимся мы съ тобою, по обѣимъ сторонамъ дорожки; когда они подъѣдутъ къ намъ, я раню коня подъ нею, а ты, Рагнаръ, схвати ее». Путники подъѣхали, и, прежде чѣмъ они спохватились, конь былъ повергнутъ мертвымъ, и господыня (унесена) далеко въ сторону. Второй (мужъ) закричалъ, что онъ видѣлъ человѣка, который перепрыгнулъ черезъ дорогу; но ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ явиться къ конунгу (Ярислейфу), потому что они не знали, люди ли это были, или духи. Они тайно уѣхали во-свояси и болѣе не показывались. Господыня сказала своимъ землякамъ: „Вы, нордманны, видно, никогда не перестанете обижать меня!“ На что отвѣчалъ Эймундъ: „Мы будемъ хорошо поступать съ вами, господыня; но ужъ не знаю, удастся ли вамъ въ нынѣшнюю ночь цѣловаться съ своимъ конунгомъ!“ Затѣмъ, отправились они въ станъ конунга Вартилафа и сказали, что господыня къ нему пріѣхала. Онъ былъ очень обрадованъ, и самъ взялся сторожить ее. Но на (слѣдующее) утро, она велѣла просить къ себѣ конунга Эймунда, и когда онъ явился, сказала ему: „Самый лучшій рядъ былъ бы тотъ, если бъ мы примирились, и я готова стараться, чтобъ водворить согласіе между вами; но должна объявить вамъ впередъ, что всего болѣе буду я заботиться о выгодахъ конунга Ярислейфа“. Эймундъ отвѣчалъ: „Въ этомъ власть конунга (Вартилафа)!“ Господыня возразила: «Но твой

рядъ считается здѣсь самымъ важнѣйшимъ»!.... Эймундъ отправился отъ нея къ конунгу Вартилафу и спросилъ, желаетъ ли онъ, чтобы господыня примирила его съ братомъ. Конунгъ отвѣчалъ: «Я не назову этого благоразумнымъ, коль скоро она объявила, что хочетъ уменьшить мою долю». Эймундъ промолвилъ: «Будешь ли доволенъ, имѣя и впредь то, что имѣлъ доселѣ?»—«Да!» сказалъ конунгъ. Эймундъ возразилъ: „Но я не назову этого дѣльнымъ, если онъ не увеличитъ твоей доли, потому что ты долженъ взять послѣ брата равную съ нимъ часть наслѣдства“. Конунгъ отвѣчалъ: «Если ты убѣждаешь меня избрать ея посредничество, то пусть будетъ такъ!» Эймундъ донесъ господынѣ, что Вартилафъ согласенъ, чтобы она устроила миръ между нимъ и ея супругомъ.—«Это ужъ навѣрное твой рядъ! сказала она; ты долженъ предвидѣть, что мое участіе не будетъ невыгодно, что бы ни случилось».... Эймундъ примолвилъ: «(Не знаю! но, во всякомъ случаѣ), я не подавалъ совѣта, чтобы вамъ не было оказываемо должное уваженіе». Тогда затрубили сборъ и было всѣмъ объявлено, что господыня Ингигерда хочетъ говорить съ конунгомъ и его (ратными) людьми. Когда собрались люди, мужи увидѣли, что господыня Ингигерда находится въ нордманнской дружинѣ конунга Эймунда [1]). Въ то же время обнародовано было отъ имени конунга Вартилафа, что господыня будетъ творить (миръ).... Она сказала конунгу Ярислейфу, что ему держать впередъ самую важную часть Гардарика, то есть Гольмгардъ (Новгородъ), а Вартилафу владѣть Кунигардомъ (Кіевомъ), другою лучшею частію всѣхъ владѣній, съ податями и сборами [2]), отчего будетъ онъ имѣть вдвое болѣе вла-

[1]) Она явилась войску не плѣнницею Брячислава, но среди нордманнской дружины, какъ будто она добровольно прибыла къ своимъ землякамъ съ предложеніемъ посредничества. О. С.

[2]) Слѣдовательно, Кіевъ былъ уступленъ Брячиславу не въ полное и безусловное его владѣніе,—ибо въ такомъ случаѣ не нужно было бы и говорить о „податяхъ и сборахъ“,—но только въ управленіе отъ имени Ярослава, съ присвоеніемъ правителю извѣстныхъ выгодъ, въ вознагражденіе притязаній его на часть наслѣдства Святополкова. Дѣйствительно, изъ лѣтописи видно, что Ярославъ уже проживаетъ въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ. Лѣтопись говоритъ, что онъ правилъ Кіевомъ посредствомъ своихъ намѣстниковъ (мужей). Этимъ намѣстникомъ могъ быть Брячиславъ.—Не надо принимать имени Кунигардъ въ смыслѣ „города Кіева“: у Скандинавовъ оно означаетъ и городъ, и всю область, т. е. весь удѣлъ Кіевскій. О. С.

дѣнія, нежели какъ имѣлъ прежде; *Палтескъ* (*Полоцкъ*) *и область, лежащую подлѣ, имѣть конунгу Эймунду и быть ему тамъ*, (надъ этой областью), *конунгомъ*, пользуясь всѣми земскими сборами, какіе тамъ положены [1]),—«потому что мы не хотимъ, чтобъ онъ уѣзжалъ изъ Гардарика»; если конунгъ Эймундъ оставитъ послѣ себя наслѣдниковъ, то наслѣдникамъ его имѣть послѣ него ту область; но если у него не будетъ ни одного сына, то область эта должна возвратиться къ обоимъ братьямъ; конунгу Эймунду содержать защиту земель (landvarn) за обоихъ братьевъ и всего Гардарика, а имъ снабжать его людьми и (поддерживать) своею властью. Ярислейфу быть конунгомъ всего Гардарика [2]). Этотъ миръ и раздѣлъ областей были одобрены и утверждены всѣмъ народомъ тѣхъ странъ. (Сверхъ того, было условлено, что) всѣ недоразумѣнія (между договаривающимися) рѣшать конунгъ Эймундъ и господыня Ингигерда. Потомъ, каждый изъ нихъ уѣхалъ въ свое владѣніе.....

---

[1]) По мнѣнію О. И. Сенковскаго, Эймунду предоставлено быть конунгомъ, или княземъ, только *„въ области, лежащей подлѣ, а не въ Полоцкѣ.* Можно полагать, что Брячиславъ, получая Кіевъ въ условное содержаніе, управленіе Полоцкомъ предоставилъ Эймунду съ тѣми же ограниченіями, т. е., что онъ будетъ править имъ отъ имени Брячислава, а въ воздаяніе оказанной имъ услуги, далъ ему какой-то городъ (подлѣ лежащую область) со званіемъ князя. Сенковскій доказываетъ, что это мѣсто надо читать такъ: *„она* (Ингигерда) *сказала конунгу Ярислейфу, что ему держать впередъ самую лучшую часть Гардарика, т. е. Гольмгардъ; а Вартилафу владѣть Кенугардомъ, который есть другая самая лучшая область, съ податями и сборами, т. е. вдвое болѣе области, нежели какъ онъ имѣлъ прежде,* (здѣсь должна быть запятая, а не точка съ запятой, какъ въ исландскомъ текстѣ)—*нежели Полоцкъ;* (здѣсь точка съ запятою, вмѣсто запятой, поставленной въ текстѣ)—*а ту область, которая тамъ лежитъ подлѣ, имѣть конунгу Эймунду*".—Сенковскій полагаетъ, что „та область, которая тамъ лежитъ подлѣ"—Ливонія. Возможно, что это было удѣльное полоцкое княжество—Герсикъ. По лѣтописямъ, распря князей закончилась такъ: Ярославъ „призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два града Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: „буди же со мною заодинъ". И воеваше Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего". А. С.

[2]) „Ярислейфу быть конунгомъ всего Гардарика"—несомнѣнно значитъ, что Ярославъ остается при своемъ званіи великаго князя кіевскаго, слѣдовательно, Кіевъ принадлежалъ ему, а Брячиславъ получалъ только часть кіевскаго удѣла, условно, съ правомъ пользоваться податями и сборами. О. С.

„Конунгъ Вартилафъ жилъ не болѣе трехъ зимъ [1]): тогда захворалъ онъ и умеръ. То былъ самый обожаемый конунгъ. Послѣ него (Кіевское) владѣніе взялъ конунгъ Ярислейфъ, и съ тѣхъ поръ одинъ управлялъ обоими удѣлами. Но Эймундъ владѣлъ своею областью и умеръ не старъ. Онъ скончался безъ наслѣдниковъ, отъ тяжкой болѣзни: смерть его была весьма прискорбна всѣмъ жителямъ тѣхъ странъ, ибо изъ иностранцевъ никого не было умнѣе конунга Эймунда въ Гардарикѣ, и непріятельскихъ набѣговъ не было въ той странѣ, пока онъ держалъ защиту ея (landvarn) отъ имени конунга Ярислейфа. Будучи больнымъ, Эймундъ передалъ свою область совоспитаннику своему Рагнару, считая его достойнѣйшимъ воспользоваться ею; это состоялось по соизволенію конунга Ярислейфа и господыни Ингигерды. Рогивальдъ Ульфовичъ остался Ярломъ Альдегіоборга (Ладога): онъ былъ двоюродный по сестрѣ братъ господынѣ Ингигердѣ. Рогнвальдъ былъ тоже очень знаменитый мужъ, платилъ дань конунгу Ярислейфу и умеръ въ старыхъ лѣтахъ. Когда Олафъ-Святой Гаральдовичъ былъ (въ гостяхъ) въ Гардарикѣ, онъ много бесѣдовалъ съ Рогивальдомъ Ульфовичемъ, и они тѣсно подружились, ибо всѣ знатные мужи весьма уважали конунга Олафа во время пребыванія его въ томъ краю, но всѣхъ болѣе ярлъ Рогивальдъ и господыня Ингигерда, которая даже имѣла съ нимъ тайную любовную связь".

(«Библіотека для чтенія 1834 г., т. II.—Здѣсь помѣщенъ исландскій подлинникъ саги и переводъ съ обширными примѣчаніями О. И. Сенковскаго. Ср. Antiquités Russes, II, 170—211).

---

[1]) Пропускъ нѣсколькихъ строкъ или смѣшеніе обстоятельствъ опять исказили подлинникъ въ этомъ мѣстѣ. Вѣроятно, въ древнемъ текстѣ было здѣсь упомянуто еще о какомъ-либо происшествіи, случившемся гораздо позже, послѣ котораго, спустя 3 года, умеръ Брячиславъ, ибо послѣ заключенія мира онъ жилъ еще 23 года и умеръ въ 1049 г. Быть можетъ, и то, что въ спискѣ саги, по ошибкѣ, поставлено 3, вмѣсто 23. Но правдоподобнѣе всего, что, при сокращеніи саги, два разныя обстоятельства слиты въ одно, т. е., что въ древнемъ подлинникѣ могло быть сказано, что Брячиславъ жилъ *въ Кіевѣ* или *владѣлъ уступленною ему частью Кіевскаго удѣла не болѣе трехъ зимъ*; потомъ случилось то-то, и пр. и пр.; тогда онъ захворалъ и умеръ. О. С.

3. Kristnisaga.

„Въ то лѣто, когда было принято христіанство въ Исландіи, прошла тысяча зимъ отъ воплощенія Господа Нашего Іисуса Христа; въ это самое лѣто конугъ Олафъ „Длинный змѣй“ (a Serpente longo) [1]) скрылся на югъ у Свольдріи въ 4-й день до сентябрскихъ идъ [2]). Затѣмъ онъ былъ здѣсь конунгомъ въ Норвегіи пять зимъ. Послѣ него принялъ правленіе ярлъ Эйрикъ, сынъ Гакона. Торвальдъ, сынъ Кодрана и Стефниръ, сынъ Торгильса, послѣ исчезновенія конунга Олафа, сошлись вмѣстѣ. Оба они много странствовали по свѣту, побывали въ Іерусалимѣ, затѣмъ дошли до Миклагарда (Константинополя), а оттуда, путешествуя по восточнымъ странамъ, дошли, вверхъ по Днѣпру (Nepr), до Кіева (Koenugard).

„Торвальдъ умеръ *въ Россіи* (Ruzia). *недалеко отъ Полоцка* (Pallteskja); тамъ онъ похороненъ на одной горѣ у храма Іоанна Крестителя и затѣмъ былъ признанъ святымъ. Брандъ, тотъ извѣстный пилигримъ, такъ разсказываетъ: «Я прибылъ въ то мѣсто, гдѣ Торвальду, сыну Кодрана, Христосъ далъ упокоеніе; тамъ онъ похороненъ на высокой горѣ, вверху на Драфнѣ (Drafni) [3]), у храма Іоанна». Стефниръ затѣмъ продолжалъ путь на сѣверъ въ Данію.... Такъ разсказалъ тотъ извѣстный престарѣлый Арій“....

(Antiquités Russes, II, 236—237).

---

4. Annotations géographiques dues a l'abbé Nicolas de Thingeyrar.

„Въ восточной части Европы находится царство Гардовъ (Gardariki—Россія), гдѣ лежатъ: Кіевъ (Koenugardr) и Новгородъ (Holmgardr), *Полоцкъ* (Pollteskja) и Смоленскъ (Smalensja).....

(Antiquités Russes, II, 403).

---

[1]) Владѣтель корабля „Длинный Змѣй“.

[2]) 10-го сентября.

[3]) Издатели сагъ говорятъ: „Трудно опредѣлить, гдѣ именно въ окрестностяхъ Полоцка находилась высокая гора Драфнъ. Друя (Drouia), между Полоцкомъ и Двинскомъ, слишкомъ удалена, чтобы можно было думать, что это она“.

5. Annotations géographiques, tirées du livre de Hauk Erlendson.

«Въ той части свѣта, которая называется Европой, ближайшая къ востоку—Скиѳія (Scythia, nobis Svethia magna dicta)[1]. Часть этого государства—Россія, которую мы называемъ Гардарикіей (Ruzcia quam nos apellamus Gardariki); тамъ слѣдующіе главные города: Moramar (Муромъ), Rostofa (Ростовъ), Surdalar (Суздаль), Holmgardr (Новгородъ) Sirnes, Gadar, Palteskia (*Полоцкъ*), Koenugardr (Кіевъ).....

(Antiquités Russes, II, 438).

---

6. Extrait de la saga de Theodoric de Bern (Vilkinasaga)[2].

«Въ восточной части Европы, Россіею (Russialandi i Austrriki) правилъ конунгъ, по имени Гертнидъ; былъ онъ конунгъ богатый, славный и воинственный. Между конунгомъ Гертнидомъ и конунгомъ Вилькиномъ произошелъ раздоръ. Конунгъ Вилькинъ, послѣ мирнаго въ теченіе нѣкотораго времени правленія своимъ царствомъ, наскучивъ покоемъ, собралъ огромное войско, безчисленное множество всадниковъ и всякаго рода другихъ воиновъ; съ этимъ войскомъ онъ вторгся въ Pulernaland[3], которая принадлежитъ къ владѣніямъ конунга Гертнида, и далъ много большихъ сраженій. Конунгъ Гертнидъ, узнавъ, что на него идутъ войной, собралъ огромное войско изъ Россіи. Управлялъ онъ не только Россіей, но и за предѣлами Россіи ему подвластны были общирнѣйшія страны. Онъ владѣлъ большою частію Греціи (Girkland) и Венгріи (Ungarialand); до самаго почти моря (Чернаго) и дальше на востокъ онъ подчинилъ своей власти обширнѣйшія земли.—У Гертнида былъ братъ, по имени Гирдиръ. Конунгъ Вилькинъ во многихъ большихъ битвахъ сразился

---

[1]) Antiquités Russes, II, 447.

[2]) Ср. Thidrekssaga.

[3]) Издатели сагъ говорятъ, что Pulernaland—не Польша, которая въ сагахъ называется Pulinaland; это—Минскъ съ зависимыми провинціями.

съ конунгомъ Гертнидомъ и братомъ его Гирдиромъ; побѣждая постоянно русскихъ, онъ опустошилъ огнемъ и мечемъ всю ихъ землю, куда только доходилъ, и всѣ меньшія области (всю землю Смоленскую). Затѣмъ, вторгшись съ войскомъ въ самую Россію (Russialand), онъ завоевалъ много городовъ, въ числѣ которыхъ были даже Смоленскъ (Smalizku), Кіевъ (Kiu) и *Полоцкъ* (Palteskja). Наконецъ, онъ проникъ въ самую Новгородскую область (Holmgard), гдѣ была столица конунга Гертнида, и тамъ, у самаго города, произошелъ ожесточенный бой, такъ какъ конунгъ Гертнидъ вывелъ изъ города огромное войско; конунгъ Вилькинъ, напавъ на него неустрашимо, одержалъ побѣду, убивъ Гирдира, брата Гертнидова, и множество русскихъ. Когда затѣмъ городъ сдался, конунгъ Вилькинъ взялъ такъ много золота, серебра и драгоцѣнныхъ предметовъ, что съ этою побѣдою не могла сравняться никакая другая, одержанная имъ прежде»....

(Antiquités Russes, II, 454—455).

---

7. Thidrekssaga [1]).

Сага о Тидрекѣ составлена въ половинѣ XIII в. Въ 1-й Новгородской лѣтописи, подъ 1203 г., помѣщена замѣтка о «поганомъ, зломъ Дедрикѣ».

Содержаніе этой саги слѣдующее:

Король Гертнитъ и братъ его Гирдиръ царятъ надъ Русиландомъ, большею частью Греціи и Венгріи и почти надъ всѣмъ востокомъ (Austrriki). Вильтинъ, царь Вилтиналанда (Wiltinenland) [2]), побѣждаетъ русскихъ, опустошаетъ Польшу (Pulinaland) и всю землю до моря, и овладѣвъ крѣпкими городами Смоленскомъ (Smalenzkia) и *Полоцкомъ* (Palteskia; одна рукопись прибавляетъ и Kiu—Кіевъ), въѣзжаетъ въ столицу Гертнита, Новгородъ (Holmgard).

---

[1]) Ср. Extrait de la saga de Theodoric de Bern (Vilkinsaga).

[2]) Wiltinenland, по воззрѣнію составителя саги, обнимала, кромѣ Швеціи и Даніи, еще вендскія земли между Эльбой и Одеромъ; а по мнѣнію проф. А. Н. Веселовскаго,—и далѣе къ востоку по балтійскому побережью и внутрь по теченію р. Двины.

У Вильтина два сына: Нордіанъ (отецъ четырехъ великановъ) и Вади (тоже великанъ). По смерти Вильтина, воцаряется Нордіанъ. Гертнитъ идетъ на него войною и не только освобождается отъ зависимости, но и подчиняетъ своей власти врага: Нордіану предоставленъ одинъ Sialand, а страна Вильтиновъ переходитъ къ Гертниту, а позже—къ его сыну Озантриксу; другому сыну, Владимиру, Гертнитъ отдалъ Русиландъ, Пулиналандъ и всю восточную половину своего царства; третьяго сына, Илью (Ilias), сдѣлалъ ярломъ Греціи.

Озантриксъ женился на Одѣ, дочери короля Гунновъ, Миліаса. Когда, по смерти Миліаса, Аттила завладѣлъ его царствомъ, которое должно было перейти къ Озантриксу, какъ его зятю, а потому похищаетъ его дочь Эрку. Это даетъ поводъ къ безконечнымъ войнамъ между Аттилой и Озантриксомъ. По смерти Озантрикса надъ Вильтинами воцаряется его сынъ Гертнитъ.

Владимиръ владѣетъ Гольмгардомъ; въ его же владѣніяхъ оказывается и *Полоцкъ* и Смоленскъ.

Войны съ Аттилой продолжаются. Аттила съ гуннами вторгается въ царство Владимира; происходитъ битва, и Аттила бѣжитъ. Тогда вступаетъ въ бой его вассалъ-союзникъ Гильдебрандъ; но „противъ него вышелъ ярлъ греческій короля Владимира“ и свалилъ его съ коня. Старошведскій переводъ саги называетъ его братомъ Владимира; это, стало быть, Илья. Война кончается подъ *Полоцкомъ* и Смоленскомъ: битва подъ послѣднимъ городомъ противъ войскъ Тидрека Бернскаго, союзника Аттилы, описывается подробно. *Полоцкъ* осаждаетъ Аттила и громитъ его стѣнобитными орудіями; городъ взятъ и разрушенъ.

Владимиръ палъ въ битвѣ подъ Смоленскомъ; въ городѣ его братъ—ярлъ Иронъ (Илья), который, послѣ совѣта со своими мужами, сдалъ городъ Аттилѣ и сдѣлался его вассаломъ: „конунгъ Аттила посадилъ ярла Ирона воеводою на Руси управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону, платить дань Аттилѣ и давать ему помощь, когда ему понадобится“.

Чрезвычайно любопытныя мысли по поводу Thidrekssaga высказаны проф. А. Н. Веселовскимъ въ ст. „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ“ [1]):

[1]) „Мелкія замѣтки къ былинамъ“. Ж. М. Н. Пр. 1896, августъ. ч. CCCVI.

«Уже съ 1159 г. мы встрѣчаемъ нѣмцевъ на устьѣ Двины; въ 1181—87 г.г. миссіонеръ Мейнгардъ является въ Ливонію съ нѣмецкими купцами; когда въ 1210 г. жители Риги посылаютъ къ кн. Владимиру Полоцкому (пословъ) для переговоровъ о мирѣ, онъ, отпуская ихъ, даетъ имъ въ спутники мудраго и богатаго обывателя Смоленска, Лудольфа, который все устроитъ мирно и по правдѣ. Слова Всеслава Мстиславича въ проектѣ его договора съ нѣмцами («какъ то было при моемъ отци, при Мьстиславѣ при Романовиці») указываютъ, что уже въ концѣ XII в. установились извѣстныя сношенія между смольнянами и нѣмцами, которые съ 1229 г. прочно водворяются въ Полоцкой и Витебской областяхъ; во второй половинѣ вѣка у нихъ было въ Смоленскѣ нѣсколько дворовъ, своя слобода и церковь. Пріѣзжали они на Русь съ торговыми цѣлями, но это вызывало общеніе и другого рода: нѣмцы могли быть передатчиками на Руси своихъ домашнихъ преданій и пѣсенъ; отъ нихъ, вѣроятно, идетъ замѣтка о «поганомъ, зломъ Дедрикѣ» (въ 1-й Новгор. л., подъ 1204 г.). Но, передавая свое, нѣмцы могли, въ свою очередь, слышать на мѣстѣ многое, что остается для насъ темнымъ или манитъ стилемъ преданія въ исторіи Полоцка и Смоленска, для которыхъ нѣтъ лѣтописей. Что мы знаемъ о Рогволодѣ (полоцкомъ)? Подъ 1130 г. читаемъ (Ипат. лѣт.) загадочное извѣстіе о томъ, что «поточи Мьстиславъ Полотьскіи князѣ, съ женами и съ дѣтми, въ *Греки* (въ Царьградъ) [1]), еже преступиша хрестьное цѣлование» (отказавшись идти на половцевъ); при этомъ разсказана со словъ людей „вѣдущихъ“ (яко сказаша вѣдущіе) извѣстная легенда о Рогнѣдѣ съ такимъ заключеніемъ: „и оттолѣ мечъ взимають Рогволожи внуци противу ярославлимъ внукамъ“ [2]). Рядъ эпическихъ преданій примкнулъ къ Всеславу Полоцкому (1044—1101), рожденному отъ волхвованія, съ «язвеномъ» на головѣ, вслѣдствіе чего онъ носилъ наузу и былъ жестокъ на кровопролитіе; что разсказывается о немъ во Словѣ о Полку Игоревѣ отзывается, сквозь реторику, стилемъ саги. Въ концѣ XII в. (въ 1186—87 г.г.) Хроника

---

[1]) Въ Лаврент. л. „*Цесарюгороду*“; Лавр. лѣт. относитъ это событіе къ 1129 г.; Воскресен. и Патріар. или Никон. тоже къ 1129 г.

[2]) Воскресен. л., подъ 6636 г. (1128); ср. Патріарш. или Никон. л., подъ 6636 г.

Генриха Латыша упоминаетъ неизвѣстнаго русскимъ лѣтописямъ полоцкаго *князя Владимира*, которому ливы платили дань и который дозволилъ священнику, впослѣдствіи епископу, Мейнгарду проповѣдывать христіанство и основать первую церковь въ Икскюлѣ. Онъ называется Woldemarus de Plosceke, dux de Plosceke, и въ постоянныхъ войнахъ съ нѣмцами; онъ собирался въ походъ противъ рижанъ, по вызову эстовъ, когда внезапно умеръ (1215 г.). Арнольдъ Любекскій, не называя его по имени, говоритъ о «rex Russiae de Plosceke». Это — точка зрѣнія саги о Тидрекѣ: Владимиръ царитъ въ Польшѣ и *Руси*, ему принадлежитъ *Полоцкъ и Смоленскъ*; эти города особенно выдвинуты въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ саги. Несомнѣнна съ конца XII в. связь Смоленска съ Полоцкой землей, развившаяся въ началѣ слѣдующаго столѣтія въ протекторатъ перваго надъ послѣдней и кончившаяся въ 1222 г. взятіемъ Полоцка смольнянами.

«Все это, продолжаетъ проф. А. Н. Веселовскій, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, захожіе въ Двинскую область, застали тамъ «великую сагу»—allmikill saga (Thidrekssaga, гл. 315), какія-то преданія о вильтинахъ, еще и теперь доживающія въ волотахъ мѣстныхъ легендъ; могли слышать и сказы-пѣсни о «старомъ» Владимирѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ «черныя грязи смоленскія» и «хоробру Литву». Еще въ XVI в. помнили въ Бѣлоруссіи Илью Муромца и Соловья Будимировича: „bo prijdet czas, koli budiet nadobe Ilii Murawlenia i Solowia Budimirowicza“, писалъ въ 1574 г. изъ Орши староста Филонъ Кмита Чернобыльскій Остафью Воловичу [1]); бѣлорусскія сказки объ Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные слѣды развитія прерваннаго историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей.—Такія-то преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ, мѣстныхъ событій, въ которыхъ *Владимиръ Полоцкій*, *Полоцкъ и Смоленскъ* стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился разсказъ о вильтинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную; съ вымышленными или пріуроченными именами — вотъ вопросъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться».....

---

[1]) А. Н. Веселовскаго—„Южно-русскія былины“, II, 64.

„Я, продолжаетъ проф. А. Н. Веселовскій,—предпочитаю остановиться на интересномъ фактѣ мѣстнаго, сѣверно-русскаго пріуроченія, хотя и засвидѣтельствованнаго однимъ варіантомъ рукописи В. Рукописи А и В—исландскія, писаны въ XVII в., но восходятъ къ тексту, общему съ источникомъ саги, сохранившейся въ пергаменномъ спискѣ; стало быть, мы въ правѣ ожидать, что разночтеніе списка В принадлежитъ старо-сѣверному подлиннику. Припомнимъ эпизодъ, какъ греческій ярлъ свалилъ Гильдебранда; онъ безъ имени; шведская версія саги говоритъ, что это братъ Владиміра; варіантъ В читаетъ вмѣсто jarl einn af Greka: jarl einn af Gerseke-borg, fraendi Walldemars konungs: *ярлъ изъ города Герсеке*, родичъ Владимира конунга. *Герсеке* возвращаетъ насъ къ Ливонской Хроникѣ и Владиміру Полоцкому: rex de Gerike упоминается подъ 1205 г., его звать Wissewalde Всеволодъ (подъ 1209 г.); это Wissewolodus, rex de Gercike въ одномъ документѣ 1209 г.; въ Хроникѣ онъ встрѣчается еще подъ годами 1213, 1214 и 1215; женатъ онъ на литвинкѣ, ходитъ съ литовцами на рижскихъ нѣмцевъ. Gercike на Двинѣ упоминается уже въ записи 1203 г.; акад. Куникъ сближаетъ его съ Gerseke отписи 1292 г. изъ Дерпта къ Ганзейскимъ городамъ; въ послѣднемъ случаѣ разумѣется Gerceke новгородскій—Городище на правомъ берегу Волхова. По мнѣнію Биленштейна и акад. Куника, Gerceke—отъ градъ сѣв. gardr, напримѣръ, въ Holmgardr, Gardariki и т. д.; судя по аналогіи Smalenceke—Смоленскъ, Plosceke—Полоцкъ, Gerceke предполагаетъ форму Грѣцкъ; сл. сѣв. gerskr—прилагательное отъ gardr и вмѣстѣ: *греческій*, *грекъ*. Gerceke на Двинѣ былъ подъ властью вѣтви полоцкихъ князей, къ которымъ принадлежалъ и Всеволодъ Ливонской лѣтописи; въ грамотѣ, данной ему рижскимъ епископомъ Альбертомъ въ 1209—1212 г.г., упоминается, въ числѣ другихъ городовъ, и Зеезове, въ которомъ Е. Р. Романовъ подозрѣваетъ нынѣшній Царьградъ (Витебской губ.). Изслѣдователи помѣщали двинскій Герцике вблизи Царьграда или отождествляли его съ нимъ; въ имѣніи Шлосбергъ находится городище овальной формы, «Замковая гора» (Pilskalns), съ остатками стѣнъ на верхней площади; въ сосѣдствѣ два могильника, одинъ преимущественно съ женскими костями, другой съ мужскими; при послѣднихъ оружіе: топоры, копья, ножи. Въ мѣстномъ латышскомъ населеніи о Замковой

горѣ ходятъ разныя преданія: говорятъ, что въ древности на горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ *Герзакъ* [1]). Въ нынѣшнемъ Царьградѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія города, ни памятниковъ старины. Научныя раскопки рѣшатъ спорный вопросъ о мѣстоположеніи Герцике. Для насъ достаточно пока выяснившихся фактовъ: Всеволодъ звался rex de Gercike, недалеко лежалъ и нынѣшній Царьградъ. Въ какой Царьградъ высланы были Мстиславомъ полоцкіе князья въ 1129 году? Когда подъ 1079 г. лѣтопись говоритъ, что хазары «поточиша» Олега Святославича въ Царьградъ—это понятно; въ замѣткѣ о Мстиславѣ—Царьградъ и греки загадочны. Такъ или иначе, но греческій ярлъ Илья, если только эпитетъ af Greka, извѣстный сагѣ, незнакомый поэмѣ объ Ортнитѣ (Гертнитѣ), исконно ему принадлежалъ, сближенъ былъ съ rex de Gercike, какъ Владимиръ Полоцкій съ Владимиромъ старыхъ былинъ [2]).

„Для рѣшенія вопроса о gercike-greka, слѣдовало бы пересмотрѣть другой, кажущійся порѣшеннымъ со времени Мюлленгофа: будто бы въ средніе вѣка на западѣ «русскій» былъ тождественъ съ «греческимъ»......

Сага о Тидрекѣ.

Второй походъ короля Аттилы въ Россію. Смерть короля Владимира (Waldemar). Взятіе Полоцка.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

«1. Однажды Тидрекъ пригласилъ къ себѣ короля Аттилу для собесѣдованія и сказалъ: «Ты еще помнишь, какой большой позоръ нанесъ тебѣ послѣдній разъ въ Россіи король Владимиръ (Waldemar); намѣренъ ли ты отомстить ему, или ты отказываешься отъ мести?» На это ему отвѣтилъ король Аттила: „Да, я не откажусь отъ мести.

---

[1]) Ср. „Рѣка Западная Двина, 467—469.

[2]) Сближеніе весьма заманчивое. Но дѣло вотъ въ чемъ: въ мѣстности, носящей громкое названіе Царьградъ, по преданію, останавливался царь Петръ Великій; здѣсь онъ даже отдыхалъ на одномъ изъ гранитныхъ камней. Вотъ, въ воспоминаніе объ этомъ событіи мѣстность эта и названа Царьградомъ. Но града тутъ нѣтъ никакого, да въ историческое время, кажется, и не было. А. С.

если получу отъ тебя помощь, и я надѣюсь, что ты мнѣ поможешь, какъ и прежде, своимъ мужественнымъ и храбрымъ войскомъ". Тогда король Тидрекъ отвѣтилъ: „Конечно, я помогу вамъ; если вы желаете послѣдовать моему совѣту, то соберите сейчасъ же войско по всему государству; намъ долѣе ждать нельзя: король Владимиръ долженъ или бѣжать отъ насъ изъ своего государства, или умереть; или же мы не вернемся живыми". Тогда король Аттила велѣлъ разослать гонцовъ по всему государству съ воззваніемъ, чтобы каждый, кто только желаетъ ему помочь и имѣетъ мужество сражаться,—шелъ бы къ нему. Король Аттила собралъ въ скоромъ времени большое войско, не менѣе 10 тысячъ рыцарей. Онъ опять послалъ гонцовъ объявить, чтобы къ нему ялились всѣ тѣ, кому двадцать или болѣе лѣтъ. И вотъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ страны гунновъ, у него было 20 тыс. рыцарей и много другого войска. Съ этимъ войскомъ онъ отправился въ Россію и Польшу (Ruzenland und Pulinenland) и повсюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ сожигалъ замки и крѣпости. Король Аттила пришелъ къ тому городу, который называется *Полоцкомъ* (Palteskia). Городъ этотъ былъ такъ сильно укрѣпленъ, что они не знали, какъ его взять: тамъ была крѣпкая, каменная стѣна, были тамъ и большія башни, широкіе и глубокіе рвы; а возлѣ города стояло большое войско, защищающее городъ. Воины, защищающіе городъ, нисколько не испугались войска короля Аттилы. Когда король Аттила увидѣлъ, какъ трудно взять городъ, онъ велѣлъ разбить палатки и расположить войско въ трехъ мѣстахъ. Подъ своимъ знаменемъ онъ поставилъ 10 тыс. человѣкъ; другія 10 тыс. поставилъ въ другомъ мѣстѣ и во главѣ ихъ поставилъ Тидрека изъ Берна; за этимъ отрядомъ слѣдовала цѣлая толпа сброда (gesindel); въ третьемъ мѣстѣ онъ поставилъ 10 тыс. человѣкъ подъ предводительствомъ маркграфа Родингейра, и этотъ велъ за собою большую толпу сброда. Каждый вождь расположился лагеремъ на своей позиціи передъ крѣпостью. Часто они сражались съ гарнизономъ крѣпости и оказывали много большихъ подвиговъ, причемъ обѣ стороны теряли много людей.

2. «Послѣ 3-мѣсячной осады города король Тидрекъ сказалъ королю Аттилѣ, что онъ съ своимъ войскомъ не желаетъ больше оставаться на этомъ мѣстѣ; онъ сказалъ именно такъ: „Король Аттила,

теперь мы рѣшимъ одно изъ двухъ: или вы пойдете со своимъ войскомъ внутрь Россіи, а съ вами пойдетъ и маркграфъ; мы же съ нашимъ войскомъ будемъ осаждать городъ и не уйдемъ отсюда, пока городъ не будетъ взятъ; или же вы предпочтете остаться здѣсь; въ такомъ случаѣ мы отправимся въ другое мѣсто". Король Аттила подумалъ, что король Тидрекъ желаетъ только себѣ одному добыть славу покорителя этого города; ему казалось, что большая часть городской стѣны уже разрушена, такъ какъ день и ночь работали стѣнобитныя машины, приводимыя въ дѣйствіе не менѣе, чѣмъ 300 воиновъ; такихъ машинъ было много въ каждомъ отрядѣ. Затѣмъ ему пришла въ голову другая мысль: еслибы онъ остался здѣсь съ своимъ войскомъ, то король Вальдемаръ могъ бы притти съ своимъ огромнымъ и непобѣдимымъ войскомъ, которое, какъ онъ узналъ, Владимиръ уже успѣлъ собрать,—и сразиться съ нимъ. Въ такомъ случаѣ ему не доставало бы поддержки со стороны короля Тидрека и маркграфа. Поэтому онъ спокойно отвѣтилъ на слова короля Тидрека: „Дорогой другъ, я вѣдь такъ старался завоевать этотъ городъ и поэтому не могу уйти отсюда раньше, чѣмъ мое знамя будетъ развиваться на бастіонахъ этой крѣпости; но я прошу тебя не уходить отсюда съ маркграфомъ: вѣдь, русскіе насъ часто побѣждали только благодаря своему численному перевѣсу. Теперь у насъ большое войско, и никто не можетъ нанести намъ уронъ, если мы не раздѣлимъ своего войска". Король Тидрекъ отвѣтилъ: „Прежде мы нападали на русскихъ съ войскомъ не болѣе, чѣмъ въ 1 т. человѣкъ, а теперь у насъ 10 тыс. рыцарей и другое большое войско; мы сражались такъ, что русскіе теряли 2 т. человѣкъ; поэтому, оставайтесь вы здѣсь съ вашимъ войскомъ и маркграфъ со своимъ, а я уйду со своимъ войскомъ и отыщу другіе города, такъ какъ теперь гунны навѣрно побѣдятъ". Такъ и рѣшили они сдѣлать.

3. «Король Тидрекъ снялъ всѣ свои палатки и вторгся со всѣмъ своимъ войскомъ вглубь Россіи. Онъ двинулся на эту страну, и вездѣ, куда бы онъ ни приходилъ, онъ убивалъ много людей, разрушалъ много крѣпостей и замковъ и причинялъ много бѣдъ. Вотъ онъ пришелъ къ городу, который называется Смоленскъ (Smaland). Онъ расположился лагеремъ вокругъ этого города и сражался съ его защит-

никами. Шесть дней спустя, прибылъ туда король Владимиръ съ 40 тысячнымъ русскимъ войскомъ. Король Тидрекъ велѣлъ затрубить во всѣ рога, а амлунгамъ и гуннамъ приказалъ вооружаться, сѣсть на своихъ коней и отправиться на встрѣчу королю Владимиру. Они рѣшили, что въ этотъ день король Владимиръ умретъ или обратится въ бѣгство, или же ихъ войско съ королемъ Тидрекомъ во главѣ будетъ разбито. Король Тидрекъ отправился во главѣ своего войска, а съ нимъ его другъ Ульфрадъ и мейстеръ Гильдебрандъ и его хорошій другъ Вильцифъ. Началась ожесточенная и продолжительная битва. Король Тидрекъ на своемъ конѣ врѣзался въ ряды русскихъ и рубилъ направо и налѣво людей и коней; воины его мужественно слѣдовали за нимъ, и каждый изъ нихъ убилъ большое количество мужей. Всѣ амлунги были тогда въ хорошемъ настроеніи духа и сражались съ большимъ ожесточеніемъ. Король Тидрекъ сражался среди непріятельскаго войска такъ, какъ левъ въ стадѣ скота; всѣ боялись его меча. Онъ и самъ былъ обрызганъ кровью, и конь его. Вотъ онъ увидѣлъ предъ собою знамя и гвардію короля Владимира; стремительно напалъ онъ на знаменосца и отрубилъ ему правую руку; знамя упало на землю. Въ тотъ же мигъ онъ нанесъ и самому королю Владимиру смертельный ударъ. Амлунги и гунны подняли большой крикъ и шумъ, каждый ободрялъ другого, и русскіе пали сотнями. Русскіе обратились въ бѣгство послѣ того, какъ многіе изъ нихъ были свалены на землю какъ трава въ томъ мѣстѣ, гдѣ они собрались. Амлунги и гунны сражались цѣлый день и цѣлую ночь и слѣдующій день; они убивали всѣхъ, кого только настигали, и потому спаслась только небольшая часть русскихъ.

4. «Три дня послѣ того какъ король Тидрекъ уѣхалъ отъ короля Аттилы, король Аттила, при помощи стѣнобитныхъ машинъ такъ ожесточенно штурмовалъ городъ, что въ этотъ разъ взялъ его. Въ этотъ день гунны ворвались въ городъ, убили много людей и взяли себѣ въ добычу неисчислимое количество всякаго добра; тамъ учинено такое, что и теперь могутъ видѣть приходящіе въ тотъ самый городъ» (т. е. слѣды опустошенія)........

(Thidrekssaga—Die Deutsche Heldensage, II, 317—321).

8. Gaungu—Hroles saga.

„Говорятъ, что король Реггвидъ (Hreggwidr), еще въ юношескомъ возрастѣ, былъ неутомимымъ викингомъ и подчинилъ себѣ многія страны, лежащія по р. *Двинѣ* (Dynu), которая протекаетъ по государству Гардарикъ (Gardariki—Россія); отсюда онъ воевалъ съ разными народами въ Восточномъ царствѣ (Austrriki).... Эта рѣка (Двина) третья или четвертая изъ величайшихъ рѣкъ на землѣ. Тотъ знаменитый Ингваръ, во время своихъ странствованій, какъ упоминается въ исторіи его, узналъ истоки этой рѣки“.......

(Antiquités Russes, I, 230—231).

---

9. Saga af Ragnar Lodbrok.

Берега Двины съ давнихъ временъ были свидѣтелями подвиговъ норманскихъ викинговъ. Одинъ изъ такихъ викинговъ, Рагнаръ Лодброкъ, король Даніи, напалъ на Элла, ярла, или вождя шотландскаго. Будучи побѣжденъ и схваченъ въ стычкѣ, Рагнаръ былъ брошенъ жестокимъ побѣдителемъ въ яму, полную змѣй. Какъ неустрашимый „берзеркеръ“ и „скальдъ“, Рагнаръ, въ своей ужасной могилѣ, составляетъ и поетъ свою предсмертную пѣснь. Оставляя месть въ наслѣдство сыновьямъ своимъ, онъ вспоминаетъ всѣ свои богатырскіе подвиги. Въ пѣснѣ Рагнара 18 строфъ, и каждая начинается словами: „Ударили въ мечи“!... Въ третьей строфѣ Рагнаръ поетъ:

„Ударили въ мечи! Я помню день тотъ славы,
„Лѣтъ двадцать мнѣ было,—какъ сталь моей дружины,
„Сверкая молніей, открыла бой кровавый,—
„И восемь ярломъ тамъ легло, при устьѣ *Дины* (Dinumynni).
„Я помню, кровь лилась на берегу, какъ рѣки;
„Отъ алыхъ струй побагровѣло море.
„Какъ много витязей тамъ осталось навѣки!..
„Какой богатый пиръ былъ волкамъ на просторѣ!...
„Ударили въ мечи“!........ [1])

(Antiquités Russes, I, 89). *А. Сапуновъ.*

---

[1]) Шатобріанъ (Oevres-compl., ed. Furne, t. III, Paris) тоже переложилъ пѣснь Рагнара на латинскій языкъ.—См. „Dwa słowa o Dźwinie, M. hr. Borcha, 71. Ср. „Рѣка Западная Двина“, 25—26 и VIII.

8. Gautr—Hrolfs saga.

„Говорятъ, что король Регинаръ (Hreidarr), еще въ юношескомъ возрастѣ, былъ неутомимымъ викингомъ и подчинилъ себѣ многія страны, лежащія по р. Двинѣ (Duna), которая протекаетъ по государству Гардарикъ (Gardarik — Россія): оттуда она впадаетъ съ различными народами въ Восточномъ царствѣ (Austrriki). Эта рѣка (Двина) третья или четвертая изъ величайшихъ рѣкъ на землѣ. Тотъ знаменитый Регинаръ, во время своихъ странствованій, какъ упоминается въ исторіи его, увидѣлъ потоки этой рѣки"....

(Antiquités Russes, I, 230—231).

9. Saga af Ragnar Lodbrok.

Берега Двины съ давнихъ временъ были свидѣтелями подвиговъ норманскихъ викинговъ. Одинъ изъ такихъ викинговъ, Рагнаръ Лодброкъ, когда Данія, напала на Эллу, [illegible] побѣжденъ и сваленъ въ [illegible]. Рагнаръ былъ брошенъ жестокимъ побѣдителемъ въ яму полную змѣй. Какъ неустрашимый „берсеркеръ" и „скальдъ", Рагнаръ, въ своей ужасной могилѣ, сочиняетъ и поетъ свою предсмертную пѣснь. Оставляя мѣсть въ наслѣдство сыновьямъ своимъ, онъ вспоминаетъ всѣ свои богатырскіе подвиги. Въ пѣснѣ Рагнара 18 строфъ, и каждая начинается словами: „Ударили мы мечами". Въ третьей строфѣ Рагнара поется:

„Ударили мы мечами! Я помню дни былъ славы,
„Пять лѣтъ [illegible] мнѣ было,—какъ сталь моей дружины,
„Сверкая молніей, открыли бой кровавый,—
„И восемь ярловъ тамъ легло при устьѣ Двины (Dünamünde)
„Я помню, вороны слетались на берегу, какъ орлы;
„Отъ алыхъ струй побагровѣло море.
„Какъ много витязей тамъ осталось навѣки!
„Какой богатый пиръ былъ воронамъ на просторѣ!..
„Ударили мы мечами!"...... [1]

(Antiquités Russes, I, 2[illegible]). I. С[illegible]

---

1) Шлецеръ (Nestor [illegible]) [illegible] переводъ пѣсни Рагнара на латинскій языкъ.—Ср. „Сл[illegible] о [illegible]" [illegible]. Ср. „[illegible] Записки Двины", 15—16 и VIII.

Древній памятникъ «Волчьяго Хвоста» въ странѣ Радимичей *).

Въ 1873 году строилась каменная церковь въ мѣстечкѣ Романовѣ, Горецкаго уѣзда, Могилевской губерніи. Въ Романовѣ и въ его окрестностяхъ вовсе не имѣется булыжнаго камня, необходимаго для фундамента церкви, а потому камень привозился изъ другихъ мѣстностей, отстоящихъ оттуда въ двадцати и тридцати верстахъ, и этотъ камень, привозимый изъ разныхъ деревень, въ Романовѣ складывался въ отдѣльныя кучи, для удобнѣйшаго расчета съ крестьянами, его привозившими за условленную плату.

Въ кучкѣ камней, привезенныхъ изъ деревни Пневища, оказался одинъ камень съ какими то выбитыми на немъ знаками, съ двухъ

*) Въ 1912 году ординарный академикъ Академіи Наукъ А. И. Соболевскій обратился ко мнѣ, какъ лицу, знающему Могилевскую губ., съ вопросомъ, гдѣ находится теперь большой гранитный камень, найденный въ 1873 г. въ Могилевской губ. на верху каменнаго кургана и пріобрѣтенный княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ,—съ двумя надписями, изъ которыхъ одна признана финикійскою и прочитана д-ромъ Ванкелемъ, въ его статьѣ: „Ein erratischer Granitblock mit phönicischer Inschrift bei Smolensk in Russland gefunden" („Mittheilungen der anthropologischer Gesellschaft in Wien", т. VI, 1876). Благодаря указаніямъ княгини М. А. Дондуковой-Корсаковой, нынѣшней владѣтельницы им. „Романово", Горецкаго уѣзда, гдѣ и былъ въ 1873 году открытъ означенный камень, мнѣ удалось получить отъ А. А. Немыцкой, дочери покойнаго князя А. М. Дондукова-Корсакова, собственноручную рукопись ея отца, извѣстнаго въ свое время любителя и знатока археологіи, со статьею о „пневищенскомъ камнѣ", ниже печатаемою, и переписку его съ д-ромъ Ванкелемъ объ этомъ предметѣ.

Про печальную судьбу „пневищенскаго камня", этого цѣннаго археологическаго памятника въ землѣ Радимичей, разсказывается въ печатаемой статьѣ князя А. М. Дондукова-Корсакова: 24 августа 1874 года, въ 3 часа дня, его осмотрѣлъ въ

сторонъ; его отдѣлили отъ прочихъ, и въ началѣ 1874 года, по моему приказанію, камень этотъ былъ привезенъ ко мнѣ въ домъ, въ городъ Смоленскъ. Здѣсь я его показывалъ дворянину Соловцеву, прожившему нѣсколько лѣтъ въ Архангельской губерніи и имѣвшему случай видѣть на Мурманскомъ берегу такъ называемыя «руническія надписи». Г. Соловцевъ призналъ *сходство* между руническими знаками и знаками, имѣющимися на пневищенскомъ камнѣ. Вслѣдствіе этого мною было обращено особое вниманіе на всѣ подробности, относящіяся до отысканнаго камня, и вотъ что оказалось.

Камень, съ высѣченными на немъ какимъ то желѣзнымъ орудіемъ знаками, былъ дѣйствительно привезенъ изъ деревни Пневища, Горецкаго уѣзда, Городецкой волости.

Деревня Пневище находится при небольшомъ ручьѣ, прозывае-

Смоленскѣ, зарисовалъ, скопировалъ надписи на немъ д-ръ Ванкель, а въ 4 часа дня онъ „сгорѣлъ" въ каретномъ сараѣ князя... Не менѣе печальна и та участь, которая постигла этотъ памятникъ въ научной археологической литературѣ: о „знаменитомъ смоленскомъ камнѣ", какъ называетъ его д-ръ Ванкель въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кн. Дондукову-Корсакову, появилась въ 1876 году небольшая статья въ нѣмецкомъ ученомъ журналѣ, для русской же археологической литературы онъ такъ и остался неизвѣстнымъ.

Печатаемая статья кн. А. М. Дондукова-Корсакова, признающаго обѣ надписи на камнѣ за руническія, хотя и не разсматриваетъ вопроса по существу, съ точки зрѣнія палеографической, но она сообщаетъ интересныя географическія свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ найденъ камень, такъ что дѣлаемыя авторомъ сопоставленія съ лѣтописными данными пріобрѣтаютъ несомнѣнный историческій интересъ. Но въ интересахъ освѣщенія вопроса и съ той точки зрѣнія, которой держится д-ръ Ванкель, признавшій надписи на камнѣ не руническими, а финикійскими, мы нашли полезнымъ помѣстить, за статьею кн. А. М. Дондукова-Корсакова, и цитированную выше статью д-ра Ванкеля, въ русскомъ переводѣ, чтобы облегчить нашимъ читателямъ знакомство съ этою статьею, которую имѣть подъ руками не всякому доступно.

Въ настоящее время изученіе финикійскихъ и руническихъ письменъ много подвинулось впередъ по сравненію съ началомъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда писалъ свою статью д-ръ Ванкель, едва нашедшій лицъ, достаточно въ этомъ свѣдущихъ. Быть можетъ, задача, поставившая въ такое затрудненіе археологовъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, окажется вполнѣ посильною для нашего времени.

К. Тихомировъ.

момъ *Любосвиже*, который впадаетъ въ рѣчку *Рамушевку*, а эта последняя, въ разстояніи пяти верстъ отъ деревни Пневища, впадаетъ въ рѣку Проню, которая въ свою очередь впадаетъ въ рѣку Днѣпръ.

Вблизи отъ деревни Пневища находится другая деревня, прозываемая *Кладневище*, гдѣ на поляхъ и въ лѣсахъ обрѣтается много камня, который крестьяне той деревни вывозили въ Романово. Одинъ крестьянинъ изъ деревни Пневище, позавидовавъ такому заработку, вздумалъ поискать камня на своей деревенской землѣ и случайно напалъ на большое количество камня, лежавшаго въ кучѣ и покрытаго землею и кустарникомъ. Этотъ самый камень и былъ вывезенъ въ Романово, въ количествѣ около 2000 пудовъ, что составляетъ 2 кубическія сажени камня, и затѣмъ еще около одной кубической сажени мелкаго камня осталось на мѣстѣ. Весь камень въ Пневищѣ *выкапывали* изъ земли, и никто изъ крестьянъ той деревни не зналъ о существованіи камней этихъ.

По порученію моему, управляющій моимъ имѣніемъ, дворянинъ Понятовскій, осматривалъ мѣстность, гдѣ были найдены камни, и снялъ съ нея планъ, у сего прилагаемый. Мѣстность эта представляетъ, по косогору, площадь, имѣющую въ длину 27 саженей, а въ ширину 13 саженей. Въ настоящее время тамъ видны лишь безобразныя ямы, свидѣтельствующія о томъ, что камни дѣйствительно выкапывались изъ земли. Крестьяне увѣряютъ, что на томъ мѣстѣ не было ни кургана, ни даже возвышенности.

Между тѣмъ такое большое количество камней (до 3 кубическихъ саженей), собранныхъ въ одномъ мѣстѣ и лежащихъ камень на камнѣ, безъ примѣси извѣсти или какого-либо цемента, заставляетъ думать, что на томъ мѣстѣ былъ когда-то сложенъ изъ этихъ камней *курганъ* и что на самомъ верху его находился тотъ камень съ знаками, на немъ высѣченными желѣзнымъ орудіемъ, который тамъ же отыскался. Оно уже и потому вѣроятно, что камень этотъ, имѣя широкое основаніе, суживается кверху и оба бока сходятся, а по этимъ двумъ бокамъ имѣется наклонная площадь съ знаками на каждой сторонѣ. Такое устройство, очевидно, имѣло цѣлью, чтобы вырѣзанные знаки или письмена, которыхъ начертаніе разное, читались съ двухъ сторонъ.

Можно думать, что каменный курганъ несомнѣнно существовалъ. что же касается до его исчезновенія подъ землею, то это объясняется весьма просто. Нѣкогда сложенный изъ камня курганъ, находясь близъ мѣста низменнаго и болотистаго, около ручья Любосвиже, могъ своею тяжестью надавить подъ собою землю и уходить вглубь и наконецъ исчезнуть совсѣмъ подъ землею. На это потребовалось, быть можетъ, много времени, но во всякомъ случаѣ это произошло такъ давно, что жители деревни Пневища не только ничего не знали объ этомъ курганѣ, но у нихъ даже не сохранилось о немъ никакихъ преданій. Впрочемъ, быть можетъ, названіе сосѣдней деревни Кладневище имѣетъ какое-либо отношеніе къ исчезнувшему кургану, и въ народѣ сохранилось преданіе о какомъ-то кладѣ, находящемся въ той мѣстности; деревни же Пневище, быть можетъ, тогда еще не существовало.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1874 года въ городѣ Кіевѣ состоялся третій Археологическій Съѣздъ, на которомъ былъ и я. Мое желаніе было—на тотъ Съѣздъ представить и пневищенскій камень, съ тѣмъ, чтобы ученые люди могли высказаться на его счетъ, но это желаніе мое не осуществилось. По тяжести своей, камень оказался неудобнымъ къ перевозкѣ по желѣзной дорогѣ, ибо, если его отправить безъ ящика, то при нагрузкѣ и выгрузкѣ изъ вагоновъ онъ могъ быть попорченъ, а ящикъ сдѣлать на него оказалось невозможнымъ, онъ могъ собою проломить и толстыя доски. Я рѣшился камень оставить въ Смоленскѣ и снялъ съ него рисунокъ, стоившій мнѣ немало труда, но, по счастію, оказавшійся сдѣланнымъ вѣрно.

Въ Кіевѣ собралось очень много людей науки, не только изъ Россіи, но и изъ-за границы; къ сожалѣнію, однако между ними не оказалось ни одного ученаго, знакомаго съ руническими надписями. Одинъ лишь докторъ Ванкель, ученый изъ Моравіи, настолько заинтересовался моимъ камнемъ, что пожелалъ его увидѣть. Я съ нимъ условился такъ, что, по окончаніи Съѣзда, 22 Августа, онъ прибудетъ ко мнѣ въ Смоленскъ для осмотра камня. Между тѣмъ г. Ванкель гдѣ-то задержался, я его дожидаться не могъ и уѣхалъ 23 Августа въ свое имѣніе Романово, оставивъ г. Ванкелю письмо и отдавъ въ своемъ домѣ приказаніе показать ему камень, когда онъ прибудетъ.

24 Августа, въ 3 часа пополудни, докторъ Ванкель пришелъ ко мнѣ въ домъ, осмотрѣлъ камень, стоявшій въ каретномъ сараѣ, снялъ съ него рисунокъ и уѣхалъ, а въ 4 часа пополудни загорѣлось сѣно на чердакѣ сосѣдняго дома и сгорѣли до тла всѣ надворныя постройки въ моемъ домѣ, въ томъ числѣ и сарай со всѣми экипажами и пневищенскій камень. Вернувшись въ Смоленскъ, я въ сараѣ сталъ отыскивать свой камень, но онъ до того перегорѣлъ, что распадался на мелкіе кусочки. Такъ исчезъ этотъ загадочный памятникъ старины, и это меня настолько огорчило, что я не хотѣлъ болѣе о немъ думать.

Въ настоящемъ 1887 году Могилевскій Статистическій Комитетъ, провѣдавъ о существованіи пневищенскаго камня, обратился ко мнѣ съ просьбою доставить о немъ свѣдѣнія.

Чтобы исполнить это желаніе добросовѣстно, мнѣ приходится, послѣ 13 лѣтъ, снова приняться за разработку бывшаго въ моихъ рукахъ памятника старины, и на этотъ разъ кажется, что досталось мнѣ отыскать исторію загадочнаго камня *).

Пневищенскій камень имѣетъ форму, нѣсколько подходящую къ усѣченному конусу. Онъ имѣетъ плоское основаніе, шириною въ 10 вершковъ, отъ котораго выдѣляются два бока, ровные и плоскіе, которые сходятся кверху, такъ что каждый изъ двухъ боковъ представляетъ наклонную плоскость, на которой и начертаны знаки. Эти наклонныя плоскости шириною 1 аршинъ 1½ вершка, но на самой макушкѣ камня эта ширина всего лишь въ 5 вершковъ. Весь же камень вышиною въ 1 аршинъ. Остальные два бока камня представляютъ нѣчто въ родѣ неправильныхъ треугольниковъ съ нѣсколько широкимъ основаніемъ и почти острымъ угломъ наверху. Такая форма камня, съ имѣющимися на немъ знаками на двухъ сторонахъ, ясно указываетъ на то, что камень этотъ стоялъ на верху чего то, а такъ какъ тутъ же отыскалась масса камней, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣдніе камни были сложены въ видѣ кургана, а камень съ знаками находился на самомъ верху его.

---

*) Почему эта статья кн. А. М. Дондукова-Корсакова не была напечатана въ изданіяхъ Могилевскаго Статистическаго Комитета, намъ неизвѣстно. *К. Т.*

Итакъ, въ Пневицѣ когда-то стоялъ сложенный изъ камня курганъ; сложенъ онъ былъ человѣческими руками; курганъ этотъ имѣлъ какое-то значеніе, чему доказательствомъ служатъ начертанныя на немъ знаки или письмена; однимъ словомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то памятникомъ старины, значеніе коего слѣдуетъ отыскать.

Что знаки на камнѣ были высѣчены какимъ-либо желѣзнымъ орудіемъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что углубленія въ камнѣ это ясно показываютъ; они въ каждомъ отдѣльномъ знакѣ имѣютъ одинаковую ширину и даже, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, дно углубленія оставалось гладкое, какъ это бываетъ при высѣчкѣ желѣзомъ.

Вопросъ о томъ, какіе именно имѣются на камнѣ знаки, по своему обилію и по своему расположенію указывающіе на то, что здѣсь имѣются не какіе-либо просто знаки, а цѣлая надпись, мы думаемъ разрѣшить слѣдующимъ образомъ.

Форма и начертаніе знаковъ на камнѣ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, не схожи ни съ какими буквами древнихъ и новѣйшихъ языковъ. Эти буквы или знаки мы сравнивали и съ буквами древнегреческаго, финикійскаго и ликійскаго языковъ, а также съ буквами въ клинообразныхъ надписяхъ, и тоже не оказалось ничего схожаго, а потому мы должны остаться при мнѣніи г. Соловцева, который нашелъ сходство между этими знаками и руническими письменами на скалахъ на Мурманскомъ берегу. Если такъ, то мы имѣемъ дѣло съ какою-то «руническою» надписью, а потому мы заговоримъ о «рунахъ».

Въ Историко-Географическомъ Словарѣ французскаго ученаго Булье (Bouillet, Dictionnaire Universel d'Histoire et de Geographie) вотъ что сказано по этому предмету:

«*Руны* (отъ готскаго слова: «руна», что значитъ: секретъ, тайна) суть письмена, нѣкогда бывшія въ употребленіи у Скандинавовъ (въ Даніи, Швеціи, Норвегіи и въ сѣверной Германіи), и ими пользовались и понимали ихъ только одни языческіе жрецы у этихъ народовъ. Руническая азбука имѣетъ только 16 буквъ, составленныхъ изъ черточекъ, расположенныхъ горизонтально и вертикально; нѣкоторыя буквы схожи съ древнѣйшею греческою азбукою. Въ Швеціи (въ

Упландѣ и на островѣ Готландѣ), въ Шлезвигѣ и даже въ сѣверной Америкѣ находятъ камни, называемые руническими камнями, которые покрыты такими знаками.—Нѣкоторые полагаютъ, что руны должны происходить отъ письменъ Финикіянъ, которые, попавъ въ Балтійское море, могли туда занести эти письмена; но другіе думаютъ, что руны появились только въ IX вѣкѣ по Р. Х., и дѣйствительно, самыя древнія руническія письмена, намъ извѣстныя, относятся къ этой эпохѣ, а не ранѣе того».

Итакъ, руны составляли письмена жрецовъ у народовъ Скандинавскихъ.—Но кто же были эти народы Скандинавскіе?

Насколько намъ извѣстно, ни Финнамъ, ни Лопарямъ, ни другимъ народамъ, обитающимъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, никто никогда не приписывалъ руническихъ письменъ; обитатели Даніи, т. е. Датчане, не удалялись изъ своей страны, слѣдовательно не могли оставлять своихъ письменъ на дальнемъ сѣверѣ. Зато Норманны и Варяги, на своихъ ладьяхъ, забирались очень далеко на сѣверъ, проникали даже въ Исландію, вообще къ нимъ по большей части примѣняется названіе Скандинавовъ, а потому, если руны имѣлись у народовъ Скандинавскихъ, то едва-ли не проще прямо сказать, что руны водились, должно быть, исключительно у Норманновъ и у Варяговъ, и противъ этого, кажется, что никто спорить не будетъ.

Кто были Норманны и кто были Варяги, вотъ вопросъ, кажется, не вполнѣ рѣшенный въ ученомъ мірѣ, но для меня этотъ вопросъ давно рѣшенъ, потому что, занимаясь историческими изысканіями о происхожденіи народовъ, я могъ убѣдиться въ томъ, что Норманы принадлежали къ одной расѣ народовъ, а Варяги къ другой расѣ. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ; достаточно сказать, что было время, когда Норманны и Варяги жили бокъ-о-бокъ въ Даніи, что какъ тѣ, такъ и другіе были морскіе разбойники, что у обоихъ нравы и привычки были одинаковые, что Норманны изгнали изъ Даніи Варяговъ и что оба народа сдѣлались непримиримыми врагами. Норманны и Варяги были въ IX вѣкѣ язычниками; у нихъ, конечно, были свои жрецы и къ этимъ послѣднимъ должно относиться знаніе руническихъ письменъ.—Мы не думаемъ, что руническая азбука была только одного *типа*; напротивъ того, мы думаемъ, что могло суще-

ствовать нѣсколько типовъ таковой азбуки,—не даромъ же руны составляли *секретъ*, извѣстный лишь немногимъ лицамъ,—и если наша догадка вѣрна, то нѣтъ ничего удивительнаго, если знаки, употребляемые въ рунахъ, не вездѣ окажутся одинаковыми.—Возьмемъ, для примѣра, тотъ знакъ, который изображаетъ рыбу; онъ имѣется на пневищенскомъ камнѣ, г. Соловцевъ его видѣлъ и на Мурманскомъ берегу, а между тѣмъ онъ въ другихъ руническихъ надписяхъ не встрѣчается.—Изъ этого можно, напримѣръ, сдѣлать и такой выводъ, что знакъ рыбы былъ въ употребленіи у Варяговъ, но не у Норманновъ, но будетъ ли это вѣрно, мы не беремся рѣшить.

Какъ бы то ни было, *если* знаки на пневищенскомъ камнѣ суть ничто иное, какъ руническія письмена, то ихъ слѣдуетъ приписать языческому жрецу *изъ Варяговъ*, такъ какъ Варяговъ было много на Руси, а не Норманну, ибо Норманны, сколько извѣстно, не забирались далеко въ внутреннія страны Россіи и до Пневища они могли бы добраться съ юга, по рѣкамъ Днѣпру и Пронѣ, а не съ сѣвера.

Этотъ выводъ заставилъ насъ порыться въ Русскихъ Лѣтописяхъ и въ нихъ мы нашли разгадку задачи.

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ Русской Лѣтописи, на страницѣ 72, мы читаемъ слѣдующее:

«Въ лѣто 6492 (984 годъ) иде Володимиръ на Радимичи и бѣ у него воевода Волчей Хвостъ, и посла Володимиръ передъ собою Волчья Хвоста и срѣте на рѣцѣ Пещанѣ и побѣди Радимичи Волчей Хвостъ, тѣмъ и Русь корятъ я, Радимичамъ глаголюще: Пещанцы Волчья Хвоста бѣгаютъ».

Тоже самое упоминается во всѣхъ другихъ Лѣтописяхъ и у Карамзина, который, между прочимъ, въ примѣчаніи 435 къ т. I, говоритъ, что рѣка Пищана, въ Могилевской губерніи, именуется нынѣ Пещаномъ и впадаетъ въ рѣку Сожъ. Рѣку Песчаную мы не отыскали на картѣ, что же касается рѣки Сожи, то она протекаетъ очень не далеко отъ деревни Пневище, примѣрно верстахъ въ десяти или пятнадцати, такъ что и рѣка или рѣчка Песчаная, вѣроятно, тутъ же не далеко.—Воевода Волчій Хвостъ побѣдилъ Радимичей на рѣкѣ Песчаной, такъ говоритъ Лѣтопись, но затѣмъ она же говоритъ о *Пещанцахъ*, т. е. о жителяхъ той мѣстности, гдѣ протекаетъ рѣка Песчаная; значитъ, около этого мѣста было сгруппировано нѣ-

сколько селеній, жители коихъ прозывались Песчанцами, отъ слова песокъ. Какъ бы отыскать этихъ Песчанцевъ? А мы ихъ отыскали, и вотъ какъ.

Въ разстояніи одной версты и менѣе отъ деревни Пневица стоитъ другая деревня, носящая названіе *Песочная*, что тождественно слову Песчаная. Вотъ это селеніе Песочное, сохранившее и донынѣ свое названіе, должно быть, составляло нѣкогда центръ страны Песчанъ, и если такъ, то вполнѣ вѣроятно, что воевода Волчій Хвостъ воздвигъ себѣ памятникъ около самаго центра страны Песчанъ. Въ подкрѣпленіе этой догадки можно представить слѣдующіе доводы.

Народъ Радимичи платилъ дань рускимъ князьямъ, княжившимъ въ Кіевѣ, и вдругъ отказался платить эту дань, что вынудило в. к. Владимира I отправить противъ нихъ своего воеводу Волчій Хвостъ, который Радимичей побѣдилъ, и съ тѣхъ поръ они исправно платили дань. Такъ намъ повѣствуетъ Лѣтопись. Но страна Радимичей была весьма обширна; по Днѣпру она съ одного конца соприкасалась къ странѣ Кривичей, чуть ли не въ тридцати верстахъ отъ Смоленска, а далѣе, съ другого конца, она доходила до предѣловъ нынѣшней Черниговской губерніи. Рѣка Днѣпръ представляла собою большую дорогу, по которой Русь содержала сношенія между Кіевомъ и Новгородомъ. Немыслимо допустить, чтобы отказались платить дань Руси тѣ Радимичи, что жили по Днѣпру; ихъ бы тотчасъ же наказали; но тѣ Родимичи, что жили внутри страны и которые никогда въ глаза не видали ни Русскихъ, ни Варяговъ и которыхъ Днѣпровскіе Радимичи, вѣроятно, заставляли принимать участіе въ дани, вотъ эти Радимичи могли отказаться отъ дани.

Въ такомъ случаѣ походъ, предпринятый в. к. Владимиромъ имѣлъ большое значеніе, а именно имѣлось въ виду доказать и этимъ Радимичамъ, что они должны состоять въ зависимости отъ Руси. Въ такомъ смыслѣ и былъ предпринятъ походъ, и путь былъ избранъ новый, а именно на ладьяхъ подымались вверхъ по рѣкѣ Днѣпру, затѣмъ вверхъ по рѣкѣ Пронѣ, берущей свое начало въ странѣ Радимичей.

Этотъ походъ намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По тогдашнему обычаю, было собрано сто или двѣсти судовъ, прозывае-

мыхъ «однодревками» (на каждомъ такомъ суднѣ могло помѣститься до 40 человѣкъ), гребцами на нихъ были простолюдины изъ Кривичей и, быть можетъ, Радимичей же, а воинами были хорошо вооруженные Варяги. Изъ сказанія Лѣтописи можно понять, что если самъ в. к. Владимиръ участвовалъ въ этомъ походѣ, то онъ гдѣ-то остался, а съ Радимичами имѣлъ дѣло собственно воевода Волчій Хвостъ съ предводительствуемыми имъ Варягами. Мы не думаемъ, чтобы сраженіе долго продолжалось; должно быть, Радимичи—Песчанцы при первомъ же натискѣ Варяговъ бѣжали и тѣмъ дѣло кончилось. Немало, быть можетъ, Радимичей было казнено, немало ихъ селеній было выжжено, страху было задано много, и—Радимичи смирились, обязавшись платить дань.

Такой блестящій результатъ далъ поводъ лѣтописцу восхвалять подвигъ воеводы Волчій Хвостъ, но кажется, что, не дожидаясь такой похвалы лѣтописца, самъ Волчій Хвостъ пожелалъ себя прославить въ будущихъ поколѣніяхъ и воздвигъ себѣ тотъ памятникъ, что нынѣ отысканъ въ Пневищѣ. Курганы изъ камня какъ въ древнія времена, такъ и теперь въ обычаѣ у сѣверныхъ мореплавателей, такіе курганы носятъ названіе *Кернъ;* Варяги должны были имѣть такой обычай въ своихъ путешествіяхъ по сѣвернымъ морямъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если такой курганъ былъ ими воздвигнутъ и въ странѣ Радимичей.

Но Варяги, участвовавшіе въ этомъ походѣ, были въ то время язычниками; самъ воевода Волчій Хвостъ, судя по его имени, былъ, вѣроятно, тоже язычникъ; слѣдовательно, можно допустить, что при войскѣ въ 200 или 400 человѣкъ Варяговъ-язычниковъ долженъ былъ находиться хотя бы одинъ изъ языческихъ жрецовъ. Вотъ этому жрецу мы и приписываемъ руническую надпись на пневищенскомъ камнѣ. Нужна была надпись, и языческій жрецъ ее начерталъ, и притомъ на томъ языкѣ, который, такъ сказать, былъ въ модѣ у жрецовъ въ то время, то есть въ IX вѣкѣ, когда, быть можетъ, только недавно были изобрѣтены руническія письмена.

Лѣтопись говоритъ, что послѣ похода Волчьяго Хвоста Радимичи исправно платили дань Руси. Этому можно вполнѣ вѣрить, такъ какъ на то отыскивается фактическое доказательство, а именно: въ

10 верстахъ отъ деревни Пневища донынѣ существуетъ селеніе *Городецъ*. Извѣстно, что Рюрикъ, Олегъ и бывшіе послѣ нихъ русскіе князья, во всѣхъ покоряемыхъ ими странахъ, имѣли обычай оставлять отрядъ войска, коему поручалось смотрѣть за порядкомъ въ той мѣстности и взимать дань. Эти отряды помѣщались обыкновенно въ земляныхъ окопахъ, окруженныхъ частоколомъ, каковые носили названіе *Городка* или *Городца*.—Вотъ и около самаго Пневища оказался такой «городокъ», значитъ и онъ свидѣтельствуетъ о бытности въ той мѣстности русской рати.

Кажется, что все нами сказанное достаточно убѣждаетъ въ томъ, что въ деревнѣ Пневищѣ отысканъ памяникъ воеводы Волчій Хвостъ, а не кого-либо иного, а если кто-либо въ этомъ усумнится, то пусть ищутъ тому памятнику толкованіе иное.

Въ настоящее же время, да будетъ намъ дозволено считать, что: *въ деревнѣ Пневищѣ имѣлся когда-то курганъ, сложенный изъ камня, на макушкѣ котораго былъ камень съ руническою надписью и что курганъ этотъ былъ воздвигнутъ однимъ изъ воеводъ великаго князя Владиміра 1, носившимъ прозваніе Волчій Хвостъ, въ 984 году по Р. Х.*

Кн. А. М. Дондуковъ-Карсаковъ.

14 сентября
1887 г.

Деревня Пневище.

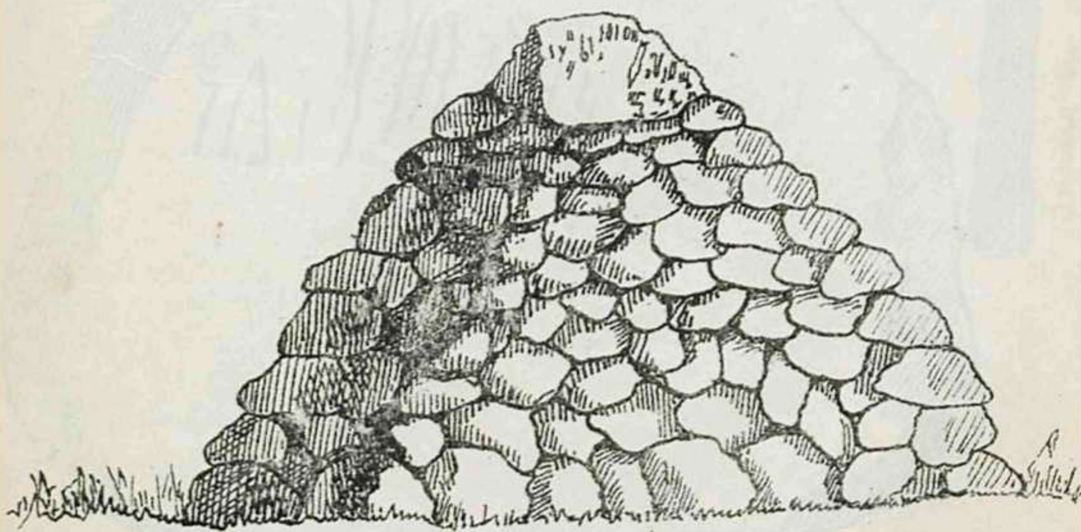
Рѣка

Мѣсто, гдѣ былъ найденъ камень

Кладбище

Планъ

мѣстности, гдѣ найденъ Пневищенскій камень.

Пневищенскій Курганъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ.

Знаки на Гневищенскомъ Камнѣ, съ одной стороны.

Знаки на Гневищенскомъ Камнѣ, съ другой стороны.

Знаки въ натуральную величину.

Эратическій валунъ съ финикійскою надписью, найденный близъ Смоленска, въ Россіи [1]).

Д-ра **Генриха Ванкеля.**

Во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 году, князь Алексѣй Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ любезно пригласилъ меня заѣхать къ нему въ Смоленскъ, чтобы осмотрѣть камень съ неизвѣстной надписью, который найденъ былъ въ его имѣніи, находящемся поблизости; я не преминулъ поэтому, при моемъ возвращеніи изъ Москвы, посѣтить князя и взглянуть на доставленный къ этому времени въ городъ камень. Къ сожалѣнію, я не засталъ уже дома князя, который ожидалъ меня въ теченіе восьми дней, но за день передъ моимъ пріѣздомъ вынужденъ былъ выѣхать по важнымъ обстоятельствамъ. Я приготовилъ копію надписи, которую я потомъ сличилъ съ копіею князя, оказавшагося не только любителемъ, но и знатокомъ археологіи, при чемъ обнаружилось, что обѣ копіи совершенно согласовались между собою до мелочей. Отъ самого князя я получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

Въ 1873 году жители мѣстечка Романова, Могилевской губ., задумали строить церковь и искали для этой цѣли въ окрестностяхъ, очень бѣдныхъ камнемъ, камня. Такъ дошли они до находящейся поблизости деревни Пневище; здѣсь въ молодомъ лѣсу, при ручейкѣ Любосвижѣ, который принадлежитъ къ бассейну р. Днѣпра, они нашли холмъ (30 метровъ въ длину, 15 м. въ ширину и столько же въ высоту), покрытый дерномъ и деревьями [2]). Холмъ состоялъ изъ до-

[1]) Mittheilungen der Anthropologischen Gesellshaft in Wien. Bd. VI. Wien, 1876. Стр. 129—136.

[2]) Здѣсь д-ръ Ванкель допускаетъ неточность: по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ, на томъ мѣстѣ не было ни кургана, ни даже возвышенности. Ср. стр. 37. *К. Т.*

вольно крупныхъ камней и на вершинѣ его лежалъ большой валунъ (Granitblock), пирамидальной формы, вѣсомъ около 500 килогр., на двухъ широкихъ поверхностяхъ котораго, кверху обращенныхъ, ясно можно было видѣть высѣченные письменные знаки. Валунъ этотъ, по приказанію князя, доставленъ былъ въ его домъ, въ Смоленскѣ, а остальной камень, до 2000 пудовъ, свезенъ былъ въ Романово для постройки церкви. Замѣчательно, что въ окрестностяхъ Пневища нельзя найти ни одного камня на поляхъ, между тѣмъ какъ около дер. Кладновище, въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе, мѣстность усѣяна крупнымъ камнемъ.

Камень, который я видѣлъ у князя въ Смоленскѣ, представляетъ собою эратическій (перекатный) валунъ изъ красноэернистаго норвежскаго гранита, съ кристаллами полевого шпата въ сентиметръ длиною, очень крупнозернистый, не обтесанный, съ сильно закругленными краями, приплюснутой пирамидальной формы. Въ длину онъ—неполный метръ, въ ширину и высоту—двѣ трети метра. Стороны его неровныя, не обтесанныя и представляютъ натуральную колотую поверхность; повидимому, отъ вывѣтриванія онѣ не слишкомъ пострадали. Въ то время какъ основаніе, т. е. нижняя сторона пирамиды, соразмѣрно широко, двѣ боковыя поверхности его гораздо уже, онѣ пересѣкаются другъ съ другомъ подъ довольно тупымъ угломъ и образуютъ здѣсь очень закругленный кантъ. Вотъ именно эти двѣ стороны (поверхности) покрыты многочисленными буквами, которыхъ форму только съ большимъ трудомъ и вниманіемъ можно различить на неровной, покрытой небольшими трещинами поверхности камня. И только благодаря неоднократному смачиванію и удачнымъ оттискамъ, мнѣ удалось получить изображеніе, очень близкое къ истинѣ, о которомъ князь Дондуковъ отозвался, что оно почти вполнѣ согласно съ его съемкою и его друзей.

Отдѣльныя буквы длиною въ 130—140 миллиметровъ, шириною 6 мм. и 4 -5 мм. глубиною; высѣченныя равномѣрнымъ полукруглымъ желобкомъ, онѣ удалены другъ отъ друга на разстояніе отъ 50 до 80 мм. и расположены на одной сторонѣ въ видѣ одного непрерывнаго ряда, а на другой—безпорядочно разбросаны по поверхности; нѣкоторыя по своимъ прямымъ линіямъ выглядятъ подобно руниче-

скимъ палочкамъ-письменамъ, другія же своими закругленными формами существенно отличаются отъ послѣднихъ. Я не замедлилъ переслать снимокъ этой надписи, какъ я ее понялъ, извѣстнымъ изслѣдователямъ руническихъ письменъ и получилъ подтвержденіе, что эти письменные знаки отнюдь нельзя сравнивать съ рунами. Д-ръ Bendixen изъ Бергена прямо призналъ ихъ за письмо рѣшительно азіатскаго характера.

Дальнѣйшія мои обращенія къ разнымъ признаннымъ ученымъ палеографамъ не приводили къ какому-либо иному результату, пока, наконецъ, случайно не увидѣлъ надписи A. Müller, библіотекарь въ Ольмюцѣ: онъ тотчасъ же призналъ ее за финикійскую, прочитавъ при этомъ и слово „Ваалъ", каковое чтеніе подтвердилъ потомъ и проф. Fr. Müller изъ Вѣны.

A. Müller подвергъ надписи точному изслѣдованію и самому тщательному изученію, и этому опытному семитологу удалось прочитать одну надпись, во славу австрійской науки, и твердо установить фактъ, который не только является интереснымъ для науки, но имѣетъ для нея и большое значеніе.

Я дословно приведу результатъ его изслѣдованія, какъ онъ былъ мнѣ сообщенъ.

„Прежде всего обращаетъ вниманіе въ надписяхъ взаимное положеніе знаковъ: меньшая надпись обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи извѣстную закономѣрность, которой въ бóльшей совершенно нѣтъ. Но эту безпорядочность знаковъ въ послѣдней надписи я не могъ объяснить особенностью поверхности камня, на которой они расположены; скорѣе можно предположить, что здѣсь даны письмена двухъ различныхъ народностей, такъ какъ уже по чисто графическимъ основаніямъ неудобно принять, что одинъ и тотъ же народъ нанесъ свои письмена на одномъ и томъ же камнѣ—отчасти въ извѣстной симметріи, отчасти же въ полномъ безпорядкѣ. Относительно характера знаковъ я замѣтилъ, что меньшая надпись своимъ характеромъ рѣшительно напоминаетъ финикійскія буквы, и спеціалисту не трудно признать ее за таковую. Именно, бросается тотчасъ въ глаза группа буквъ: בעל (5.4.3. Baal); равнымъ образомъ для того, кто освоился съ семитическимъ письмомъ, знакомыми также являются буквы—(1) ח, (2) כ, (6) א, (7) ז, (8) כ, (9) ד

(10) ת, (11) נ (? вѣроятно, на верхнемъ штрихѣ недостаетъ размаха слѣва), (12) ך. На основаніи изложеннаго, у насъ получилась бы слѣдующая группа буквъ:

חכבעלאזברתנו

которыя я читаю такъ: *„Памятникъ Ваала.*

Здѣсь мы его выдолбили (высѣкли)“.

„Что финикіяне знали про связъ южнорусской области съ Балтійскимъ моремъ, вѣроятно, даже пользовались воднымъ путемъ по Днѣпру, это получило бы подтвержденіе въ данной надписи.

„Какому народу принадлежитъ бо́льшая надпись, я не рѣшаюсь высказать объ этомъ какое-либо сужденіе. Однако мнѣ не кажется немыслимымъ, чтобы на одномъ и томъ же камнѣ оказались надписи двухъ различныхъ, хотя можетъ быть и родственныхъ, народовъ. Который изъ нихъ увѣковѣчилъ себя раньше и который—позднѣе, я оставляю изслѣдовать это, равно какъ и чтеніе второй надписи, другимъ“.

Такъ думаетъ A. Müller.

Мы могли бы къ этому еще прибавить, что хотя вторая надпись еще не прочитана до сихъ поръ, однако многимъ знакамъ въ ней можно бы приписать финикійское происхожденіе, какъ указалъ на это и Müller, а причину неясности нѣкоторыхъ буквъ можно было бы искать въ недостаточномъ, по затруднительности дѣла, установленіи ихъ формы, или въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, какимъ подверглась отъ времени поверхность камня.

Такъ буквы a и b можно принять за מ (мем), букву c за ס (самех), d—за ז (сайин), e—за ב или ל (бет или реш), f—за ע (айин), g—за ת (тав), h и i—за נ (нун) и т. д. Не подлежитъ поэтому никакому сомнѣнію, что и эта бо́льшая надпись, если не прямо финикійская, то очень родственная съ нею.

Несомнѣнно, что этотъ холмъ изъ камней, въ которомъ не найдено было ни слѣдовъ могильника, ни какихъ-либо предметовъ искусства, былъ курганомъ (Kairn), построеннымъ изъ камней, который могъ служить, какъ таковой, или памятникомъ, или пограничнымъ знакомъ. Онъ построенъ, повидимому, изъ камней,

которые лежали въ окружающей мѣстности и изъ которыхъ самый большой и самый удобный былъ снабженъ надписью и положенъ поверхъ пирамиды. Такія пирамиды изъ камней, какъ и вообще памятники-камни, въ обычаѣ у финикіянъ, они любили увѣковѣчивать себя камнями-памятниками, и мы узнаемъ объ ихъ разселеніи и колоніяхъ по большей части именно изъ такихъ памятниковъ.

Такой именно памятникъ съ надписью и представляетъ собою камень, найденный близъ Смоленска, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра, недалеко отъ водораздѣла, который отдѣляетъ Днѣпръ отъ Двины; онъ безспорно констатируетъ присутствіе въ этой мѣстности и въ этомъ именно мѣстѣ финикіянъ, и только голословный скептикъ могъ бы отрицать то, что утверждаютъ высоко авторитетные люди и спеціалисты. О какомъ-либо обманѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что надпись, которую видѣли и копировали—князь Дондуковъ, многія высокопоставленныя лица и я, каковыя копіи всѣ оказались согласными,—является фактомъ, который нельзя отрицать и который, въ случаѣ надобности, можетъ быть подтвержденъ многими свидѣтелями. Этотъ камень нельзя было доставить сюда, чтобы здѣсь его выставить, отчасти по причинѣ его величины и отдаленности разстоянія.

Хотя Генте (Genthe) [1], допускавшій возможность финикійской торговли на южномъ берегу Чернаго моря ранѣе милезійской, и не признавалъ торговаго пути финикійцевъ по Днѣпру, но онъ дѣлалъ это исключительно на томъ основаніи, что до сихъ поръ не извѣстно было ни о какихъ находкахъ изъ тѣхъ мѣстностей; однако это не даетъ никакого основанія совершенно отрицать этотъ торговый путь, потому что исключительно финикійскія мѣстности до сихъ поръ еще не установлены достаточно точно, а финикійскія монеты слишкомъ рѣдки. Сверхъ того, весьма сомнительно, чтобы была не финикійскою та монета, которая найдена была близъ Умани, Кіевской губ., и находится теперь въ музеѣ въ Дерптѣ (Юрьевѣ); на ней изображена голова съ высунутымъ впередъ языкомъ, а на обратной сторонѣ—колесо съ че-

---

[1]) Correspond. Blatt. d. d. G. für Anthr., Eth. etc. Aug. 1875, Nr. 8, p. 57—58.

тырьмя спицами, что, по Нильсону, часто встрѣчается на финикійскихъ памятникахъ [1]), по Симону—на финикійскихъ монетахъ, въ качествѣ эмблемы солнца и будущей жизни [2]), а равно также можно видѣть, согласно А. Миллеру, на древнѣйшихъ монетахъ Кирены и Барки, бывшихъ первоначально финикійскими колоніями [3]). Впрочемъ, тѣ мѣстности еще слишкомъ мало изслѣдованы, и хотя Россія въ этомъ направленіи даетъ нѣчто невѣроятное, однако находки эти для насъ западно-европейцевъ, пока еще слишкомъ новы и мало извѣстны.

Далѣе, что финикіяне знали и посѣщали на своихъ судахъ не только южный берегъ Чернаго моря, это подтверждаетъ и Лукіанъ въ словахъ: „они (финикіяне) объѣзжали не только Понтъ до Меотидскаго озера (Азовское море) и до Боспора, но суда ихъ плавали всюду по морямъ эллинскимъ и варварскимъ. Всякую береговую линію, каждый морской берегъ объѣзжали они изъ года въ годъ и возвращались на родину только позднею осенью“ [4]).

Объ одномъ финикійскомъ купцѣ Гиблезіи (Hyblesius) разсказывается, что извѣстный Антипатръ выдалъ впередъ, подъ залогъ его судна и его товара, предназначенныхъ въ Понтъ, нѣкоторую сумму денегъ для уплаты пошлины [5]). Отсюда можно заключить, что не было никакого риска ѣздить въ Понтъ и что тамъ была уже правильная и прочная торговля, иначе Антипатръ не рисковалъ бы своимъ капиталомъ. По Моверсу, факторіи и колоніи финикійцевъ простирались до Меотидскаго озера (Азовское море). [6]). Задолго до того времени, какъ киммерійцы были вытѣснены изъ киммерійскаго Боспора и съ сѣверныхъ береговъ Понта на южные берега; задолго до того, какъ этими оставленными колоніями завладѣли милезійцы,—на сѣверномъ берегу уже достовѣрно существовали многочисленные карійскіе города и колоніи, и здѣсь карійцы, въ качествѣ корабельщиковъ, сопровождали финикійскую торговлю для защиты почти во всѣхъ вновь открытыхъ фак-

---

[1]) S. Nilson. Die Ureinwohner des scand. Nordens. 1866, p. 46.

[2]) V. Simon. Observat. sur les rouelles, p. 2.

[3]) L. Müller. Numismatique I, p. 82.

[4]) Toxar. c. 4.

[5]) Or. adv. Laorit. p. 932 sp.

[6]) Movers. Phönic. III, p. 29.

торіяхъ, но сами они не вели никакой торговли, такъ что можно съ большою вѣроятностью утверждать, что эти карійскія колоніи были также и пунктами финикійской торговли, прекратившими свое существованіе уже во времени скиѳско-киммерійскихъ войнъ, когда ихъ метрополія, угнетенная Ассиріей, не въ состояніи была оказать имъ надлежащей защиты. Далѣе, едва ли можно согласиться, чтобы захваченные ассирійцами восточные берега, которые уже по своимъ невольникамъ и обилію золота и серебра изъ сосѣднихъ горъ являлись важнѣйшимъ торговымъ рынкомъ востока, не были открыты для финикіянъ, которые важнѣйшій и самый прибыльный предметъ своей торговли—невольниковъ—получали изъ кавказскихъ странъ, въ особенности вывозили оттуда красивыхъ женщинъ, какъ это дѣлается и доселѣ, и продавали ихъ по высокой цѣнѣ во всемъ свѣтѣ. Movers [1]) указываетъ также, что ежегодно снаряжались многочисленныя финикійскія суда для того, чтобы доставить до Меотидскаго озера уловъ рыбы въ Понтѣ.

По миѳамъ объ аргонавтахъ и Финеѣ, водный путь могъ слѣдовать отъ устьевъ рѣкъ на Меотидскомъ озерѣ къ сѣверному берегу Чернаго моря и отъ большихъ рѣкъ Понта до Салмидисса (?) на ѳракійскомъ берегу, гдѣ вообще должны были находиться финикійскія и карійскія поселенія. Указаніе на это мы находимъ у Аммiана [2]), который обозначаетъ, какъ торговую финикійскую колонію, мѣсто Тиръ (Tyros) при истокѣ Днѣстра или Тира (Tyras); къ этому съ полнымъ довѣріемъ относится и Movers.

Еще болѣе говоритъ за раннее знакомство финикіянъ съ сѣвернымъ Понтомъ религіозный культъ его, сходный съ финикійскимъ, который проникалъ въ страну и широко распространялся въ ней вмѣстѣ съ торговлею. По Movers'у, почитаніе быка и коровы проникло въ Таврическую область черезъ посредство финикійской торговли и пустило корень въ Херсонесѣ. Молоха ассирійцевъ и Ваала финикійцевъ напоминаетъ Уписъ, Артемида, покровительница и помощница

---

[1]) Movers Phönic. P. 2, p. 294.

[2]) Ammian. XXII, 841: „civitas Tyros (Tyras) colonia Phönicum, quam praestringit fluvius Tyras".

родамъ, Diana lucina, богиня быковъ въ странѣ быковъ, странствующая Астарта или Анайтисъ, Танайсъ или Танитъ финикіянъ, которой она уподобляется, какъ богиня луны, по приносимымъ ей человѣческимъ жертвамъ, по формѣ быка, или какъ Европа, скачущая на быкѣ. По Аполлодору, миѳическій богъ Огъ (Og), который жилъ въ городѣ рогатой Астарты, замѣняетъ рогатаго Солнце-Ваала и ассирійскаго Молоха. Саги объ этомъ культѣ въ странѣ скиѳовъ, равно какъ миѳы объ Ахиллесѣ и Адонисѣ уже въ древнѣйшія времена, еще во времена до-милезійскія, проникли къ грекамъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что культъ этотъ переселился туда уже задолго до ихъ прибытія.

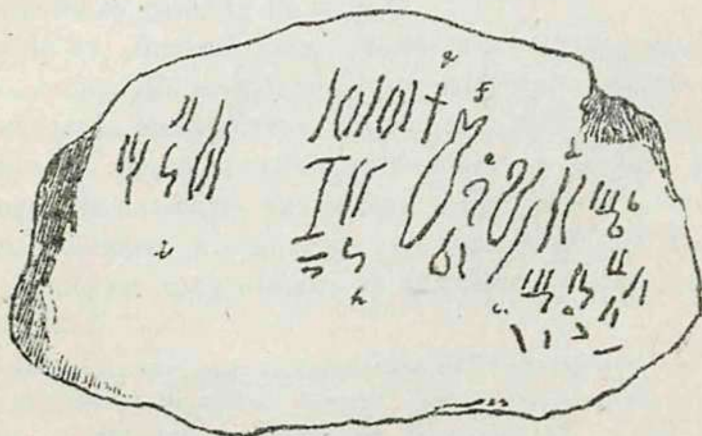
На основаніи сказаннаго слѣдуетъ принять, что финикіяне знали сѣверный Понтъ, что они основывали тамъ торговыя колоніи и имѣли сношенія съ народами сѣвера.

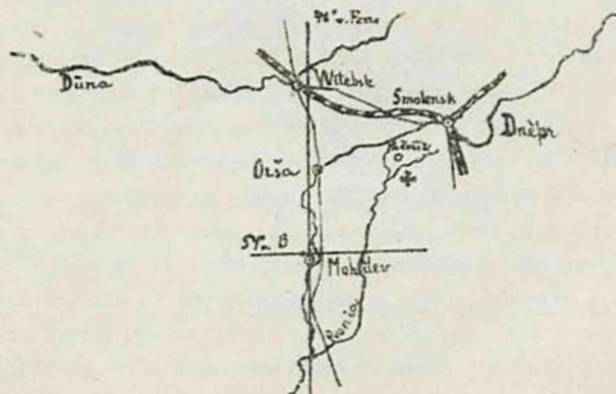
Если же это такъ, то они должны были знать и устья наиболѣе значительныхъ рѣкъ, а зная характеръ финикіянъ, можно предположить, что они пытались по этимъ рѣкамъ проникнуть и внутрь страны. Смоленскій камень удостовѣряетъ насъ въ этомъ; онъ показываетъ намъ, что они доходили до этого мѣста, но прошли ли они короткій путь къ Двинѣ и по Двинѣ—въ Балтійское море, для такого утвержденія у насъ недостаетъ данныхъ. Однако вѣроятнымъ является, что они, какъ вѣдающіеся астрономы, могли вполнѣ точно опредѣлить географическое положеніе Массиліи, могли быть хорошо освѣдомленными, въ какомъ пунктѣ они находились, и водораздѣлъ между Днѣпромъ и Двиною они не могли миновать. Въ такомъ случаѣ не должны ли они были воспользоваться имъ?

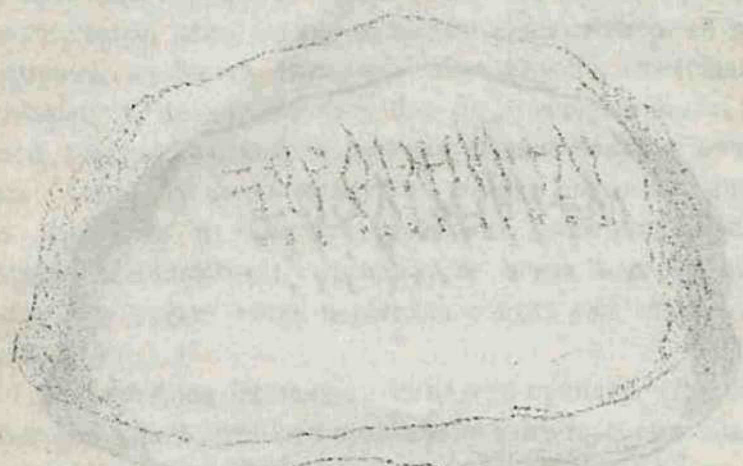
Я предоставляю времени дальнѣйшія доказательства и передаю вторую, не расшифрованную еще надпись спеціалистамъ; быть можетъ, кому-нибудь удастся внести сюда дальнѣйшій свѣтъ.

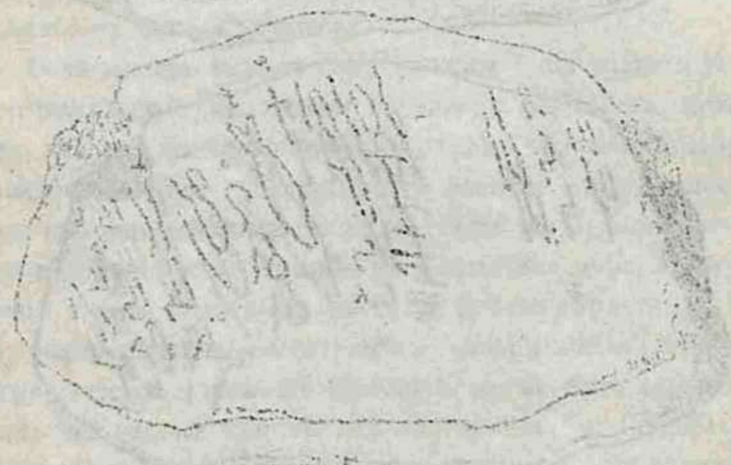
Съ нѣм. пер. *К. Тихомировъ.*

12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

Dūna
Witebsk
Smolensk
Dnēpr
Orša
Mohilew

Пребываніе императрицы Екатерины II въ Полоцкѣ [1]).

Въ 1780 г. императрица Екатерина II предприняла путешествіе въ Могилевъ, гдѣ и произошло свиданіе ея съ императоромъ Іосифомъ II. Свиданіе это имѣло важныя послѣдствія. Но кромѣ этой политической цѣли предпринятаго путешествія, была и другая цѣль: Великая государыня желала лично осмотрѣть край, присоединенный къ Россіи по первому раздѣлу Польши [2]).

Во введеніи къ „Дневной запискѣ" объ этомъ путешествіи, между прочимъ, сказано: „По воспріятіи ея императорскимъ величествомъ намѣренія удостоить всемилостивѣйшаго своего посѣщенія пять губерній, въ новомъ образѣ правленія устроенныхъ, а именно: Псковскую, Полоцкую, Могилевскую, Смоленскую и Новгородскую, отъ Правительствующаго Сената, а вслѣдствіе его повелѣній отъ господъ генералъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность, заблаговременно

---

[1]) Источники: а) „Дневная записка путешествія Ея Императорскаго Величества чрезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно чрезъ Смоленскъ и Новгородъ". Дневникъ, составленный гр. Безбородко, напечатанъ въ I т. Сбор. Импер. Историческаго Общества. б) Письма Импер. Екатерины II къ вел. князю Павлу Петровичу и Гримму. Письма напечатаны въ IX и XXIII т. того-же изд. в) Stebelskiego—„Dwa wielkie swiatła na horyzoncie Połóckiem, t. II. Chronologia.—Базиліанинъ Стебельскій былъ очевидцемъ пребыванія императрицы Екатерины II въ Полоцкѣ.

Въ „Исторіи Россіи", С. М. Соловьева, о пребываніи Екатерины II въ Полоцкѣ ничего не говорится; въ роскошно изданной „Исторіи Екатерины Второй", проф. А. Г. Брикнера,—только нѣсколько словъ; нѣсколько подробнѣе (1½ стран.) говоритъ объ этомъ проф. Брикнеръ въ своей статьѣ: „Путешествіе императрицы Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 г." (Русскій Вѣстникъ 1881 г., августъ и сентябрь).

[2]) Въ 1772 г. къ Россіи присоединены земли между р.р. Днѣпромъ, Западн. Двиною и Друтью (Друецъ), т. е. быв. воеводство Полоцкое (собственно только та

учинены были надлежащія пріуготовленія постановленіемъ на каждой станціи по четыреста по пятидесяти лошадей, приведеніемъ въ наилучшую исправность дорогъ и мостовъ, построеніемъ на станціяхъ дворцовъ и назначеніемъ особъ, отъ общества дворянскаго выбранныхъ на каждую станцію для достодолжнаго принятія ея величества".

9-го мая императрица отправилась изъ Царскаго Села. Путь лежалъ чрезъ г.г. Ямбургъ, Нарву, Гдовъ, Псковъ, Островъ, Опочку, Полоцкъ, Сѣнно, Шкловъ.

Императрицу сопровождали: Потемкинъ, Чернышевъ, Нарышкинъ, Брюсъ, Строгановъ, Барятинскій, Ланской, Безбородко, Долгоруковъ и др.

18-го мая государыня вступила въ предѣлы Полоцкаго намѣстничества. На границѣ этого намѣстничества она была встрѣчена Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, предводителемъ дворянства Корфомъ и др. лицами.

На станціи Долосцы (Себежскаго уѣзда) былъ назначенъ ночлегъ. Здѣсь ожидали прибытія ея величества правитель Полоцкаго намѣстничества, уѣздный предводитель дворянства Дриссенскаго уѣзда и земскій исправникъ съ засѣдателями; всѣ эти лица были представлены императрицѣ генералъ-губернаторомъ и „жалованы къ рукѣ".

Въ письмѣ изъ Долосцъ, отъ 18-го мая, къ вел. кн. Павлу Петровичу и вел. кн. Маріи Θеодоровнѣ, императрица Екатерина писала:

часть, которая лежала на правомъ берегу р. Двины), Витебское, Мстиславское и часть другихъ (1775 квадр. миль съ 1.800.000 жит.).

Указомъ 23 октября 1772 г. Бѣлоруссія раздѣлена на двѣ губ.—Псковскую и Могилевскую, съ отдѣленіемъ части первой въ составъ губ. Новгородской; Псковская губ. была раздѣлена на 5 провинцій: двѣ великорусскія (Псковская и Великолуцкая) и три присоединенныя отъ Польши (Двинская, Полоцкая и Витебская); губернскій городъ Псковской губ.—Опочка. (Витеб. Стар. 1, № 107).

Въ 1776 г., августа 24, изъ Бѣлорусскихъ провинцій, вошедшихъ въ составъ Псковской губ., повелѣно составить Полоцкую губ., губернскимъ городомъ назначенъ Полоцкъ. Въ 1778 г., янв. 10, Полоцкая губ. переименована въ намѣстничество. Указомъ 12 декаб. 1796 г. губ. Полоцкая и Могилевская соединены въ одну—Бѣлорусскую, съ назначеніемъ губернскимъ гор. Витебска. 27 февраля 1802 г. Бѣлорусская губ. раздѣлена на двѣ: Витебскую и Могилевскую; губернскимъ городомъ Витебской губ. назначенъ Витебскъ.

„Вчера пріѣхала я изъ Острова въ Опочку; а оттуда выѣхала сего утра и на 18-й верстѣ въѣхала въ Бѣлоруссію; съ самаго Острова тянутся все холмы да холмики, между которыми множество озеръ, что очень красиво; здѣсь населеніе самое разнородное, сплошь да рядомъ обитаютъ православные, католики, уніаты, евреи, русскіе, поляки, чухонцы, нѣмцы, курляндцы, словомъ не увидишь двухъ крестьянъ одинаково одѣтыхъ и говорящихъ правильно на одномъ нарѣчіи; смѣшеніе племенъ и нарѣчій напоминаетъ Вавилонское столпотвореніе.... [3]).

На ст. Клястицы (Дриссенскаго уѣзда), 19 мая, ея величество была встрѣчена уѣзднымъ предводителемъ дворянства Дриссенскаго уѣзда, дворянами, а также бургомистромъ и городскимъ головою г. Дриссы.

Обѣденный столъ былъ на ст. у Сивошина перевоза. На этой станціи, какъ находившейся уже въ Полоцкомъ уѣздѣ, государыню ожидали дворяне этого уѣзда съ своимъ предводителемъ, уѣздный судья и земскій исправникъ съ засѣдателями и конная штатная команда.

На станціи Гамзелево [4]), въ 9-ти верстахъ отъ Полоцка, императрицу встрѣтилъ генералъ-губернаторъ, правитель намѣстничества, поручикъ-правитель, губернскій предводитель дворянства съ дворянами, губернская конная команда и губернскій почтмейстеръ съ 12-ю почтальонами.

Въ 6½ часовъ вечера Екатерина II вступила въ Полоцкъ.

Въѣздъ императрицы и ея свиты въ Полоцкъ былъ особенно торжественный: впереди губернскій почтмейстеръ, а за имъ 12 почтальоновъ, потомъ губернская конная команда, губернскій предводитель съ дворянствомъ верхами. Императрица ѣхала въ открытой вызолоченной каретѣ, милостиво и привѣтливо кланяясь стоявшему народу; у самой кареты ѣхалъ генералъ-губернаторъ Чернышевъ: позади кареты слѣдовалъ эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка, встрѣтившій

---

[3]) Сб. Ист. Общ. IX, 47—48.

[4]) Клястицы въ „Дневной запискѣ“ названы Хлястицы, Гамзелева—Замзелево (Сб. Ист. Об. I, 498).

государыню за 5 верстъ отъ города; за кирасирами—запряженныя шестерикомъ придворныя кареты. Пальба изъ пушекъ, разставленныхъ по валамъ, слилась съ колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ и костелахъ.

У тріумфальныхъ воротъ, воздвинутыхъ за городомъ, императрицѣ отдалъ честь стоявшій тамъ лагеремъ лейбъ-кирасирскій полкъ. Здѣсь же государыня была встрѣчена комендантомъ, городовымъ магистратомъ и лучшими гражданами. На воротахъ играла музыка.

Отъ тріумфальныхъ воротъ, по направленію къ городу, стояли по обѣимъ сторонамъ евреи, а у городскихъ воротъ—губернскій магистратъ; по обѣимъ сторонамъ улицы до площади стояли городскіе цехи съ своими знаменами и барабанами, «кои приносили ея императорскому величеству поздравленіе преклоненіемъ, по обычаю своему, знаменъ и барабаннымъ боемъ». На площади, у присутственныхъ мѣстъ, стояли «присутствующіе» и канцелярскіе служители; по другую сторону площади, у іезуитскаго костела (нынѣ Николаевскій соборъ),—католическое и уніатское духовенство: Бѣлорусскій оффиціалъ, кс. Посковскій, вмѣстѣ съ клиромъ, а далѣе построенные въ рядъ іезуиты, доминикане, базиліане—всѣ въ полномъ облаченіи съ крестами. Императрица прямо прослѣдовала чрезъ площадь къ православному собору, гдѣ была встрѣчена преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Псковскимъ и Рижскимъ. Выйдя изъ кареты, государыня пѣшкомъ отправилась въ церковь. Прослушавъ молебень, императрица отправилась въ приготовленный для нея деревянный домъ, надъ Двиною (гдѣ жилъ полоцкій губернаторъ Ив. Мих. Ребиндеръ); остановиться въ каменномъ, пышно отдѣланномъ дворцѣ, на самомъ рынкѣ, государыня не пожелала, такъ какъ стѣны еще не совсѣмъ просохли.

Во все это время продолжался колокольный звонъ и пушечная пальба; на башняхъ играла музыка.

Въ то время, какъ государыня направилась въ приготовленные для нея покои, князь Потемкинъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, прибылъ въ каѳедральный (уніатскій) Софійскій соборъ. Здѣсь князя встрѣтилъ уніатскій митрополитъ Ясонъ Юноша-Смогоржевскій съ базиліанами пѣніемъ Te Deum laudamus (Тебе Бога хвалимъ).

Вечеромъ, въ то время когда императрица играла въ карты, къ ней явились гр. Кобенцель, кн. Понятовскій (племянникъ короля Польскаго) и нѣкоторыя „иностранныя знатныя особы“.

Въ тотъ же вечеръ, въ домѣ генералъ-губернатора былъ концертъ, на которомъ „многіе знатные пріѣзжіе гости находились“.

Приготовленная блестящая иллюминація не удалась, по причинѣ дождя и вѣтра; зато во всѣхъ окнахъ горѣли свѣчи; окна іезуитскаго монастыря и конвикта были украшены, въ видѣ пирамиды, разноцвѣтными лампами; фасадъ базиліанскаго монастыря былъ также великолѣпно иллюминованъ.

Въ письмѣ къ вел. князю, отъ 19-го мая, императрица, между прочимъ, писала: „Я пріѣхала сюда въ 6½ часовъ вечера (во вторникъ) въ совершенномъ здравіи.... Между окнами моими и Польшею только одна Двина, которая здѣсь не очень широка. Въѣздъ мой въ Полоцкъ представлялъ прекрасную картину... Весь день былъ жаркій и теперь [5]) сильный громъ. При въѣздѣ я видѣла зрѣлище совершенно для меня новое: іезуиты, доминиканцы и жиды, стоящіе фронтомъ; послѣдніе весьма неопрятны, первые представляли собою величественный маскарадъ“.... [6]).

Мая 20, въ среду, по утру, въ 11 часу, представлены ея императорскому величеству, во первыхъ: подъ предводительствомъ преосвященнаго архіепископа Псковскаго (Иннокентія) духовенство римско-католицкое разныхъ орденовъ, уніатское и протестантское; потомъ отъ генералъ-губернатора—присутствующіе въ намѣстническомъ правленіи, палатахъ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, губернскій предводитель (Корфъ) и все дворянство; одинъ каноникъ отъ духовенства католическаго, провинціалъ ордена іезуитскаго (Черневичъ, онъ же и ректоръ іезуитскаго коллегіума) [7]), такъ же предводитель губернскій говорилъ ея величеству рѣчи.

Потомъ угодно было ея императорскому величеству удостоить

---

[5]) Письмо писано въ 10 час. вечера.

[6]) Сбор. Истор. Общ. IX, 48.

[7]) Уніатскій митрополитъ, архіепископъ Полоцкій Ясонъ Юноша-Смогоржевскій, по болѣзни, не былъ въ числѣ представлявшихся (Stebelski, II, 459).

высочайшаго обозрѣнія намѣстническое правленіе, палаты, совѣстный судъ, приказъ общественнаго призрѣнія и верхній земскій судъ» [8]).

Затѣмъ государыня прибыла въ іезуитскій костелъ; здѣсь ее встрѣтилъ оффиціалъ Пословскій въ полномъ облаченіи; іезуиты въ комжахъ [9]) были выстроены въ рядъ отъ воротъ костела до внутреннихъ покоевъ, гдѣ былъ приготовленъ пышно украшенный тронъ. Какъ только ея величество вступила на тронъ, провинціалъ произнесъ рѣчь и поднесъ ей стихи на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ наступила торжественная процессія, съ пѣніемъ Te Deum. Во время богослуженія императрица стояла на тронѣ, а гр. Чернышевъ, во время самой процессіи, отдѣлилъ изъ рядовъ новиціевъ [10]) и представилъ ихъ ея величеству. Послѣ процессіи государыня прослѣдовала въ іезуитскій кляшторъ и направилась прямо въ трапезу, гдѣ было все приготовлено для испытанія въ разныхъ наукахъ воспитанниковъ коллегіума. По краткости времени, ея величество разсмотрѣла только архитектурные чертежи. Императрицѣ поднесены были искусно нарисованныя тріумфальныя колонны съ приличными надписями и архитектурными украшеніями (kolossy); на одной изъ этихъ колоннъ, Коринѳскаго ордена, была надпись: Justissimae, Sapientissimae, Clementissimae Catharinae II, totius Rossiae Imperatrici (справедливѣйшей, мудрѣйшей, всемилостивѣйшей Екатеринѣ II, императрицѣ всея Россіи); на другой колоннѣ, Дорическаго ордена: Augustissimae ac Invictissimae Catharinae II, Triumphatrici (Августѣйшей и неодолимой побѣдительницѣ Екатеринѣ II); на третьей колоннѣ, Римскаго ордена: Catharinae II, Liberalium Artium Protectrici Munificentissimae (Екатеринѣ II, щедрой покровительницѣ изящныхъ искусствъ). Ея величество милостиво приняла эти рисунки и передала ихъ генералъ-адъютанту Ланскому. Затѣмъ государыня возвратилась въ костелъ и, похваливъ его украшенія, отправилась во дворецъ.

Въ то время, какъ императрица находилась въ іезуитскомъ костелѣ и кляшторѣ, князь Потемкинъ съ блестящею свитою присут-

---

[8]) Сбор. Истор. Об. I, 399—400; Stebelski. II, 459—460.

[9]) Родъ широкой, сборчатой у ворота, короткой бѣлой рубашки, съ короткими рукавами.

[10]) Вновь поступающіе въ орденъ.

ствовалъ на богослуженіи въ Софійскомъ уніатскомъ каѳедральномъ соборѣ; затѣмъ, около 4 часовъ пополудни, во время вечерни, князь находился въ іезуитскомъ костелѣ [11]).

„Обѣденный столъ изволила ея величество имѣть во дворцѣ, къ коему приглашены были какъ иностранныя знатныя персоны, такъ и первѣйшія изъ здѣшнихъ присутствующихъ; за столомъ при питіи за Высочайшее здравіе ея величества производилась пушечная пальба".

«По полудни представлены ея императорскому величеству штатсъ-дамою, г-жею генералъ-губернаторшею здѣшнею тутошнія дамы, а пріѣхавшія изъ границы знатныя особы—дежурнымъ камергеромъ, кои имѣли честь жалованы быть къ рукѣ» [12]).

Вечеромъ, въ домѣ генералъ-губернатора былъ ужинъ, а затѣмъ маскарадъ, продолжавшійся за полночь, до 3 часовъ.

Ночь была тихая, и городъ былъ великолѣпно иллюминованъ. Рынокъ, улицы, храмы, дома—все горѣло разноцвѣтными огнями; особенно блистательно иллюминованъ былъ іезуитскій костелъ и кляшторъ; передъ костеломъ возвышались четыре громадныя пирамиды, высотою равныя самому костелу; на одной изъ этихъ пирамидъ находилась надпись изъ разноцвѣтныхъ огней: „Victoriis clara, Beneficiis illustrior (славная побѣдами и еще болѣе знаменитая благодѣяніями); на другой пирамидѣ—Terror hostium, Amicorum columen, Amor subditorum (страхъ для враговъ, оплотъ друзей, любовь подданныхъ); пятая пирамида, равная по величинѣ первымъ, стояла со стороны, обращенной къ дворцу, занимаемому императрицей. На башняхъ іезуитскаго костела играла музыка [13]).

Изящно иллюминованъ былъ и базиліанскій монастырь; „представленная отъ еврейскаго кагала на Двинѣ иллюминація" также была великолѣпна.

О впечатлѣніи этого дня на императрицу можно судить изъ ея писемъ. Въ письмѣ къ бар. Гримму находится слѣдующая любопыт-

---

[11]) Stebelski, II, 460—463.

[12]) Сбор. Ист. Об. I, 400.

[13]) Stebelski, II, 463—464.

ная замѣтка объ іезуитахъ. „Въ Полоцкѣ, 20 мая 1780, по возвращеніи отъ іезуитовъ. Я была у нихъ нынче утромъ, слушала „Тебе Бога хвалимъ“ и посѣтила ихъ дома. Тамъ полное веселіе. Вчера, въѣзжая сюда, я была поражена великолѣпіемъ ихъ представительности. Всѣ остальные католическіе ордена свиньи въ сравненіи съ ними. Одно только, что эти люди не пляшутъ. Къ намъ они пожаловали изо всѣхъ странъ. Ей-ей покладные люди! У нихъ здѣсь прекраснѣйшая церковь. Мнѣ они наговорили всяческихъ сладостей на всякихъ языкахъ, кромѣ только тѣхъ, впрочемъ, которые я разумѣю. Ахъ, что за плутовскія физіономіи есть между ними“ [14]).

Въ письмѣ къ великому князю Павлу Петровичу, отъ 21 мая, императрица писала: «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, постоянный куртагъ. Здѣсь большое стеченіе мужчинъ и женщинъ высшаго полета, пріѣхавшихъ изъ Польши... Вездѣ ленты голубыя, да красныя, и духовныя лица всякаго покроя. Вчера я смотрѣла городъ и посѣтила коллегію іезуитовъ. Послѣдніе—народъ очень веселый. Когда я вошла въ церковь коллегіи, они тотчасъ отслужили молебенъ; такъ какъ теперь недѣля праздника Тѣла Божія и св. дары выставлены на поклоненіе, то они съ оффиціаломъ (приходскимъ священникомъ бѣлаго духовенства) во главѣ, прошли по церкви крестнымъ ходомъ, что было весьма величественно; три раза проходили они со св. дарами предъ мѣстомъ, приготовленнымъ для меня. Католики становились на колѣни, и шли, чтобы не отстать отъ нихъ, также преклонялись»... [15]).

«Мая 21, въ день тезоименитства его императорскаго высочества, государя великаго князя Константина Павловича, собрались по утру, въ 9 часовъ, во дворецъ присутствующіе въ намѣстническомъ правленіи, палатахъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ и предводители съ дворянствомъ. Ея императорское величество, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ, въ 11 часу изволила шествовать въ соборную церковь, въ коей совершалъ божественную литургію преосвященный Иннокентій, архіепископъ Псковскій и Рижскій съ соборомъ. Ея императорское величество изволила изъ собора возвратиться во дворецъ, куда слѣ-

---

[14]) Сбор. Ист. Об. XXIII, 181—182.

[15]) Сбор. Ист. Об. IX, 49—50.

довали и всѣ присутствующіе и предводители съ дворянствомъ и, по вступленіи въ залу, приносили всеподданнѣйшее ея императорскому величеству поздравленіе, что и иностранныя знатныя особы учинили» [16]).

Обѣденный столъ былъ на 100 кувертовъ, къ которому приглашенъ былъ помянутый архіепископъ, и какъ пріѣзжія, такъ и здѣшнія знатнѣйшія обоего пола персоны; при питіи за Высочайшее здравіе производилась пушечная пальба.

Вечеромъ во дворецъ былъ балъ, на которомъ было отъ 400 до 500 человѣкъ [17]).

Городъ былъ иллюминованъ, такъ же блистательно, какъ и 20 числа, только на башнѣ іезуитскаго костела, обращенной къ дворцу, занятому ея величествомъ, вмѣсто пирамиды, устроенъ былъ на транспарантѣ портретъ государыни, окруженный со всѣхъ сторонъ гербами главнѣйшихъ городовъ Россійской имперіи [18]).

„Мая 22—день назначенъ былъ къ Высочайшему отшествію изъ Полоцка, а потому всѣ какъ присутствующіе, такъ городскіе цехи, мѣщанство и евреи стали на показанныхъ имъ мѣстахъ и по дорогѣ къ Могилеву до тріумфальныхъ воротъ. Ея императорское величество, въ 8 ч. по утру, изволила вытти изъ внутреннихъ покоевъ и, въ сопровожденіи генералъ-губернатора, сѣсть въ дорожный экипажъ [19]).

---

[16]) Сбор. Ист. Об. I. 400.

Стебельскій (Stebelski, II. 464—465) приводитъ при этомъ любопытную подробность: „Ожидали прибытія ея императорскаго величества въ каѳедральную (уніатскую) церковь, на замкѣ, гдѣ уже было все приготовлено къ встрѣчѣ ея величества и былъ приготовленъ красиво убранный тронъ. Но извѣстный русскій сенаторъ (pewny senator Rossyjski), относящійся непріязненно къ архіеписку и къ монастырю нашему (базиліанскому), приказавъ чернецамъ своимъ нарочно продлить богослуженіе, на которомъ присутствовала государыня, достигъ того, что она въ означенной каѳедрѣ не была, чѣмъ осталась весьма недовольною".

[17]) Сбор. Ист. Об., IX. 51.

[18]) Stebelski, II, 466—472.

[19]) Въ письмѣ, помѣченномъ 22 мая, 8 ч. утра, императрица писала великому князю Павлу Петровичу: „Я выѣзжаю отсюда (изъ Полоцка) черезъ часъ... Погода посвѣжѣла здѣсь послѣ грозы, случившейся третьяго дня; отъ сильныхъ дождей вода въ Двинѣ поднялась и взорвала мостъ въ нѣсколько часовъ; намъ придется переѣхать Двину на паромѣ къ обѣденному времени"... (Сб. Ист. Об. IX, 51).

Во время шествія черезъ городъ производился при всѣхъ церквахъ колокольный звонъ и играніе музыки при монастыряхъ, на башняхъ; также пушечная пальба [20]). Путь лежалъ мимо Струни [21]); здѣсь встрѣтилъ императрицу уніатскій архіепископъ Полоцкій Ясонъ Юноша-Смогоржевскій, съ которымъ государыня, нѣкоторое время, милостиво бесѣдовала [22]).

„Изъ поляковъ государыню сопровождали: племянникъ короля польскаго кн. Станиславъ Понятовскій [23]), воевода брестскій Янъ Зибергъ, воевода люблинскій Игнатій Твардовскій, каштелянъ трокскій Андрей Огинскій, каштелянъ полоцкій Ѳаддей Жаба, писарь скарбовый литовскій Юстиніанъ Щитъ, староста ошмянскій Ѳаддей Коцеллъ, староста стародубскій Іосифъ Храповицкій, староста инлянтскій Іосифъ Плятеръ и другіе.

„До первой отъ Полоцка почтовой станціи, 32 версты,—имѣли счастіе полоцкіе дворяне съ предводителемъ и уѣздные присутствующіе препровождать ея императорское величество, гдѣ, не перемѣняя лошадей, продолжалось Высочайшее шествіе до станціи Островлянъ— 27 верстъ. Здѣсь изволила ея императорское величество вытти изъ кареты во дворецъ и кушать завтракъ.

---

20) Сб. Ист. Об. I, 403.

21) Имѣніе архіеп. уніатскихъ, въ 7 вер. отъ Полоцка.

22) Stebelski, II, 473.

23) „Воспоминанія" кн. Ст. Понятовскаго (въ переводѣ на русскій яз.) напечатаны въ „Русской Старинѣ" (сентябрь 1898 г.). Содержаніе ихъ касается, главнымъ образомъ, неоднократныхъ поѣздокъ Понятовскаго въ Россію и его жизни при дворахъ императрицы Екатерины II и императора Павла I.—О пребываніи въ Полоцкѣ сказано нѣсколько словъ: „Въ Полоцкѣ находилась іезуитская коллегія, и императрица, никогда не видѣвшая католическаго богослуженія, пожелала присутствовать на немъ. Зданіе коллегіи—красиво, но сама обѣдня вышла въ высшей степени жалкой и нищенской. Императрица соскучилась и, подозвавъ Понятовскаго, сказала:

— Признаюсь, у меня было совершенно иное представленіе объ іезуитахъ.

— Не судите, ваше величество, о нихъ по тому, что видите здѣсь, отвѣчалъ Понятовскій, но соблаговолите вспомнить, что іезуиты были преторіанскою стражею папы".

Это заставило ее разсмѣяться, и она терпѣливо выстояла до конца обѣдни".

„Отсюда, по перемѣнѣ лошадей, на ст. Дубовикахъ, 23 вер.,— слѣдовала до почтовой станціи, Куриловщина называемой,—17 вер. На оной изготовленъ былъ для ея императорскаго величества обѣденный столъ, и ожидали Высочайшаго прибытія дворяне съ предводителемъ Витебскаго уѣзда, уѣздный судья съ засѣдателями, земскій капитанъ-исправникъ съ засѣдателями, бургомистры города Витебска, городской голова, также штатная конная команда; дворянство и уѣздные присутствующіе имѣли счастіе представлены быть ея императорскому величеству отъ генералъ-губернатора и препровождать ея императорское величество до границы Полоцкаго намѣстничества, къ деревнѣ Будилову (Будислово ?), лежащей на берегу р. Двины. Правитель Полоцкаго намѣстничества, губернскій дворянства предводитель, такъ какъ и полоцкій и витебскій предводители съ дворянствомъ ея императорскому величеству тутъ откланялися; а ея императорское величество изволила пересѣсть изъ кареты въ шлюпку и, по переправѣ чрезъ Двину, встрѣчена на берегу, яко на границѣ Могилевскаго намѣстничества, генералъ-губернаторомъ и другими лицами“ [24]).

„Во время пребыванія ея императорскаго величества въ Полоцкѣ собраны были свѣдѣнія, касающіеся до него и отчасти до всей губерніи, по коимъ оказалось:

1) Губернія раздѣлена на уѣзды, кои составлены изъ числа душъ, установленнаго высочайшими учрежденіями, и всѣ мѣста, по тѣмъ учрежденіямъ опредѣленныя, находятся въ дѣйствіи, отправляя дѣла съ успѣхомъ, такъ что во всѣхъ верхнихъ правленіяхъ нерѣшенныхъ дѣлъ считается только двадцать, а по всѣмъ уѣздамъ двѣсти десять; колодника нѣтъ ни одного; если же отъ одного срока къ другому не всѣ дѣла очищаются, то сіе происходитъ отъ того, что нерѣдко оказывается надобность дѣлать справки съ заграничными архивами.

2) Собираемые въ губерніи доходы употребляются на узаконенные въ оной же расходы; недоимокъ же по всей губерніи почитается только на двадцать рублей.

---

[24]) Сб. Ист. Об. I, 403.

3) Оброчныя статьи въ казенныхъ оставшихся деревняхъ переоброчены, изъ нихъ получается до тысячи трехъ сотъ рублей.

4) Городъ Полоцкъ, до присоединенія его къ имперіи Всероссійской, имѣлъ одно токмо именованіе города, и кромѣ евреевъ, мелкій торгъ производящихъ, въ немъ не было почти другихъ мѣщанъ. Въ краткое время торгъ его внутренними продуктами къ Рижскому порту возрастать сталъ и достигъ до того, что одни жители сего города отправляютъ хлѣба, пеньки, льна, лѣса и поташа на двадцать пять тысячъ рублей; а и прочіе города сей губерніи производятъ таковой же торгъ до трехсотъ тысячъ рублей. Въ губерніи основаны заводы стеклянные, кожевенные и поташные; земледѣліе и скотоводство отъ времени далѣе умножается и приводится въ лучшее состояніе; запасные магазейны заведены.

5) Казенныя строенія въ городѣ большею частью окончены, а по уѣздамъ съ успѣхомъ производятся; дороги и почты въ надлежащей исправности находятся; въ Полоцкѣ и Витебскѣ построены особливо каменные магазейны для хлѣба.

6) Въ Полоцкѣ и другихъ городахъ сея губерніи считается шесть разныхъ училищъ, въ коихъ обучаются изъ дворянъ до трехъ сотъ человѣкъ и изъ мѣщанъ сто тридцать человѣкъ. Преосвященный епископъ Псковскій вновь завелъ въ городѣ Невлѣ школу, въ коей начальныя основанія ученія преподаются съ успѣхомъ. Нищіе въ богадѣльняхъ призрѣны, больницы же заводятся.

7) Совѣстный судъ, со времени своего учрежденія, предуспѣлъ окончить великое множество споровъ. и тѣмъ возстановить спокойствіе между многими родами и домами. Довѣренность, кою жители тамошніе къ сему мѣсту имѣютъ, есть главнѣйшею причиною, что суды сея губерніи не столько затруднены дѣлами, какъ въ другихъ губерніяхъ.

8) Съ распространеніемъ земледѣлія умножилось изобиліе и дешевизна въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что ржи четверть продается отъ рубля шестидесяти коп. и до рубля, овесъ—отъ рубля двадцати коп. и до восьмидесяти коп., пудъ сѣна ниже десяти коп., фунтъ мяса ниже двухъ коп.

9) Общія нужды главнѣйше предъявлены, первое, въ межеваніи;

второе, въ ссудѣ городскимъ обывателямъ, для построенія прочнымъ образомъ ихъ домовъ; третіе, въ поправленіи тарифа; четвертое, въ недостаткѣ мѣдныхъ денегъ на размѣнъ ассигнацій и золотой или серебряной монеты.

„Ея императорское величество, что до пособія городскимъ жителямъ въ строеніи касается, повелѣть изволила господину генералъ-губернатору представить мнѣніе свое съ исчисленіемъ суммы на то потребной; города Полоцка укрѣпленія привести въ надлежащее состояніе, сходное его положенію; межеваніе, по окончаніи въ ближайшихъ губерніяхъ, ввести; равно какъ по прочихъ пунктахъ ея величество предоставила учинить, въ свое время, всемилостивѣйшее свое рѣшеніе. Сверхъ того угодно было ея величеству указать: дать на тамошній Богоявленскій благочестивый монастырь пять сотъ рублей, на гимназію Псковской епархіи, въ сей губерніи основанную, двѣсти рублей, на городскіе школы въ Полоцкѣ и прочихъ десяти городахъ по сту рублей, а на всѣ—тысячу сто рублей; на двадцать четыре богадѣльни во всей губерніи по пятидесяти рублей на каждую; на всѣ же тысячу двѣсти рублей; на раздѣлъ нищимъ обоего пола на человѣка по два рубля, а на сто шестьдесятъ человѣкъ—триста двадцать рублей; моняхинямъ, называемымъ сестрами милосердія, двѣсти рублей; двумъ православнымъ монастырямъ каждому по двѣсти рублей; на двадцать три благочестивыя церкви въ губерніи на каждую по сту рублей, а на всѣ церкви—двѣ тысячи триста рублей“ [25]).

А. Сапуновъ.

---

[25]) Сбор. Ист. Об. I, 401—402.

Приложеніе

къ статьѣ „Пребываніе императрицы Екатерины II въ Полоцкѣ".

„Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780 г. СПБ. При СПБ. Импер. Акад. Наукъ". [1]).

Бѣлоруссія.

Сія новая страна, коей краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки къ Россіи подъ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II.

Названіе *Бѣлоруссіи*, или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ: иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ снѣговъ; другіе—отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлымъ Царемъ;* иные же—отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изстари въ Россіи назывались *бѣлыми землями)*, когда сія страна подпала литовскому владѣнію. Но всѣ сіи догадки неосновательны: снѣгами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіе Татаръ на Россію прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоброчной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ

[1]) Было сдѣлано заразъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами—147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями—133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи—стр. 42—121, по первому изъ этихъ изданій. Мал. 8⁰. Сл. „Исторія Русской Этнографіи, Т. IV. Бѣлоруссія и Сибирь". А. Н. Пыпина. СПБ. 1892.

Такъ какъ книга „Топографическія примѣчанія" составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, то та часть этой книги, гдѣ описывается Полоцкое намѣстничество, перепечатана въ настоящемъ *Приложеніи*. А. С.

землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ окольныхъ странъ. Итакъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ Литвянъ въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой*, *Малой* и *Червонной Россіи*.

Предѣлами Бѣлой Россіи въ разныя времена различныя были области. Въ несчастныя времена для Россіи, когда отъ запада Гедиминъ и сынъ его Ольгердъ, а отъ востока и юга—Татары раздѣленныхъ тогда князей Россійскихъ и землями и согласіемъ въ такое привели состояніе, что одинъ другого отъ непріятельскаго нападенія защищать не могъ,—то отрѣзанная часть отъ Россіи отъ верховья Днѣпра и по западной части Двины лежащія области названы были Бѣлою Русью. Къ ней принадлежали тогда княжества: Смоленское, Мстиславское, Витебское и Полотское съ ихъ повѣтами.

Расхищенную на части Россію, лишившуюся въ тѣ времена многихъ своихъ наслѣдственныхъ земель (ибо Великій Владиміръ обладалъ большею частію Литвы, Подляхіею [2]), Червонною Россіею, ближнею Подоліею, княжествами Смоленскимъ, Полотскимъ, Витебскимъ, Новгородскимъ, Тверскимъ, Сѣверскимъ, Черниговскимъ и стороною, лежащею между рѣками Вильною и Припетью) [3]),—великій князь Іоаннъ Васильевичъ, преславный подъ единовластіе собиратель раздѣленныя на многія и разныя княжества Россіи, низложитель татарскія гордыни и власти, и сынъ его Василій Ивановичъ присоединять начали паки оторванныя части. Тогда поддалися Черниговское и Сѣверское княженія, отъ Бѣлой Россіи отрѣзанъ былъ Смоленскъ; но сей городъ въ смутныя времена, до избранія на царство государя царя Михаила Θеодоровича, пришелъ во власть польскую и остался за нею до государя царя Алексѣя Михайловича. Государь царь Іоаннъ Васильевичъ взялъ многія области въ Литвѣ; но сіи паки отняты были польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Премудрый и храбрый государь царь Алексѣй Михайловичъ, присоединивъ навсегда къ Россіи Смоленскъ, покорилъ оружіемъ многія бѣлороссійскіе и

---

[2]) Подляшье (Люблин. и Сѣдл. губ.); въ подлинникѣ „Подлассіею“. А. С.

[3]) Въ подлинникѣ: „Припечью“. А. С.

литовскіе города даже до столичнаго литовскаго города Вильны. Но учиненныя сему великому государю препятствія со стороны шведской всѣ завоеванія, кромѣ Смоленска, оставить принудили. Итакъ, часть сія древняго наслѣдія Россіи предоставлена была благополучнымъ для Россіи нынѣшнимъ временамъ, въ кои предѣлы ея разширены и обезопасены, и все обстоятельствами временъ потерянное пріобщено и утверждено подъ державу Екатерины II. Бѣлорусскія области присоединены къ Россіи въ 1772 году, какъ-то: повѣтъ Дюнабургской, воеводства Мстиславское, Витебское; части повѣтовъ Оршанскаго и Рѣгицкаго; воеводство Мстиславское и округъ Могилевской—подъ единымъ названіемъ *Бѣлоруссіи*. Въ началѣ вся Бѣлоруссія раздѣлена была на двѣ губерніи, на Псковскую и Могилевскую. Къ Псковской губерніи отдѣлены были отъ обширнѣйшей Новгородской губерніи провинція Псковская, городъ Опочка, коему и назначено быть губернскимъ городомъ, Островокъ, Заволочье, Торопецъ съ ихъ уѣздами, провинція Великолуцкая, новоприсоединенныя провинціи Полотская, Витебская и Двинская, то есть: Польская Лифляндія. Могилевскую губернію составляли провинціи: Могилевская, Мстиславская, Оршанская и Рогачевская.

Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе, облегчившія затрудненія, происходившія отъ стеченія различныхъ дѣлъ въ одномъ правительствѣ, и доставившія чрезъ то скорое онымъ теченіе, не волокитное удовольствіе обиженному; обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества, оградившія отличностію среднее состояніе; защитившія и наставившія классъ земледѣлателей, словомъ, показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія,—озарили и новопріобрѣтенныя области.

Сіи болѣе своевольствомъ, нежели вольностію, правимыя разными законами судимы были. Тутъ господствовало право Магдебургское, индѣ Польское, а индѣ смѣшанное, и по тому оставались жители въ неизвѣстности прямаго своего права и закона. Шляхтичи и дворяне не рѣдко употребляли право сильнѣйшаго, да и самые ихъ сеймики часто стоили многимъ не только увѣчья, но и жизни; богатый всегда господствовалъ, малосильный вездѣ притѣсненъ былъ, словомъ, ни-

кто не имѣлъ прямой своей безопасности. Государственное и частное домостроительство оставалось въ сущемъ небреженіи; зажиточные люди погружены были въ праздности; малолѣтство свое провождали въ іезуитскихъ школахъ, въ коихъ главное ихъ упражненіе было, чтобы научиться первымъ основаніямъ латинскаго языка, да и самые ревностнѣйшіе далѣе риторики не доходили; взрозши, записывались въ службу Рѣчи Посполитой, да и тутъ не дѣломъ, но единымъ именемъ отправляли свою службу. Земледѣлецъ, пользуясь своевольствомъ, никогда не рачилъ о прямомъ удобреніи земли своей, но обѣднявъ на одной, искалъ разжиться на другой и, перебѣгая изъ мѣста въ мѣсто, твердаго и постояннаго часто не основывалъ себѣ жилища.

Итакъ, каждой исторгалъ изъ земли, что могъ, не удовлетворяя ничѣмъ оной и изнуряя ея силы до истощенія; оттого примѣтно, земля сія прежде была менѣе плодородна, нежели становится нынѣ, когда благоустройство страну сію оживило. Усилившіеся въ сихъ мѣстахъ жиды немало способствовали общей бѣдности. Въ деревняхъ и мѣстечкахъ они главные были винокуры и винопродавцы; за малую плату помѣщику лишали они крестьянъ хлѣба; въ ихъ рукахъ были всѣ крестьянскія надобности, всѣ ихъ должно было купить хлѣбомъ; и такъ въ нарочито плодородной землѣ не рѣдко помѣстный случался голодъ, а жиды труды селянъ поглощали въ свои шабасы. Самыя ихъ жилища, хотя окруженныя лѣсомъ, не только вида, но и нужной уютности не имѣли; скотъ ихъ оставался безъ призрѣнія, и потому нерѣдко они его лишались; торги ихъ приносили пользу, да и то не надлежащую, владѣльцамъ и жидамъ; бѣдные люди во всемъ претерпѣвали недостатокъ, такъ что пудъ соли, въ отдаленныхъ отъ рѣкъ областяхъ, продавался по рублю и болѣе. Не было нигдѣ между городовъ и мѣстечекъ удобнаго сообщенія, и жители то зацѣплялись въ лѣсахъ, то утопали въ болотахъ, или испровергались въ рытвинахъ.

Неустройству послѣдовали теперь устроеніе и порядокъ, всякій обнадеженъ безопасностію, всякій просвѣщенъ о выгодахъ, состоянію его совмѣстныхъ: селянинъ рачитъ о своей землѣ, какъ ему на всегдашнее жилище опредѣленной; купецъ—о промыслѣ подъ ненарушимымъ покровительствомъ правъ его.

Наконецъ, въ исполненіе плана распредѣленія удѣловъ имперіи, 24 августа 1776 г., составлено Полотское намѣстничество, которое симъ отдѣлилось отъ Псковского и состоитъ изъ одиннадцати уѣздовъ, кои суть: Полотскій, Дриссенскій, Себежскій, Невельскій, Дюнабургскій, Рѣжицкій, Люцинскій, Витебскій, Велижскій, Городецкій и Суражскій.

Равнымъ образомъ учреждено и Могилевское намѣстничество.

Полотское намѣстничество.

Въ немъ Полотскъ, намѣстническій городъ, разстояніемъ отъ Санктпетербурга, чрезъ Нарву и Псковъ,—во 678, отъ Могилева—въ 217, отъ Лифляндской границы—261, отъ Смоленской—во 149, отъ Псковской границы—въ 248 верстахъ.

Названіе свое имѣетъ отъ рѣки Полоты, выходящей изъ озера и впадающей съ правой стороны въ Двину подъ самымъ городомъ. Сей есть древнѣйшій городъ во всей Бѣлоруссіи и съ самыхъ старинныхъ временъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Пелтискумъ. Великій Владиміръ наслѣдовалъ Полотскимъ княженіемъ по супругѣ своей Рогнѣдѣ, дочери варяжскаго князя Рогволда, который умеръ бездѣтенъ. При раздѣлѣ государства дѣтямъ своимъ, далъ сіе княжество сыну своему Изяславу, рожденному отъ Рогнѣды; отъ сего произошли полотскіе князья, владѣвшіе черезъ 200 лѣтъ всею Литвою, Лифляндіею, Курляндіею до рѣки Мемеля. Но и послѣ того городъ сей пребылъ литовскою столицею до построенія Гедиминомъ города Вильны, и Россійскіе государи титло Полотскаго княжества употребляли до временъ императора Петра Великаго. Но какъ въ 1383 году, при великомъ князѣ литовскомъ Ягеллѣ Ольгердовичѣ, Литва соединена стала съ Польшею, то и Полоцкъ сдѣланъ воеводствомъ, съ исключительнымъ однакожъ шляхетству правомъ избирать себѣ воеводу, котораго король только подтверждалъ. Въ семъ городѣ свѣтъ христіанскія вѣры первѣе возсіялъ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ Стрыйковскій, во времена Радзивилла, во святомъ крещеніи Юріемъ нареченнаго, появвшаго въ супружество княжну Марію, дщерь

великаго князя Тверского [4]). Сынъ его Борисъ сооружать началъ нѣкоторые храмы: въ городѣ церковь святыя Софіи; въ четверти мили отъ Полоцка, въ Бѣльчицахъ, основалъ мужескій монастырь, да въ полумили, вверхъ по рѣкѣ Полотѣ,—женскій, и благочестіе пребыло въ немъ непоколебимо до короля Стефана, при коемъ началось притѣсненіе греческой церкви, и совершилось при королѣ Сигизмундѣ, который позволилъ іезуитамъ въ Полотскѣ укорениться. Отъ сихъ гоненій произошли такъ-называемые уніаты. Однако, несмотря на все сіе, еще и до нашихъ временъ многіе пребывали въ православіи. Въ 1239 году святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій взялъ въ супружество полотскую княгиню; обрученіе было въ Торопцѣ.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ (III) неоднократно покушался отнятое у предковъ его Полотское княжество возвратить, что и сынъ его великій князь Василій Іоанновичъ всячески исполнить тщился, потому страна сія въ 1514 году россійскими войсками была опустошаема, городъ же Полотскъ взятъ не былъ. Но государь царь Іоаннъ Васильевичъ, расположася становъ при помянутомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и собственнымъ своимъ присутствіемъ осаждающихъ ободряя, взялъ сей городъ 15 февраля 1563 г. Былъ онъ въ его власти до 30-го августа 1579 года, въ которое время польскій король Стефанъ Баторій паки возвратилъ его Польшѣ. При государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1655 г., взятъ былъ Полотскъ вторично, въ коемъ и самъ государь находился 9 іюля 1656 года.

Гербъ княжества сего: въ черномъ полѣ бѣлый всадникъ, нося-

---

[4]) Тутъ путаница. Христіанство, безъ сомнѣнія, утвердилась въ Полоцкѣ уже при Владимірѣ Святомъ и его сынѣ Изяславѣ.

Подъ Радзивиломъ здѣсь, очевидно надо разумѣть Гинвила, котораго Стрыйковскій считаетъ полоцкимъ княземъ, но котораго, въ дѣйствительности, не было. Кн. полоцкій Борисъ, которому приписывается построеніе нѣкоторыхъ храмовъ въ Полоцкѣ, былъ сынъ Всеслава Брячиславича.

Іезуитовъ пригласилъ въ Полоцкъ и отдалъ имъ почти всѣ православные монастыри и храмы король Стефанъ Баторій.

Женскій монастырь основанъ преп. Евфросиніею кн. полоцкою, ею же сооруженъ и храмъ Всемилостиваго Спаса въ этомъ монастырѣ. А. С.

щій обнаженный мечъ и щитъ голубой, на которомъ подобный тому же всадникъ изваянъ [5]).

Сіе древнее Россійскихъ государей наслѣдіе, претерпѣвшее толикія перемѣны, многія силы и славы своей лишилось. Укрѣпленія полотскія ничего почти не значатъ: съ прiѣзда въ оный отъ С.-Петербурга находится земляной замокъ, который, вслѣдствіе крутого берега рѣки Полоты, съ сѣверной стороны подъ нимъ текущей, и двинскаго берега, крѣпкое имѣетъ положеніе; но онъ оставленъ былъ безъ надлежащаго призрѣнія. Сіе укрѣпленіе сдѣлано было Стефаномъ Баторіемъ. Валъ, окружающій весь городъ, также весьма унизился. Итакъ, знаменитѣйшее зданіе въ семъ городѣ составляетъ іезуитскій монастырь, основанный часто упоминаемымъ королемъ Стефаномъ; онъ какъ наружною огромностію, такъ и внутреннимъ украшеніемъ всѣ іезуитскія коллегіи въ Бѣлоруссіи превосходитъ; къ нему принадлежитъ пространное каменное строеніе, гдѣ іезуитское заведено училище. Кромѣ сего, есть въ немъ монастырь доминиканскій деревянный, францисканскій каменный и базиліанскій каменный же, построенный въ кремлѣ, коего основатель былъ полотскій князь Борисъ, какъ выше сказано. Въ томъ же замкѣ деревянный монастырь уніатскихъ монахинь да греческій деревянный монастырь въ Нижнемъ городѣ и три уніатскія церкви. Прочее строеніе въ городѣ простое, деревянное, состоящее изъ 250 домовъ мѣщанскихъ и 100 жидовскихъ. Нынѣ же казеннымъ иждивеніемъ городъ сей украшается и каменные, порядочно расположенные, застраиваются дома. Главу уніатскаго духовенства составляетъ тутъ епископъ, пребываніе свое верстахъ въ 5-ти отъ города, вверхъ по рѣкѣ Двинѣ, имѣющій [6]); купечества въ городѣ 42 человѣка, мѣщанъ 395 и 478 жидовъ. Купцы незажиточны, которые, какъ и весь уѣздъ Полоцкій, имѣютъ, хотя небольшіе, торги съ Ригою, состоящіе во льнѣ, пенькѣ, лѣсахъ, хлѣбѣ, медѣ, воскѣ, поташѣ и скотѣ. Городъ, по древнему обыкновенію, построенъ частію на покатомъ берегу рѣки Двины и называется

---

[5]) Не точно: „Woiewodztwo Poł. w herbie swoim nosi pogonia Litewską, w białem polu, albo, jako inni chcą, na czerwonej chorągwi“ (Hebrarz Pol. K. Niesieckiego, wyd. pr. Bobrowicza, I, 188). А. С.

[6]) Струнь. А. С.

Нижнимъ городомъ, а большая часть онаго—на равнинѣ, отъ поката идущей, и сія часть называется Вышнимъ городомъ.

Уѣздъ Полотскій составляютъ 1247 деревень. Жителей во всемъ уѣздѣ 25649 душъ и 841 жидъ.

Уѣздъ Дрызинскій.

Въ немъ городъ Дрызинъ, внизъ по рѣкѣ Великой [7]), отъ Полотска въ 70 ти верстахъ. Сей городъ былъ прежде мѣстечкомъ съ одною деревянною католицкою церковію. Жители его составляли 60 мѣщанъ и 13 жидовъ. Къ уѣзду его нынѣ причисляются: мѣстечко Освии [8]), 1101 деревня, 27312 душъ всѣхъ жителей да 839 жидовъ.

Уѣздъ Себежскій.

Въ немъ городъ Себежъ, въ 104 верстахъ отъ Полотска, названный по озеру того же имени, на которомъ онъ стоитъ. Сей городъ построенъ въ 1535 году, по указу государя царя Іоанна Васильевича, Иваномъ Бутурлинымъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ [9]). Въ слѣдующій годъ тщетно дѣлали къ нему приступъ литовскія войска, и по сему построена въ немъ была первая трехпрестольная церковь. Въ немъ есть также базиліанскій дѣвичій монастырь. Жителей его нынѣ составляютъ: мѣщанъ и купцовъ 361 да 52 жида. Къ уѣзду его причислено 1421 деревня, а во всемъ уѣздѣ 27768 душъ да 297 жидовъ.

Уѣздъ Невельскій.

Въ немъ городъ Невель, названный по обширному озеру, при которомъ онъ стоитъ, въ 99 верстахъ отъ Полотска. Въ семъ находится и монастырь греческаго исповѣданія, также уніатская и католицкая церкви; жителей его составляютъ: 835 купцовъ и мѣщанъ и 123 жида. Къ уѣзду сего города причислены 2113 деревень и 28425 душъ крестьянъ да 454 жида.

---

[7]) Дрисса при р. Западной Двинѣ, а не при р. Великой. А. С.

[8]) Мѣст. Освѣй. А. С.

[9]) Въ 1535 г. построены укрѣпленія Себежа, а городъ существовалъ раньше. А. С.

Уѣздъ Дюнабургскій.

Въ немъ городъ Дюнабургъ, въ 173-хъ верстахъ отъ Полотска, внизъ по рѣкѣ Двинѣ, на правомъ берегу которой онъ стоитъ. Построенъ онъ въ 1275 [10]) году лифляндскими рыцарями. Въ 1576 году взятъ былъ и разоренъ государемъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Потомъ возвращенъ паки королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который его вновь укрѣпилъ, но въ двухъ миляхъ ниже прежняго мѣста, (на прежнемъ стоитъ деревня, подъ именемъ деревни Замокъ) и учредилъ тутъ іезуитскую коллегію. Государь царь Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ имъ вторично въ 1656 году, 30 іюля, и назвалъ его Борисоглѣбскъ; но и тогда вскорѣ оторванъ онъ былъ отъ Россіи и остался при Польшѣ до присоединенія Бѣлой Россіи.

Въ немъ есть необходимое земляное укрѣпленіе, вышесказанная іезуитская коллегія и деревянная католицкая церковь. Жителей его составляютъ: 157 душъ мѣщанъ и 67 жидовъ. Въ уѣздѣ же его 2 мѣстечка: Крейцбургъ [11]) и Креславль; 945 деревень; всѣхъ жителей 28191 да 1248 жидовъ.

Креславль отъ Полоцка во 140 верстахъ, на самой Двинѣ, выстроенъ весьма порядочно; въ немъ все строеніе каменное, и на горѣ великолѣпный домъ графа Плятера, съ регулярнымъ садомъ и съ прудами. Въ семъ мѣстечкѣ много всякаго рода искусныхъ художниковъ.

Уѣздъ Рѣзицкій.

Въ немъ городъ Рѣзица, во 190 верстахъ отъ Полотска. У лифляндскихъ землеописагелей называется онъ Розиттенъ; лежитъ при рѣчкѣ Розиттѣ [12]), впадающей съ восточной стороны въ озеро Лубань. Первый въ немъ замокъ построенъ былъ въ 1285 [13]) году, но едва его малые видны остатки. Въ 1577 и 1578 годахъ упоминается

[10]) Въ подлинникѣ: „въ 1271 г.". А. С.

[11]) Въ подлинникѣ: „Жборгъ"; въ русскихъ лѣтописяхъ Крейцбургъ извѣстенъ подъ именемъ Крыжборъ. А. С.

[12]) Р. Рѣжица. А. С.

[13]) Въ подлинникѣ: „1289 г.". А. С.

о немъ между завоеванными лифляндскими замками царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, въ коемъ и воеводою былъ князь Петръ Семеновичъ Лобановъ Ростовскій. Въ немъ нынѣ жителей 42 купцовъ и мѣщанъ, а во всемъ уѣздѣ 1014 деревень и 28014 душъ христіанъ да 581 жидъ.

Уѣздъ Луцинскій.

Въ немъ городъ Луцинъ, во 164 верстахъ отъ Полотска, названіе свое имѣющій отъ рѣчки Луцъ, впадающей въ рѣку Розиттенъ [14]). Онъ построенъ былъ въ 1399 году подъ именемъ Лудзена и при польскомъ владѣніи составлялъ старосто. Въ числѣ завоеваній государя царя Іоанна Васильевича упоминается о немъ подъ именемъ Лужи. Въ немъ мѣщанъ 195 да 32 жида. Къ уѣзду его причисляется 1145 деревень, а во всемъ уѣздѣ 28080 христіанъ да 661 жидъ.

Уѣздъ Витебскій.

Въ немъ городъ Витебскъ, названный по рѣкѣ Витьбѣ, черезъ городъ протекающей и впадающей въ Двину, отъ Полотска въ 109, отъ Могилева въ 217 верстахъ.

Витебскъ по Полотскѣ древностію прочіе города въ семъ намѣстничествѣ превосходитъ; о немъ упоминается въ X столѣтіи по Р. X. у греческихъ писателей по тому, что сѣверные народы ходили по Днѣпру почти мимо сего города въ Грецію [15]). При государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятъ онъ былъ россійскими войсками въ 1654 г., и государь самъ изволилъ въ немъ быть 1656 года 20 іюня, а отъ него продолжалъ путь ко взятію Динабурга и къ осадѣ города Риги. Гербъ города: въ голубомъ полѣ всадникъ бѣлый съ саблею въ рукахъ [16]).

Лучшій сей въ Бѣлоруссіи городъ раздѣленъ Двиною на двѣ части, изъ коихъ по лѣвую сторону рѣки лежащая есть большая.

---

[14]) Люцинъ находится между двумя озерами: Большая и Малая Лужа. А. С.

[15]) Очевидно, имѣется въ виду извѣстіе Константина Багрянороднаго о „Bitizebe"; но это—Витичевъ, а не Витебскъ. А. С.

[16]) Не точно: „Woeiewodztwo Witebskie nosi za herb męza na koniu białym, rząd złoty, w polu czerwonem" (Herbarz Pol. K. Niesieckiego, wyd. pr. Bobrowicza, I, 198). А. С.

Сія также раздѣляется на другія три части рѣчкою Витьбою и буеракомъ такимъ образомъ, что Витьба, впадая въ Двину, отсѣкаетъ большую часть жительства, вверхъ по Двинѣ, на покатѣ угорка лежащаго. За Витьбою, противъ онаго жительства, на возвышенномъ мѣстѣ находится замокъ, обнесенный отъ Витьбы высокимъ землянымъ валомъ. За замкомъ въ превеликомъ буеракѣ бѣжитъ въ Двину небольшой ручеекъ, за которымъ на угоркѣ находящаяся часть города называется Заручевье; къ сему буераку отъ Витьбы, позадь замка, подходитъ также буеракъ, чрезъ который къ жительству, вверхъ по горѣ лежащему, сдѣланъ мостъ, называемый Кривой; чрезъ Витьбу къ замку другой находится мостъ, который Краснымъ называется; третій мостъ отъ замка къ Заручевью никакого наименованія не имѣетъ.

На Заручевьѣ лучшее строеніе: одна приходская каменная церковь и дѣвичій базиліанскій монастырь, который вверхъ по буераку, позади всего жила, поставленъ.

Въ замкѣ отмѣнитость составляютъ монастыри: іезуитскій, плебанскій [17]), тринитарскій и доминиканскій; въ немъ же находится и дѣвичій монастырь марціанновъ [18]). За краснымъ мостомъ, кромѣ двухъ монастырей—бернардинскаго и великолѣпнаго базиліанскаго, изъ коихъ первый возлѣ самаго моста, а другой—на высокомъ холмѣ двинскаго берега, Лысою горою называемомъ, стоитъ,—находится нѣсколько и каменныхъ домовъ обывательскихъ.

Правый берегъ рѣки Двины, на которомъ другая часть стоитъ города, ниже лѣваго и ровнѣе, жительство на немъ порядочнѣе и строеніе лучше, между коимъ есть не мало и каменнаго; также монастырь піарскій (Piarum scholarum) и каменная приходская церковь.

Домовъ обывательскихъ 1674 да жидовскихъ 269; купцовъ 215, мѣщанъ 1942 и 573 жида.

Въ прочемъ городъ сей, хотя тѣми же произведеніями отправляетъ торгъ съ Ригою, Мемелемъ и Гданскомъ, какъ и Полотскъ, однако въ немъ болѣе зажиточныхъ людей, и торгъ ихъ знаменитѣе;

---

[17]) Въ подлинникѣ: „Клибанской". А. С.

[18]) Маріавитокъ. А. С.

немало въ городѣ семъ есть кожевенныхъ заводовъ и другихъ нужныхъ ремесленныхъ людей. Въ уѣздѣ его деревень 907, а всѣхъ жителей 22582 да 977 жидовъ.

Уѣздъ Велижскій.

Въ немъ городъ Велижъ, при рѣкѣ Двинѣ, вверхъ по оной, отъ Полотска въ 189-ти верстахъ. Городъ сей построенъ указомъ государя царя Іоанна Васильевича въ 1536 году. Въономъ одна католицкая и три уніатскія церкви; купцовъ 22, мѣщанъ 1301 и 11 жидовъ. Уѣздъ его составляютъ 932 деревни, а во всемъ уѣздѣ жителей 21796 да 349 жидовъ.

Городецкій уѣздъ.

Въ ономъ городъ Городецъ, въ 144 верстахъ отъ Полотска. Жителей въ немъ купцовъ и мѣщанъ 125 да 194 жида. Къ уѣзду его причисляются: мѣстечко Езерище [19]) и 712 деревень. Во всемъ уѣздѣ мужескаго полу 23435 душъ и 590 жидовъ.

Суражскій уѣздъ.

Въ немъ городъ Суражъ, въ 149 верстахъ отъ Полотска, за Двиною; черезъ него течетъ рѣка Касиля, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны. Тутъ одна только уніатская церковь, 100 мѣщанскихъ и 10 жидовскихъ дворовъ. Число жителей составляютъ 328 мѣщанъ и 6 жидовъ; уѣздъ его состоитъ изъ 2 мѣстечекъ: Колышки [20]) и Глазомичи [21]), также изъ 638 деревень; 20707 всѣхъ жителей да 786 жидовъ.

Итакъ, по сему раздѣленію, Полотское намѣстничество окружено предѣлами: Рижской губерніи, при Крейцбургѣ, неподалеку отъ онаго текущею рѣкою Викутою [22]), уѣздами Псковскимъ, Островскимъ, Великолуцкимъ, Торопецкимъ, частію намѣстничествъ Смоленскаго и Могилевскаго; прочее же отдѣляетъ рѣка Двина.

---

[19]) Въ подлинникѣ: „Ерзерицъ". А. С.

[20]) Въ подлинникѣ: „Колышки". А. С.

[21]) Въ подлинникѣ: „Глазомиги". А. С.

[22]) Эвикшта (Эвстъ)? А. С.

Рѣка сія есть знатнѣйшая во всемъ Полотскомъ намѣстничествѣ. Вершины ея выходятъ близъ Волжскихъ вершинъ, изъ болотъ, гдѣ сначала течетъ она весьма малымъ протокомъ до озера Охватъ, которое истиннымъ Двинскимъ началомъ почитать должно, ибо хотя и впадаетъ въ него вышесказанный притокъ Двинскій, но онъ весьма мало значитъ. Озеро Охватъ продолговатое, весьма глубоко и верстъ около 20-ти вокругъ имѣетъ. Изъ сего озера вышедъ Двина, при самомъ своемъ началѣ, нарочито глубока и пространна, такъ что по ней всякое плоскодонное судно удобно бы ходить могло, еслибы не препятствовали плитные пороги, верстахъ въ 7 отъ ея исхода находящіеся, которые, однакожъ, не велики, и ихъ удобно прочистить можно, да и вешняя вода нарочито глубоко ихъ покрываетъ. Отъ сего озера только верстъ на 13 простирается волокъ мѣстами болотистый, мѣстами же небольшіе земляные холмы имѣющій; на семъ волоку естъ озеро Собла, окружностію версты на двѣ; за волокомъ лежитъ озеро Пень [23]), чрезъ которое течетъ рѣка Волга; и сіе то есть ближайшее сосѣдство Волги съ Двиною. Впадающія въ Двину рѣки Межа и Торопа облегчаютъ торгъ; изъ сихъ по первой идутъ товары изъ Смоленскаго намѣстничества, а по Торопѣ изъ Великолуцкаго и Торопецкаго уѣздовъ. Двина, вышедъ изъ Торопецкаго уѣзду, протекаетъ чрезъ все Полотское намѣстничество, отдѣляетъ оное отъ Литвы и полагаетъ предѣлъ между Рижскою губерніею и Семигалліею, наконецъ, въ двухъ миляхъ ниже города Риги, впадаетъ въ Балтійское море. Она имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ небольшіе пороги, которые маловажны, но находящіеся въ Ригѣ много въ провозѣ дѣлаютъ затрудненія и остановки. Они хотя и пологи, однако въ межень такъ бываютъ мелки, что и самое малое судно пройти не можетъ; плитный или песчаный слоистый камень и въ семъ мѣстѣ пороги составляетъ. Они начинаются отъ Якобштата [24]) и продолжаются до Леневардскаго форпоста. Нѣкоторые считаютъ ихъ до 13. Наизнатнѣйшіе суть при Зельбургѣ [25]), Ленневардскомъ форпостѣ и

---

[23]) Оз. Пѣно. А. С.

[24]) Въ подлинникѣ: „Якубъ-штата“. А. С.

[25]) Въ подлинникѣ: „Селебургѣ“. А. С.

не подалеку отъ Риги. Первый изъ нихъ опаснѣе прочихъ и имѣетъ скрытый гребень, угрожающій опасностію ѣдущимъ внизъ по рѣкѣ; стремящаяся по немъ вода производить великій шумъ, такъ что на несомыхъ по оному судахъ и плотахъ одними знаками всякъ исправлять свое дѣло долженъ, голосъ же недостаточенъ. Сіе опасное для плавающихъ мѣсто оставлено было въ суровомъ его состояніи до нашихъ временъ; нынѣ и сіе торгующимъ препятствіе искореняютъ, и въ послѣдующихъ годахъ во всякое время свободное и безбѣдственное отъ верховья рѣки до ея устья возставится сообщеніе. Впрочемъ, рѣка сія обильна и рыбою; въ ней ловятся: лососи, щуки, судаки, язи, окуни, корюха, ряпуха, сиги, ерши, налимы, угри, вымба, камбала и миноги; но не всѣ сіи рыбы всходятъ вверхъ; вода же въ Двинѣ чиста. Сколь знаменита она, составляя сообщеніе многихъ россійскихъ мѣстъ съ Рижскимъ портомъ, столь же и бѣдственна во время разлитія воды, отъ коей иногда цѣлыя селенія сорваны бываютъ.

Остается теперь кратко упомянуть о качествахъ земли Полотскаго намѣстничества. Говоря вообще, имѣетъ оно нарочито плодородную землю, выключая мѣста, прилегающія къ Торопецкому и Великолуцкому уѣзду. Однако, земля повсюду въ немъ требуетъ рачительнаго обработыванія и удобренія.

Витебская провинція имѣетъ низкія мѣста, испещренныя озерами и болотами, около коихъ много находится торфу; однако, сіи послѣднія удобно можно осушить и превратить въ хлѣбородную пашню; уѣзды же Суражскій и Велижскій холмисты и усыпаны по мѣстамъ валуномъ или дикимъ полевымъ камнемъ. Въ лѣсахъ она еще недостатка не имѣетъ; но лучшій, красный лѣсъ большею частію выведенъ, по причинѣ удобнаго по Двинѣ сообщенія съ Ригою.

Земли Полотской провинціи, прилегающія къ Двинѣ, возвышены, иловато-песчаны, глинисты, а мѣстами песчаны; задняя же часть оной понижена; въ ней много также озеръ, обширностію знаменитыхъ. О лѣсахъ то же сказать должно, выключая, что около Полотска, даже до Опочецкаго [26]) уѣзда, одинъ только дровяной лѣсъ находится, а боры гораздо рѣдки.

---

[26]) Въ подлинникѣ: „Опочинскаго". А. С.

Двинская провинція болѣе песчана и камениста, такъ что обыкновенный валунъ по мѣстамъ и въ строеніе употребляютъ, что особливо въ Креславлѣ видѣть можно. Песчаные слои, перемѣшанные съ глинистою землею, по мѣстамъ затвердѣли въ камень, который мѣстами то мягче, то тверже бываетъ. Въ сей же провинціи сходятся и плитные слои, такъ что слои свои простираютъ и въ самыя земли возвышенія, находящіяся къ рижскимъ предѣламъ, въ коихъ и то отмѣнное, что чѣмъ они выше, тѣмъ песчаннѣе ихъ верхъ. Лучшія въ ней къ плодородію мѣста находятся въ Луцинскомъ уѣздѣ. Лѣсами сія провинція бѣднѣе прочихъ. Но хлѣбопашество, по сосѣдству съ Лифляндіею, въ лучшемъ состояніи. О главныхъ избыткахъ, составляющихъ торгъ сего намѣстничества, сказано при знатнѣйшихъ онаго городахъ, о прочихъ же произведеніяхъ, а особливо о стеклянныхъ и желѣзныхъ заводахъ, обстоятельно упомянемъ при Могилевскомъ намѣстничествѣ [27]).

А. С.

---

[27]) При описаніи Могилевскаго намѣстничества ничего не говорится о стеклянныхъ и желѣзныхъ заводахъ. А. С.

Поэтому [illegible] так, что обще[illegible] [illegible] предполагать, что [illegible] на [illegible] перевес [illegible] которое [illegible] приходилось [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] при [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] при [illegible] *).

А. С.

---

*) При участии Монтгомери [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] и желанных [illegible]. А. С.

Полоцкій князь Всеславъ и его время.

(Продолженіе).

II.

„И оттолѣ мечь взимають Рогоюложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ“: Лавр. лѣт. стр. 285.

Предложенный историко-критическій комментарій на лѣтописную замѣтку о вокняженіи, рожденіи и характерѣ Всеслава Брячиславича, записанную въ сводахъ подъ 1044 годомъ, въ достаточной степени показываетъ, какъ мало можно довѣряться этой замѣткѣ и какъ мало соотвѣтствуетъ она дѣйствительно-научному и безпристрастному пониманію личности и жизнедѣятельности этого князя. Разъ будетъ признано, что лѣтописная характеристика является плодомъ легенды, созданной въ богатой лабораторіи народно-творческой фантазіи,—точка зрѣнія на предполагаемую въ Полоцкомъ князѣ жестокость и кровожадность у историковъ старой школы (В. Татищевъ, М. Щербатовъ, Н. Карамзинъ, Н. Арцыбашевъ и др.) и отчасти у историковъ новой фракціи (К. Бестужевъ-Рюминъ, П. Батюшковъ, С. Соловьевъ, Н. Полевой и др.) отпадаетъ: она окажется построенной на крайне зыбкой почвѣ одной изъ простодушныхъ народныхъ сагъ, которыми такъ богаты были средніе вѣка Европейской исторіи... Стоя на твердомъ основаніи критически-провѣреннаго факта, изслѣдователь, конечно, можетъ и долженъ съ такимъ же правомъ усумниться въ страсти Всеслава къ пролитію крови человѣческой, какъ и въ сверхъестественномъ рожденіи его отъ матери путемъ волшебнаго чародѣянія. Мы можемъ относиться къ этому своеобразному произведенію народнаго домысла о Полоцкомъ князѣ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ напр. къ разсказу лѣтописи о вѣщемъ Олегѣ, котораго будто бы змѣя

„уклюну в ногу, и с того разболѣся и умре“ [1]); о мщеніи Ольги древлянамъ, когда будто бы „голуби и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя... и не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася“ [2]); о неудачѣ Византійскаго императора въ мнимомъ сватовствѣ княгини Ольги, по принятіи ею закона христіанскаго, вслѣдствіе чего императоръ долженъ былъ сознаться: „переклюкала мя еси Ольга“ [3]) и т. п. Всѣ подобнаго рода преданія созданы и разукрашены живой игрой неистощимо-богатаго народнаго воображенія, которое работаетъ по одинаковымъ законамъ творчества какъ подъ сумрачно-свинцовымъ небомъ въ обстановкѣ бѣдной природы Новгорода и Полоцка, такъ и среди дивной красоты южно-русской степи—подъ нѣжной лазурью Кіевскаго неба...

Въ настоящее время учеными специалистами по вопросу о происхожденіи русскихъ лѣтописей уже дѣлаются попытки опредѣлить не только способъ, но даже время появленія въ лѣтописныхъ сводахъ народной сказки о рожденіи и характерѣ князя Всеслава Брячиславича. Такъ, по предположенію академика А. А. Шахматова, слова о Всеславѣ сначала могли появиться на поляхъ лѣтописи противъ 1044 года; затѣмъ или были внесены въ самый текстъ однимъ изъ позднѣйшихъ читателей, вѣроятно, въ шестидесятыхъ годахъ XI столѣтія, когда Всеславъ неоднократно наводилъ ужасъ на Новгородъ своими набѣгами, или же вставлены переписчикомъ лѣтописнаго свода въ Новгородѣ для Кіево-печерскаго монастыря въ концѣ восьмидесятыхъ или началѣ девяностыхъ годовъ того же XI вѣка [4]).

Конечно, по вопросу, возбужденному академикомъ Шахматовымъ, едва ли наука будетъ въ состояніи вырваться когда-нибудь изъ ту-

---

[1]) Лавр. стр. 38.

[2]) Лавр. 58.

[3]) Лавр. 60. Разсказы русскихъ лѣтописей о смерти Олега и гибели Коростеня, подобно многимъ средневѣковымъ сагамъ, напр. о смерти Атиллы отъ меча Гильдегонды или о поглощеніи Венеціи моремъ, относятся къ типу произведеній народнаго эпоса изъ разряда сказаній „о погибшихъ герояхъ, народахъ и городахъ“. Срав. „Вопросы теоріи и психологіи творчества“; т. I. стр. 38—39; Харьковъ, 1911.

[4]) Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. С.-Петербургъ 1908; стр. 522.

маннаго кольца болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ... Трудно оспаривать мнѣніе Шахматова, что лѣтописная статья 1044 года есть запись Новгородская, такъ какъ слова о „немилостивости на кровьпролитие", дѣйствительно, особенно умѣстны подъ перомъ Новгородскаго лѣтописца, которому ниже подъ 6574 и 6577 годами пришлось разсказывать о нападеніи Всеслава на Новгородъ, его сожженіи и разграбленіи" [1]). Въ пользу этого говорятъ и языковыя особенности стиля легенды, свойственныя именно сѣверо-западнымъ лѣтописнымъ изводамъ.

Если слѣдовать, такъ сказать, „методу исключенія", то нельзя допустить, чтобы лѣтописная замѣтка о Всеславѣ могла имѣть мѣсто въ „Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ", потому что этотъ сводъ появился въ Кіевѣ еще при митрополитѣ Ѳеопемптѣ въ 1039 году, т. е. за пять лѣтъ до хронологической даты замѣтки (1044 г.). Не было ей и въ первой части такъ называемой „Новгородской лѣтописи 1036 г.", такъ какъ эта часть относится наукой къ 1017 году—ко времени управленія Новгородской епархіей епископа Іоакима. То же должно сказать и о второй части поименованной лѣтописи, въ виду того, что она присоединена къ первой еще въ 1036 году по иниціативѣ другого Новгородскаго епископа Луки Жидяты (1036—1059).

Остается единственное предположеніе, что первоисточникъ изслѣдуемаго нами лѣтописнаго фрагмента нужно искать въ „Древнемъ Новгородскомъ сводѣ 1050 года", который окончательно сформировался при томъ же епископѣ Лукѣ, затѣмъ продолжался при его преемникахъ и періодически наросталъ отъ дополнительныхъ записей 1079, 1097 и 1108 годовъ.

Въ какіе же именно годы изложено было сказаніе о Всеславѣ на страницахъ сѣверо-западнаго лѣтописнаго свода XI вѣка (1050 г.), объ этомъ также возможны болѣе или менѣе приблизительныя догадки. Конечно, предположенная Шахматовымъ дополнительная запись едва ли могла быть сдѣлана ранѣе шестидесятыхъ годовъ указаннаго столѣтія, потому что именно въ этотъ періодъ времени были сгруп-

---

[1]) Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ; § 127, стр. 180; § 168, стр. 220 и др.

пированы главныя боевыя столкновенія Полоцкаго князя съ гражданами Великаго Новгорода (1066, 1067, 1069), а именно эти столкновенія могли дать богатую пищу общественной молвѣ о кровожадности князя. Шахматовъ допускаетъ, что здѣсь работала рука читателя Новгородской лѣтописи въ шестидесятые или же переписчика ея въ восьмидесятые и девяностые годы XI-го вѣка. Но едва ли не съ большимъ правомъ можно относить возникновеніе сказанія къ XII вѣку: именно послѣ смерти князя-богатыря [1]), оставившаго неизгладимо-яркій слѣдъ въ общественномъ сознаніи, народная масса стала окружать его личность неземною славою сверхъестественнаго чародѣя и волшебнаго оборотня. Отдѣльныя же личности читателя или переписчика въ данномъ случаѣ, конечно, играли роль только второстепенную, какъ простые передатчики въ лѣтописную литературу устно-эпическаго народнаго сказанья, какъ обыкновенные выразители коллективно-народнаго творчества... Вѣдь слова лѣтописи о Всеславѣ подъ 1044 г. являются только отзвукомъ такъ называемыхъ въ исторіи эпической словесности „комбинаторскихъ образованій“ изъ разряда героическихъ сагъ (Heldensagen), въ родѣ греческихъ миѳовъ о Гераклѣ, скандинавско-германскихъ пѣсенъ о Зигфридѣ-Сигурдѣ, сѣверно-русскихъ былинъ о Вольгѣ и т. п.

Историко-критическое разсмотрѣніе лѣтописной фабулы о Всеславѣ Брячиславичѣ по ея первоначальному происхожденію, литературной выработкѣ и идейному значенію расчищаетъ поле для установленія болѣе правильной точки зрѣнія на культурныя и общественныя цѣли, которыя преслѣдовалъ этотъ князь во все время своего продолжительнаго княженія въ Полоцкѣ. Отбросивъ туманную завѣсу миѳа, саги и легенды, изслѣдователь здѣсь, повидимому, вступаетъ на твердую почву конкретно-осязательнаго явленія, становится на п..чное основаніе исторически—достовѣрнаго факта. На самомъ дѣлѣ открывается картина нѣсколько иная. Народная фантастика не только старалась свойственными ей путями и пріемами раскрыть глубокую тайну загадочной личности Полоцкаго князя, но пробовала свои силы также надъ разрѣшеніемъ болѣе серьезнаго вопроса: о существѣ и

[1]) Всеславъ умеръ въ 1101 году; Лавр. 264 -265.

цѣли жестокой вѣковой вражды между Рогволодовичами и Ярославичами вообще, а между Всеславомъ Брячиславичемъ и сыновьями и внуками Ярослава Мудраго въ частности. Здѣсь народно-поэтическое творчество проложило для себя новое русло, образовало новую мощную струю, которая плавнымъ разливомъ своимъ затопила широкое поле исторической перспективы... Кромѣ того, и самая историческая наука въ своихъ истолкованіяхъ политическихъ, культурныхъ и бытовыхъ условій той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Всеславъ, создала много разнообразныхъ и любопытныхъ теорій, съ точки зрѣнія которыхъ можно различно смотрѣть на политическіе идеалы и территоріальныя вожделѣнія этого князя. Здѣсь мѣсто яркихъ красокъ простонародной саги заняли туманныя гипотезы исторической науки, тѣмъ болѣе, что изученіе сложныхъ междукняжескихъ отношеній въ эпоху „очереднаго порядка" нельзя почитать совершенно законченнымъ даже до сего времени, а по справедливому замѣчанію В. Ос. Ключевскаго—«нигдѣ болѣе въ исторіи мы не имѣемъ возможности наблюдать столь своеобразный политическій порядокъ» [1]).

Народное сказанье о причинахъ возникновенія вѣковой ненависти между внуками Рогволода и Ярослава общеизвѣстно. Мы перескажемъ его въ подстрочномъ русскомъ переводѣ по редакціи Лаврентіевскаго лѣтописнаго списка. Въ то время, говорится здѣсь, какъ Рогволодъ управлялъ, властвовалъ и княжилъ въ Полоцкой землѣ, а Владимиръ жилъ въ Новгородѣ отрокомъ и язычникомъ, былъ у него дядя по матери—воевода Добрыня, мужъ храбрый и распорядительный; онъ послалъ къ Рогволоду и просилъ у него дочь его за Владимира. Тотъ спросилъ дочь свою: «хочешь за Владимира»? Она сказала: «не хочу разуть рожденнаго отъ рабыни, но Ярополка—хочу», ибо Рогволодъ пришелъ изъ-за моря и имѣлъ Полоцкъ своею волостью. Услышавъ, Владимиръ разгнѣвался отъ такой рѣчи: «не хочу я за сына рабыни»; Добрыня возмутился и исполнился ярости; взяли войска, пошли на Полоцкъ и побѣдили Рогволода. Рогволодъ вбѣжалъ въ городъ; подойдя къ городу, они взяли его приступомъ,

---

[1]) См. его Курсъ русской исторіи, ч. I; изд. 2-е, стр. 209; Москва. 1906.

захватили самого князя, жену его и дочь. Добрыня поносилъ его и дочь, назвавъ ее рабыней, и приказалъ Владимиру быть съ нею предъ отцомъ и матерью. Потомъ убилъ отца ея, а самое Владимиръ взялъ въ жены; назвали ее Гориславой, и родила она Изяслава. Затѣмъ взялъ много другихъ женъ, и стала она негодовать. Однажды, когда князь пришелъ къ Рогнѣдѣ и уснулъ, она хотѣла его зарѣзать ножомъ; случайно князь пробудился и схватилъ ее за руку. Рогнѣда сказала: „стосковалась я, загрустила, такъ какъ ты убилъ отца моего, полонилъ его землю ради меня и вотъ теперь не любишь меня съ этимъ младенцемъ". И повелѣлъ облечься ей во весь нарядъ царскій, какъ въ день брака, и сѣсть на празднично убранную постель въ свѣтлой храминѣ, чтобы, придя, заколоть ее. Она сдѣлала такъ и, давъ сыну своему Изяславу обнаженный мечъ, сказала: «какъ только твой отецъ войдетъ, ты, выступя, скажи: «отецъ, развѣ ты одинъ думаешь жить?». «А кто зналъ, что ты здѣсь?» сказалъ Владимиръ, повергъ свой мечъ, созвалъ бояръ и повѣдалъ имъ. Они же сказали: „не убивай ужъ ее, ради этого дитяти, но возстанови отчину ея и отдай ей съ сыномъ". Тогда Владимиръ устроилъ городъ, подарилъ имъ его и назвалъ этотъ городъ Изяславлемъ. И съ той поры внуки Рогволода начали воевать съ внуками Ярослава [1]).

Легко замѣтить, что народная масса воспользовалась потрясающей драмой въ семьѣ князя Владимира, чтобы на свой манеръ освѣтить исторію жестокой борьбы Кіева съ Полоцкомъ. Тѣсныя рамки фамильныхъ взаимоотношеній двухъ родовъ княжескихъ она раздвинула въ широкую историческую панораму. Съ точки зрѣнія этого типичнаго для русскаго средневѣковья сказанья, эпическіе бои Всеслава Брячиславича съ Кіевскими князьями были только отдѣльными частями въ огромной исторической картинѣ, были только однимъ изъ крупныхъ звеньевъ въ непрерывной цѣпи боевыхъ эпизодовъ, изъ которыхъ слагается одно цѣльное вѣковое явленіе. Не кровожадная жестокость воинственнаго нрава, не страстная жажда завоеванія привели Всеслава подъ стѣны Пскова, Новгорода, Смоленска и заставили его усѣять костьми сыновъ русскихъ берега Немиги.

[1]) Лавр. 284—285.

Нѣтъ! въ крови Всеслава, какъ одного изъ Рогволодовичей, жила постоянная, природная, стихійная ненависть къ Ярославичамъ; его душа со всею страстью безудержнаго инстинкта жаждала кровавой родовой мести...

Предварительно критическаго разсмотрѣнія сказанья о княжнѣ Рогнѣдѣ не лишне указать что оно не пользуется столь широкимъ распространеніемъ въ лѣтописныхъ сводахъ и спискахъ, какъ сага о волшебномъ рожденіи и кровожадности Всеслава Брячиславича. Во многихъ лѣтописяхъ, какъ то: Ипатской [1], Густынской [2], Тверской [3], Софійской І-й [4], Софійскомъ Временникѣ [5], Новгородскихъ I и II [6], Псковскихъ [7], у Боннеля [8] и др. подъ 6636 г. или упоминается только о смерти Полоцкаго князя Бориса Всеславича и происшедшемъ въ это время сильномъ наводненіи, или же излагаются еще какія либо мѣстныя событія. Тамъ же, гдѣ сказанье помѣщено, довольно скоро можно подмѣтить нѣкоторые оттѣнки, различно освѣщающіе роль главныхъ дѣйствующихъ лицъ тяжелой княжеской драмы. Дикая сцена надругательства надъ дѣвической честью Рогнѣды предъ глазами обреченнаго на смерть отца и матери опускается нѣкоторыми лѣтописями, напр. лѣтописью по изданію Н. Львова [9]. Участіе князя Владимира въ происшествіи, составляющемъ содержаніе первой части сказанья, опредѣляется разно—въ зависимости отъ его возраста. Когда разсказывается, что Владимиръ былъ именно только отрокомъ и воспитанникомъ Добрыни [10], то лѣтописецъ пред-

---

[1]) Ипатская лѣт. т. II. Полнаго соб. русск. лѣт. СПБ. стр. 12.

[2]) Густ. лѣт. стр. 293.

[3]) Твер. лѣт. стр. 195.

[4]) Софійская І-я стр. 156.

[5]) Софійск. Врем. стр. 187.

[6]) См. Новгор. 1; стр. 5: сообщается о разлитіи Волхова, смерти Бориса Всеславича и Новгородскаго посадника; Новг. III, стр. 212—о томъ же.

[7]) Въ Псков. 1 на стр. 176 нѣтъ записи подъ 6636 г.

[8]) У Боннеля подъ 1128 г. только сказано: „starb der polozkische Fürst Boris". „Russish-Liwlandishe Chronographie"; Seit. 8.

[9]) См. Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Ивана Васильевича; ч. I; изд. Н. Львова; СПБ. 1792 стр. 211.

[10]) „Дѣтьску сущю"—по Лавр. 284 и Никон. 155; „былъ въ воспитаніи у вуя своего Добрыни, по Татищеву": Исторія Россійская; кн. II; М. 1773 стр. 237.

ставляетъ его менѣе самостоятельнымъ въ своихъ поступкахъ, нежели когда указывается на его молодость вообще [1]). Очень живо и выпукло обрисована въ лѣтописяхъ яркая фигура Добрыни, этого главнаго героя жестокой Полоцкой трагедіи, такъ какъ, будучи братомъ княжеской матери-ключницы Малуши [2]), онъ особенно больно былъ задѣтъ презрительнымъ намекомъ гордой княжны на жениха—„робичича". Всѣ лѣтописи, въ которыхъ изложено сказанье о Рогнѣдѣ, единодушно приписываютъ совѣтъ и мысль о посольствѣ къ Рогволоду для сватовства Полоцкой княжны именно Добрынѣ, имѣвшему сильнѣйшее вліяніе на юнаго Новгородскаго князя [3]). Въ самой характеристикѣ душевнаго состоянія Владимира и Добрыни, послѣ смѣлаго отказа Рогнѣды, въ лѣтописномъ текстѣ также проведено несомнѣнное различіе: въ то время, какъ Владимиръ только „разгнѣвася" [4]), „пожалися" [5]), Добрыня „исполнися ярости" [6]) и пр. Безъ сомнѣнія, по этой причинѣ «мужъ храборъ и наряденъ» не только унизился до мстительнаго поношенія плѣненнаго князя и его дочери, но даже «повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемь ея и матерью» [7]) или, по болѣе опредѣленному выраженію В. Н. Татищева, «велѣлъ Владимиру съ Рогнедою учинить волю свою предъ глазами отца и матери» [8]). Также, по приказанію Добрыни, было истреблено все мужское поколѣніе въ семьѣ Рогволода (отецъ и два сына), а Рогнѣда была отдана въ жены Владимиру [9]).

[1]) „Младу сущу": по Воскр. 28 и Кенигб. стр. 185.

[2]) Срав. Лавр. стр. 68.

[3]) Лавр. 284: „сь (Добрыня) посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимира", Воскр. 28; Ник. 155; Кенигсб. стр. 185; Львов. стр. 210; Тат. 237: „по совѣту вуя своего Добрыни".

[4]) Лавр, 284; Ник. стр. 155; Львов. 211; въ Воскресенской даже говорится только о ярости Добрыни (стр. 28).

[5]) Такъ въ Кенигсбергской лѣт. стр. 185.

[6]) Лавр. 284; Воскр. 28; Ник. 156; Кенигсб. стр. 185; Львов. 211.

[7]) Лавр. 285; Воскр. 28; Ник. 156; Кенигсб. 185; у Львова сцена насилія опущена.

[8]) Исторія Россійская. Кн. II. М. 1773; стр. 238.

[9]) Лавр. 285: „*потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ*"; Воскр. 28: „*потомъ же*" уби отца ея и матерь"; Никон. 156: „повелѣ отца ея убити, а ея пояти жену собѣ" Кенигсб. 185 сходно съ Лавр.; Львов. стр. 211; по Татищеву: 238—„потомъ Рогволода съ двумя сынами убилъ".

Подобнаго рода оттѣнки въ мысли и формѣ выраженія проявляются и въ дальнѣйшей передачѣ лѣтописцами семейной драмы Рогнѣды, начавшейся въ Полоцкѣ и закончившейся въ стольномъ Кіевѣ. Такъ лѣтописи: Лаврентьевская, Никоновская, Кенигсбергская и В. Н. Татищевъ причину семейнаго разлада указываютъ въ одномъ многоженствѣ князя Владимира [1]); между тѣмъ лѣтописи Воскресенская и по изданію Львова говорятъ со всею рѣзкостью: „о сей же небрежаше“ [2]) или „нача ею гнушатися“ [3]). Любопытенъ также варіантъ лѣтописи по изданію Львова: если въ большей части лѣтописей Рогнѣда только „хотѣ и зарѣзати ножемь“, такъ что пробужденіе Владимира было дѣломъ случая („ключися ему убудитися“) [4]), то по лѣтописи Львова—княгиня уже „веемъ ножъ, нача его рѣзати; онъ же пробудися и ятъ ю за руку“ [5]). По изображенію Татищева, далѣе, князь Владимиръ, оскорбленный покушеніемъ Рогнѣды, хотѣлъ тутъ же заколоть ее, но затѣмъ „чтобы болѣе ей прискорбности учинить, велѣлъ ей немедленно одѣться въ лучшее платье“ и т. д. [6]).

Въ текстѣ лѣтописныхъ сводовъ придана также различная форма и вопросу княжича Изяслава, съ которымъ онъ обращается къ Владимиру, когда тотъ вошелъ въ княжій теремъ, чтобы заколоть Рогнѣду. Въ то время, какъ у Лаврентьевскаго и Воскресенскаго лѣтописцевъ этому вопросу придана форма тонкаго упрека и грустной ироніи («ужели ты думаешь жить одинъ»? [7]) лѣтописи Никоновская, Кенигсбергская и Татищевъ сообщаютъ словамъ Изяслава болѣе конкретную опредѣленность [8]). «Пріими убо, отче, мечь сей и вонзи преже въ утробу мою, да не вижу азъ горкыа смерти матери моея», такъ напр. передана рѣчь Изяслава—Никоновскимъ варіан-

---

[1]) Лавр. 285; Никон. 156; Кенигсб. 185.

[2]) Воскр. 28.

[3]) Львов. стр. 211.

[4]) Лавр. 285; Ник. 156; Воскр. 28; Кенигсб. 185—186; Татищ. 238: „умыслила Владимира, когда придетъ къ ней спать, зарѣзать“.

[5]) Львов. 211.

[6]) Татищ. 238.

[7]) Лавр. 285; Воскр. 28.

[8]) Никон. 156; Кенигсб. 186; Тат. 239.

томъ [1]). По лѣтописи же Львова Изяславъ долженъ былъ спросить Владимира. «или ты мниши одинъ здѣ пришедъ одолѣти» [2]). Такъ или иначе, но, подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ тяжелой семейной драмы, князь не только «повергъ мечь свой» [3]), но и «прослезися» [4]).

Во всѣхъ лѣтописяхъ, далѣе, собраніе бояръ имѣетъ видъ примирительнаго посредничества между разгнѣваннымъ княземъ и отвергнутой супругой и даже какъ бы косвеннаго осужденія пылкаго рѣшенія Владимира покончить съ княгиней. Если бояре единодушно совѣтуютъ князю «устроить, воздвигнуть отчину Рогнѣды», то очевидно—въ смыслѣ возобновленія старинныхъ правъ ея княжескаго рода на Полоцкую область. Возстановленіемъ Полоцкой отчины князь Владимиръ какъ будто хочетъ великодушно принести искупительную жертву за жестокую расправу съ Роговолодомъ; основаніемъ же новаго города, съ наименованіемъ его Изяславлемъ,—символически отмѣтить возстановленіе мужского потомства этого князя, съ безпощадною мстительностью и поголовно истребленнаго Добрынею...

Однако, обильно пролитая кровь семьи Рогволода и безпримѣрное по обстановкѣ поруганіе чести женщины въ лицѣ Рогнѣды, по народному представленію, взывали къ другимъ болѣе рѣшительнымъ видамъ родовой мести... Поэтому, гордый обликъ княгини Полоцкой, въ бурномъ порывѣ горькой обиды поднявшей свой мечъ на Кіевскаго князя, навѣки запечатлѣлся въ народномъ сознаніи, какъ исходное событіе и яркій символъ, какъ грустный прологъ къ длительной исторической трагедіи—къ кровавой борьбѣ Рогволодовичей съ Ярославичами, продолжавшейся болѣе вѣка (1021—1129). «И оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ»!!

Въ какой средѣ образовалось и изъ какого именно источника попало на страницы лѣтописныхъ сводовъ сказанье о Рогнѣдѣ,—можно судить, главнымъ образомъ, на основаніи вводнаго замѣчанія, которымъ предваряется въ лѣтописномъ текстѣ самое сказанье. Во

---

[1]) Никон. 156; Кенигсб. 186; Татищ. 239.

[2]) Львов. стр. 212.

[3]) Лавр. 285 и др.

[4]) Такъ въ Никон. лѣтоп. 156: „Володимеръ же рече: хто тя, о чадо, поставилъ здѣ“? и прослезися и повергъ мечь свой, съзва бояре и повѣда имъ“.

всѣхъ поименованныхъ выше лѣтописяхъ, исключая приведенной въ «Исторіи» В. Н. Татищева, статья 1128 г. предварена слѣдующими словами: «О сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущии, преже» [1]).

Кто были эти «вѣдущии», изъ устъ которыхъ лѣтописецъ услышалъ свой потрясающій и драматизированный разсказъ? По этому вопросу возможны различныя мнѣнія, въ зависимости отъ филологическаго пониманія даннаго наименованія. Въ тѣсномъ смыслѣ «вѣдущими» лѣтописецъ могъ назвать вѣдуновъ-чародѣевъ, — людей, обладавшихъ, по народному повѣрью, сверхчеловѣческимъ вѣдовствомъ сокровеннаго и надѣленныхъ отъ природы особеннымъ, недоступнымъ для обыкновенной толпы даромъ проникновенія въ тайну жизни отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ поколѣній [2]). Затѣмъ возможно предположеніе, которое высказано впервые изъ русскихъ изслѣдователей С. М. Гедеоновымъ, что въ данномъ случаѣ разумѣются народные пѣвцы и пѣснотворцы, каковыхъ много было на Руси въ періодъ средневѣковья. Съ Гедеоновымъ соглашаются К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [3]) и В. А. Келтуяла [4]), опираясь на поэтическій характеръ разсказа о Всеславичахъ. Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ лѣтописецъ могъ назвать «вѣдущимъ» вообще человѣка знающаго, свѣдущаго, мудраго (срав. греч. aydós, epistymon; лат. peritus и пр. [5]).

Стремленія ограничить объемъ понятія, выраженнаго указаннымъ выше наименованіемъ, едва ли достигаютъ своей цѣли. Древне-русское вѣдомство, или знахарство, порожденное старинной магіей и волшебнымъ чародѣйствомъ восточнаго типа, предполагаетъ прежде

[1]) Лавр. 284; Воскр. стр. 28—прибавляетъ: „прежде мы здѣ написахомъ о нихъ“; Ник. стр. 155; Кенигсб. стр. 185; Львов. стр. 210.

[2]) Срав. § 202 о магическомъ знаніи у проф. М. Грушевскаго. Кіевская Русь. Томъ I; изд. 2. 1911 г.; СПБ., стр. 405.

[3]) Гедеоновъ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ въ изслѣдованіи „О варяжск. вопросѣ“ (Записки Императ. Академіи Наукъ; т. III; кн. 1). См. у К. Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“. СПБ. 1868 г., стр. 43.

[4]) Курсъ исторіи русской литературы. Ч. I; кн. 1, изд. 2. СПБ. 1913. стр. 876.

[5]) Отъ церк. слав. глагола: „вѣдѣти“; срав. хорват. и чешск. védeti, véditi, vedati; лит. zinoti; польск. wiedziec, wiadomy; лат. scire, cognoscere; греч. gignóskyn; анг. to know и пр.

всего сверхъестественное знаніе будущаго (волхвъ-magus, vates). Между тѣмъ упомянутые въ лѣтописи «вѣдущіе» люди пересказываютъ и освѣщаютъ съ своей точки зрѣнія только прошедшее и настоящее въ исторіи княжескаго рода Всеславичей. С. М. Гедеоновъ свое пониманіе даннаго лѣтописнаго фрагмента основываетъ на тождествѣ эпитетовъ: «вѣщій» и «вѣдущій». Дѣйствительно, въ памятникахъ древнерусской письменности пѣвцы и пѣснотворцы нерѣдко называются «вѣщими». Такъ «Слово о полку Игоревѣ» даетъ слѣдующую характеристику Баяна: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» и т. д. Но эпитеты «вѣщій» и «вѣдущій» далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ по объему выраженныхъ въ нихъ понятій. «Вѣщій» (отъ церк.-слав. вѣщати; русс. говорить; лат. dicere, loqui; греч. legyn, lalyn и пр.) означаетъ не столько человѣка свѣдущаго, знающаго, мудраго, сколько говорящаго, обладающаго даромъ рѣчи, надѣленнаго творческою силою поэтическаго вдохновенія. Въ отношеніи преданія о Рогнѣдѣ, однако, нельзя утверждать, что оно образовалось въ средѣ слагателей народныхъ пѣсенъ, такъ какъ не только К. Бестужевъ-Рюминъ или В. Келтуяла, но и самъ С. М. Гедеоновъ не могли указать необходимыхъ признаковъ поэтической переработки преданія ни въ стилѣ, ни въ содержаніи его [1]).

Въ виду указанныхъ соображеній можно думать, что «вѣдущими» лѣтописецъ назвалъ вообще лицъ «знающихъ» въ широкомъ значеніи этого слова и прежде всего лицъ, освѣдомленныхъ въ богатой области историческаго прошлаго. Это были люди, память которыхъ была рѣдкой сокровищницей и цѣннымъ музеемъ для сохраненія преданій-старинокъ о минувшихъ судьбахъ родной земли. Къ подобнымъ типамъ принадлежалъ, напр., добрый бояринъ, маститый девяностолѣтній старецъ Янъ Вышатичъ, со словъ котораго въ лѣтописи записаны „многа словеса“ [2]), новгородецъ Гюрятя Роговичъ, такъ занимательно, такъ интересно бесѣдующій со страницъ лѣто-

[1]) См. прим. 136 у Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“. СПБ. 1868; стр. 43.

[2]) Лавр. стр. 270—271.

писи о дикомъ народѣ Югрѣ и пр. [1]). Вотъ такіе-то „вѣдущіе" люди, нерѣдко изъ очевидцевъ, даже участниковъ событій, служившіе какъ бы живою лѣтописью родной старины, и перерабатывали красивыя обвѣянныя поэтической дымкой народныя преданія, освѣщая ихъ содержаніе, какъ въ данномъ случаѣ, одной опредѣленной идеей, одушевляя ихъ форму стилемъ живой драматизаціи событій... .

Какимъ же способомъ, въ какой мѣстности могло первоначально образоваться сказанье о Рогнѣдѣ, принятое лѣтописцами за точку отправленія при объясненіи взаимныхъ отношеній между княжескими родами Всеславичей и Ярославичей?

Нельзя сомнѣваться, что лѣтописная статья 1128 г. о Всеславичахъ представляетъ изъ себя не первичную, а вторую, можетъ быть, даже третью формацію въ переработкѣ одного и того же сюжета. Академикъ А. А. Шахматовъ полагаетъ, что разсказъ о Всеславичахъ попалъ въ Лаврентьевскій списокъ изъ общерусскаго лѣтописнаго свода, въ послѣдній—изъ Новгородскаго епископскаго свода 1167 г. и далѣе—изъ свода XI вѣка [2]). Это предположеніе сохраняетъ весь свой авторитетъ въ отношеніи первой части изслѣдуемой статьи, гдѣ разсказывается о сватовствѣ Владимира и насильственномъ завладѣніи Рогнѣдою, такъ какъ часть эта находитъ для себя полное соотвѣтствіе въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ" (около 1095 г.) и въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" (1113—1116 г.г.), въ которые преданье о Рогнѣдѣ попало именно изъ Новгородскаго свода. Но вторая часть лѣтописной статьи 1128 г., начиная со словъ: „нарекоша ей имя Горислава, и роди Изяслава" [3]), возводится нѣкоторыми изслѣдователями и, между прочимъ, самимъ А. А. Шахматовымъ къ отдѣльному сказанью о Рогнѣдѣ, знакомство съ которымъ первоначальнаго составителя общерусскаго свода едва ли можно оспаривать [4]). Въ виду

---

[1]) Лавр. стр. 226—228.

[2]) Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. СПБ. 1908; § 184; стр. 249, 250 и др.

[3]) Лавр. 285.

[4]) Знакомство лѣтописца со сказаніемъ подтверждается его замѣткой о Рогнѣдѣ подъ 980 годомъ: „Та же Рогнѣдь убити его хотѣ, ножемъ зарѣзати" (Тверск. стр. 73). Срав. замѣчанія объ этомъ мѣстѣ у А. А. Шахматова въ „Разысканіяхъ о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ" §§ 184 и 181 (стр. 249 и др.).

этого—возникло другое предположеніе, что также и первая часть статьи о Всеславичахъ, подобно второй, внесена въ общерусскій сводъ не прямо изъ Новгородскаго свода, а чрезъ посредство особаго сказанья о Рогнѣдѣ, составитель котораго для своей композиціи пользовался все-же текстомъ Новгородскаго свода XI-го столѣтія.

При обоихъ предположеніяхъ выводъ получается одинъ: разсказъ о Рогнѣдѣ Лаврентьевскаго лѣтописца подъ 6636 г., въ концѣ концовъ, восходитъ къ XI вѣку и впервые былъ изложенъ въ лѣтописномъ первотекстѣ именно въ Новгородѣ Великомъ. Косвенно Новгородская редакція изслѣдуемой статьи подтверждается между прочимъ, тѣмъ, что въ ней почти не сходитъ со сцены мужъ „храбръ и нарядьнъ“ Добрыня. Добрыня же, какъ одинъ изъ популярныхъ посадниковъ Новгорода, дѣйствительно, игралъ въ его исторіи самую дѣятельную роль. Кромѣ того, будучи одновременно южно-кіевскимъ и сѣверно-новгородскимъ богатыремъ Добрыня преимущественно, однако, вопреки мнѣнію В. О. Миллера [1]), является героемъ сѣверно-русскихъ сказаній, что вполнѣ согласуется съ его мощнымъ и вліятельнымъ участіемъ въ Новгородскихъ событіяхъ Х-го вѣка. Не излишне также припомнить гипотезу А. А. Шахматова [2]), что сказанье о Рогнѣдѣ въ первой его части могло быть помѣщено въ «Кіевскомъ Начальномъ Сводѣ» и „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 6478 (970) г., такъ какъ въ лѣтописной статьѣ 1128 г. Полоцкая княжна укоряетъ Владимира именемъ «робичича», а въ статьѣ 970 г. именно и разсказывается о рожденіи Владимира отъ княжеской ключницы Малуши [3]). Притомъ же разсказъ этотъ всецѣло проникнутъ тонкимъ юморомъ и горделивою увѣренностью новгородцевъ, сознающихъ свой перевѣсъ въ избраніи на Новгородскій столъ именно Владимира, побѣдителя Ярополка ..

Переходя къ критической оцѣнкѣ выраженнаго въ заключительномъ фрагментѣ сказанья о Рогнѣдѣ взгляда на причины вѣковой и кровопролитной борьбы Рогволодовичей съ Ярославичами, должно

---

[1]) Очерки русской народной словесности. М. 1897, стр. 148.

[2]) Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ; СПБ.; 1908; § 117; стр. 173.

[3]) Лавр. стр. 68.

прежде всего отмѣтить въ немъ ту положительную сторону, что данная борьба совершенно правильно разсматривается, какъ историческое, явленіе, достаточно опредѣлившееся по своимъ свойствамъ, законченное въ развитіи и болѣе или менѣе цѣлостное по существу. Съ этой точки зрѣнія княженіе Всеслава Брячиславича, отмѣченное особенно яркими вспышками бурныхъ столкновеній его съ Ярославичами, характерное по цѣлому ряду кровавыхъ его сѣчъ съ многочисленными дружинами вражескаго лагеря, окажется не отрывочнымъ эпизодомъ, не единичнымъ фактомъ или случайнымъ явленіемъ, а именно необходимою составною частью закономѣрно развертывающейся эволюціи, существенно важнымъ звеномъ въ непрерывной цѣпи послѣдовательно наростающихъ событій, даже въ своемъ родѣ собирательнымъ фокусомъ, сосредоточивающимъ въ себѣ разсѣянные по отдѣльнымъ фактамъ лучи весьма сложнаго историческаго явленія одинаковой политической окраски...

Лѣтописные первоисточники съ наглядною выпуклостью и безспорною очевидностью подтверждаютъ именно эту точку зрѣнія на исторію взаимоотношеній Полоцка и Кіева въ теченіе XI—XII вв. и въ частности на развитіе неріязненныхъ отношеній между Полоцкимъ княземъ Всеславомъ и Кіевскими князьями: Изяславомъ, Святославомъ, Всеволодомъ, Святополкомъ, Владиміромъ Мономахомъ и др.

Первою искрою, отъ которой потомъ съ непреодолимой силою огненной стихіи запылало огромное пожарище кровавой вражды Рогволодовичей и Ярославичей, былъ, безспорно, полный разгромъ Полоцка въ 980 г. Владиміромъ Святославичемъ и Добрынею, когда насильно была захвачена княжна Рогнѣда и перебиты ея отецъ, мать и два брата [1]. Поголовное истребленіе мужского поколѣнія Рогволода не было случайнымъ дѣломъ жестокой мстительности Добрыни или же обыкновеннымъ проявленіемъ физической силы завоеванія. Сопровождаясь военно-территоріальнымъ захватомъ владѣній Рогволода, оно въ сущности означало политическую смерть Полоцкаго княжества, какъ самостоятельной областной единицы въ ряду другихъ удѣльныхъ княжествъ Русскаго средневѣковья. По этой причинѣ, конечно, Владиміръ, послѣ извѣстнаго столкновенія съ Рогнѣдою, спѣшитъ, по совѣту бояръ, не только даровать разгнѣванной

[1]) Лавр. 74; Тат. 238; Воскр. 28 и др.

княгинѣ право на жизнь, но и „устроить, воздвигнуть отчизну ея“ [1])... Вотъ тогда-то, послѣ подобной грубой попытки будущаго Кіевскаго князя наложить желѣзное ярмо своей власти на внутреннюю жизнь Полоцкаго княжества, и заронена была первая искра неприязненной подозрительности и упорной ненависти, изъ которой потомъ разгорѣтся вѣковой кровавый пожаръ борьбы Полоцка съ Кіевомъ...

Княженіе Изяслава Владимировича, отвратившаго смертоносный ударъ отъ матери своей Рогнѣды, протекло въ мирѣ. Этотъ Полоцкій князь, столь успѣшно сыгравшій въ отрочествѣ высокую роль примирителя отца съ матерью, не имѣлъ, возможности обнаружить своихъ дѣйствительныхъ намѣреній касательно Кіева, такъ какъ умеръ за четырнадцать лѣтъ (+1001) до смерти своего отца [2]). Но искра наслѣдственной вражды между двумя княжескими родами не погасла, а только медленно подбиралась къ легко воспламеняющейся средѣ. Въ продолженіе четырехлѣтней смертоносной усобицы (1015—1019 г.г.) между дѣтьми Владимира: Ярославомъ и Святополкомъ I появилось весьма много горючаго матеріала. Ярославъ одержалъ верхъ надъ Святополкомъ только послѣ огромныхъ усилій, стоившихъ ему большихъ матеріальныхъ затратъ и военнаго напряженія. „Ярославъ же сѣде Кыевѣ, выражается Лаврентьевская лѣтопись, утерѣ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ“ [3]). Кромѣ того, силы Кіевской Руси жестоко истощала безпощадная борьба съ дикими ордами степныхъ кочевниковъ (печенѣговъ, торковъ и др.)... По этимъ причинамъ, конечно, Полоцкіе князья Брячиславъ и Всеславъ усваиваютъ себѣ на первыхъ порахъ наступательный способъ военныхъ дѣйствій противъ Кіева. Нападенія Брячислава Полоцкаго на Новгородъ и Мстислава Тмутороканскаго на Черниговъ, произведенныя одно вслѣдъ за другимъ (1021 и 1023 г.г.), повидимому, находятся между собою во внутренней связи... Близко предположеніе, что Ярославъ Владимировичъ, оказавшійся какъ бы между двухъ

---

[1]) Лавр. 285.

[2]) Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отець Брячиславль, сынъ Володимерь; Лавр. стр. 126.

[3]) Лавр. 142.

огней: съ сѣверо-запада и юго-востока, былъ принужденъ силою обстоятельствъ сдѣлать уступки какъ племянницу, такъ и брату. Во всякомъ случаѣ, территоріальное расширеніе Полоцкаго княжества выразившееся въ присоединеніи къ нему городовъ «Въсвяча и Видбеска» [1]), довольно характерно для опредѣленія истинной сущности изслѣдуемаго нами историческаго явленія. Событіе это опредѣленно показываетъ, въ какую именно сторону направлялись сокровенныя вожделѣнія Полоцкихъ князей и какія политическія задачи ставили они для себя въ теченіе XI—XII вѣковъ...

Во время княженія Всеслава Брячиславича трагическая борьба Кіева съ Полоцкомъ достигаетъ крайней напряженности: съ непреодолимою силою какого-то стихійнаго ожесточенія льются рѣки крови, гибнутъ тысячи жизней, испепеляются села и города, опустошаются цѣлыя области... Грозный поединокъ Рогволодовичей съ Ярославичами пріобрѣтаетъ характеръ яркой озлобленности, дѣлается явленіемъ выпуклымъ, зрѣлымъ, типичнымъ. Для пониманія развивающагося процесса, кромѣ уже нарисованной выше картины восьми кровавыхъ выступленій Всеслава, необходимо припомнить еще событіе 10-го іюля 1067 года, происшедшее на берегахъ Днѣпра, возлѣ города Орши. Здѣсь Полоцкій князь вмѣстѣ съ двумя сыновьями, вѣроломно былъ захваченъ въ плѣнъ Ярославичами, рѣшившимися на самое грубое преступленіе крестнаго цѣлованія [2]). Въ этомъ черномъ дѣлѣ, которое подняло противъ себя громкій голосъ единодушнаго протеста и осужденія не только въ массахъ простонародья, но и среди высшихъ классовъ Кіевскаго общества: боярства [3]) и духо-

---

[1]) См. Соф. 1, стр. 134; Воскр. 328; Твер. стр. 143; Bonnel: „Russisch—Liwlandische Chronographie". Peterbürg. 1862. S. 5.

[2]) Лавр. 162—163.

[3]) Историкъ Мартинъ Кромеръ передаетъ извѣстіе, что освобожденія Всеслава изъ поруба добивалась именно „Russica nobilitas" (см. его „De origine et rebus gestis Polonorum". Basiliae; 1568; p. 54), а по сообщенію польскаго историка Стрыйковскаго бояре взбунтовались въ пользу Всеслава именно потому, что Изяславъ отказывалъ имъ въ удовлетвореніи ходатайствъ объ освобожденіи Полоцкаго князя (см. Kronika. T. II. Warszawa. 1768; p. 162).

венства [1]), отпечатлѣлся какъ въ зеркалѣ затаенный замыселъ Ярославичей касательно Полоцкой земли. Вѣроломный поступокъ Ярославичей въ 1067 году справедливо можно сопоставить съ тѣмъ, что совершилъ Добрыня въ Полоцкѣ въ 980 г. Съ внѣшней стороны, конечно, между обоими фактами открывается различіе. Тамъ князь Рогволодъ, княгиня и два ихъ сына пали жертвою мстительнаго гнѣва Добрыни; здѣсь, согласно настоянію Святослава Ярославича, другой князь Полоцкій—Всеславъ, съ двумя сыновьями, былъ обреченъ, какъ опасный узникъ, на медленную политическую смерть, на мучительное умираніе въ Кіевской тюрьмѣ.... Но по существу оба событія оказываются близкими другъ другу и однородными: тамъ и здѣсь дѣйствующія лица вдохновляются одной и той же идеей, ставятъ для себя одинаковую цѣль. Если чрезъ поголовное истребленіе мужского поколѣнія въ родѣ Рогволода Добрыня обезпечивалъ за Владиміромъ обладаніе Полоцкой территоріей, то, въ свою очередь, и братья Ярославичи достигали той же самой цѣли только инымъ путемъ: чрезъ пожизненное заключеніе въ порубѣ своего грознаго противника и политическаго врага. Подобное тюремное заключеніе владѣтельныхъ князей, какъ одно изъ рѣшительныхъ средствъ для очищенія отъ нихъ политической арены и для территоріальнаго захвата наслѣдственныхъ ихъ удѣловъ, было далеко не новымъ явленіемъ въ исторіи междукняжескихъ отношеній. Дѣти уже имѣли для себя предъ глазами примѣръ собственнаго отца, о которомъ подъ 1036 г. лѣтопись говоритъ: „Въ се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубъ, брата своего, оклеветанъ *к нему*“ [2]). Цѣлыхъ 24 года, до совершенной физической дряхлости, протомился въ тюрьмѣ злосчастный князь Пскова, пока въ 1059 г. племянники не „высадиша стрыя своего ис поруба“ [3]). Но не теплое чувство родственности, не гуманный порывъ великодушія побуждали къ этому Ярославичей; нѣтъ—самый обыкновенный холодно-политическій расчетъ: «сдѣлать Судислава

---

[1]) Преп. Антоній столь ревностно обличалъ Изяслава за вѣроломный поступокъ съ Всеславомъ, что навлекъ на себя гнѣвъ великаго князя; срав. Ипат. 136; Лавр. 188; Ник. 105; Густ. 272 и др.

[2]) Лавр. стр. 147.

[3]) Тамъ же: 158.

«чернцемъ» и запечатлѣть посредствомъ монашескихъ обѣтовъ и крестнаго цѣлованія формальный отказъ его отъ всякихъ политическихъ правъ [1])!! Безъ сомнѣнія, Всеслава и двухъ его сыновей ожидала такая же безпросвѣтная доля, подобная же горькая участь, если бы желѣзная рука роковой судьбы и удивительное сочетаніе стихійно-сложившихся событій не разорвали 15-го сентября 1068 г. тюремныхъ цѣпей, сковывавшихъ могучаго Полоцкаго богатыря... Ясно, что послѣ разгрома Полоцкихъ дружинъ на берегахъ рѣки Немиги въ мартѣ мѣсяцѣ и плѣненія Всеслава возлѣ Орши въ іюлѣ 1067 года Ярославичи безповоротно въ своихъ отношеніяхъ къ Полоцку покончили съ мудрой и дальновидной политикой территоріальныхъ уступокъ, которая была начата съ 1021 года отцомъ ихъ и привела его къ миру съ Брячиславомъ Изяславичемъ [2]). Напротивъ, Ярославичи какъ будто вновь усваиваютъ себѣ суровую точку зрѣнія жестокосердаго Добрыни и съ настойчивой близорукостью начинаютъ стремиться не только къ ограниченію территоріальнаго округленія Полоцкой земли, но и къ тому, чтобы окончательно вырвать изъ рукъ Рогволодовичей вотчину прекрасной Рогнѣды, возобновленную княземъ Владиміромъ при столь трагической обстановкѣ. Пока во главѣ Полоцка стоялъ Всеславъ,—до тѣхъ поръ, конечно, его неистощимая энергія, непреклонная воля и львиная отвага, опиравшіяся притомъ на мощную поддержку Полоцкой земской силы, служили надежной преградой, составляли крѣпкій оплотъ противъ завоевательныхъ плановъ Кіева...

Но послѣ смерти Всеслава въ исторіи взаимоотношеній Полочанъ и южноруссовъ замѣчается переломъ. Уже во вторую половину княженія Всеслава, когда на южномъ горизонтѣ Руси засверкала ярко блестящая звѣзда Владиміра Мономаха, и, въ лицѣ послѣдняго, по степени напряженной энергіи и силѣ военнаго дарованія, оказался достойный соперникъ Полоцкаго князя, военныя столкновенія Полоцка съ Кіевомъ пріобрѣтаютъ оборонительный характеръ. Едва ли спра-

---

[1]) Тамъ же: „В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего ис поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемъ“.

[2]) Лавр. стр. 142—143.

ведливо—объяснять это, какъ дѣлаютъ историки старой школы (Татищевъ, Карамзинъ и др.), только престарѣлымъ возрастомъ Всеслава, ослабившимъ былую предпріимчивость его кипучей энергіи. Болѣе вѣроятно искать причину этого въ глубокомъ истощеніи матеріальныхъ и военныхъ силъ Полоцкаго княжества отъ напряженной борьбы съ могучей южно-русской коалиціей, во главѣ съ талантливымъ Мономахомъ. Бесспорный перевѣсъ этой коалиціи надъ Всеславомъ во вторую половину его княженія, особенно съ 1077 года, весьма ярко выразился въ жестокомъ опустошеніи Полоцкой территоріи коалиціонными войсками, въ полномъ разгромѣ городовъ: Одрска, Лукомля, Логожска, Друцка, Минска, осадѣ самого Полоцка, предмѣстья котораго были выжжены дотла, словомъ—въ цѣломъ рядѣ фактовъ, наглядно иллюстрирующихъ, насколько Кіевляне и Черниговцы могли соперничать въ кровавыхъ грабежахъ съ дикими Половцами и Читѣевцами...

Однако, знамя смѣлой борьбы съ централистическими стремленіями стольнаго Кіева вновь стало гордо рѣять надъ вотчиной Рогнѣды вскорѣ же послѣ смерти Полоцкаго чародѣя. Это знамя оказалось въ крѣпкихъ рукахъ Минскаго князя Глѣба Всеславича († 13 сент. 1119 г.). То была одна изъ сильныхъ, смѣлыхъ и яркихъ фигуръ средневѣковой Руси. Человѣкъ, соединявшій безпокойный нравъ и мятущійся духъ съ непреклонною настойчивостью воли и неразборчивостью въ средствахъ для достиженія цѣли, однажды опредѣлившейся, князь Глѣбъ не случайно занялъ Минскій столъ, не даромъ былъ выдвинутъ Всеславичами на свой передовой постъ, въ непосредственное сосѣдство съ областями Дреговичей и Смольнянъ, гдѣ уже начало утверждаться потомство Мономаха. В. Е. Данилевичъ справедливо называетъ Глѣба «ревностнымъ продолжателемъ политики Всеслава» [1]. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, очень поверхностно объяснять, вмѣстѣ съ О. Турчиновичемъ [2], П. Дружиловскимъ [3]) и др., набѣги

[1]) В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV в. Кіевъ. 1896; стр. 74.

[2]) О. Турчиновичъ. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Исакова. СПБ. 1857 г.; 36—37.

[3]) П. Л. Дружиловскій. Историческія судьбы Витебской губерніи до XIII в.; въ „Памятной книжкѣ Витебской губерніи". 1866; стр. 25—26.

Глѣба Всеславича на княжества Смоленское и Туровское, на Литву и пр. только какъ воплощенія лютости нрава и даже изувѣрной жестокости этого князя, какъ завоевателя. Скорѣе—въ этихъ непрестанныхъ и безпокойныхъ передвиженіяхъ, въ этихъ мятущихся военныхъ предпріятіяхъ прорывались весьма существенныя культурныя, экономическія и политическія потребности Полоцкаго княжества, особенно Минскаго удѣла. Походы эти были только частными проявленіями одной и той же вѣковой исторической эволюціи, служили какъ бы воплощеніями непреодолимыхъ попытокъ къ осуществленію широкой политической программы, которая была выработана творческимъ разумѣніемъ и коллективной мудростью Рогволодовичей вообще и князя Всеслава въ частности. Существенная и органически —необходимая задача всякаго владѣтельнаго князя Минска состояла, несомнѣнно, въ томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ той части Приднѣпровья, которая входила въ составъ великой торговой артеріи Кіевской Руси: „великаго пути изъ варягъ въ греки", гдѣ расположены были по берегамъ Днѣпра довольно важные по торговому и стратегическому положенію города, какъ Орша и Копысъ [1]). На почвѣ этого непреодолимаго тяготѣнія Полочанъ къ великой торговой дорогѣ, къ рѣкѣ Днѣпру и разыгрались кровавыя и жестокія схватки Рогволодовичей съ Ярославичами. Вполнѣ понятно, что южно-русскіе князья и особенно Мономаховичи, владѣвшіе Смоленскомъ, почти какъ родовымъ удѣломъ, отнюдь не могли допустить, чтобы Орша и Копысъ были во власти Полоцка. Въ Копысѣ, напр., какъ городѣ пограничномъ, былъ устроенъ перевозъ чрезъ рѣку, который давалъ ежегодно въ пользу княжеской казны сотню гривенъ, существовала таможня, гдѣ платились торговыя пошлины были устроены постоялые дворы, съ которыхъ собиралась корчемная дань и пр. А городъ Орша, съ прилегающей къ нему частью Поднѣпровья

---

[1]) Копысъ—теперь мѣстечко Горецкаго уѣзда, Могилевской губ., на Днѣпрѣ, ниже Орши; срав. о немъ у Н. Барсова: Географическій словарь Русской земли. Вильна. 1865; стр. 103; у П. Семенова: Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Т. II; стр. 721; А. С. Дембовецкаго: Опытъ описанія Могилевской губерніи. Кн. II; стр. 69—71; въ Slownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajow slowiańskich. T. IV; p. 388 и пр.

были важны въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ владѣвшіе этимъ дорогимъ кускомъ русской земли князья могли во всякое время перерѣзать непосредственное сообщеніе Кіева по Днѣпру не только съ далекимъ Новгородомъ, но и съ сосѣднимъ Смоленскомъ. Отсюда довольно понятными становятся упорныя стремленія Мономаховичей раздавить Полочанъ превосходными силами южно-русской коалиціи и отбросить ихъ возможно дальше отъ бассейна Днѣпра, въ дикую глушь Западнаго края, въ дремучіе боры и непролазныя его болота. Вырвавъ изъ рукъ Всеславичей этотъ клинъ Поднѣпровья, врѣзавшійся остріемъ внутрь Смоленской области, Мономаховичи обезпечили себѣ рѣшительное преобладаніе надъ великой водной торговой артеріей и получили чрезъ это возможность оказывать болѣе сильное вліяніе на дѣла Новгорода Великаго и принимать болѣе существенное участіе въ торговыхъ прибыляхъ этого богатаго города. Одинъ изъ древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ—грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича (1150 г.), приведенная въ хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова [1]), дѣйствительно показываетъ, что Владиміру Мономаху удалось послѣ перваго же пораженія Глѣба въ 1116 г., достигнуть завѣтной цѣли своей политической программы: эта грамота показываетъ Оршу и Копысъ, какъ города Смоленской области, навсегда къ ней присоединенные...

Для цѣли нашего изслѣдованія, конечно, болѣе важное значеніе имѣетъ культурный и политическій смыслъ, чѣмъ конкретная фактическая сторона борьбы Рогволодовичей съ Ярославичами въ той ея стадіи, которая обнимаетъ бурное княженіе Глѣба Минскаго (1101—111 г.г.). Справедливо проф. Довнаръ-Запольскій какъ характерную черту борьбы Рогволодовичей съ Ярославичами и въ частности Всеславичей съ Мономаховичами отмѣчаетъ то любопытное явленіе, что «на Полочанъ собираются почти всѣ князья охотнѣе, чѣмъ на Половцевъ» [2]). Какъ ранѣе противъ могучаго Всеслава, такъ теперь противъ безпокойнаго Глѣба надвинулась съ юга грозная коалиція, лу-

---

[1]) Грамота со списковъ XVI в. издана Владимірскимъ-Будановымъ въ Хрестоматіи по исторіи русскаго права; вып. I; на стр. 241—249; 1889 г.; Кіевъ.

[2]) Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII вѣка; Кіевъ; 1891 г.; стр. 93.

ша которой всегда жила въ Кіевѣ. Тамъ и здѣсь передовымъ форпостомъ Рогволодовичей, на который обрушивались первые и главные удары аттаки, оказался Минскъ. Въ критическіе моменты борьбы оба князя вынуждены были обороняться въ крѣпостяхъ: Всеславъ — въ Полоцкѣ—отъ Всеволода, Святополка и Владимира Мономаха; Глѣбъ—въ Минскѣ—отъ Святополка, Владимира Мономаха, Ярополка, Олега, Давида и пр. ...

Однако, пока вдохновителемъ борьбы съ Рогволодовичами былъ Святополкъ II Изяславичъ, князь мелочно самолюбивый, безхарактерный и даже трусливый, силы коалиціи не слишкомъ устрашали храбраго Глѣба: подобно Всеславу, въ борьбѣ съ Кіевомъ онъ получалъ крѣпкую поддержку въ общественныхъ силахъ Минской земли. Лично великій князь Святополкъ II не участвовалъ въ усмиреніи Глѣба, какъ бы сознавая убожество собственной стратегіи... По крайней мѣрѣ, въ походѣ 1104 года, который объединилъ между собою дружины Кіевлянъ, Смольнянъ, Черниговцевъ и даже отчасти Полочанъ, распорядительная отвѣтственная роль была поручена Святополкомъ ближнему и вліятельному боярину своему—тысяцкому Путятѣ, хотя въ походѣ участвовали такіе опытные въ военномъ дѣлѣ, отважные и энергичные князья, какъ Ярополкъ Владимировичъ и Олегъ Святославичъ. Громкимъ отголоскомъ совершенной неудачи этого перваго натиска на Глѣба является грустный тонъ лѣтописнаго признанія: «не успѣша ничтоже, и възвратитася опять» [1]...

Однако картина очень быстро перемѣняется, какъ только на Кіевскомъ столѣ появляется гроза Рогволодовичей—Владимиръ Мономахъ (въ 1113 г.). Съ этого времени, какъ извѣстно, начинается усиленная концентрація русскихъ областей въ рукахъ многочисленныхъ Мономаховичей. Кіевъ, Туровъ, Переяславль, Смоленскъ, Владимиръ Волынскій, съ одной стороны, Ростовъ, Суздаль, Новгородъ Великій— съ другой, какъ будто съ непреодолимою силою какого-то стихійно-развивающагося процесса дѣлаются наслѣдственнымъ достояніемъ талантливаго Мономахова племени. При такихъ условіяхъ оказываются далеко непредосудительными попытки обдѣленнаго Глѣба Всеславича

---

[1]) Лавр. стр. 270.

увеличить свое княжество сѣверными частями Дреговичской земли, его стремленія проложить себѣ открытую дорогу въ бассейнъ Припяти чрезъ овладѣніе Слуцкомъ въ 1116 г., вслѣдствіе чего между нимъ и Мономахомъ устанавливаются тѣ недоразумѣнія, о которыхъ такъ простосердечно, съ простодушіемъ упрека разсказываетъ Ипатская лѣтопись: „не покоряшеться (Глѣбъ), но болѣ противу Володимеру глаголаше, укоряя и“ [1]).

Ставъ во главѣ новой коалиціи, Мономахъ, съ присущей его темпераменту стремительностью, съ быстротою непреодолимой лавины, обрушился на безпокойнаго Минскаго князя... Въ два похода онъ нанесъ противнику два смертоносныхъ удара, которыми были приведены къ полному крушенію всѣ его политическіе замыслы. Стратегическій планъ похода 1116 г. на Минскъ развернутъ и выполненъ былъ Мономахомъ во всемъ блескѣ его военнаго таланта. Въ то время, какъ Смольняне во главѣ съ сыномъ Мономаха Вячеславомъ, устремились на восточный флангъ Минской области и, послѣ захвата Орши и Копыса, окончательно отбросили Полоцкихъ кривичей съ береговъ Днѣпра,—Переяславцы, подъ начальствомъ другого Мономаховича—Ярополка, и Черниговцы во главѣ съ Давидомъ Святославичемъ, «взяли на щитъ» Друцкъ, перерѣзали сообщенія Минска съ Поднѣпровьемъ и преградили возможность поддержки со стороны Полоцка. Обезпеченный этими фланговыми движеніями, Мономахъ быстро врѣзается съ Кіевскими дружинами въ самую сердцевину Минской земли и и осаждаетъ Минскую крѣпость... Какъ тонкій психологъ и глубокій знатокъ людей, онъ наводитъ панику на Минчанъ одной перспективой возможныхъ бѣдствій отъ долговременной осады, приказавъ строить для себя въ лагерѣ прочное зимнее жилье (избу). Спасая Минскъ отъ тяжестей осады или даже жестокостей штурма, Глѣбъ сначала «шля отъ себе послы» для переговоровъ о мирѣ, а затѣмъ самъ появляется въ лагерѣ осаждающихъ съ дѣтьми и дружиною. Мономахъ «съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постъ-

---

[1]) Ипатск. лѣт. СПБ. 1871; стр. 205; Густ. 291; Никон. 149; Воскр. 24; Кенигсб. 177—178, Львов. т. I, стр. 206: Татищ. кн. II: 216—217 и др.

ные великого поста, и вдасть ему миръ» [1]). Но дорогой цѣной былъ купленъ этотъ подарокъ; обезпеченіемъ мира служили: установленіе вассальныхъ отношеній Минска къ Кіеву и совершенный отказъ отъ Поднѣпровья. Какъ жестоко было торжество побѣдителей, показываетъ хотя бы поведеніе Ярополка Владимировича, который не только отдалъ „на щитъ", на добычу, на разграбленіе городъ Друцкъ, но полонилъ такое множество Дручанъ, что образовалъ изъ нихъ въ своей Переяславской области цѣлый городъ Желни [2])...

Послѣ такого разгрома, конечно, лишь слабая, блѣдная, скользящая тѣнь осталась отъ былой силы и независимости Минскаго удѣла. Но и она только печально мелькнула на сценѣ, чтобы быстро исчезнуть по властному знаку непреклоннаго Мономаха. Въ 1118 г. желѣзныя дружины его опять показались подъ стѣнами Минской крѣпости и овладѣли ею: свободолюбивый князь былъ отведенъ плѣнникомъ въ Кіевъ [3]). «Къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихомъ свое мышленое»—таковъ лаконическій языкъ сообщенія Владимира въ „Поученіи" о его борьбѣ съ Глѣбомъ [4]).

Подвижная, кипучая, неустанно дѣятельная натура Глѣба Всеславича, конечно, не пережила политической гибели родного удѣла: князь умеръ 13-го сентября 1119 года [5]). Человѣкъ невысокаго

---

[1]) Ипат. 203—204: Лавр. 276: Густ. 291: Ник. 149: Воскр. 24: Кенигсб. 177—178; Львов. т. I: стр. 206: Тат. кн. II: 216—217 и др.

[2]) Ипат. 203: Лавр. 276: Ник. 150: Воскр. 24: Густ. 291: Соф. I, 156: Соф. Врем. т. I, стр. 185: Новг. IV, стр. 1.

[3]) Ипат. 205: Ник. 150—151: Воскр. 24: Густ. 292: Львов. т. I, стр. 207: Тат. кн. II, стр. 222: срав. также у Bonnel'я: „Russich—Liwlandische Chronographie": I: p. 8: II: p. 35.

[4]) Лавр. 241.

[5]) Хронологическая и фактическая канва событій, изъ которыхъ сложилась борьба Рогволодовичей съ Ярославичами въ княженіе Глѣба, нѣсколько спутана. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна—гипотеза П. В. Голубовскаго о причинахъ разрыва и центрѣ главной боевой схватки Мономаха съ Глѣбомъ. Голубовскій полагаетъ, что Глѣбъ захватилъ Приднѣпровье, занялъ Копысъ, Оршу и самый Смоленскъ въ 1116 г., вслѣдъ за отозваніемъ изъ Смоленска Вячеслава Владимировича, чѣмъ и вызвалъ противъ себя цѣлую коалицію князей. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій—Мономахъ успѣлъ отрѣзать Глѣба отъ Минска и обложилъ его именно

уровня, по выраженію проф. М. Кояловича, Глѣбъ Всеславичъ, какъ это всегда бываетъ, яснѣе показалъ задачу крупной личности Всеслава“ [1]).

Удивительно, какъ этотъ князь—изувѣръ, по характеристикѣ Турчиновича и др., могъ выражать свою религіозную настроенность

въ Смоленскѣ. Въ Ипатской лѣтописи, которая, по мнѣнію Голубовскаго, является самымъ обстоятельнымъ первоисточникомъ для изслѣдуемыхъ событій, встрѣчаются дѣйствительно, такія указанія: „Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ Смоленьску“—или: „Володимеръ самъ поиде къ Смоленьску; и затворися Глѣбъ въ градѣ“ (Ипат. 203—204). Густинскій лѣтописецъ, который нерѣдко съ рабскою вѣрностью слѣдуетъ Ипатскому, даже называетъ Глѣба „княземъ Смоленскимъ“ (Густ. стр. 291). Глѣбъ сначала думалъ защищаться, но, когда Владимиръ повелъ правильную осаду, запросилъ мира. Миръ состоялся на условіи, что городъ Минскъ отходитъ къ землѣ Полоцкой. Мономахъ, какъ видно, самъ отвелъ туда Глѣба и водворилъ его тамъ (см. П. В. Голубовскаго. Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895, стр. 264—265 266). Такова—гипотеза Голубовскаго.

Однако, эта гипотеза недостаточно обоснована на первоисточникахъ. Во-первыхъ: Голубовскій совершенно произвольно опредѣляетъ поводъ къ борьбѣ Мономаха съ Глѣбомъ, такъ какъ лѣтописи совершенно умалчиваютъ о захватѣ Минскимъ княземъ Копыса, Орши и Смоленска въ 1116 г. Напротивъ, въ исторіи почитается установленнымъ тотъ фактъ, что до 1116 г. Копысъ и Орша входили въ составъ Полоцкаго княжества (срав. у Довнара-Запольскаго: Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель. Кіевъ. 1891; стр. 35—55: у Данилевича: Очеркъ исторіи Полоцкой земли. Кіевъ. 1896, стр. 20: лѣт.: Нов. II, 130: Новг. III, 185: Тверск. 153; Ник. 91). Во вторыхъ, гипотеза Голубовскаго опрокидывается рѣшительнымъ свидѣтельствомъ самого Мономаха въ „Поученіи“: „Къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба... и створихомъ свое мышленое“ (Лавр. 241). Дѣйствительно, можно ли серьезно считаться съ возраженіемъ Голубовскаго, будто не только Лаврентьевскій лѣтописецъ, но и самъ Мономахъ, этотъ главный дѣятель и очевидецъ событій 1116—1118 г.г., такъ плохо помнили прошлое, что перепутали Смоленскъ съ Минскомъ (у Голуб. стр. 266)?! Въ третьихъ, дважды повторенное сообщеніе Ипатской лѣтописи: „Володимеръ же поиде Смоленьску“—(203—204) можетъ имѣть нѣсколько иной смыслъ, нежели какой придаетъ ему Голубовскій (стр. 266). Вѣдь Смоленскъ могъ быть избранъ Мономахомъ сборнымъ мѣстомъ для коалиціонныхъ войскъ и исходнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій противъ Глѣба, особенно въ направленіи Копыса, Орши и Друцка. Въ четвертыхъ, предположеніе Голубовскаго, опирающееся только на Ипатскую и Густынскую лѣтописи, находится въ противорѣчіи со многими другими лѣтописями, какъ то: Лаврентьевской (стр. 276: „самъ стояше у Мѣньска“), Никонов., Воскрес., Кенигсб., Львова, Татищева и др.

[1]) М. Кояловичъ. Лекціи по исторіи Западной Россіи. М. 1864, стр. 76.

въ столь крупныхъ дарахъ на пользу Церкви, какъ пожертвованія Кіево-Печерской Лаврѣ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота [1]), и еще изумительнѣе, какъ, вопреки своему изувѣрству, онъ могъ быть погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, да притомъ еще „у святого Ѳедосья у головахъ“ [2])!

Печальной развязкой трагической борьбы Рогволодовичей съ Ярославичами, прологъ которой такъ ярко, такъ стильно и красочно воплощенъ въ лѣтописномъ сказаньѣ о Рогнѣдѣ, были событія 1127 и 1129 г. Широко задуманный и блестяще выполненный походъ Мстислава Владимировича на Кривичей [3]) былъ только однимъ изъ послѣднихъ звеньевъ въ непрерывно развертывающейся цѣпи событій, въ длинномъ ряду эпическихъ проявленій поединка между Кіевомъ и Полоцкомъ. Здѣсь обнаружилось вполнѣ естественное послѣдствіе рѣзкаго перевѣса централистическихъ силъ Кіева и южной Руси надъ стремленіями Руси сѣверо-восточной къ децентрализаціи; сказался результатъ побѣднаго торжества этихъ силъ надъ стихійными порывами Кривичей къ племенному и политическому обособленію... Разгромъ Минскаго удѣла непреодолимо влекъ за собою и паденіе Полоцка, такъ какъ, послѣ захвата Минска, былъ окончательно разрушенъ промежуточный барьеръ между Кіевомъ и Полоцкомъ, и оба противника вошли другъ съ другомъ въ непосредственное соприкосновеніе. Исторія безспорно доказала, что заключеніе Всеслава въ порубъ въ 1067 г., равно какъ и захватъ Глѣба въ 1118 г. далеко не были неожиданными случайностями. Напротивъ, они вытекали изъ самаго существа политическихъ отношеній Кіева къ Полоцку и какъ будто предуказывали плѣнъ и ссылку всего рода Полоцкихъ Всеславичей въ 1129 г.

Историки высказали разныя мнѣнія о поводахъ къ той рѣшающей схваткѣ между Кіевомъ и Полоцкомъ въ 1127 году, которую

---

[1]) Ипат. 338; Густ. 305; Воскр. 67; Ник. 211.

[2]) Ипат. 338.

[3]) Ипат. 210—211; Лавр. 282. 283; Воскр. 27; Ник. 155; Твер. 194; Соф. 1, 156; Новг. IV, стр. 3; Кениг. 183. 184; Лѣт. Льв. т. I, стр. 210; Тат. кн. II, 235. 236; срав. также въ „Latopisiec Litwy i Kronika Ruska“. Ignacego Danilowicza. Wilnie 1827; p. 121-122 и др.

справедливо можно назвать эпилогомъ великой борьбы внуковъ Рогволода съ внуками Ярослава въ XII вѣкѣ. Часть историковъ отмѣчаетъ во Всеславичахъ стремленіе сбросить съ себя тяжелыя оковы зависимости отъ Кіевскаго князя. Такъ Н. М. Карамзинъ говоритъ: «князья Полоцкіе отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть владѣтелями независимыми» [1]). По мнѣнію Н. Устрялова, „Всеславичи ранѣе всѣхъ другихъ потомковъ Владимира Св. хотѣли быть независимыми и, не признавая первенства великаго князя Кіевскаго, постоянно враждовали дому Ярослава Мудраго“ [2]). Такой же взглядъ проводитъ Д. Ив. Иловайскій: „несмотря на потерю Минскаго удѣла, Полоцкіе Всеславичи никакъ не хотѣли, подобно другимъ русскимъ князьямъ, подчиниться великому князю Кіевскому“ [3]). По мнѣнію другихъ ученыхъ, новая яркая вспышка вражды между Кіевомъ и Полоцкомъ произошла вслѣдствіе страстнаго желанія Всеславичей возвратить обратно потерянныя владѣнія и особенно Минскъ. Такъ еще В. Н. Татищевъ писалъ, что „Всеславичи, считая себя законными владѣльцами всѣхъ волостей отца своего, опустошали пограничныя земли Мономаховичей [4]). С. М. Соловьевъ присоединяется къ этому предположенію: «быть можетъ, Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ» [5]). Таково же мнѣніе проф. М. С. Грушевскаго [6]). Третья болѣе современная фракція историковъ склоняется къ мысли, что походъ южно-руссовъ на Кривичей въ 1127 г. былъ организованъ, вслѣдствіе нежеланія ихъ князей принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ общегосударственныхъ предпріятіяхъ Руси. При этомъ остріе меча Кіевскаго князя было обращено главнымъ образомъ противъ сидѣвшаго на Полоцкомъ столѣ Давида Всеславича, какъ лица отвѣтственнаго за направленіе политики всѣхъ удѣльныхъ властителей княжества. Здѣсь важны сужде-

---

[1]) Исторія государства Россійскаго; т. II; изд. 2-е братьевъ Слениныхъ; СПБ. 1818; стр. 173.

[2]) Русская исторія. Ч. I; изд. 5-е; С.-Петербургъ; 1855; стр. 95.

[3]) Исторія Россія. Ч. I; Кіевскій періодъ; М. 1876. стр. 198.

[4]) Исторія Россійская; кн. II; М. 1773; стр. 235; см. также у П. Л. Дружиловскаго. Историческія судьбы Витебской губ. до XII в. въ „Памятной книжкѣ Витеб. губ. стр. 25.

[5]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ: кн. I; т. II; изд. 3. СПБ. стр. 363.

[6]) Очеркъ исторіи Кіевской земли. Кіевъ. 1891; стр. 138--139.

нія проф. М. В. Довнара-Запольскаго: „походъ былъ направленъ противъ всѣхъ князей Полоцкихъ и въ особенности противъ прежняго союзника и родственника Мономаховичей—Давида Всеславича Полоцкаго; причины этого похода неизвѣстны, хотя изъ послѣдующихъ событій можно догадываться, что Давидъ Всеславичъ отказался отъ участія въ общерусскихъ дѣлахъ—въ походахъ на Половцевъ и, вѣроятно, не призналъ великокняжеской власти Мстислава“ [1]). Мнѣніе М. В. Довнара-Запольскаго раздѣляетъ В. Е. Данилевичъ. «Какъ кажется, говоритъ онъ, походъ этотъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Давида Всеславича, прежняго союзника Кіевскихъ князей... Чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Кіевскаго князя Давидъ Всеславичъ, лѣтопись не указываетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ совершилъ нѣчто весьма важное, такъ какъ главною цѣлью похода было добиться его изгнанія изъ Полоцка»[2]). Особое мнѣніе по данному вопросу высказываетъ Н. Полевой: съ точки зрѣнія этого историка—Мстиславъ Владимировичъ, горько сожалѣя, что не возстановилъ, вопреки клятвенному договору, на Черниговскомъ столѣ Ярослава Святославича, согнаннаго съ него племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ [3]), „какъ будто хотѣлъ загладить вину свою рѣшительнымъ уничтоженіемъ княжества Полоцкаго, нимало не враждовавшаго съ Кіевомъ» [4]). Слѣдовательно, по мысли Полевого, Всеславичи вовсе не подавали Мономаховичамъ въ 1127 г. повода къ новой борьбѣ, которая закончилась полнымъ разгромомъ Полоцкой области.

Какъ кажется, вышеизложенное разнорѣчіе среди историковъ вовсе не измѣняетъ существа изслѣдуемаго нами явленія. Законы исторіи непреложны: когда война диктуется органическими потребностями и вызывается экономическими, соціальными и политическими условіями жизни какого-либо племени или народа, то не поводы толкаютъ къ войнѣ, а напротивъ эти поводы войною родятся. Въ данномъ случаѣ, конечно, не Рогволодовичи вызвали на неравный бой Яро-

[1]) Очеркъ исторіи Кривической и Дреговичской земель до конца XII в. Кіевъ; 1891; стр. 93.

[2]) Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896; стр. 76.

[3]) Лавр. 281—282.

[4]) Исторія русскаго народа Н. Полевого: т. II: М. 1830 г.: стр. 384.

славичей: вѣдь не могли же они съ безуміемъ отчаянія, какъ бы съ закрытыми глазами идти на встрѣчу новому пораженію; очевидно, бой имъ былъ навязанъ. Разъ вполнѣ опредѣлились династическія стремленія Мономаховичей объединить въ рукахъ своей семьи въ одну сплошную территорію—области: Новгородскую, Смоленскую, Ростово-Суздальскую, съ одной стороны, и Кіевскую, Туровскую, Владиміро-Волынскую, Переяславскую—съ другой,—всѣ внѣшніе поводы къ борьбѣ съ Рогволодовичами получаютъ уже второстепенное значеніе...

Въ 1127 году Мстиславъ Владимировичъ вообразилъ, что можно однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ Рогволовичами, однимъ сокрушительнымъ напоромъ расшатать, опрокинуть созданную ими въ старомъ Полоцкѣ исконную преграду для династическихъ и территоріальныхъ вожделѣній его рода. Любопытно, что изъ восьми владѣтельныхъ князей, принимавшихъ участіе въ походѣ на Кривичскую землю, пятеро было именно изъ рода Мономаховичей: два брата и три сына Мстислава... Безчисленныя дружины союзниковъ ворвались въ Полоцкую землю одновременно «четырьмя путьми»: повидимому имѣлось въ виду не допустить концентраціи Рогволодовичами своихъ силъ для отпора. Великій князь далъ союзникамъ суровый приказъ: «рекъ имъ въ одинъ день всѣмъ пустити на воропъ (нападеніе)» [1]. Н. Полевой такъ характеризуетъ этотъ пресловутный походъ: «Мстиславъ, братья, дѣти его, Черниговскій князь вступили въ Полоцкую землю какъ бы въ страну язычниковъ, грабили, жгли» [2]. Вмѣсто хищныхъ Половцевъ, исреблявшихъ Полочанъ во время набѣговъ Мономаха, Мстиславъ выслалъ дикихъ и свирѣпыхъ Торковъ [3].

Оборонительная линія Всеславичей широкимъ и немного ломаннымъ фронтомъ тянулась въ направленіи съ запада на сѣверо-востокъ: ее составляли укрѣпленные города: Изяславль, Логожскъ, Борисовъ и Друцкъ. На западную часть этой линіи, гдѣ находился болѣе укрѣпленный Изяславль, [4]) какъ бы замѣнявшій Полочанамъ

---

[1]) Лавр. 283.

[2]) Исторія русскаго народа; т. II; М. 1830; стр. 384.

[3]) Лавр. стр. 283; Ипат. 210.

[4]) Изяславль—нынѣ мѣстечко Заславль Минскаго уѣзда; въ старину—вотчина Рогвѣды; память о княгинѣ доселѣ сохраняется въ прозвищахъ урочищъ. особенно

утраченный Минскъ, были двинуты Мстиславомъ войска сразу четырехъ князей: съ юго-запада Андрея Владимировича—изъ города Владимира Волынскаго и съ юга: Вячеслава Владимировича—изъ Турова Всеволода Игоревича—изъ Городны [1]) и Вячеслава Ярославича—изъ Клецка [2]). Одновременно съ этимъ прорвать центръ оборонительной линіи и взять Логожскъ должны были Кіевскія дружины, ввѣренныя великимъ княземъ своему сыну Изяславу. Нѣсколько правѣе, но также въ центръ: на городъ Борисовъ [3]) съ юго-востока на-

же въ названіяхъ рѣчекъ „Черница" и „Княгинька", и одного озера (теперь уже болота): „Рогнѣдь"; народъ указываетъ даже мѣсто предполагаемой могилы княгини (см. у К. А. Неволина въ т. VI „Полнаго собранія сочиненій". СПБ. 1859; стр. 54—55; у П. Семенова: „Географ. статист. словарь Россійской Имперіи" Т. II СПБ. 1863; стр. 260; у Н. Барсова въ „Географ. словарѣ Русской земли". Вильна: 1865, стр. 83; у Шпилевскаго въ „Современникѣ" за 1854 г. № 11; стр. 34—35: стат. „Путешествіе по Бѣлоруссіи"; у Слупскаго въ „Сѣверо-Западномъ календарѣ" за 1888. Минскъ, стат. „Туровъ и Изяславль", у Альбовскаго въ „Военномъ мірѣ" за 1911 г. № 1, стат.: „Удѣлъ Рогнѣды—Гориславы" стр. 92—95; у Довнара-Запольскаго: 49 -50 и др.; изъ польскихъ историковъ: у Нарбута: „Dzieje Starożytne narodu Litewskiego", t. III, 276, Wilno 1838.

[1]) Отысканіе Городны—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ исторической географіи. По Барсову—это м. Городокъ къ югу отъ Молодечны (см. въ „Очеркахъ русской истор. географіи". Варшава; 1885. стр. 185); по Бѣляеву—мѣстечко на притокѣ р. Виліи въ Вилен. уѣздѣ („Запад.-Русск. Геогр." т. VI. стр. 162); Арцыбашевъ отождествляетъ „Городну" съ Городкомъ Витебской губ. (Повѣств. о Россіи, т. II, М. 1838, см. примѣч. 1081, стр. 173), Ближе всѣхъ къ истинѣ стоятъ, повидимому, К. А. Неволинъ (Полное собраніе сочиненій, т. VI, СПБ. 1859, стр. 46—47) и П. Семеновъ (Географическо-статистич. Словарь Россійск. Имперіи. т. I, СПБ. 1863, стр. 672), по мнѣнію которыхъ -это мѣстечко Минской губ. Пинскаго уѣзда между рѣками Стыремъ и Горынью. Къ нимъ примыкаетъ и столь осторожный историкъ, какъ С. М. Соловьевъ („Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. II, изд. 3, СПБ, стр. 363, прим. 2).

[2]) Клическъ, или Клецкъ—древній городъ Туровскаго княжества—въ настоящее время мѣстечко Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда (см. у Арцыбашева: Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838, стр. 70, у Довнара-Запольскаго въ „Очеркѣ ист. Крив. и Дрег. земель". стр. 61 и др).

[3]) Въ настоящее время Борисовъ -уѣздный городъ Минской губерніи (у К. А. Неволина въ „П. с. сочин.", т. VI, стр. 40—41, у Н. Барсова въ „Геогр. слов. Русс. зем." 13, Вильна. 1865, стр. 12, у Довнара-Запольскаго въ „Очер. истор." стр. 50—51; прим. 27, у В. Е. Данилевича въ „Очер. ист. Пол. земли", стр. 22 и пр.). По сообщенію

правлялись Чериговскія дружины Всеволода Ольговича и орды торковъ подъ предводительствомъ воеводы Ивана Войтѣшича. Городъ Друцкъ [1]) составлялъ восточный флангъ обороны, и потому имъ должны были овладѣть Смоленскія войска Ростислава Мстиславича. Наконецъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ тылу Полочанъ внезапно появились Новгородскія ополченія, во главѣ съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; вторгшись въ самую середину коренной Полоцкой территоріи, они удерживали Давида Всеславича отъ малѣйшихъ попытокъ двинуться къ югу на помощь удѣльнымъ князьямъ, уже раздавленнымъ коалиціей...

Походъ 1127-го года, столь широко задуманный и такъ методически выполненный, быстро доставилъ Мономаховичамъ побѣду надъ Всеславичами... Прежде всего внезапно и безъ сопротивленія былъ захваченъ полкомъ Изяслава Мстиславича городъ Логожскъ, для обороны котораго не оказалось войска. Затѣмъ среди полной растерянности, въ открытомъ полѣ и безъ боя положили оружіе Логожскія и другія мѣстныя дружины во главѣ съ княземъ Брячиславомъ, „иже бяше пошелъ къ отцу своему, бывъ бо посредѣ пути и острашивъся, не мога поити ни сѣмо, ни онамо и иде шюрину своему въ руцѣ и Логожаны приведе, иже бяше велъ изъ Логожьска“ [2]). Видя въ плѣну Брячислава и окруженные превосходными силами пяти князей, Изяславцы, въ порывѣ отчаянія, сдались «рекше Вячеславу: призови,

---

Татищева--основанъ Борисомъ Всеславичемъ послѣ похода на Ятвяговъ (кн. II. стр. 199); также у польскихъ историковъ—J. Danilowicza Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. W Wilnie. 1827 n. 16, p. 122; у Narbutta: „Dzieje Sfarozytne narodu Litewskiego“, t. III, n. 1, p. 276, Wilno. 1838, въ „Slownik geogvafiszny krolewstwa Polskiego i innych krajow slowianskich T. I, p 335; Warszawa. 1880. Напротивъ Быховецъ въ „Pomniki do dziejw Litewskish przez Г. Navbutta. Wilno. 1846, p 5 и Стрыйковскій въ "Kronika", t. II. Wavszawa, 1768, p. 233 называютъ, по своей привычкѣ, основателемъ Борисова легендарнаго Бориса Гинвиловича.

[1]) Дрьютьскъ—Друцкъ—теперь мѣстечко Могилевской губерніи и уѣзда (см. у Неволина, стр. 50—51, у Барсова, стр. 68—69, у Семенова, стр. 132 во II томѣ; въ „Slownik geogvaficzny“—t. II, p. 164, у Ходаковскаго: „Пути сообщенія въ древней Россіи“ (въ Русскомъ Историч. Сборникѣ“, т. I, М. 1837, стр. 37 и пр.).

[2]) Лавр. 283, Ипат. 211, Ник. 155, Воскр. 27, Новг. IV, 3, Соф. Врем. т. I. стр. 187, Соф. I, стр. 156, Твер. 194, Львов. т. I, 210, Татищ. кн. II, 236, Danilowicz. Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. W Wilne. 1827 p. 122.

ни Бога, яко насъ не даси на щитъ» [1]). Но какъ бы наперекоръ этому воплю отчаянія «разъяренные союзники ворвались въ городъ и, предавшись безудержному грабежу, возвратились «со многымъ полономъ»—съ огромной добычей и толпами плѣнныхъ [2]). «Князья, по замѣчанію Н. М. Карамзина, не могли или не хотѣли остановить воиновъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву» [3]). Завершеніемъ разгрома Всеславичей было появленіе Новгородскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Всеволода Давидовича, на территоріи Полоцкаго княжества, около Нѣклоча [4]). Теперь для грозныхъ союзныхъ полчищъ уже открывалась свободная и широкая дорога къ Полоцку... И вотъ, очевидно, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ капитуляціи Брячислава, ужасовъ жестокаго разгрома и неистоваго грабежа Изяславля, среди естественнаго опасенія за собственную участь, Полочане возстали противъ князя Давида. На Полоцкомъ вѣчѣ произошла одна изъ типичныхъ въ средневѣковой Руси рево-

---

[1]) Лавр. 283, Ипат. 211. Ник. 155, Воскр. 27, Новг. IV, 3. Соф. Врем. т. I. стр 187, Соф. I, стр. 156, Твер. 194, Львов. т. I, 210, Татищ. кн. II, 236, Danilowicz. Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. W Wilne. 1827 p. 122.

[2]) Тамъ же.

[3]) Исторія государства Россійскаго; т. II; изд. 2 братьевъ Слениныхъ; СПБ. 1878. стр. 175.

[4]) Въ опредѣленіи мѣстонахожденія Нѣклоча среди географовъ и историковъ образовались два направленія. Арцыбашевъ (Повѣств. о Россіи. М. 1838; т. II; стр. 71; прим. 426), Турчиновичъ (Обозрѣніе исторіи Бѣлорусс. съ древнѣйшихъ временъ; СПБ. 1857; стр. 262; пр. 76), Довнаръ-Запольскій (Очеркъ исторіи Кривичской и Древичской земель. Кіевъ. 1891; стр. 49; пр. 119) предполагаютъ здѣсь Нѣклочь-озеро и истокъ Полоты. Напротивъ -Неволинъ (Общій списокъ русскихъ городовъ; т. VI Общаго собранія сочиненій; стр. 68—69), Н. Барсовъ (Очерки русской историч. географіи; Варшава; 1885; стр. 224; прим. 51), М. П. Погодинъ (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи: М. 1853; т. IV; стр. 308), С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи съ древн. временъ; изд. 3-е, СПБ.; гл. 4; стр. 364; прим. 5), В. Е. Данилевичъ (Очеркъ исторіи Полоцкой земли К. 1896; стр. 19; прим. 109) и др. указываютъ на селеніе Неклочь, Лепельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Лепеля. Повидимому, первое мнѣніе ближе къ истинѣ, такъ какъ Нѣклочь-озеро расположено на пути изъ Новгорода къ Полоцку.

люцій: „Полочане, сътснувшеся [1]), выгнаша Давида и съ сынъми, и поемше Роговолода идоша къ Мстиславу, просяще и собѣ княземъ; и створи волю ихъ Мстиславъ" [2]). Насколько извѣстно, это было одно изъ первыхъ проявленій народовластія и яркихъ выраженій вѣчевого сознанія, отмѣченныхъ лѣтописями въ Полоцкой исторіи, слѣдствіемъ которыхъ явилось сверженіе одного князя и вокняженіе другого.

Конечно, примиреніе Кіева съ Полоцкомъ было явленіемъ случайнымъ и временнымъ. Какъ походъ Мономаха въ 1116 г. чрезъ два года повлекъ за собою плѣнъ князя Глѣба и утрату удѣла Минскими Всеславичами, такъ за разгромомъ Полоцкой земли въ 1127 году послѣдовали сначала сверженіе князя Давида, а потомъ ссылка въ Царьградъ всего рода Всеславичей и обращеніе Полоцка въ одинъ изъ удѣловъ Мономаховичей. Поводы для послѣдняго расчета Ярославичей съ Роговолодовичами въ 1129 г. лѣтописные первоисточники обыкновенно указываютъ въ непослушаніи Полоцкихъ князей Мстиславу [3]), въ непослушаніи, отягченномъ преступленіемъ крестоцѣлованія [4]), даже въ измѣнѣ ихъ христіанству и злонравіи [5]).

Фактическая сторона событій обрисована лѣтописцами въ такомъ освѣщеніи. Смерть грознаго Мономаха (1125 г.) влила бодрость въ хищныя стаи Половцевъ: онѣ вновь показались въ предѣлахъ кня-

---

[1]) И. И. Срезневскій изъ трехъ значеній глагола: „сътъснутиси"—„сотъснутиси"—„сотоснутиси" (= разгнѣваться, встревожиться, смириться") для даннаго мѣста лѣтописи указываетъ именно первое, означающее недовольство, гнѣвъ, волненіе Полочанъ, вслѣдствіе которыхъ и вспыхнула революція противъ князя Давида (см. его „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка; т. III; вып. 2; СПБ.: 1906; стр. 852).

[2]) Лавр. стр 284; Ипат. 211 и др.

[3]) Воскр. 28: „Того же (6638) лѣта поточи Мьстиславъ князи Полотцкіе Царюграду, и со женами и съ дѣтьми, зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть и въ Русскую землю въ помочь".

[4]) Ипат. 211: „У се же лѣто поточи Мьстиславъ Полотьскій князѣ, съ женами и съ дѣтми, въ Грекы, еже преступиша хрестьное цѣлованіе".

[5]) Густин. 296: „Въ се же лѣто (1140) пріидоста изъ заточенія изъ грекъ два княжича, ихъ же бѣ нѣкогда заточилъ Мстиславъ Володымеровичъ, злонравія ради, яко соглашахуся со Бонякомъ на христіанъ".

жествъ Кіевскаго и Переяславскаго. Въ 1129 года, когда Половцы «налегоша на Русскую землю» [1]), народу Русскому, повидимому, жилось очень тяжело. Вѣрный завѣтамъ и слѣдуя примѣру великаго отца своего, Мстиславъ Владимировичъ рѣшилъ ударить на дикую степь всѣми силами русскихъ князей, объединенныхъ подъ великокняжескимъ стягомъ. Въ числѣ другихъ—Кіевскій князь звалъ въ походъ Полоцкихъ Всеславичей. Однако, они не только отказались отъ участія въ общегосударственномъ дѣлѣ, но облекли свой отказъ въ насмѣшливую форму съ саркастическимъ оттѣнкомъ. По сообщенію Ипатскаго лѣтописца Всеславичи «не слушахуть Мстислава, коли ѣ зовяшеть в Рускую землю въ помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье» [2]). Густинскій лѣтописецъ идетъ далѣе: онъ истолковываетъ отвѣтъ Полоцкихъ князей такъ, что они будто бы «соглашахуся со Бонякомъ на христіаны» [3]). Чтобы оцѣнить всю гнусность доброжелательства Боняку [4]), всю преступность соглашенія съ нимъ, которыя именно лѣтописцы предполагаютъ во Всеславичахъ, достаточно вспомнить темный обликъ этого страшнаго Половецкаго хана. Въ теченіе VI—VII вв. Бонякъ безъ всякаго преувеличенія, былъ „злымъ геніемъ" Русскаго народа: за свои набѣги онъ пользовался среди современниковъ славой черной знаменитости. Безудержная страсть къ грабежу и безпощадная жестокость, скрытность замысла и стремительность набѣга, рѣдкая удача нападенія и мѣткость удара,—всѣ эти свойства и инстинкты азіатскаго наѣздника какъ будто воплотились, слились въ одномъ лицѣ могучаго хана. „Безбожный, шолудивый хыщникъ" [5]), Бонякъ совершилъ безчисленный рядъ набѣговъ на Святую Русь, врывался дважды въ самый Кіевъ, причемъ погибли въ пламени княжескіе дворы: великокняжескій,—на Берестовѣ [6]) и такъ называемый «Красный» — на Выдубицкомъ

---

[1]) Воскр. 28.

[2]) Ипат. 211.

[3]) Густин. 296.

[4]) „Молвити во здоровье", по объясненію Ив. Ив. Срезневскаго, значитъ: доброжелательствовать (срав. „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка"; т. II; СПБ.; 1902; стр. 202).

[5]) Лавр. 224.

[6]) Тамъ же: 225.

холмѣ [1]); ограбилъ Кіевскіе монастыри и въ числѣ ихъ Кіево-Печерскій [2]), разгромилъ Торковъ, Берендѣевъ, Печенѣговъ, нанесъ страшное пораженіе Венграмъ, во главѣ съ королемъ Коломаномъ [3]) и пр. Даже самъ Мономахъ, несмотря на свою опытность въ военномъ дѣлѣ и хорошее знакомство съ пріемами борьбы со степью, долженъ былъ признаваться, что Бонякъ—неуловимъ [4]).

И вотъ такому-то страшному бичу Русскаго народа, такому-то отчаянному врагу христіанской культуры могли доброжелательствовать Всеславичи! Уже одно подобное сопоставленіе заставляетъ подвергнуть сомнѣнію сдѣланное Ипатскимъ лѣтописцемъ освѣщеніе событій. Критическое отношеніе къ лѣтописной точкѣ зрѣнія здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что оно вообще оправдывается элементарными требованіями научнаго изслѣдованія. Вѣдь составитель лѣтописи, по справедливому замѣчанію проф. Д. Е. Самоквасова, «какъ ревностный поборникъ религіи, недавно введенной въ государство, на историческіе факты, смотрѣлъ съ предубѣжденіемъ, не свободно, не объективно: событія ему представляются въ одностороннемъ свѣтѣ, и то, что намъ кажется сомнительнымъ, даже невозможнымъ, является въ глазахъ лѣтописца вполнѣ вѣроятнымъ и заносится въ лѣтопись, предпочтительно предъ явленіями дѣйствительно крупными» [5]). Къ сожалѣнію, отсутствіе или утрата мѣстныхъ Полоцкихъ лѣтописей лишаетъ возможности съ безспорною ясностью опредѣлить, въ отношеніи къ данному случаю, роль субъективнаго домысла составителя лѣтописи. Но В. Н. Татищевъ сохранилъ такой варіантъ отвѣта Всеславичей Кіеву, въ которомъ не только смягчена рѣзкая его форма, но существенно измѣненъ самый его смыслъ. «Ты съ Бонакомъ шолудякомъ», говорятъ Полоцкіе князья Мстиславу, «здравствуйте сами, а мы имѣемъ

---

1) Лавр. 225.

2) Тамъ же: 224--225.

3) Тамъ же: 260. 261.

4) Въ „Поученіи" Владиміръ сообщаетъ: „пакы с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша, и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его" (Лавр. 241).

5) Замѣтки по исторіи Русскаго государственнаго устройства и управленія въ „Журналѣ М. Нар. Просв."; 1869; № 11; стр. 60.

дома, что дѣлать“ [1]). Изъ отвѣта Полоцкихъ князей, какъ онъ изложенъ въ редакціи Татищева, открывается, что Всеславичи вовсе не соглашались съ дикою Половецкою ордою противъ христіанства, а только желали «здравствовать» Мстиславу и Боняку, предоставляя Кіеву управляться съ вѣковымъ врагомъ своими собственными силами. Въ нѣсколько насмѣшливыхъ нотахъ Полоцкаго отвѣта не столько ощущается ядъ ироніи, сколько слышится печальный тонъ, чувствуется грустное сознаніе тѣхъ горькихъ обидъ, которыя причинены были Кіевомъ «отчинѣ Рогнѣды». Вовсе не злонравіе или вѣроотступничество побудили Всеславичей отвергнуть властное распоряженіе Мстислава о походѣ на Боняка; нѣтъ—скорѣе горячая заботливость о внутреннихъ дѣлахъ своихъ, существенная нужда въ неотложномъ разрѣшеніи ближайшихъ задачъ политическаго момента. Насколько справедлива была отговорка Полоцкихъ князей: «мы дома имѣемъ, что дѣлать», показываетъ хотя бы состояніе обороны Полоцка отъ враговъ, посягавшихъ на его самостоятельность. Въ то время какъ юго-западная Русь вела на жизнь и смерть вѣковой споръ съ Половцами, сѣверо-западная Русь жила подъ угрозой еще болѣе опасныхъ враговъ: на нее повели настойчивый натискъ Литовскія племена. Уже автору «Слова о полку Игоревѣ» былъ извѣстенъ этотъ проснувшійся новый врагъ земли Русской. Въ красивомъ символѣ онъ ставитъ Литовцевъ въ параллель съ Половцами и посредствомъ великолѣпной и наглядной аллегоріи изображаетъ всю опасность отъ новаго врага. «Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочяномъ подъ кликомъ поганыхъ» [2]). Только однажды именно въ данномъ мѣстѣ упомянута Западная Двина въ «Словѣ», конечно, потому, что по нижнему и отчасти среднему ея теченію обитали Литовскія племена, причинившія много

---

[1]) Исторія Россійская; кн. II; стр. 240.

[2]) „Слово о полку Игоревѣ“. Изд. 2-е проф. Н. Тихонравова; М. 1868; стр. 9; то же у А. С. Суворина въ фототипическомъ изданіи съ 1-го изд. 1800 г.; 1904; СПБ.; стр. 33; срав. у Мусина-Пушкина: „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича; М. 1800 г. стр. 33 и друг.

бѣдъ Западной Руси. По обыкновенію—глубина мысли заключена здѣсь авторомъ въ изящную канву красиваго рисунка: какъ рѣка Сула отъ непрестанныхъ набѣговъ Половцевъ потеряла свой свѣтлый отблескъ, уже не переливается своими серебряными струями, а течетъ струями темными, какъ бы слезами горючими, такъ потекла «болотомъ», покрылась тиной и мутью болотной Западная Двина отъ набѣговъ Литовцевъ. И этотъ кликъ поганыхъ, который грознымъ и громкимъ эхомъ прогремѣлъ надъ великой западно-русской рѣкой, изслѣдователи «Слова»: филологи, педагоги, литераторы, поэты и пр. истолковываютъ именно какъ побѣдный вопль Литовскаго торжества [1]). Вѣроятно, отдѣльными схватками и мелкими набѣгами Литва тревожила Полоцкую землю еще въ княженіе Всеслава, особенно въ самые опасные моменты его отчаянной борьбы съ Кіевомъ, когда княжій

---

[1]) Срав. напр. у Як. Малашева „Слово о полку Игоревѣ". М, 1871; стр. 95 и 121-примѣч.: „Двина мутно потекла, вслѣдствіе появленія на ней поганыхъ Литовцевъ"; у Ал. Иванова „Пѣснь о походѣ Игоря Святославича" въ „Новой библіотекѣ для воспитанія" (изд. П. Рѣдина); кн. V; М. 1846; стр. 15; прим. 34: „бѣда была на югѣ отъ Половцевъ чрезъ усобицу князей, не легче было на сѣверѣ, гдѣ ею воспользовались Литовцы"; у Е. В. Барсова—„Слово о полку Игоревѣ": Т. III; М. 1889 стр. 36—37: „какъ Сула, гдѣ жили Половцы, бѣсовы дѣти, текла не свѣтлыми, темными струями, какъ бы горькими слезами; такъ Двина, которая выходила изъ предѣловъ Литовской погани, текла болотомъ"; Н. Грамматина: „Слово о полку Игоревомъ"; М. 1823; стр. 179; прим. 135: „подъ кликомъ поганыхъ"—сіи слова изображаютъ ужасъ тогдашнихъ Литовскихъ набѣговъ на Кривскую землю"; у Д. Дубенскаго „Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣснтворца стараго времени" М. 1844; стр. 175, прим. 149: „отъ восточныхъ границъ Заднѣпровскихъ князей поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ, которыхъ надобно усмирить—поганыхъ Литовцевъ"; у проф. А. Потебни: „Слово о полку Игоревѣ"; Воронежъ; 1878 г. стр. 117—весь отрывокъ о Двинѣ ставится въ связь съ гибелью Изяслава Васильковича въ кровавомъ бою съ Литовцами; изъ переводчиковъ: у Н. Гербеля: „Игорь, князь Сѣверскій"—поэма; СПБ. 1855; изд. 2; стр. 101; прим. 1—„поганые" означаютъ Литовцевъ; у М. Максимовича: „Пѣснь о полку Игоревѣ", Кіевъ; 1857; стр. 32 переведено: „Двина мутно Полочанамъ подъ Литвою потекла"; исключеніе составляетъ развѣ поэтъ В. Минаевъ: „Слово о полку Игоря"; СПБ.; 1843; стр. 39—прим.: „здѣсь говорится о Придвинскихъ Полочанахъ, потому что Половцы покрыли всю Русь своими отрядами"; подобное сужденіе является плодомъ безпочвенной поэтической фантастики...

столъ Полоцка оказывался безъ правителя. Только съ допущеніемъ этого предположенія—становится понятнымъ неожиданное для поверхностнаго взгляда напряженіе въ борьбѣ Полоцка съ Литвою вскорѣ же по смерти Всеслава (+ 1101 г.). Размѣры первыхъ боевыхъ столкновеній съ Литовцами при Всеславѣ, конечно, не были значительны, и потому лѣтописные первоисточники не отмѣтили ихъ. Отважная личность могучаго Полоцкаго богатыря, внушавшая трепетъ врагамъ, держала и Литовскихъ конниковъ на почтительномъ разстояніи отъ земли Полоцкой... Картина рѣзко измѣняется почти тотчасъ же, какъ только престарѣлый Полоцкій чародѣй смежилъ въ вѣчномъ снѣ свои грозныя очи. В. Н. Татищевъ сообщаетъ, что уже на другой годъ по смерти Всеслава (въ 1102 г.) его сынъ Борисъ долженъ былъ воевать съ Ятвягами, самымъ воинственнымъ, дикимъ и свирѣпымъ изъ Литовскихъ племенъ [1]). Затѣмъ, спустя четыре года (въ 1106 г.), Всеславичи сообща предпринимаютъ новый походъ противъ Зимголы, или Жемгалы; но терпятъ такое страшное пораженіе, что одной только княжеской дружины полегло на бранномъ полѣ девять тысячъ человѣкъ [2]). Съ XII вѣка политическая жизнь Полоцка и Литвы направляется въ разныя стороны, течетъ различными руслами. Въ то время какъ Полоцкая земля разрывается на отдѣльныя княжества (Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Друцкъ, Изяславль и пр.), Литва усиленно растетъ, уплотняется, сосредоточивается въ грозную политическую и боевую силу. Послѣдствія такого параллельнаго процесса въ исторіи двухъ племенъ быстро воплощаются въ

---

[1]) Истор. Россійск. II, 199: „Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ, и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя, и людьми населилъ"; Ятвяги обитали въ Бѣловѣжской пущѣ и далѣе къ сѣверу отъ нея, въ полосѣ, орошаемой притоками Буга и Нарева, съ одной стороны, и Нѣмана—съ другой (срав. у проф. М. К. Любавскаго въ его „Очеркѣ исторіи Литовско-Русскаго государства". М. 1910; стр. 8).

[2]) Лавр. 271: „Томъ же лѣтѣ (6614) побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь"; срав. Воскр. 20; Никон. 140; Густ. 287; Кениг. 172; Тат. II, 204 у E. Bonnel'я въ „Russisch-liwländische Chronographie"; I, p. 7 и II, p. 32—33; Жемгала на лѣвомъ берегу нижней Двины—въ нынѣшней Лифляндской, Курляндской и частью Витебской губ. (у проф. М. К. Любавскаго; стр. 8).

факты: они подмѣчены уже авторомъ «Слова о полку Игоревѣ». Мастерскою кистью нарисована здѣсь изумительно трогательная картина геройской гибели въ кровавомъ бою съ Литвою одного удѣльнаго князя Полоцкой земли Изяслава Васильковича Городенскаго. Оставленный безъ поддержки даже родными братьями, плачется пѣвецъ, одинъ только этотъ князь мечталъ перенять славу у дѣда своего Всеслава; позвонилъ онъ своими мечами острыми о шлемы Литовскіе и вотъ теперь лежитъ подъ красными щитами на травѣ кровавой, изрубленный Литовскими мечами, выронивъ жемчужную свою душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье; пріунили пѣсни; поникло веселье; печально трубы трубятъ Городенскія [1])...

Какъ кажется, даже самъ Мстиславъ, овладѣвъ Полоцкимъ княжествомъ, сознавалъ ту огромную опасность, которая грозила Западной Руси со стороны воинственной Литвы. Это очевидно уже изъ того, что чрезъ два года послѣ присоединенія Полоцка онъ двинулъ въ походъ (въ 1132 г.) противъ Литвы соединенныя силы большой коалиціи, въ составъ которой, кромѣ великаго князя, входили дѣти его (Изяславъ, Ростиславъ и др.), князья Ольговичи и Всеволодъ Юрьевичъ, князь Городенскій. Перепуганные Литовцы сначала было попрятались въ дремучіе лѣса, покинувъ свои села и города, которые, конечно, были разграблены и сожжены Русскими войсками. Но, при возвращеніи князей изъ похода, Литовцы, выйдя изъ своихъ убѣжищъ, стремительно бросились преслѣдовать Русь и перебили много Кіевлянъ [2]).

Нарисованная нами картина, какъ историческая справка, достаточно убѣдительна, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе правильное представленіе о томъ, гдѣ искать правду: въ предвзятомъ ли домыслѣ Ипатскаго лѣтописца о мнимомъ вѣроотступничествѣ и соглашеніи Всеславичей съ страшнымъ Бонякомъ или же въ спокойно-уравновѣшенномъ отвѣтѣ ихъ Кіеву: «Мы имѣемъ дома, что дѣлать». Опираясь

---

[1]) Слово—по изданію Н. Тихонравова: стр. 9; по изданію А. С. Суворина: 33—34; у Мусина-Пушкина—стр. 33. 34.

[2]) Густ. 293; Лавр. 132; Соф. I, 156; Нов. IV, 4; Воскр. 29; Ипат. стр. 12 (въ П. С. Р. Л. т. II).

на право силы, доказанное разгромомъ Полоцкой земли въ 1127 году, совершенно не считаясь съ крайне тяжелыми условіями политической ея жизни, могучій Кіевскій князь сурово требовалъ отъ Полоцкихъ князей повиновенія своей волѣ, искалъ отъ нихъ такого же участія въ оборонѣ Кіевской Руси отъ дикой степи, какое принималъ, напр., Всеславъ Брячиславичъ во время похода на Торковъ въ 1060 г. и Давидъ Всеславичъ—въ походѣ на Половцевъ въ 1103 году [1]). Сознательно или безсознательно, князь Кіевскій забывалъ о томъ что въ теченіе болѣе полувѣка (1065 — 1129) Полоцкая Русь жила подъ губительнымъ перекрестнымъ огнемъ, подвергаясь одновременно съ сѣверо-запада—жестокимъ набѣгамъ хищныхъ Литовцевъ, а съ юго-запада—разгромамъ отъ свирѣпыхъ войскъ южно-русской коалиціи, подкрѣпленной многочисленными ордами Половцевъ, Читѣевичей и Торковъ.

Когда же въ 1129 г., на властный призывъ Кіева, Всеславичи отвѣтили болѣзненнымъ стономъ горькой правды о множествѣ домашнихъ дѣлъ своихъ, когда они не хотѣли, во имя широко задуманнаго плана Мстислава, принести въ жертву неотложныя задачи и кровные интересы собственно Западной Руси, тогда великій князь подвергъ ихъ безпримѣрной по жестокости карѣ [2]). Почти весь родъ Всеславичей въ лицѣ главныхъ его представителей: Давида, Ростислава, Святослава, сыновей Всеслава, и внуковъ: Василія и Ивана Рогволодовичей, съ ихъ женами и дѣтьми, былъ захваченъ, по приказанію разгнѣваннаго князя, и высланъ въ Царьградъ изъ предѣловъ Руси [3]), а земля Полоцкая, какъ простой удѣлъ Мономаховичей, была отдана во власть великокняжескихъ намѣстниковъ, во главѣ съ Изяславомъ, сыномъ великаго князя [4])...

Это изгнаніе и было эпилогомъ вѣковой кровавой борьбы Рогволодовыхъ внуковъ съ внуками Ярославовыми въ XI—XII, вѣкахъ...

---

[1]) Лавр. 169. 267.

[2]) Ипат. 211; Лавр. 286; Новг. IV; Соф. Врем. I, 187; Соф. I, 156; Никон. 156; Воскр. 27—28; Густин. 293; Кениг. 186; Львов. I, 213.

[3]) Тамъ же; срав. Ипат. стр. 217—218; Татищ. II, 240—241.

[4]) См. Ипат. 218 и Воскр. 28: о Мстиславѣ—„мужи своя посажа по городомъ ихъ“ и еще: „посла Ярополкъ по другаго Мьстиславича въ Полтескъ по Изяслава“.

Начавшись съ поголовнаго истребленія Добрынею мужского корня Рогволодова потомства, т. е. съ физической, такъ сказать, смерти Полоцкой княжеской династіи, эта борьба завершается также поголовной высылкой изъ родныхъ предѣловъ возобновленнаго уже по женской линіи того же потомства, т. е. гражданскою, такъ сказать, смертью династіи. Слѣдовательно, однородное въ сущности историческое явленіе отлилось, воплотилось въ двухъ съ внѣшней стороны различныхъ формахъ.

Исторія, однако, доказала, что, несмотря на чрезвычайность столь исключительныхъ мѣропріятій, Мстиславъ, подобно Добрынѣ, совершенно не сумѣлъ достигнуть намѣченной цѣли... Истребленное Добрынею мужское поколѣніе князя Рогволода, какъ извѣстно, вновь ожило въ женской линіи, опять воскресло въ лицѣ многочисленныхъ представителей Рогнѣдичей, которые и осѣли въ удѣлахъ Полоцкой земли, возстановленной самимъ Владиміромъ. Точно также и сосланный въ Грецію родъ Рогволодовичей вскорѣ же по смерти Мстислава († 15 апр. 1132 г.) опять появился въ родномъ городѣ и возвратилъ себѣ права на Полоцкій столъ съ молчаливаго согласія великаго князя [1]). Какъ въ 1070 году князь Всеславъ, тогда бѣдный скиталецъ и политическій изгнанникъ, согналъ съ Полоцкаго стола навязаннаго Кривичамъ Святополка Изяславича [2]); такъ въ 1133 г. былъ прогнанъ изъ Полоцка и другой Святополкъ, сынъ Мстислава, съ саркастическимъ присловіемъ Полочанъ («рекше: лишается насъ»), которые замѣнили его внукомъ Всеслава—Василькомъ [3]).

Въ этомъ отношеніи для пониманія Полоцкихъ событій 1129 года не лишне воспроизвести то освѣщеніе, какое даетъ имъ столь глубокій и вдумчивый историкъ, какъ В. Пассекъ, въ его монографіи изъ удѣльно-вѣчевого періода Русской исторіи. «Полоцкая система, говоритъ Пассекъ, утратила совершенно свою независимость и подпала подъ непосредственную власть Кіева; но надолго ли? Черезъ десять

---

[1]) Лавр. 286; Воскр. 29; Твер. 197; Кениг. 187—188; Льв. I, 214; Тат. II, 244; Bonnel. Russ. Liwländ. Chronographie II, 94 и др.

[2]) Лавр. 169 и др.

[3]) Лавр. 286 и др.; см. выше.

или одиннадцать лѣтъ послѣ заточенія являются Полоцкіе князья изъ своей ссылки, и Полочане радостно принимаютъ ихъ и снова бьются за нихъ, изгнавши въ то же время сына Мстиславова Святополка изъ Полоцка. Правда, часть земель Полоцкихъ осталась за Кіевомъ; правда и то, что Полоцкая система, послѣ всѣхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, не имѣетъ уже впослѣдствіи времени того значенія, какое она имѣла при Ярославѣ Мудромъ, и становится въ большую или меньшую зависимость отъ другихъ, но не теряетъ своей областной самобытности совершенно, такъ что до самого покоренія Литвой сохраняетъ своихъ родовыхъ князей, потомковъ Изяслава Владимировича, сына Владимира Великаго и Рогнѣды, дочери Полоцкаго князя Рогволода. Разсматривая всѣ эти событія, мы видимъ и здѣсь, что Полоцкая община, или система не хочетъ имѣть другихъ князей, какъ только своихъ князей родовыхъ: она не обращаетъ вниманія на личныя качества, достоинства ихъ, не думаетъ предпочитать имъ князей другихъ системъ, даже высокодоблестныхъ, каковъ, напр., былъ Владимиръ Мономахъ; что, по областному началу, она и въ семъ отношеніи стремится обособиться отъ другихъ областей, стремится заключиться въ самой себѣ, что, поэтому, не князья Полоцкой системы отдѣляютъ Полочанъ отъ другихъ системъ, а напротивъ Полочане отдѣляли князей отъ ихъ родственнаго союза и готовы были всегда проливать за нихъ кровь свою, чтобы вмѣстѣ съ ними какъ можно менѣе подчиняться чуждымъ своей области началамъ, которыя могли бы принести къ нимъ князья другихъ системъ» [1]).

Мы намѣренно прослѣдили, въ формѣ небольшого историческаго эскиза, основной ходъ борьбы внуковъ Рогволода съ внуками Ярослава, которая отмѣчена лѣтописями подъ статьей 6636 года. По мѣрѣ силъ мы стремились освѣтить описаныя событія изъ жизни княжьяго Полоцка XI—XII вв. историко-критическими истолкованіями, не подчиняясь притомъ устарѣлымъ шаблонамъ традицион-

---

[1]) Пассекъ. „Княжеская и докняжеская Русь" въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ". Кн. III. М. 1870; стр. 47—48.

наго повѣствованія. Уже одна нарисованная нами картина даетъ прочное основаніе чтобы, съ одной стороны, опредѣлить роль личности князя Всеслава въ кровавой распрѣ Кіева съ Полоцкомъ, а съ другой—чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить точку зрѣнія лѣтописей на прагматическую ея сущность.

Совершенно ясно, что историческая наука должна разсматривать изслѣдуемое нами вѣковое явленіе не какъ продуктъ личныхъ взаимоотношеній двухъ княжескихъ родовъ, не какъ результатъ только иниціативы и желѣзнаго характеръ князя Всеслава, а напротивъ какъ типичное обнаруженіе исторической эволюціи, которая протекла черезъ всѣ естественныя фазы необходимаго ея развитія... Эта характерная для своего вѣка жестокая борьба имѣла свой прологъ въ разгромѣ Полоцка Добрынею, въ избіеніи имъ Рогволодовой семьи, прошла черезъ стадію постепеннаго наростанія до полной ея зрѣлости въ княженіе Всеслава, затѣмъ стала медленно ослабѣвать и затихать при князьяхъ: Борисѣ, Давидѣ, Глѣбѣ и Рогволодѣ Всеславичахъ, пока не разрѣшилась, наконецъ, грустнымъ эпилогомъ ссылки Рогволодовичей въ Царьградъ...

Роль собственно Всеслава въ этой кровавой трагедіи опредѣлится, можетъ быть, яснѣе, если мы разсмотримъ ее во свѣтѣ современныхъ ученій о роли личности въ историческомъ развитіи вообще и въ частности о вліяніи, оказываемомъ на его ходъ сильными историческими дѣятелями.

Среди необозримаго моря всевозможныхъ по этому предмету теорій и гипотезъ достаточно указать на двѣ противоположныя крайности.

По теоріи «культа героевъ и героическаго въ исторіи» крупные дѣятели, знаменитости или великіе люди, эти гиганты характера, ума и воли, эти какъ бы молніи, сверкающія съ неба, для которыхъ дюжинные и рядовые люди служатъ своего рода горючимъ, легко воспламеняющимся матеріаломъ, являются настоящими творцами политической и культурной жизни племенъ и народовъ, а отдѣльныя ея событія служатъ только воплощеніемъ мысли и воли этихъ выдаю-

щихся индивидуумовъ, не опредѣляемымъ и не ограничиваемымъ никакимъ объективнымъ началомъ [1]).

Кажется ясно, что смотрѣть съ точки зрѣнія этой теоріи на дѣятельность Всеслава Брячиславича значитъ преувеличивать роль, сыгранную имъ въ Полоцкой исторіи. Въ лицѣ Всеслава, безспорно, на историческую арену вступила фигура яркой, мощи и красоты,—личность, крѣпкая своимъ умомъ, энергіей и творчествомъ... Съ рѣдкой проницательностью князь этотъ угадывалъ сокровенные замыслы Ярославичей о землѣ Полоцкой и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливо представлялъ себѣ ея огромныя нужды, живо чувствовалъ реальныя ея потребности, зорко всматривался въ неотложныя задачи будущаго ея существованія и развитія. Подобно всѣмъ вообще крупнымъ историческимъ типамъ, Всеславъ Брячиславичъ не только сумѣлъ поставить въ опредѣленную связь и сообщить форму и направленіе отдѣльнымъ событіямъ родной исторіи, но успѣлъ ускорить самый ихъ ходъ. Быстро овладѣвъ мыслью и настроеніемъ народныхъ массъ, онъ далъ мощный толчокъ современнымъ ему общественнымъ силамъ и нашелъ естественный выходъ для ихъ богатой и скрытой энергіи. Весь глубокій свой умъ, всю настойчивость воли, кипучую горячность темперамента Всеславъ отдалъ на служеніе благу Полоцкаго княжества въ такой формѣ, какъ самъ понималъ это благо, посвятивъ всего себя страстной защитѣ свободы Полоцка, геройской оборонѣ ея отъ грознаго посягательства могучаго Кіева...

При всемъ томъ, вопреки лѣтописному освѣщенію [2]), безпристрастный изслѣдователь не можетъ назвать Всеслава истиннымъ

---

[1]) Представителемъ этой теоріи и притомъ самымъ блестящимъ является англійскій историкъ Thomas Carlyle въ его знаменитой книги „On heroes, hero-worship and the heroic in history“; см. pag. 2—4; 22—23 и др. по французскому переводу: trad. par. Jzoulet—Loubatières. 1888; къ Карлейлю въ нѣкоторыхъ положеніяхъ примыкаетъ и Анри Жоли (Henri Joly) въ „Psychologie des grands hommes“. Paris; 1883; pag. 13, 24, 36—37, 38 и др.; также Эмиль Ганнекенъ (Emyl Hennequin) въ „La critique scientifique“. Paris. 1888; pag. 189—200 и др.

[2]) Срав. Новг. I, 2; Пск, II, 8; Ипат. 115; Лавр. 71; Тв. 154; Соф. Врем. 158; Ник. 153; Кен. спис. 146; Густ. 269; Тат. 119; Воскр. 335 и др.

творцомъ кровавой распри между Кіевомъ и Полоцкомъ, не можетъ признать его за иниціатсра и «интеллектуальнаго ея виновника».

Кровавая борьба съ Кіевомъ унаслѣдована была Всеславомъ отъ глубокой сѣдой старины. Ея началомъ былъ именно тотъ моментъ, когда князь Владимиръ, возобновивъ планъ Олега—подчинить одной власти огромныя территоріи по великому водному пути «изъ Варягъ въ Греки», рѣшилъ посредствомъ сверженія брата своего Ярополка, объединить въ одно политическое тѣло сѣверо-западъ Новгородской Руси съ Кіевскимъ югомъ... Для обезпеченія тыла войска, наступавшаго на Кіевъ,—юный Новгородскій князь вынужденъ былъ по политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ послѣдовать совѣту Добрыни: разрушить воздвигнутую на пути преграду—разгромить Полоцкъ и положить конецъ его политической самобытности посредствомъ поголовнаго истребленія потомства Рогволода. Насколько странно было бы, поэтому, видѣть въ лицѣ Всеслава первовиновника вѣкового спора между Кіевомъ и Полоцкомъ, настолько же наивно—самое довѣріе къ простодушной лѣтописной легендѣ о кровожадномъ характерѣ Всеслава, какъ непреодолимомъ мотивѣ его военныхъ предпріятій подъ Псковомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, какъ истинной причинѣ его ожесточенныхъ боевъ на берегахъ Немиги, на Гзени, у Голотическа, на Черехѣ и пр. Все это находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ лѣтописными записями, напр. о 1060 г., когда Всеславъ соблюдалъ глубокій миръ съ Ярославичами и даже образовалъ съ ними мощный союзъ противъ дикихъ Торковъ [1]), или же съ записями о 1073 годѣ, когда онъ усердно добился прочнаго политическаго соглашенія съ Изяславомъ Ярославичемъ, вопреки горячему противодѣйствію со стороны властолюбиваго Святослава, который не остановился для разрушенія плановъ Полоцкаго князя даже предъ, изгнаніемъ изъ Кіева родного брата [2]). Любопытно, что даже въ способахъ борьбы съ Кіевомъ Всеславъ на первыхъ порахъ не проявлялъ какого-либо новаторства, но думалъ, вѣроятно, держаться уже испы-

---

[1]) Лавр. 159 и др.

[2]) Срав. Лавр. 177: „Святославъ Всеволода прелсти, глаголя: „яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю“.

танной и унаслѣдованной имъ исторической традиціи, намѣреваясь идти тою же самою дорогою, какъ и отецъ его Брячиславъ. Разгромивъ въ 1021 году Новгородъ Великій и въ свою очередь будучи побѣжденъ Ярославомъ, князь Брячиславъ только одною опасностью повторить что-либо подобное побудилъ Кіевскаго князя признать Витебскъ и Усвятъ Полоцкими владѣніями [1]). Конечно, подобныхъ же земельныхъ уступокъ добивался отъ Ярославичей и Всеславъ 1065 г., когда громилъ твердыни Псковской крѣпости [2]), или въ 1066 г., когда полонилъ и пожегъ Новгородъ вплоть до Неревскаго конца [3]). Только непреклоннымъ и настойчивымъ стремленіемъ получить отъ Кіева новыя земельныя уступки можно объяснить странную, повидимому, послѣ ожесточеннаго кровопролитія на берегахъ Немиги — оплошность Всеслава, когда онъ довѣрился предательскому зову Ярославичей: «приди къ намъ, яко не створимъ ти зла», и попалъ въ разставленную ими возлѣ Орши ловушку [4]).

Культу «героевъ и героическаго въ исторіи», культу творческой иниціативы и божественной одаренности великихъ людей противополагается теорія «толпы» и ея роевой мощи, теорія безличной эволюціи и стихійной силы массъ. Представители этой теоріи полагаютъ, что единственнымъ понятіемъ, посредствомъ котораго могутъ быть объяснены историческія событія или движенія, служитъ понятіе силы, равной самымъ движеніямъ, потому что эти послѣднія производятся совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіяхъ. Возводя стихійный ходъ исторіи въ законъ, теорія безличнаго эволюціонизма изображаетъ историческія событія, какъ массовыя явленія, движимыя неопреодолимою силою вещей, совершающіяся дѣйствіемъ роковой судьбы непредотвратимо и фатально... Реалистическая точка зрѣнія указанной теоріи сводитъ великихъ людей съ ихъ героическаго пьедестала и превращаетъ ихъ изъ полубоговъ въ

---

[1]) Лавр. 142—143; Соф. I, 134; Воскр. 328; Твер. 143; Bonnel: 8.

[2]) Псков. II, 8; Твер. 154.

[3]) Новг. I, 2, Пск. I. 176; Твер. 156; Тат. 119; Лавр. 162; Ипат. 117; Густ. 270 Соф. I, 141; Кен. 117; Воскр. 335; Льв. 156; Bonnel: Seit—5 и др.

[4]) Лавр. 163 и др.

простыхъ смертныхъ. Роль крупныхъ историческихъ лицъ, творческая ихъ самодѣятельность, могущество власти, умственная энергія, сила воли и пр.,—все это призрачно, ничтожно въ сравненіи съ грознымъ вліяніемъ стихійной массы, съ безличнымъ закономъ неумолимаго рока. Выдающіяся въ исторической эволюціи единицы являются только слѣпыми исполнителями велѣній исторіи, чрезъ которыхъ историческій рокъ осуществляетъ свои рѣшенія... Такъ называемые великіе люди это только «ярлыки», дающіе наименованіе событію, которые такъ же, какъ и ярлыки, имѣютъ менѣе всего связи съ самимъ событіемъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ они напоминаютъ бурлящую впереди корабля струю. Когда корабль плыветъ по одному направленію, впереди его движется одна и та же струя, и куда бы онъ ни повернулся, вездѣ струя эта будетъ предшествовать его движенію; куда бы онъ ни направился, струя, не руководя и не усиливая его движенія, бурлитъ впереди корабля, а издали намъ представляется, будто она не только произвольно сама движется, но и руководитъ движеніемъ судна [1]).

Если воспользоваться крайними выводами изъ только что изложенной теоріи «роевой силы» или безличной эволюціи для оцѣнки дѣятельности Всеслава, то, конечно, историческое значеніе этого князя будетъ незаслуженно унижено, цѣльность его фигуры нарушена и яркость духовнаго облика затѣнена...

Нельзя, безъ сомнѣнія, оспаривать, что выдающаяся роль Всеслава въ исторіи сѣверо-западнаго края создана въ значительной мѣрѣ замѣчательнымъ совпаденіемъ его политическихъ и экономическихъ идеаловъ съ племенными и хозяйственными стремленіями Полочанъ, которые уже на зарѣ древне-русской исторіи представляли изъ себя замѣтную этнографическую и территоріальную величину.

---

[1]) Теорія „роевой силы“ толпы блестяще изложена геніальнымъ нашимъ писателемъ Л. Н. Толстымъ на страницахъ его романа „Война и миръ“; изд. И Сытина; подъ редакц. П. И. Бирюкова; т. IV, стр. 316; 317; 312—314 и др.; лучшимъ представителемъ теоріи „безличной эволюціи“ или такъ называемой—„органической“ теоріи является Гербертъ Спенсеръ (Herbert Spencer): см. напр. въ русскомъ переводѣ его: „Изученіе соціологіи“; Петроградъ; 1874; т. I; стр. 44—53; „Развитіе политическихъ учрежденій“; Петроградъ; 1882; стр. 278—282 и др.

Между индивидуальнымъ обликомъ Всеслава Брячиславича и развивавшимся въ глубинѣ его могучаго духа психическимъ процессомъ, съ одной стороны, и душевными переживаніями, настроеніями и стремленіями Полочанъ—съ другой, во весь періодъ борьбы съ Кіевомъ, замѣчается полное внутреннее сродство. Это обстоятельство и превратило Всеслава въ мощнаго организатора мѣстныхъ земскихъ силъ, сдѣлало изъ него носителя и выразителя народной воли и создала ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, славу народнаго любимца, непобѣдимаго вождя, могучаго чародѣя...

Если бы Полоцкіе князья и въ частности Всеславъ только слѣдовали политикѣ грубаго эгоизма, если бы они исключительно руководились мыслью увеличить свои удѣлы путемъ захвата чужихъ земель, если бы въ жертву этой цѣли они беззастѣнчиво приносили народное благо, земскій миръ и самыя узы родства, какъ именно характеризуетъ междукняжескія отношенія въ древней Руси проф. В. И. Сергѣевичъ [1]) то, конечно, народныя массы Полоцкаго княжества, несмотря на густые потемки средневѣковья, успѣли бы быстро прозрѣть—сумѣли бы, съ присущею проницательностью остраго инстинкта, очень скоро разгадать подобную низменность настроенія правящихъ круговъ и безповоротно затѣмъ отказаться отъ неблагодарной роли слѣпого орудія въ ихъ рукахъ... Между тѣмъ, вмѣсто подобнаго раздора между верхами и низами Полоцкаго общества, вмѣсто разобщенности между князьями и управляемыми ими классами, исторія Полоцкой земли XI—XII вв. рисуетъ намъ другую картину. Именно рѣдкимъ совпаденіемъ между личными симпатіями и правительственными идеалами князей Полоцкихъ и въ частности Всеслава, съ одной стороны, и племенными стремленіями и экономическими потребностями Полоцкихъ Кривичей,—съ другой -объясняются дѣятельная поддержка и самоотверженная преданность роду Рогнѣдичей, которыя такъ настойчиво, такъ постоянно проявляются Полочанами во все время ихъ геройской борьбы съ Кіевомъ.

Это проявленіе прекрасной гармоніи между правящими кругами и общественными силами Полоцкой земли было уже давно

---

[1]) Сергѣевичъ В. И. Вѣче и князь. Москва; изд. 1867 г. стр. 316—317.

подмѣчено изслѣдователями старины русской. Изъ нихъ прежде всего можно указать на В. Пассека, „Почти нельзя сомнѣваться, говоритъ почтенный историкъ, что Полоцкая система имѣла своихъ собственныхъ лѣтописцевъ, но лѣтописей Полоцкихъ до насъ не дошло; сказанія же другихъ лѣтописей объ этой системѣ—кратки, отрывочны и всѣ могутъ вмѣститься на нѣсколькихъ страницахъ. За всѣмъ тѣмъ мы имѣемъ достаточныя данныя къ подтвержденію того, что система эта отчуждалась болѣе или менѣе отъ другихъ частей древней Руси не чрезъ князей своихъ, какъ думаетъ Соловьевъ, а чрезъ духъ областной, который отчуждалъ и князей отъ ихъ семейнаго или родового союза... Собственныя дружины князей были несравненно малочисленнѣе дружинъ мѣстныхъ: онѣ не могли выдержать ни малѣйшей борьбы противъ послѣднихъ... Подобныя отношенія были между дружинами мѣстными и княжескими и въ Полоцкой системѣ, по крайней мѣрѣ, въ XII столѣтіи. Слѣдовательно, поэтому уже князья Полоцкіе не могли бы со своими дружинами спокойно владѣть землями Полоцкими, и эти земли перешли бы непремѣнно во владѣніе князей дома Ярослава, если бы Полочане, или дружины Полоцкой системы не слились съ ними, не поддерживали, не отстаивали ихъ. Это замѣчаніе невольнымъ образомъ пробуждается въ историкѣ при внимательномъ разсмотрѣніи отношеній князей Полоцкихъ къ князьямъ другихъ системъ и въ особенности къ Кіеву. Явное нарушеніе со стороны Полоцкихъ князей одного изъ основныхъ закона удѣловъ—о подчиненности ихъ, какъ князей удѣльныхъ, князю великому, ясное стремленіе ихъ къ какой-либо самобытности, независимости,—не разъ ставило ихъ подъ удары союзныхъ дружинъ, бывшихъ подъ рукою князей Кіевскихъ—дѣлало судьбу ихъ романически-несчастною, подвергало опустошеніямъ ихъ владѣнія; но они упорствуютъ въ своемъ стремленіи къ областной самобытности, и Полочане поддерживаютъ ихъ, принимаютъ на себя удары опустошительной войны и не хотятъ разстаться со своими князьями, разбитыми и поруганными. Мы знаемъ, что дѣти Ярослава Великаго, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, должны были соединять силы свои, чтобы подчинять Всеслава Полоцкаго, врага великаго князя по Новгороду. Это одно обстоятельство показываетъ, что Всеслава под-

держивали не однѣ его собственныя дружины, а дружины мѣстныя Полоцкія" [1]) Изъ новыхъ историковъ то же самое единство правящей аристократіи съ демократической массой въ Полоцкой землѣ отмѣчаетъ В. Е. Данилевичъ. „Вѣковая борьба съ Кіевскими князьями, по его мнѣнію, была тѣмъ болѣе чувствительна для Полоцкой земли что въ ней принимали участіе не только одни князья: все земство Полоцкой земли одинаково боролось съ Кіевскими князьями за самостоятельность своей земли. Борьба съ Кіевскими князьями была вызвана цѣлымъ рядомъ условій, которыя отчасти оправдывали ее, а потому Полоцкіе князья даже встрѣтили сочувствіе со стороны земства Полоцкой земли, и такимъ образомъ единеніе ихъ съ землей не только не нарушалось, но даже укрѣплялось въ виду общности интересовъ" [2]).

При всей скудости факта, сжатости слога и лаконизмѣ языка, въ самыхъ лѣтописяхъ можно найти рядъ однородныхъ сообщеній, которыя неоспоримо показываютъ, что не отдѣльныя лица Полоцкаго княжескаго дома, въ частности не князь Всеславъ, превращенный грубой лѣтописной сагой—въ жестокаго немилостиваго оборотня вовлекали Полоцкое племя въ губительныя войны съ Кіевомъ. Нѣтъ, именно народныя массы, угадывавшія со свойственною имъ непосредственностью остраго чутья истинный смыслъ развертывающихся событій, предусматривавшія съ глубокою проницательностью своего инстинкта огромную опасность Кіевской централизаціи для самобытности племени, именно эти массы Полочанъ, какъ мощныя волны на гребняхъ, увлекали за собой князей своихъ, укрѣпляли ихъ въ настойчивой оборонѣ народной соободы, олицетворяли въ князьяхъ своихъ политическіе идеалы и создавали имъ славу могучихъ витязей и героевъ.

Уже въ самомъ зарожденіи кровавой распри Кіева съ Полоцкомъ—лѣтописи едва уловимыми чертами намѣчаютъ дѣятельное

---

[1]) В. Пассекъ. Княжеская и докняжеская Русь въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ": кн. III. М. 1870 стр. 44—45.

[2]) В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія: Кіевъ: 1896 стр. 79—80; 201.

участіе въ ней общенародныхъ и особенно городскихъ массъ Полоцкой земли. Когда побѣжденный въ открытомъ бою князь Рогволодъ бѣжалъ въ Полоцкъ, то Владимиръ и Добрыня брали городъ приступомъ: „Рогъволодъ же вбѣже въ городъ и приступивъше къ городу и взяша городъ" [1]) Кажется ясно, что уже въ то далекое время граждане Полоцка безъ колебанія соединяютъ свою судьбу съ судьбою князя и только въ развалинахъ взятаго приступомъ города нашли себѣ могилу Роговолодъ и вся семья его.

Въ періодъ княженія Всеслава, когда борьба съ Кіевомъ достигаетъ, такъ сказать, своего зенита, когда она получаетъ яркій отпечатокъ напряженнаго ожесточенія, поддержка земской силы и роль общественнаго фактора соотвѣтственнымъ образомъ усиливаются Такъ защита Минска была до чрезвычайности упорна и привела въ такое ожесточеніе войска южно-русской коалиціи, что по взятіи города никто не былъ пощаженъ: всѣ способные носить оружіе пали подъ мечами разъяренныхъ южно-руссовъ, а жены и дѣти объявлены были военноплѣнными („си же братья взяша Мѣнескъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты" [2]). Событія, въ родѣ геройской обороны Минска и самоотверженной гибели его гражданъ, не такъ часто наблюдаются въ древней Руси и по справедливости могутъ составить свѣтлую страницу въ великой книгѣ исторіи не только русской, но и общечеловѣческой. Но эту страницу въ исторіи стараго города нельзя понять какъ слѣдуетъ, если предположить, что Минчане дрались въ угоду какому-то жестокому войнолюбцу, что они не жалѣли головъ своихъ во имя торжества честолюбивыхъ плановъ Полоцкаго князя, для удовлетворенія его алчныхъ стремленій къ захвату новыхъ территорій. Совершенно иной смыслъ получитъ этотъ подвигъ Минска, если допустимъ, что въ данномъ случаѣ граждане этого города всецѣло охвачены были однимъ страстнымь порывомъ: защитить отъ грознаго посягательства драгоцѣнныя

---

[1]) Лавр. 285; по сообщ. лѣт. Н. Львов.; стр. 211—„Рогволодъ же бѣжа въ градъ Полтескъ и затворися, обаче приступомъ храбрымъ и городъ взяли". Тат. 238; Ник. 156; Воскр. 28; Кенигсб. стр. 185.

[2]) Лавр. 162; Ипат. 117 и др.

блага своего существованія, отстоять свои неотъемлемыя права на племенную самобытность, гражданскую свободу и политическую независимость.. Такимъ же упорствомъ отличалась воспѣтая въ народномъ эпосѣ кровавая битва на Немигѣ, берега которой, по образному описанію сказанія, какъ нива во время посѣва, были усѣяны костьми павшихъ воиновъ, общихъ сыновъ своей великой матери: земли Святорусской [1]). Бысть сѣча зла, и мнози падоша" [2]), „снемшеся бишася крѣпко" [3]), „бысть имъ бой великъ" [4]), всѣ эти простыя, сильныя и краткія выраженія лѣтописей служатъ яркимъ показателемъ того огромнаго подъема, того высокаго воодушевленія, съ которыми дрались Полочане на берегахъ Немиги, какъ нѣсколько ранѣе граждане Минска на развалинахъ своего города. И тѣ, и другіе, очевидно, противопоставляли массовому натиску южно-руссовъ не только силу физическую, но главнымъ образомъ силы моральныя: высоко-патріотическое настроеніе, горячую любовь къ роднымъ нивамъ, преданность домашнимъ очагамъ и геройское рѣшеніе побѣдить или умереть, обороняя свою гражданскую и политическую независимость.

Дальнѣйшій ходъ Полоцкой исторіи XI—XII вв. свидѣтельствуетъ о той же нерушимой преданности Полочанъ своимъ родовымъ князьямъ, подтверждаетъ одинаково—неизмѣнную привязанность ихъ къ отчинѣ Рогнѣды. „Во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, замѣчаетъ В. Е. Данилевичъ, ярко вырисовывается эта привязанность земства Полоцкой земли къ Изяславичамъ, сочувствіе ихъ интересамъ. Вообще земство Полоцкой земли твердо отстаивало своихъ князей, и посторонній князь никогда не могъ продержаться долго въ этой землѣ" [5]) Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр.—И. Лашнюковъ, справедливо разсматриваютъ эту характерную особенность Полоцкой исторіи за указанный періодъ, какъ частное проявленіе глубокаго полити-

[1]) Срав. „Слово" по изд. Н. Тихонравова. М, 1868; стр. 10 и по изд. А. Суворина: П 1904; 86.

[2]) Лавр. 162.

[3]) Густ. 270.

[4]) Тверск. 157.

[5]) В. Е. Данилевичъ. Очеркъ Полоцкой земли: Кіевъ; 1896, стр. 65.

ческаго процесса, захватившаго многіе города и отдѣльныя княжества Кіевской Руси. «Параллельно борьбѣ старшихъ князей, говоритъ Лашнюковъ, шло противодѣйствіе народа въ другихъ земляхъ Кіевскимъ князьямъ, которые, опираясь на дружину, самовластно поступали *съ народомъ*. Очевидно, что города хотѣли *имѣть князей, независимыхъ отъ Кіева*» [1]).

Послѣ вѣроломнаго плѣненія Всеслава подъ Оршей и заключенія его въ порубѣ, Полоцкіе Кривичи лишились своего храбраго вождя, и подчиненіе ихъ Кіеву, повидимому, упрочивалось. Однако историческія событія получили совершенно другое направленіе именно потому, что мощная стихія Полоцкой земской силы, выведенная на широкій просторъ и искусно направляемая своимъ талантливымъ организаторомъ, легко разрывала ржавыя цѣпи политическаго рабства и въ корнѣ разрушала широкіе планы Кіевскаго централизма. Вырвавшись какимъ то чудомъ изъ когтей политической неволи, Полоцкій чародѣй прямо изъ глубины подземелья поднимается на высоту великокняжской власти: «скочи ко граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго» [2]). Но съ такою же почти сказочною стремительностью онъ и сходитъ съ этой великодержавной высоты: «скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ полночи изъ Бѣлаграда» [3]). *Важно—то, что одно появленіе Всеслава въ родовой Полоцкой отчинѣ приводитъ къ водворенію въ ней старыхъ политическихъ и гражданскихъ порядковъ, влечетъ за собою возстановленіе прежняго уклада жизни*... Иначе нельзя объяснить, почему Изяславъ, едва успѣвши въ 1069 году, съ помощью польскаго короля Болеслава, сѣсть на Кіевскій столъ, уже спѣшитъ въ томъ же самомъ году, при содѣйствіи, вѣроятно, тѣхъ же ляховъ, прогнать изъ Полоцка Всеслава, чтобы послѣдовательно посадить на Полоцкій столъ своихъ сыновей: Мстислава и Святополка [4]). Какой успѣхъ

---

[1]) Жур. Мин. Народ. Просвѣщ.; 1867; ч. CXXXIV, стр. 763; статья И. Лашнюкова: „Владиміръ Мономахъ и его время“.

[2]) „Слово о полку Игоревѣ“—по изд. А. Суворина; стр. 35; по изд. проф. Н. Тихонравова; стр. 10.

[3]) Тамъ же.

[4]) Лаврент. лѣт. стр. 169.

имѣла эта новая насильственная попытка къ возстановленію верховенства Кіева надъ Полоцкомъ, показываетъ краткая замѣтка лѣтописи подъ 1071 годомъ: «В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска» [1]). Какъ большая часть изъ древнихъ и первоначальныхъ лѣтописныхъ записей, сообщеніе 1071 г. просто, сухо, блѣдно и лаконично; между тѣмъ изъ-за его строкъ довольно прозрачно выступаетъ совершенно опредѣленное историческое явленіе: свободолюбивыя массы Полоцкихъ Кривичей не имѣли терпѣнія даже въ теченіе одного-двухъ лѣтъ, во время заключенія Всеслава въ порубѣ (1067—1068), сносить чуждый имъ гнетъ великокняжскихъ намѣстниковъ, какъ не могли и не хотѣли примириться съ суровымъ управленіемъ Мстислава и Святополка во время политическаго изгнанія Всеслава изъ родныхъ предѣловъ (1069—1070). Едва ли можно сомнѣваться, что именно такимъ единодушнымъ настроеніемъ и могучею поддержкою всего племени окончательно закрѣпилось, послѣ бѣгства Святополка, и положеніе Всеслава на Полоцкомъ столѣ. По крайней мѣрѣ, оно нисколько не было поколеблено даже пораженіемъ «у Голотичьска», нанесеннымъ ему княземъ Ярополкомъ [2]). Стойкое содѣйствіе общественныхъ силъ и прочно оборудованныя укрѣпленія родного города сдѣлали Полоцкаго чародѣя неуязвимымъ и во время двукратной попытки Мономаха—лѣтомъ и зимою 1077 года—сначала совмѣстно съ отцомъ Всеволодомъ, потомъ съ двоюроднымъ братомъ Святополкомъ овладѣть Полоцкомъ и выгнать отсюда его князя. На безуспѣшность похода Мономаха «со отцемь подъ Полтескъ» косвенно указываетъ краснорѣчивое молчаніе самого «Поученія» о результатѣ похода [3]), а единственнымъ послѣдствіемъ военнаго предпріятія зимою 1077—1078 гг. было только сожженіе Полоцкихъ предмѣстій южно-русскими войсками и Половецкими ордами [4]).

---

[1]) Лавр. 169.

[2]) Лавр. 170; Ипат. 122; Тв. 161; Соф. 1, 143; Ник. 160; Воскр. 377; Густ. 272; Льв. 165; Кен. 121; Bonnel: 5 6 и др.

[3]) Лавр. 239.

[4]) Тамъ же.

Повидимому, сами южно-русскіе князья не чужды были сознанія, какая огромная сила накапливалась въ сплоченной гущѣ Кривскаго племени и затѣмъ прорывалась для противодѣйствія великодержавной политикѣ Кіева, насколько горячее участіе принимала въ кровавомъ поединкѣ между Ярославичами и Рогволодовичами безличная масса Полоцкаго населенія и особенно городской классъ, какъ наиболѣе дѣятельный и культурный ея слой. При такомъ предположеніи становится понятнымъ, почему всю упорную напряженность натиска, всю грозную силу ударовъ, всю сокрушительную лавину аттакъ южно-русскіе князья направили именно на городскіе центры Полоцкой территоріи. Здѣсь даже князь, прославившійся свѣтлыми красками своего гуманнаго кругозора, Владимиръ Мономахъ долженъ былъ платить невольную дань мрачному средневѣковью, проявляя къ поверженному врагу не меньшую жестокость, чѣмъ его дядя и отецъ: въ то время, какъ братья (Ярославичи) „взяша Мѣнескъ, исѣкша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты“ [1]), Мономахъ, въ поученіе дѣтямъ, сохранилъ о своихъ дружинахъ, о Черниговцахъ, Половцахъ и Читѣевичахъ такое воспоминаніе: „изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины“ [2])! Какъ бы подражая этому примѣру отцовской суровости, князь Ярополкъ Владимировичъ, въ самый разгаръ кровавой схватки съ Глѣбомъ Минскимъ, едва не смелъ съ лица земли Русской цѣлый городъ Друцкъ, разрушивъ домашніе очаги Другчанъ и переселивъ ихъ сплошной массой въ Переяславскую область [3])! Однако, подобныя безпощадныя расправы съ городами Полоцкой области не погасили свободолюбиваго ихъ духа, не сломили ихъ противоборства политическимъ планамъ Кіевской власти. Это доказывается геройской обороной въ 1127 году противъ коалиціи изъ пяти юго-западныхъ князей города Изяславля, жители котораго перестали сопротивляться только послѣ плѣненія ихъ князя Брячислава и сдались на почетныхъ условіяхъ,

---

[1]) Лавр. 162.

[2]) Лавр. 239.

[3]) Ипат. 203; Лавр. 276; Ник. 150; Воскр. 24; Густ. 291; Соф. 1, 156, Соф. Врем. 185; Нов. IV, 1 и др.

которыя, къ несчастью, тутъ же грубо и вѣроломно были попраны торжествующими побѣдителями [1]).

Указанный рядъ конкретныхъ проявленій самаго дѣятельнаго участія народной массы въ вѣковомъ спорѣ Ярославичей съ Рогволодовичами даетъ достаточный матеріалъ для опредѣленія того, какая неодолимая волна подхватила на свой гребень князя Всеслава и поставила его на вершину общерусской извѣстности и волшебной славы; какая могучая энергія раздула скромно мерцавшій свѣточъ его трудовой жизни на далекой окраинѣ въ яркій блескъ величавой звѣзды на горизонтѣ всей Руси. Этой волной была необъятно упругая и многогранная сила народная. Здѣсь „теорія роевой силы толпы" пріобрѣтаетъ для себя довольно прочное обоснованіе. Не *лишне, поэтому,* здѣсь привести извѣстное сужденіе проф. К. Н. Бестужева—Рюмина: «присматриваясь внимательно къ каждой личности, нельзя не видѣть, какъ много ея дѣятельность обусловлена состояніемъ общества, среди котораго она дѣйствуетъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ она дѣйствуетъ" [2]).

Однако, крѣпкая, и дружная поддержка Рогволодовичамъ, въ ихъ борьбѣ съ Ярославичами, Полоцкихъ земскихъ силъ отнюдь не обезцѣниваетъ крупнаго вклада въ это дѣло князя Всеслава Брячиславича. Было бы странно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть ярко очерченную, богато одаренную индивидуальность этого князя, его полную неукротимой отваги и кипучей энергіи фигуру—потускнѣвшей и обезразличенной на блѣдномъ фонѣ «теоріи безличной эволюціи». Крупный дѣятель съ такой мощной духовной организаціей, обладавшій притомъ твердой волей и широкимъ починомъ, не могъ быть только страдательнымъ исполнителемъ возложеннаго на него обществомъ политическаго порученія, слѣпымъ органомъ пробудившихся въ этомъ обществѣ инстинктовъ и порывовъ, не могъ сдѣлаться и обыкновеннымъ собирательнымъ фокусомъ для разрозненно бродившихъ въ народной гущѣ силъ, чувствъ, стремленій, желаній

---

[1]) Лавр. 283; Ипат. 211; Ник. 155; Воскр. 27; Новг. IV, 3; Соф. Врем. 1, 156, Твер. 194, Львов. 1, 210, Тат. II, 236, Danilowiz. L. c. 122 и др.

[2]) К. Н. Бестужевъ—Рюминъ. Русская исторія. Петроградъ 1872, т. I, стр. 6.

или же только передаточнымъ связующимъ звеномъ, сковавшимъ въ одну крѣпкую цѣпь предшествующія народныя движенія съ послѣдующими.

Тѣ же самыя лѣтописныя записи, которыя удостовѣряютъ крупную роль Полоцкаго земства въ вышеописанной борьбѣ, подтверждаютъ также и то, что могучая народная стихія, всякій разъ приходившая въ бурное волненіе, какъ только на Кіевскихъ холмахъ воздвигались искусственныя преграды ея естественному и свободному разливу — эта стихія несла на своихъ волнахъ весьма сильнаго, искуснаго и опытнаго пловца. Не только внѣшній ходъ борьбы съ Кіевомъ и географическое ея распространеніе, но также внутренній характеръ и даже отдѣльные факты развитія ея, *несомнѣнно, отпечатлѣваютъ на себѣ личную оригинальность и* творческую инициативу князя Всеслава, отображаютъ принадлежащія ему личныя индивидуальныя качества, служатъ воплощеніемъ глубокаго личнаго процесса, развивавшагося въ глубинѣ его могучаго духа.

Пожаръ борьбы Ярославичей съ Рогволодовичами въ княженіе Всеслава Брячиславича охватилъ такую большую площадь, которая далеко превосходила своими размѣрами все, что отмѣчается въ этомъ отношеніи лѣтописными первоисточниками касательно предшественниковъ и преемниковъ этого князя. При отцѣ его князѣ Брячиславѣ вышеописанная борьба вспыхнула ярко кровавымъ заревомъ на далекомъ сѣверо-западѣ, вокругъ Новгорода Великаго и быстро погасла, разрѣшившись въ 1021 году пораженіемъ Полочанъ на берегахъ Судомири [1]). При Всеславичахъ борьба переносится уже на юго-западъ, на территорію Минскаго удѣла, гдѣ и завершается въ 1127 г. разгромомъ города Изяславля [2]). Между тѣмъ при князѣ Всеславѣ границы боевого поединка съ Кіевомъ широко раздвигаются во всѣ стороны: при немъ площадь борьбы превращается въ огромный кругъ, центромъ котораго является Полоцкъ, а по окружности располагаются города: Псковъ, Новгородъ, Орша, Смоленскъ, Минскъ,

---

[1]) Лавр. 142; Воскр. 328; Соф. 1; 134; Твер. 143; Bonnel: p. 3 и др.

[2]) См. цитаты выше.

и др. Такое исключительно—быстрое раздвиженіе вѣковой эволюціи какъ бы наглядно воплотило въ себѣ широкую натуру и богатырскую мощь духа, жившую въ Полоцкомъ чародѣѣ.

Въ княженіе Всеслава, затѣмъ, борьба Полоцкихъ Кривичей съ южно-руссами развивается чрезвычайно ускореннымъ, порывистымъ и напряженнымъ темпомъ, чего опять не замѣчается ни прежде, ни послѣ въ исторіи Полоцкаго княжества. Брячиславъ Изяславичъ, какъ только утвердилъ свои права на города: Усвятъ и Витебскъ, тотчасъ же слѣдуетъ политическому призыву своего дяди: «буди же со мною заодинъ» и заключаетъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ «на всѣ дни живота своего» [1]). Во время княженія въ Минскѣ Глѣба Всеславича борьба съ Кіевомъ вырождается въ грустную повѣсть о свирѣпыхъ опустошеніяхъ Туровской и другихъ областей юго-западной Руси. Среди кроваваго хаоса этихъ набѣговъ гулко раздаются страдальческіе стоны цѣлыхъ тысячъ гибнущихъ горожанъ и смердовъ, ярко вспыхиваютъ огневыя зарева пылающихъ городовъ и селеній; но тускнетъ и меркнетъ высокая идея борьбы

---

[1]) Лавр. 142 и др. (см. выше). Въ одной изъ новѣйшихъ монографій по исторіи Русскаго средневѣковья: „Княжое право въ древней Руси" А. Прѣснякова. Петроградъ—1909 стр. 40, высказано совершенно противоположное истолкованіе лѣтописной статьи 6529 (1021) г. въ томъ смыслѣ, будто уступка Усвята и Витебска не только не установила согласія Ярослава съ Брячиславомъ, но скорѣе дала племяннику новыя средства для боевыхъ столкновеній съ дядею. „Ко времени Ярослава, говоритъ авторъ, Полоцкъ выдѣленъ въ особое владѣніе Рогволожихъ внуковъ, которымъ пришлось уступить еще Витебскъ и Усвятъ. Это повысило боевое положеніе Новгорода и Турова, такъ какъ „воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего". Однако, во-первыхъ, подобному комментарію противорѣчитъ контекстъ рѣчи указанной статьи, гдѣ призывъ Ярослава: „буди же со мною заодинъ" связанъ съ дальнѣйшимъ разсказомъ: „и воеваше" и пр. союзомъ не противоположнымъ, а соединительнымъ; во-вторыхъ, съ мнѣніемъ А. Прѣснякова плохо согласуется совершенное умолчаніе лѣтописей о дальнѣйшихъ бояхъ Ярослава съ Брячиславомъ; въ-третьихъ, это мнѣніе оказывается въ исторической наукѣ одинокимъ; наконецъ, можно указать на нѣкоторыхъ ученыхъ хотя бы напр. на проф. И. Д. Бѣляева, которые охотно допускаютъ что „Ярославъ, едва ли не въ союзѣ съ Брячиславомъ, въ 1038 году имѣлъ походъ на дикихъ и неукротимыхъ Ятвяговъ" (См. Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи; Вильна; 1867; стр. 19).

Кривичей за свою политическую жизнь, а самъ князь Глѣбъ является сознательной жертвой, какъ будто обреченной изъ всего дома Рогволодовичей на вѣрную гибель въ передовой линіи отъ грознаго Мономаха. Напротивъ, князь Всеславъ обрисованъ затѣйливой сагой и воспѣтъ пѣснью народной именно какъ отважный борецъ за Кривицкое племя, какъ горячій защитникъ «отчяны Рогнѣды» отъ новыхъ обидъ Кіевскаго князя. И это совершенно справедливо, потому что онъ вдохнулъ въ племенное движеніе всю свою душу, сумѣлъ придать этому движенію самый разнообразной отпечатокъ: народно идейный, военно-стратегическій и лично-субъективный. Всѣ эти раскрашенныя народной поэтикой картины боевъ Всеслава съ врагами, суевѣрныя истолкованія обратнаго теченія воды въ Волховѣ [1], столь же красочныя описанія восхода кровавой кометы на западномъ небосклонѣ и „премѣны солнца", какъ грозныхъ признаковъ „крови пролитья", начатаго Полоцкимъ княземъ [2], мрачныя повѣствованія о гибели Новгорода Великаго отъ разъяренной огненной стихіи и разграбленія Св. Софіи—вплоть до снятія съ нея колоколовъ и паникадилъ [3]; наконецъ, патетическія воспоминанія о великой сѣчѣ 23 октября Вожанъ съ Новгородцами [4],—всѣ такого рода данныя показываютъ, какое огромное впечатлѣніе произвела личность Полоцкаго чародѣя на современное общественное сознаніе, на психику народной толпы и даже на столь уравновѣшенныхъ людей, каковы были Новгородцы древней поры. Ясно, что роль Всеслава въ вѣковой борьбѣ Рогволодовичей съ Ярославичами

---

[1]) „В се же лѣто (6571—1063) Новѣгородѣ иде Волховъ вспять днвй 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ". Лавр. 159; Густ. 269; Кен. 116; Ник. 152 и др.

[2]) „В се же лѣто (6572—1064) Зсеславъ рать почалъ... В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь.. си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье. В си же времена быть дѣтищъ вверьженъ в Сѣтомль... Предъ симъ же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло. Лавр. 160 и др.

[3]) Нов. 1, 2; Пск. 1, 176; Твер. 156; Тат. 119 Лавр. 162; Ипат. 117; Густ. 270: Соф. 1, 141; Кен. 117; Воскр. 335, Львов. 156; Ник. 153; Bonnel, 5 и др.

[4]) Срав. Нов. 1, 2; Пск. 1, 176; Твер. 160; Соф. 1, 337; Соф. Врем. 163; Никон. 160; Тат. 124; Bonnel, 5 и др.

нельзя опредѣлить правильно, если посмотрѣть на него, только какъ на собирательный типъ для современнаго ему племеннаго движенія, только какъ на политическаго вожака, въ которомъ олицетворились разрозненныя силы, стремленія, думы, бродившія въ народной гущѣ, или же какъ на невольнаго пловца, увлеченнаго неодолимой силой народной стихіи... Нѣтъ, князь Всеславъ былъ не только сыномъ своего племени, но именно сыномъ высокодареннымъ, оказавшимъ ему огромную услугу и принесшимъ соотвѣтственную пользу: онъ не только былъ носителемъ общественной мысли и выразителемъ народныхъ потребностей, но и доминирующей, независимой личностью, увлекавшей толпу силою своей упорной воли и желѣзной энергіи. Онъ не только ускорилъ историческій процессъ великой борьбы Полочанъ съ южно-руссами, но и направлялъ эту борьбу, сообщалъ ей необходимую планомѣрность, организовалъ общественныя силы, сокрушалъ и опрокидывалъ встрѣчныя преграды и смѣло велъ свое племя на широкую дорогу новой жизни... Притомъ же, въ противоположность своимъ предкамъ и потомкамъ, Всеславъ Брячиславичъ остался до конца вѣрнымъ той великой политической идеѣ, подъ знакомъ которой протекло болѣе чѣмъ полувѣковое его служеніе Полоцкой землѣ. Въ то время, какъ Брячиславъ Изяславичъ въ теченіе почти четверти вѣка (1021—1044), по свидѣтельству лѣтописи, довольствуется скромною ролью простого паладина Ярослава Владимировича [1]), въ то время какъ одинъ изъ сыновей Всеслава— Давидъ заноситъ, вмѣстѣ съ Ярославичами, въ 1104 г. братоубійственный мечъ надъ головою Глѣба Минскаго [2]), а Рогволодъ Всеславичъ въ 1127 г. смиренно принимаетъ Полоцкое княженіе, какъ великодушную милостыню, изъ рукъ Мстислава Владимировича [3]), отецъ ихъ Всеславъ поднимается на историческую сцену

[1]) Соф. I, 134 и др.

[2]) Давидъ участвовалъ въ походѣ противъ Глѣба вмѣстѣ съ Кіевскимъ воеводой Путятой, Ярополкомъ Владимировичемъ и Олегомъ Святославичемъ см. Ипат. 185; Лавр. 270; Ник. 140; Воскр. 20; Густ. 287; Кенигсб. 171; Тат. II—202 и др.

[3]) Ипат. 211; Новг. IV, 3; Соф. I, 156; Соф. Врем. I, 187; Твер. 194; Ник. 155; Воскр. 27; Льв. I, 210; Тат. II, 236; Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, pvacą J. Danilowicza. W. Wilnie 1827 p. 122; по лѣтописи Лавр., стр. 284. „Полочане сътснувшеси выгнаша Давыда и с сынъми, и поемше Роговолода идоша къ Мстиславу, просяще и собѣ князем“ и т. д.

и уходитъ отсюда цѣльной и стройной фигурой, строго выдержаннымъ и вѣрнымъ самому себѣ характеромъ. Съ того времени, какъ въ 1060 г. Всеславъ не получилъ земельнаго вознагражденія за свое крупное участіе въ разгромѣ дикихъ Торковъ [1]), и послѣ того какъ 10 іюля 1067 г. подъ Оршей безжалостно была разбита его мечта о мирномъ соглашеніи съ Ярославичами и поругана вѣра въ благородство великокняжескаго слова,— съ этого момента отношенія между Полоцкомъ и Кіевомъ становятся холодно-подозрительными, натянутыми, нерѣдко ожесточенно-враждебными. Въ глубокой старости, окруженный, повидимому, многочисленной семьей своихъ сыновей и внуковъ, Всеславъ какъ будто уходитъ отъ кипящей сутолки политической жизни, отдается всецѣло домашнимъ дѣламъ своего княжества и отстраняется огромнымъ вліяніемъ Мономаха отъ дѣятельнаго участія въ общерусской жизни. Не тревожимый врагами въ княженіе робкаго Святополка II (съ 1093 [2]), внушая имъ страхъ и уваженіе, Полоцкій чародѣй мирно доживаетъ остатокъ своихъ дней въ красивой и гордой позѣ неутомимаго стража и вѣрнаго оберегателя отчины Рогнѣды. Любопытно, что Всеслава не было на знаменитомъ съѣздѣ князей въ Любечѣ, происходившемъ почти за три съ половиною года до его смерти (1097 † 14 апр. 1101 г.). Едва ли можно сомнѣваться, что Ярославичи не считали нужнымъ звать Полоцкаго князя въ Любечъ. Но также несомнѣнно, что онъ и не довѣрился бы подобному зову—послѣ вѣроломнаго нарушенія ими крестнаго цѣлованія подъ Оршей, съ чѣмъ можно сравнить развѣ только ослѣпленіе Василька!

Вся исторія Полоцка во второй половинѣ XI в. (1044—1101) служитъ именно яркимъ отблескомъ творческаго дѣйствія и личнаго темперамента Всеслава Брячиславича. Своеобразная смѣна послѣдовательныхъ событій, изъ которыхъ слагается все княженіе Всеслава, дается въ Полоцкой исторіи только одинъ разъ въ опредѣленно-конкретномъ сочетаніи и справедливо, поэтому, можетъ быть признана

[1]) Лавр., 159 и другія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о земельныхъ уступкахъ Всеславу со стороны Ярославичей послѣ 1060 г. хотя бы изъ удѣла только что скончавшагося Смоленскаго князя Игоря.

[2]) Лавр. 208 и др.

индивидуальной. Присущія духовному укладу Всеслава личныя качества наложили столь определенную печать на всю его политическую и общественную карьеру, что рѣдкая страница исторіи, въ сравненіи съ его княженіемъ, даетъ сюжетъ болѣе любопытный по внѣшней фабулѣ и болѣе богатый по драматической борьбѣ героя. Говорятъ: исторія—не одна прямая линія, не правильный узоръ, построенный по математическому плану, а живая ткань многихъ линій, неправильныхъ и извилистыхъ, переплетающихся самыми разнообразными и неожиданными способами, то спутывающихся до безконечности, то слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся, то идущихъ по одному и тому же, то по разнымъ направленіямъ... Такой типъ историческаго развитія, какъ слѣдствіе свободной воли и разнообразнаго поступанія отдѣльныхъ лицъ, характеризуетъ и дѣятельность Полоцкаго князя. Какъ личная судьба, такъ и общественная работа Всеслава Брячиславича, въ которыхъ непрерывной чередой слѣдуютъ успѣхи и неудачи, побѣды и пораженія, напоминаютъ именно причудливую ткань изъ самыхъ разноцвѣтныхъ узоровъ иногда самаго противоположнаго рисунка и неожиданной окраски. Такъ за безуспѣшной осадой Псковскаго кремля слѣдуетъ полный разгромъ Новгорола Великаго; на кровавыхъ берегахъ Немиги вдругъ померкла побѣдная звѣзда того, кто „расшибъ славу Ярослава" [1]); мечта о мирномъ соглашеніи подъ Оршей превращается въ Кіевѣ въ смертельный ужасъ узника, заживо погребеннаго въ порубѣ. Затѣмъ на короткое время сумракъ тюрьмы прорѣзывается ослѣпительнымъ золотомъ великокняжескаго стола; сказочно-быстрый и тайный побѣгъ изъ Бѣлгорода разрушаетъ въ глазахъ Кіевлянъ высокую идеализацію Полоцкаго князя и замѣняетъ ее глубокимъ разочарованіемъ и подавленной растерянностью... За кратковременнымъ возвращеніемъ немедленно слѣдуетъ насильственное изгнаніе Всеслава войсками Кіевскаго князя и Польскаго короля изъ Полоцка, гдѣ водворяется суровая тираннія Мстислава. Далѣе—тянется длинная вере-

---

[1]) „Слово"—по изд. А. С. Суворина; стр. 35; по изд. проф. Н. Тихонравова—стр. 10.

ница новыхъ бѣдъ: скитальческая жизнь политическаго изгнанника, жестокое пораженіе на Гзеви, вторичный плѣнъ. . Даже великодушное возвращеніе свободы „Бога дѣля“ [1]) и прочное утвержденіе въ родовомъ княжествѣ омрачаются для Всеслава пораженіемъ у Голотичска. Затѣмъ начинается полоса новыхъ испытаній: двоякая осада Полоцка; сожженіе его предмѣстій, разгромы Минска, Лукомля, Логожска, Друтска, опустошительные набѣги Черниговской конницы, неистовства Половецкихъ ордъ и пр. Несомнѣнно, что для правдиваго отзыва „Слова“: „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше“ [2]), нельзя придумать болѣе яркаго комментарія, чѣмъ эта начертанная безыскусственной кистью лѣтописцевъ картина бурныхъ превращеній въ судьбѣ Всеслава. Совершенно очевидно, что на Полоцкаго князя нельзя, поэтому, смотрѣть сквозь тусклыя очки безличнаго эволюціонизма—нельзя видѣть въ немъ простой ярлыкъ для возникшаго въ средѣ Кривичей XI—XII вв. большого движенія, цѣлью котораго была политическая и гражданская децентрализація отъ Кіевской власти...

Не только внѣшняя смѣна и внутренняя сущность явленій, но даже отдѣльныя событія въ исторіи борьбы Полоцка съ Кіевомъ, какъ выше было показано, могли произойти подъ вліяніемъ личнаго дѣйствія и рѣшенія, благодаря творческому почину и политическому разумѣнію князя Всеслава.

Доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы то событіе, въ которомъ лѣтописи видятъ первоначальный моментъ въ кровавой борьбѣ Всеслава съ Ярославичами и которое, поэтому, отмѣчаютъ стереотипными выраженіями: „в се же лѣто Всеславъ рать почалъ“ [3]), „поча Всеславъ рать держати“ [4]), „Всеславъ сѣдѣ рать почалъ“ [5]) и проч. Такимъ событіемъ была осада Пскова въ 1065 году. Во второй Псковской лѣтописи объ этой осадѣ разсказано такъ: «въ лѣто 6573 князь Полотьскій Всеславъ, събравъ силы своя многыя, пріиде ко

[1]) Новг. I стр. 2 и др.

[2]) „Слово“—по изд. А. С. Суворина: 36—37; по изд. Н. Тихонравова: стр. 11.

[3]) Лавр. 71; Твер. 151; Соф. Врем. 158; Ник. 153 и др.

[4]) Новг. 1, 2 и др.

[5]) Ипат. 115.

Пскову и много труждався съ многыми замысленіи и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успѣвъ» [1]). Описанное въ стилѣ, свойственномъ лѣтописной литературѣ именно Пскова [2]), разсматриваемое событіе составляетъ оригинальную особенность княженія Всеслава Брячиславича. Собравъ противъ Пскова многочисленное войско («силы многыя»), пользуясь современными военными изобрѣтеніями („многыя замысленіи"), громя крѣпость стѣнобитными орудіями („пороками шибавъ"), Всеславъ, конечно, напрягалъ всѣ усилія, чтобы добиться намѣченной цѣли, но однако не имѣлъ удачи („отъиде, ничтоже успѣвъ").

Хотя описанное событіе составляетъ важную страницу въ исторіи древняго Пскова, но, къ сожалѣнію, оно еще до сихъ поръ не нашло для себя истолкованія въ русской исторической наукѣ, какъ общей-курсовой, такъ и мѣстной-областной. Въ данномъ случаѣ не представляется собственно надобности въ изслѣдованіи причинъ, по которымъ военное предпріятіе Всеслава не увѣнчалось успѣхомъ: причины эти достаточно ярко представлены въ мощныхъ природныхъ свойствахъ и искусственно-оборонительныхъ сооруженіяхъ, которыя еще въ древнюю пору превратили Псковскій кремль въ сильнѣйшую и неприступную твердыню [3]). Для правильнаго пониманія дан-

---

[1]) Псков. II, 8.

[2]) Срав. напр., запись первой Псковской лѣтописи подъ 6877 г.: „Прiидоша Нѣмци ко Изборску ратью въ силѣ велицѣ, со многимъ запасомъ замысленіи своихъ, съ пороки великими и съ грады и заворы"; у И. И. Срезневскаго „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ"; т. II; Петроградъ; 1902· стр. 1212—1213; также—подъ 6777: „стояша 18 дней, пороки шибаючи во угадъ, възгради привлачающеся сами о стѣну толкуще"; у И. И. Срезневскаго т. III, в. 3; Петроградъ; 1909; стр. 1592.

[3]) По описанію А. Никитскаго (см. его „Очеркъ внутренней исторіи Пскова"; Петроградъ; 1873; стр. 83, 84), вплоть до XIV столѣтія Псковъ, или Плесковъ, какъ онъ назывался въ древнѣйшее время, почти не выходилъ изъ треугольника, образуемаго рѣками Псковой и Великой; уголъ треугольника занималъ Псковской дѣтинецъ, главную часть котораго составлялъ Кромъ (кремъ; кремль; городъ кромный); находясь въ углу, образуемомъ соединеніемъ двухъ рѣкъ, Псковъ, какъ нельзя лучше, удовлетворялъ всѣмъ условіямъ опорнаго пункта; занимаемый имъ треугольникъ могъ легко быть превращенъ въ настоящую, по тогдашнему времени, крѣпость; къ тому, что Псковъ получалъ отъ природы, независимо отъ человѣческихъ усилій, присоединилось еще искусство, и Псковъ скоро сдѣлался, по замѣчанію иностранцевъ, однимъ изъ весьма хорошо укрѣпленныхъ русскихъ городовъ и долго, въ теченіе исторіи, сохранялъ за собою эту репутацію.

наго событія гораздо важнѣе опредѣлить политическіе мотивы, толкнувшіе Всеслава къ нападенію на Псковскую область. Намъ кажется, что для надлежащаго освѣщенія личнаго участія Всеслава въ этомъ дѣлѣ необходимо привести въ прагматическую связь важнѣйшія лѣтописныя сообщенія, особенно по исторіи Пскова, предшествующія статьѣ 6573 года.

Здѣсь прежде всего можно отмѣтить лѣтописную статью 6496 года о раздѣлѣ Русской земли св. Владиміромъ между двѣнадцатью своими сыновьями, въ которой упомянуто, что Псковъ, или Плесковъ достался Судиславу [1]). Слѣдуетъ ли видѣть въ такомъ распоряженіи Владиміра политическій моментъ зарожденія княжескихъ удѣловъ, къ чему склоняется Н. М. Карамзинъ [2]), или же можно понимать его только въ качествѣ административной попытки учрежденія княжескаго „посадничества", какъ полагаетъ В. Ос. Ключевскій [3]), вопросъ этотъ существеннаго значенія не имѣетъ. Для нашей задачи—болѣе важна мысль С. М. Соловьева, что при князѣ Владимірѣ волости были очень размельчены, что Новгородская область въ частности была раздѣлена на двѣ—Новгородскую и Псковскую и что здѣсь—начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода [4]). Этой мыслью маститаго историка можно воспользоваться, какъ точкой отправленія для пониманія нѣкоторыхъ событій въ исторіи не только Пскова, но и Полоцка.

Предпринятая, по изображенію лѣтописей, еще въ X-мъ вѣкѣ индивидуализація политической власти, повидимому, нисколько не пошатнула центральнаго общеземскаго положенія Кіевскаго князя. По крайней мѣрѣ, только одинъ Ярославъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, сдѣлалъ нѣкоторую попытку отложиться отъ Кіева [5]). Но какъ только

---

[1]) Извѣстіе о посаженіи Судислава во Псковѣ изложено въ лѣтописяхъ: Воскр. 313; Твер. 113; Никон. 58; Соф. I, 120; Соф. Врем. 87; у Татищ. II, 76: Густин. стр. 259 („Судиславъ въ Плесковѣ си есть въ Псковѣ), но его нѣтъ въ лѣт.: Ипат. 83; Лавр. 118; Кенигсб. 84; у Н. Львова, стр. 93; у Воппе'я, въ лѣтописяхъ Новгорода, Пскова и др.

[2]) Истор. Госуд. Россійск. Т. I; изд. 2-е брат. Слениныхъ; ПГР. 1818; 220—221.

[3]) Курсъ Русской исторіи. Ч. I: изд. 2-е; М. 1906 стр. 200—201.

[4]) Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ; изд. 3-е; Петроградъ; кн. I; т. I; гл. VII, стр. 193.

[5]) Лавр. 125: „в лѣто 6523. Хотящую Володимеру ити на Ярослава" и т. д.

со смертью Владимира порвалась внѣшняя спайка отдѣльныхъ областей земли Русской, тотчасъ же обнаружились политическія стремленія къ обособленію, произведенныя географическимъ положеніемъ, этнографическимъ типомъ и гражданско-бытовымъ укладомъ отдѣльныхъ племенъ русскаго славянства. Въ происшедшемъ стихійномъ взрывѣ центробѣжныхъ силъ, среди кроваваго урагана свирѣпыхъ усобицъ гибнутъ нѣкоторые сыновья Владимира Святого, и на переднюю сцену русской исторіи выдвигается крупная фигура Ярослава Мудраго... То былъ яркій представитель политическаго централизма, унаслѣдовавшій отъ отца правительственные завѣты и талантливо развивавшій его политическую систему. Около двадцатаго года XI столѣтія, съ момента перваго утвержденія Ярослава на золотомъ Кіевскомъ столѣ, центробѣжно-политическая сила была представлена тремя князьями: Брячиславомъ Полоцкимъ, Мстиславомъ Тмутороканскимъ и Судиславомъ Псковскимъ. Одинъ изъ умнѣйшихъ политиковъ своего вѣка, Ярославъ Владимировичъ искусно пользуется своею побѣдой на рѣкѣ Судомири, чтобы связать Полоцкаго князя полувассальными военными обязательствами, для которыхъ уступка Витебска и Усвята оказалась только благовиднымъ предлогомъ и удачно задуманной приманкой. Другой исходъ получила борьба Кіевскаго князя съ Мстиславомъ: между тѣмъ какъ побѣда на Судомири-рѣкѣ закрѣпляла вліяніе Ярослава въ Полоцкѣ, пораженіе у Листвена [1]), наоборотъ, подчинила его желѣзной волѣ князя Тмутороканскаго. Герой народныхъ легендъ, могучій богатырь и непобѣдимый единоборецъ—Мстиславъ силою остраго меча и боевого таланта заставляетъ Ярослава отдать ему земли по лѣвому берегу Днѣпра и допустить въ Кіевской Руси своеобразный дуализмъ власти. Въ то время, какъ гибнутъ мученическою смертью братья—князья, разгораются кровавымъ пожаромъ жестокія усобицы, въ свирѣпыхъ битвахъ сходятся враждующія рати, заключаются миры и вырабатываются политическія соглашенія,—Судиславъ ведетъ Псковское княжество своей особой дорогой... Лѣтописи сохраняютъ глубокое молчаніе какъ о мирныхъ договорахъ, такъ и о бо-

[1]) Лавр. 144; бой произошелъ въ 1024 г. возлѣ одноименнаго села, на рѣчкѣ Руднѣ, верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ Чернигова.

евыхъ столкновеніяхъ Судислава съ Кіевомъ. Но это молчаніе—красноречивѣе словъ: оно показываетъ, что въ разгаръ усобицъ между дѣтьми Владимира Святого Псковское княжество имѣло свой самобытный гражданскій укладъ, что жизнь его текла по руслу внутренняго самоопредѣленія, такъ какъ этому способствовали географическая обособленность и огромная удаленность Пскова отъ Кіева. Изумительно-трагическая судьба Судислава, несчастье которой усугублялось рѣдкимъ его долголѣтіемъ; жестокое томленіе князя въ тюремномъ заключеніи цѣлую четверть XI-го столѣтія; монашескій постригъ послѣ выхода его изъ поруба, наконецъ, клятвенный отказъ отъ политической роли [1])—все это показываетъ, какимъ опаснымъ политическимъ противникомъ представлялся Судиславъ Ярославу и его дѣтямъ. Существованіе независимаго Псковского княжества было очень выгодно для Полоцка, потому что, благодаря этому, дѣлались безопасными сѣверныя границы Полоцкой земли и косвенно усиливался южный фронтъ ея оборонительной линіи противъ Кіева. Напротивъ, потеря Псковомъ своей политической самостоятельности чрезъ подчиненіе его подручнымъ Кіеву посадникамъ, намѣстникамъ или князьямъ Новогородскимъ создавала для Полоцка опасное положеніе между двухъ огней. Такъ было напр., въ 1069—1070 гг., когда Всеславъ Брячиславичъ былъ разбитъ послѣдовательно на двухъ фронтахъ: съ сѣверо-запада—на Гзени Глѣбомъ Святославичемъ [2]) и съ юго-запада—у Голотическа Ярополкомъ Изяславичемъ [3]); равно какъ въ 1127 году въ княженіе Давида Всеславича, когда въ Полоцкую область вторглись одновременно съ юга—войска княжеской коалиціи подъ предводительствомъ Вячеслава Туровскаго и съ сѣвера—Новгородскія дружины во главѣ съ Всеволодомъ Мстиславичемъ [4]).

Въ 1036 г. сошелъ въ могилу богатырь—князь Мстиславъ Владимировичъ, и съ нимъ вмѣстѣ исчезъ съ горизонта южной Руси мимо-

---

[1]) Срав. Тат. II, 116: „для безопасности утвердили его ротою"; рота=клятва, присяга, клятвенное удостовѣреніе (см. у И. И. Срезневскаго. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. III; вып. I; 1903 г.; стр. 176–177).

[2]) Нов. 1; стр. 2.

[3]) Лавр. 170; Ипат. 122; Твер. 161; Соф. I, 143 и др.

[4]) Лавр. 283; Ипат. 210 и др.

летный призракъ дуализма власти. Возстановленіе единодержавно-централистической системы въ Кіевѣ отмѣчено лѣтописями такъ: „Посемь же перея власть Мьстислава всю Ярославъ и бысть самовластець Русьтѣй земли“ 1). Въ прагматической связи съ «самовластіемъ» Кіевскаго князя находятся два событія: посаженіе на Новгородскій столъ князя Владимира 2) и заключеніе въ Псковской порубъ Судислава. Первая Псковская и Никоновская лѣтописи почти тождественно разсказываютъ о трагической судьбѣ Псковскаго князя: „Въ лѣто 6544. Разгнѣвася Ярославъ Великій князь на меншаго брата своего Судислава и всади его въ порубъ въ Плесковѣ въ темницу до живота своего; оклеветанъ бо бѣ“ 3). Это довольно общая фраза о клеветѣ, какъ ближайшемъ поводѣ къ потерѣ Судиславомъ политической свободы, воспроизведена почти всѣми лѣтописными сводами 4), такъ что болѣе точный варіантъ Іоакимовой лѣтописи: «оклеветанъ былъ бо ему отъ ненавистныхъ» 5), составляетъ исключеніе. Боннель справедливо воздерживается отъ попытки представить событіе въ большей ясности 6). На самомъ дѣлѣ—сквозь наивныя формы и простодушный стиль лѣтописнаго разсказа о клеветѣ, съ которымъ, впрочемъ, согласенъ Н. М. Карамзинъ 7), довольно прозрачно обрисовывается подлинная сущность историческаго факта. Совершенно очевидно, что смерть Черниговскаго князя и единодержавіе Ярослава Мудраго, появленіе Владимира въ Новгородѣ и заточеніе Судислава во Псковѣ были только отдѣльными моментами однородной политической эволюціи, были только частичными проявленіями цѣльнаго историческаго процесса. Гнѣвъ Ярослава не могъ бы длиться „до его живота“, почти

---

1) Лавр. 147.

2) „Иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ“; Лавр. 147.

3) Псков. I, стр. 176; Ник. 80.

4) Лавр. 147; Ипат. 106; Соф. I. 137; Воскр. 330; Твер. 266; Кенигсб. 105; Львов. 154; Соф. Врем. 153 и пр.

5) Тат. II, 106.

6) Russisch-Liwlandische Chronographie: S 3 — „Seinen Bruder Ssudislaw aber liess er zu Pskow ins Gefängniss werden“.

7) Исторія Госуд. Россійскаго; т. II; изд. 2-е; Петроградъ; 1818; стр. 26—27.

восемнадцать лѣтъ, если бы Судиславъ страдалъ только отъ ненависти клеветниковъ, а не палъ какъ искупительная жертва во-имя торжества сурового централизма. Дѣйствительно—власть Кіевскаго князя на крайнемъ сѣверо-западѣ не могла пріобрѣсти необходимой законченности, не достигала надлежащей полноты, пока во Псковѣ сохранялъ свои владѣтельныя права Судиславъ Владимировичъ, который, по праву родового старшинства, стоялъ выше на генеалогической лѣстницѣ, чѣмъ Новгородскій князь Владимиръ Ярославичъ. Вызвалъ ли Судиславъ гнѣвъ Кіевскаго князя своимъ домогательствомъ „выморочныхъ волостей братьевъ", какъ думаетъ С. М. Соловьевъ [1]), или же „Ярославъ устранилъ его для своей личной безопасности и безопасности своихъ дѣтей", какъ предполагаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [2]), но только заключеніе Судислава въ порубъ было актомъ чисто политическимъ, съ цѣлію лишить его именно владѣтельныхъ правъ вотчиннаго князя. Вѣроятно, точно такая же судьба ожидала и Брячислава Полоцкаго, если бы онъ не предпочелъ быть съ Кіевскимъ княземъ «заодинъ», если бы онъ «не воеваше съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего» [3])...

Гибель самостоятельности Пскова расчищала дорогу къ политическому порабощенію и Полоцкаго княжества. Съ посаженіемъ Владимира въ Новгородѣ и подчиненіемъ ему Пскова—владѣнія Ярослава и Ярославичей тѣснымъ полукругомъ съ трехъ сторонъ охватили Полоцкую землю. Послѣ этого опять, какъ и въ княженіе Рогволода, ярко и выпукло обозначилось опасное положеніе Полоцкой земли, сдѣлавшейся географической чрезполосицей между сѣверными и южными владѣніями Кіевскаго князя. Легкій намекъ на эту чрезполосицу владѣній среди „Кривицкой земли, приводившую къ безконечнымъ спорамъ", сдѣлалъ еще П. В. Голубовскій въ одной изъ своихъ прекрасныхъ монографій по областной исторіи [4]). Чрезполосная

---

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 1-я; т. 1; гл. 7; изд. 3-е; Петроградъ; стр. 204.

[2]) Древности русскаго права; т. II; вѣче и князь; изд. 3-е; Петроградъ; 1908; 293; срав. 297; 336 и др.

[3]) Соф. I, 134; Воскр. 328; Тверск. 143; BonneI, 3 и др.

[4]) Исторія Смоленской земли. Кіевъ. 1895; стр. 260; примѣчан. 2.

земля обычно служитъ роковымъ яблокомъ страстнаго раздора, дѣлается ареною кровавой схватки племенъ и ихъ вождей, при чемъ жители ея нерѣдко теряютъ не только внѣшнюю политическую свободу, но и внутренній самобытный укладъ гражданской жизни: это естественный законъ *историческаго развитія*... Самостоятельное Полоцкое княжество было, дѣйствительно, трудно преодолимой географической преградой для собирательныхъ политическихъ задачъ Ярославичей, упорно добивавшихся объединенія въ одно сплошное владѣніе длиннаго ряда огромныхъ территорій, по рѣкамъ и озерамъ которыхъ пролегала великая торговая артерія Кіевской Руси. Вѣковое стремленіе Ярославичей упрочить въ своемъ домѣ владѣніе головной частью „великаго воднаго пути" въ Новгородской и Псковской областяхъ со стихійною необходимостью влекло ихъ къ разгрому Полоцкихъ Кривичей, къ порабощенію Полоцкаго княжества: это съ такою сознательною прямолинейностью, со столь глубокимъ трагизмомъ воплотилось въ широкомъ размахѣ похода Мстислава Владимировича въ 1127 г. на „Кривскихъ князей"! Наслѣдственная традиція собиранія волостей свойственна была, слѣдовательно, не только суровой Москвѣ, какъ принято думать, но и стольному Кіеву [1]): именно въ кипучей борьбѣ центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ шумнымъ потокомъ *пронесся въ русской исторіи очередный, или областной періодъ*. Настойчивое противоборство собирательной силѣ Кіева составляетъ политическую сущность и древняго княжьяго Полоцка въ періодъ X—XI вѣковъ: здѣсь, поэтому, вѣрнѣе всего можно найти глубокіе корни трагическихъ столкновеній и воинственныхъ порывовъ Всеслава Брячиславича, для объясненія которыхъ перепуганные Новгородцы поспѣшили сочинить пресловутую свою сказку о природной, происшедшей отъ волшебнаго рожденія немилостивости князя на кровопролитіе, какъ будто забывъ, что одновременно съ Всесла-

---

[1]) „Волости, розданныя дѣтямъ Кіевскаго князя, замѣчаетъ проф. М. Грушевскій, обыкновенно собираются снова чрезъ нѣкоторое время въ рукахъ одного изъ его сыновей. Эта собирательная политика проявляется и у потомковъ Ярослава" (Очеркъ исторіи Кіевской земли: Кіевъ; 1891· стр. 63). „Пріобрѣтеніе Посемья и Полоцкой волости было завершеніемъ традиціонной политики собиранія волостей" (стр. 139).

вомъ въ южной Руси жили, напр., князья Мстиславъ Изяславичъ или Давидъ Игоревичъ—люди безспорно свирѣпаго характера и безпощаднаго нрава... Чрезполосное положеніе Полоцкой земли между Новгородскимъ сѣверомъ и Кіевскимъ югомъ до крайности обостряло столкновеніе противоположныхъ политическихъ стремленій внуковъ Рогволода и внуковъ Ярослава, раздувъ пламя кровавой вражды между ними въ неугасимый вѣковой пожаръ. Такъ въ X в. Владимиръ Святославовичъ добился золотого стола Кіевскаго, только перешагнувъ чрезъ трупъ несчастнаго князя Рогволода. Въ первой половинѣ XI вѣка Ярославъ Владимировичъ могъ имѣть спокойную увѣренность въ своей власти надъ Новгородомъ Великимъ только послѣ того, какъ заставилъ побѣжденнаго на Судомири Брячислава Полоцкаго согласиться на военно-союзническія обязательства и лишилъ политической свободы своего брата Судислава. Этимъ испытаннымъ путемъ затѣмъ шли дѣти Ярослава во второй половинѣ того же вѣка: когда зимою 1066 года Всеславъ Брячиславичъ, разгромивъ Новгородъ Великій, «расшибъ славу Ярослава» [1]), князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, чтобы возстановить поколебленную на сѣверо-западѣ власть Кіева, рѣшились не только на кровопролитный бой съ Всеславомъ на берегахъ Немиги, но даже на предательскій захватъ подъ Оршей опаснаго своего противника, которому въ Кіевскомъ порубѣ готовили печальную участь Судислава. Также въ первой четверти XII вѣка (1118 г.) великій князь Владиміръ Мономахъ не могъ найти болѣе дѣйствительнаго средства покончить съ завѣтными стремленіями Всеславичей къ утвержденію въ Смоленскомъ Приднѣпровьѣ, какъ только захватъ Минской земли и уводъ въ плѣнъ князя Глѣба. Наконецъ, въ 1127—1129 гг. Мстиславъ Владимировичъ достаточно ярко и успѣшно завершаетъ собирательно-династическую политику Ярославичей и Мономаховичей завоеваніемъ всего Полоцкаго края и безпримѣрно-жестокимъ изгнаніемъ всего владѣтельнаго рода Всеславичей на чужбину... Итакъ, на пространствѣ трехъ столѣтій, отъ Владимира до Мстислава и отъ Рогволода

---

[1]) „Слово о полку Игоревѣ"; по изд. А. С. Суворина; 1904; стр. 35; по изд. проф. Н. Тихонравова; 1868; стр. 10.

до Давида, красною нитью протягивается однородно-историческое явленіе: путь изъ Новгорода въ Кіевъ и обратно пролегаетъ чрезъ Полоцкую землю; непреклонное желаніе Ярославичей прочно обладать этой широкой географической дорогой вовлекаетъ ихъ неотвратимо и стихійно въ кровавую распрю съ тѣми изъ Рогволодовичей, которые, отличаясь, какъ Всеславъ Брячиславичъ, ярко выраженной и сильно развитой индивидуальностью, не имѣютъ особой склонности безропотно слушаться властной указки Кіева; развиваясь закономѣрнымъ путемъ послѣдовательной эволюціи, жестокая борьба эта ведется нерѣдко однородными пріемами и сходными средствами, но зато получаетъ суровый отпечатокъ крайней рѣшительности, при чемъ въ роли страдающихъ обыкновенно являются внуки Рогволода, тогда какъ безспорное преобладаніе и окончательное торжество выпадаютъ на долю внуковъ Ярослава...

Для объясненія этого загадочно-рокового поединка, глубокую тайну котораго старалась разгадать народная фантастика, нѣтъ, слѣдовательно, необходимости соглашаться съ мнѣніями Н. М. Карамзина [1]), О. Турчиновича [2]), Ев. Альбовскаго [3]) и др., будто Рогволодовичи ненавидѣли и враждовали съ Ярославичами, какъ болѣе счаст-

---

[1]) Мы разумѣемъ слѣдующій отзывъ Карамзина о князѣ Всеславѣ: „Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра" (Исторія государства Россійскаго; т. II; изд. 2-е бр. Слениныхъ; Петроградъ; 1818; стр. 74).

[2]) О. Турчиновичъ, напротивъ, приписываетъ ненависть самимъ Ярославичамъ: „Князья Полоцкіе, Изяславичи, основываясь на своемъ происхожденіи отъ первой супруги Владиміра и его старшаго сына, какъ старшіе въ родѣ, считали себя законными наслѣдниками Великокняжескаго престола. Зато Ярославичи всѣми силами души ненавидѣли Изяславичей; часто—не преклоняемые ни къ единодушію, ни къ миру никакими бѣдствіями отечества, раздираемаго ихъ междоусобною враждою - они оставляли всѣ споры и ссоры, дѣлались искренними друзьями, когда соединялись противъ князей Полоцкаго дома" („Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ". Изд. Исакова; Петроградъ; 1857; стр. 31).

[3]) Евг. Альбовскій дѣлаетъ попытку поставить въ связь наслѣдственную вражду между Ярославичами и Рогволодовичами съ психическимъ состояніемъ оскорбленной въ своей гордости Рогнѣды: „Любимаго своего сына Рогнѣда, по

ливыми соперниками по добыванію великокняжескаго стола. Эта гипотеза старой исторической школы о вѣковой будто бы наслѣдственности непреклоннаго честолюбія въ княжескомъ родѣ Рогволодовичей столь же наивна, какъ и фантастическая символика борьбы внуковъ Рогволодовыхъ съ Ярославовыми въ народныхъ сагахъ: не опираясь на прочномъ основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, та и другая одинаково лишены твердой почвы. Не менѣе предвзятымъ характеромъ отличается мнѣніе проф. И. Д. Бѣляева „о какой то затаенной враждѣ между Новгородомъ и Полоцкомъ", какъ главномъ побужденіи для Брячислава, Всеслава и др. нападать на Новгородскую землю [1]). Съ этнографической стороны предположеніе Бѣляева не мирится съ кровнымъ родствомъ Новгородцевъ и Полочанъ, составляющихъ двѣ вѣтви одного и того же Кривицкаго племени, а со стороны фактиче-

---

праву первородства, считала наслѣдникомъ великокняжескаго стола; но и его, какъ бы лишая этой надежды, послали съ нею въ изгнаніе, тогда какъ другія ея дѣти остались въ Кіевѣ. За свою горькую долю, эти вѣчныя слезы княгиня была названа Гориславой. Въ этомъ имени скрыта драма всей ея жизни, вѣрнѣе, цѣлый рядъ драмъ. Интересно и знаменательно то, что впослѣдствіи потомки Изяслава жили всегда въ непримиримой враждѣ съ потомками другихъ сыновей Владиміра—ихъ что-то раздѣляло, что-то положило между ними непреодолимую преграду. Удѣльные князья, раздираемые, бывало, вѣчными междоусобіями, ради нихъ, забывая интересы общаго отечества, охотно примирялись другъ съ другомъ, когда нужно было итти противъ ненавистныхъ князей Полоцкихъ, потомковъ Рогнѣдина первенца" (см. статью „Удѣлъ Рогнѣды-Гориславы" въ „Военномъ мірѣ" (ежемѣсяч. журналъ); Москва; 1911 г.; Январь; стр. 94).

[1]) „Между Полоцкомъ и Новгородомъ, говоритъ И. Д. Бѣляевъ, были какія-то столкновенія, обыкновенно объясняемыя желаніемъ Полочанъ пограбить въ Новгородской землѣ или, какъ говорятъ иныя лѣтописи, местью потомковъ Изяслава Полоцкаго къ потомкамъ Ярослава Великаго. Но, вѣроятно, были другія какія-либо причины, болѣе существенныя, для насъ теперь неизвѣстныя; между Новгородомъ и Полоцкомъ всегда была какая-то затаенная вражда; замѣчательно, что Новгородцы никогда не приглашали къ себѣ князей изъ Полоцка, хотя по сосѣдству это было бы очень удобно, и Полоцкіе князья, уже дома привыкшіе къ самоуправству вѣча, едва ли бы не были для Новгородцевъ сговорчивѣе, нежели другіе русскіе князья" (Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи; Вильна; 1867; стр. 18—19). По поводу послѣдняго замѣчанія профессора достаточно замѣтить, что именно близкое географическое сосѣдство дѣлало Рогволодовичей опасными для свободолюбія Новгорода.

ской оно находится въ явномъ противорѣчіи съ лѣтописными показаніями о существованіи иныхъ чувствъ Новгородцевъ къ Полоцкимъ князьямъ, даже къ самому князю Всеславу, котораго они, конечно, не выпустили бы изъ плѣна, если бы видѣли въ немъ своего непримиримаго и заклятаго врага [1]). Довольно поверхностно объясняется происхожденіе вѣковой распри между Рогволодовичами и Ярославичами у проф. М. Ос. Кояловича, по мнѣнію котораго князья: Брячиславъ, Всеславъ, Глѣбъ и др. нападали на чужія области только потому, что испытывали большую нужду въ людяхъ и старались во время походовъ захватить большее количество плѣнниковъ для заселенія ими своихъ земель [2]). Кажется, очевидно, что внѣшнее проявленіе исторической эволюціи здѣсь принято за внутреннюю ея сущность и, вмѣсто коренныхъ причинъ и глубокихъ цѣлей войны, указаны только временныя формы, въ которыя вообще облекались войны въ средніе вѣка русской исторіи. Въ данномъ случаѣ невольно вспоминается характеристика древне-русскихъ князей, сдѣланная проф. В. Ос. Ключевскимъ, что они, «тяготясь малонаселенностью своихъ частныхъ имѣній, старались заселить ихъ искусственно, что лучшимъ средствомъ для этого былъ полонъ и что, поэтому, ихъ общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнныхъ» [3]). Ясно, что крайняя общность разсужденія проф. Кояловича, отнимая у него надлежащую конкретность, дѣлаетъ его въ такой же мѣрѣ приложимымъ къ борьбѣ внуковъ Рогволода и Ярослава, въ какой и ко всякой вообще княжеской усобицѣ областного періода.

---

[1]) Нов. I, стр. 2 и др.

[2]) „Изъ-за чего же, спрашиваетъ Кояловичъ, Полоцкіе князья враждовали съ другими князьями и вызывали въ нихъ такую вражду? Это видно изъ дѣйствій главнѣйшихъ изъ этихъ князей—отца Всеслава Брячислава Изяславича, самого Всеслава и сына его Глѣба Всеславича. Они нападали на чужія области, уводили оттуда плѣнныхъ и заселяли ими свою страну. Есть мнѣніе, что стольный городъ Глѣба Минскъ весь населенъ былъ рабами. Очевидно, Полоцкіе князья имѣли большую нужду въ людяхъ и забирали ихъ, гдѣ только могли" (См. Чтенія по исторіи Западной Руси; Петроградъ; 1884; стр. 62—63).

[3]) Курсъ русской исторіи. Ч. I; изд. 2-е; М. 1906; стр. 339—340.

Гораздо правильнѣе смотрѣть на вѣковой споръ между Рогволодовичами и Ярославичами, какъ на одинъ изъ особенно яркихъ и наиболѣе типичныхъ видовъ упорной обороны въ XI—XII вѣка отдѣльными племенными группами, независимыми городскими общинами и наслѣдственно—княжескими фамиліями своей гражданской и политической самостоятельности противъ настойчивыхъ стремленій великодержавнаго Кіева къ безспорному главенству надъ древнею Русью, къ централистическому объединенію русскихъ и финскихъ племенъ, къ планомѣрному собиранію княжескихъ удѣловъ въ одно могучее государство. До крайности обостренная побочными географическими условіями и экономическими причинами, эта борьба отдѣльныхъ племенныхъ и общественныхъ міровъ съ Кіевомъ нигдѣ не получала такой стихійной напряженности, такой суровой рѣшительности, какъ именно въ отчаянномъ поединкѣ Всеслава и Всеславичей съ Ярославичами и Мономаховичами... Всего менѣе противники считались здѣсь съ какими-то правовыми или же отчинными нормами, такъ какъ князья изъ Ярославова дома непреклонно и вполнѣ сознательно ставили для себя строго-реальныя задачи, а именно: подавленіе Полоцкихъ Кривичей, прекращеніе географической чрезполосицы владѣній, округленіе и смычку въ одну непрерывную цѣпь всѣхъ земель, тянувшихся вдоль великой торговой дороги отъ Балтики къ теплому морю... Въ этомъ отношеніи совершенно справедливое сужденіе высказываетъ проф. В. И. Сергѣевичъ: «Полоцкій князь (Всеславъ) не имѣлъ отчинныхъ притязаній на владѣнія Ярославичей и Ярославичи не имѣли отчинныхъ притязаній на Полоцкъ. Но притязанія князей не опредѣлялись однимъ только отчиннымъ началомъ. Въ видахъ округленія и безопасности своихъ владѣній они постоянно выступали изъ предѣловъ отчинныхъ правъ. Въ этой внѣотчинной средѣ и произошло столкновеніе Всеслава съ Ярославичами» [1]).

Въ періодъ княженія Всеслава Брячиславича рядъ историческихъ событій наросталъ съ такой непреодолимой послѣдовательностью, что роковой разрывъ между княземъ Полоцкимъ и Ярославичами былъ

---

[1]) „Древности Русскаго права“. Т. II. Вѣче и князь. Изд. 3-е; Петроградъ; 1908; стр. 297.

неизбѣженъ. Въ первое десятилѣтіе княженія Всеслава и послѣдніе десять лѣтъ жизни Ярослава (1044—1054) взаимоотношенія Полоцка и Кіева опредѣлялись, вѣроятно, союзнымъ договоромъ 1021 года. При той могущественной власти и военныхъ силахъ, которыми располагалъ единодержавный Кіевскій князь, какое-либо противодѣйствіе ему едва ли было возможно... Смерть Ярослава Владимировича не оказала вліянія на измѣненіе или смягченіе Кіевскаго централизма. По справедливому замѣчанію А. Прѣснякова, была только та разница, что «роль «собирателя» земель играетъ не одинъ князь, а союзъ трехъ Ярославичей» [1]). Наслѣдственно-родовая система сосредоточенія удѣловъ въ рукахъ Ярославичей проводилась ими съ неослабною энергіей, угрожая поглощеніемъ и отчины Рогнѣды. Въ теченіе XI—XII вв. этотъ мощный потокъ направлялся по тремъ русламъ: въ то время какъ земли на востокъ отъ Днѣпра, включительно съ Муромомъ и Тмутороканью, становились достояніемъ князей Черниговскихъ, а области Ростово-Суздальскія и Поволожье сосредоточивались въ рукахъ князей Переяславскихъ, весь сѣверо-западъ Руси и въ частности Новгородъ подпадали окончательно въ зависимость отъ Кіева [2]).

Изъ записи на Остромировомъ евангеліи, свидѣтельствъ лѣтописей: Воскресенской [3]), Никоновой [4]), Софійскаго Временника [5]), Софійской первой [6])—видно, что въ первые годы княженія Изяслава Ярославича (1054—1057) власть Кіевскаго князя въ Новгородѣ представлялась знаменитымъ посадникомъ Остромиромъ [7]). Это, вѣроятно, объ-

---

1) „Княжое право въ древней Руси"; Петроградъ; 1909; стр. 45.

2) Срав. у Соловьева: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ; изд. 3-е; Петроградъ; кн. I; т. 2; гл. 2; стр. 289.

3) Воскр. 333: Въ лѣто 6562 (1054)—„И пріиде Изяславъ къ Новугороду и посади Остромила въ Новѣгородѣ: иде Остромилъ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много падоша съ нимъ Новгородцевъ".

4) Никон. стр. 86.

5) Софійск. Времен. стр. 156.

6) Соф. I, 139.

7) Академикъ А. А. Шахматовъ, исходя изъ записи въ Остромировомъ евангеліи, полагаетъ, что Остромиръ былъ еще живъ въ 6564—6565 г.г., такъ что хронологическая дата его смерти въ походѣ на Чудь, указываемая сводомъ XI в., оказывается неточной (см. „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ"; Петроградъ; 1908; § 167; стр. 219).

ясняется малолѣтствомъ сыновей великаго князя, потому что въ шестидесятые годы XI-го вѣка на Новгородскій столъ, какъ справедливо утверждали еще Н. М. Карамзинъ [1]), Е. Боннелль [2]) и др., уже былъ посаженъ, по установившейся практикѣ, старшій сынъ князя Кіевскаго-Мстиславъ.

Чрезъ пятилѣтіе послѣ смерти Ярослава Мудраго—въ 1059 г. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ «высадила стрыя своего (Судислава) ис поруба [3]). Подобная мѣра едва ли была подсказана племянникамъ естественными чувствами родственной близости и любви къ дядѣ или же гуманными мотивами великодушной жалости къ несчастной судьбѣ опальнаго князя. Если лѣтописцы Лаврентьевскій [4]), Ипатскій [5]) и Новгородскій [6]) говорятъ объ освобожденіи Судислава довольно кратко, то другіе первоисточники сообщаютъ этому факту болѣе опредѣленное освѣщеніе. Такъ контекстъ Воскресенской лѣтописи даетъ основаніе заключать, что принесеніе Судиславомъ присяги («роты»), удостовѣреніе ея крестнымъ цѣлованіемъ, самое постриженіе въ иночество были какъ бы предварительными условіями и производящими причинами для полученія имъ свободы [7]). На цѣль присяги сдѣланъ намекъ у В. Н. Татищева: «для безопасности утвердили Суди-

---

[1]) Упомянувъ о нападеніи Всеслава на Новгородъ въ 1066 г., Н. М. Карамзинъ прибавляетъ: „Кажется, что въ Новгородѣ начальствовалъ тогда сынъ великаго князя Мстиславъ, который, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ“ (см. Истор. Государства Россійскаго. Т. II; изд. 2-е; Петроградъ; 1818; примѣч. 118; стр. 69).

[2]) E. Bonnell подъ 1066 г. также, въ связи съ набѣгомъ Всеслава на Новгородъ, замѣчаетъ: „Hier war vielleicht Mstislaw Jsiaslawitsch Stathalter“ (см. Russisch-liwländische Chronographie; Peterburg; 1862; Seit 5).

[3]) Лавр. 158.

[4]) Тамъ же.

[5]) Ипат. 114.

[6]) Новгород. I, 2.

[7]) Воскр. 333: „Въ лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего Судислава изъ поруба, сидѣвъ лѣтъ во Плесковѣ 24, зане водиша и ротѣ, цѣловавъ крестъ, и бысть чернецъ, и приведоша и въ Кіевъ“; предлогъ „зане“ (потому что, такъ какъ) на языкѣ лѣтописей имѣетъ причинное значеніе (см. у И. И. Срезневскаго въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“. Т. I; Петроградъ; 1893; стр. 931).

слава ротою» [1]) Густынскій же лѣтописецъ выражается болѣе ясно: «яко не мстити ему своея обиды» [2]). По смыслу сообщеній лѣтописей: Псковской первой [3]) и Никоновой [4]) самая рота принесена была и постриженіе совершено еще во Псковѣ; только уже затѣмъ Судислава «привели въ Кіевъ», гдѣ, по словамъ Татищева, онъ и «жилъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ благочестно» [5]). Ясно, что опасный призракъ старшинства въ родѣ угнеталъ мысль Ярославичей даже тогда, когда единственный его представитель—князь Судиславъ былъ почти заживо погребенъ въ крѣпкой Псковской тюрьмѣ, и потому племянники сочли нужнымъ имѣть дядю нѣсколько поближе къ себѣ: такъ сказать, на своихъ глазахъ. Слѣдовательно, постригъ Судислава не былъ простымъ церковнымъ обрядомъ отреченія его отъ мірской суеты, но являлся въ глазахъ Ярославичей какъ бы освященнымъ самою Церковью символомъ гражданской смерти князя и оффиціальнымъ погребеніемъ политической независимости Пскова.

Оба вышеуказанныя событія: окончательная зависимость Новгорода отъ Кіевскаго князя и прочное утвержденіе его во Псковѣ—имѣютъ самое существенное значеніе для правильной оцѣнки политической дѣятельности Всеслава. Они не только указываютъ на сгущеніе опасной грозы для самостоятельнаго существованія „отчины Рогнѣды", но и предрѣшаютъ въ будущемъ самую судьбу Полоцка, которая неотвратимо должна была вылиться или въ безусловное подчиненіе Кіеву, или же въ жестокую борьбу съ нимъ за политическую свободу. Такъ или иначе, но вслѣдъ за Новгородомъ и Псковомъ наступаетъ и для Полоцка роковая очередь окончательно опредѣлить свои отношенія къ сильному Кіевскому князю.

Дальнѣйшее теченіе исторіи непреодолимо увлекало Всеслава Брячиславича именно на этотъ путь. Въ 1060 г. совершилось событіе,

---

[1]) Исторія Россійская; кн. II; М. 1773; стр. 116.

[2]) Густ. 269.

[3]) Псков. I, стр. 176: „заводиша его ротѣ и цѣлова крестъ, и бысть чернцемь, и ведоша и въ Кіевъ".

[4]) По Никонов. стр. 91: сначала Ярославичи „укрѣпиша его крестнымъ цѣлованіемъ", а уже потомъ Псковскій князь „вышедше изъ поруба, пострижеся во иноческій чинъ, и ведоша его въ Кіевъ и подвизавшеся добродѣтельнымъ житіемъ".

[5]) Исторія Россійская; стр. 116.

еще сильнѣе обострившее взаимоотношенія Полоцкаго князя и Ярославичей: вслѣдствіе смерти князя Игоря Ярославича сталъ свободнымъ Смоленскій столъ [1]).

О судьбѣ Смоленска непосредственно за смертью Игоря разсказываютъ немногіе лѣтописные первоисточники, легко подраздѣляемые на двѣ группы. Въ одной группѣ извѣстіе о раздѣлѣ Смоленской земли изложено подъ 6562 (1054) статьей; въ другой—пріурочено къ статьѣ 6568 (1060). Къ первой группѣ относятся тождественно изложенныя записи лѣтописей: Воскресенской, Софійской первой и Софійскаго Временника: „По семъ раздѣлиша Смоленескъ на три части" [2]). Изъ первоисточниковъ второй группы—въ „Лѣтописцѣ русскомъ" по изданію Н. Львова о томъ же событіи говорится такъ: „Въ лѣто тожъ (6568) преставися Игорь во Смоленскѣ, и раздѣлися Смоленскъ на три части" [3]). Болѣе точно и опредѣленно излагаетъ Тверской лѣтописецъ: „Въ лѣто 6568. Преставися князь Игорь Ярославичъ въ Смоленьскѣ; княжилъ по братѣ Вячеславѣ три лѣта; и раздѣлиша Ярославичи Смоленескъ себѣ на три части" [4]).

Вышеуказанный раздѣлъ былъ несомнѣннымъ выраженіемъ фактическаго возобладанія въ древней Руси могучаго союза изъ трехъ старшихъ Ярославичей. Но этотъ новый земельный захватъ создалъ Ярославичамъ и рѣшительныхъ враговъ, въ лицѣ двухъ князей-изгоевъ: Ростислава и Всеслава, которыхъ общая опасность объединила въ настойчивомъ противоборствѣ политическимъ задачамъ тріумвирата.

Князь Ростиславъ, старшій внукъ Ярослава Владимировича, по сообщенію В. Н. Татищева, получилъ во владѣніе Ростовъ и Суздаль, затѣмъ, по смерти Вячеслава Ярославича, въ 1056 г. получилъ Владиміръ Волынскій и «не хотяше тѣмъ доволенъ быть» [5]). Когда же въ 1060 г. скончался князь Игорь, то Ростиславъ Владимировичъ напрасно ждалъ отъ дядей перемѣщенія на Смоленскій столъ, что вполнѣ согласовалось бы съ нормою родовыхъ отношеній и соотвѣт-

---

[1]) Лавр. 159 и др.: „В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль".

[2]) Воскрес. 333; Софійск. I, стр. 139; Софійск. времен. 156.

[3]) „Лѣтописецъ русскій"; I, стр. 158.

[4]) Тверск. стр. 153.

[5]) Исторія Россійская; II, стр. 117.

ствовало постепенному восхожденію князей по ступенямъ „лѣствицы" старшинства. По выраженію проф. В. Ос. Ключевскаго: „Ростиславъ, считая себя въ правѣ перемѣститься по очереди съ Волыни въ Смоленскъ, осердился на дядей" [1]). Дальнѣйшій ходъ исторіи оправдываетъ такое освѣщеніе событій. Человѣкъ сильной воли, львиной отваги и „добрый на рати" [2]), Ростиславъ Владимировичъ, естественно, задумался, какъ бы вознаградить себя въ другихъ углахъ Русской земли, и прежде всего направилъ свои взоры на Новгородъ, гдѣ цѣлое пятнадцатилѣтіе (1036—1052) со славою княжилъ популярный его отецъ—Владимиръ Ярославичъ [3]).

Еще менѣе могъ мириться съ захватомъ Смоленска Ярославичами Всеславъ Брячиславичъ. Въ этнографическомъ отношеніи Смоленское княжество было очень близко къ Полоцкому. Правда, Н. Ив. Костомаровъ утверждалъ, будто „Полочане были вѣтвью пришлыхъ славянъ, отличной отъ Кривичей" [4]). Но съ этимъ не согласуется нарисованная въ лѣтописяхъ картина древнѣйшаго расселенія Кривичей по рѣчнымъ областямъ („отъ нихъ же—Полочанъ—Кривичи, иже сѣдять на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять Кривичи; таже Сѣверъ отъ нихъ"... [5]). Вышеприведенное предположеніе племенной особности Полочанъ, сверхъ того, совершенно не раздѣляется огромнымъ большинствомъ весьма авторитетныхъ историковъ. Такъ С. М. Соловьевъ называетъ „область западной Двины областью Кривской, или Полоцкой" [6]). По теоріи проф. И. Д. Бѣляева, Полоцкъ—былъ только „Новгородскимъ пригородомъ" [7]), „гнѣздомъ Новгородской, или Ильменской славянщины" [8]), а Смоленскъ—„древнѣйшей Новгородской славянской колоніей Кривичей" [9]).

---

[1]) Курсъ Русской исторіи; ч. I; изд. 2-е; Москва; 1906; стр. 206.

[2]) Лавр. 162.

[3]) Срав. Лавр. 147, 156 и др.

[4]) Исторія Новгорода, Пскова и Вятки; Петроградъ; 1868; стр. 20.

[5]) Лавр. 10; срав. стр. 19: „перьвии насельници в Полотьскѣ Кривичи".

[6]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ; изд. 3-е; кн. I; т. I; гл. 1; стр. 13.

[7]) Исторія Полотска или Сѣверо-Западной Руси; М.; 1872; стр. 4.

[8]) Тамъ же: стр. 3.

[9]) Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи; Вильна; 1867; стр. 7.

Признавая кровную близость трехъ вѣтвей Кривицкаго племени, Д. Ив. Иловайскій рисуетъ совершенно обратную картину ихъ колонизаціи, нежели проф. Бѣляевъ, перемѣщающій Новгородцевъ съ Дуная сквозь необозримыя степи лѣса и болота прямо на берега Ильменя: „Новгородцы и Псковичи, съ группою своихъ ближайшихъ колоній, какъ надобно полагать, были непосредственною отраслью Кривичей, которая далѣе другихъ выдвинулась въ глубь финскаго сѣвера“ [1]). Проф. В. Ос. Ключевскій размѣщаетъ три вѣтви Кривичей такъ: сѣверную вѣтвь, центромъ которой былъ г. Изборскъ, въ области Новгородской, западную—въ Полоцкой землѣ и восточную—въ Смоленской [2]). Проф. П. В. Голубовскій полагаетъ, что, „даже въ историческое время, когда уже образовалось Русское государство, этнографическая связь Смоленскихъ и Полоцкихъ Кривичей еще сознавалась, и самый Смоленскъ играетъ роль важнаго торговаго пригорода стараго Полоцка“ [3]). Въ новѣйшее время проф. Д. Ив. Багалѣй также высказалъ опредѣленный взглядъ на Полочанъ и Новгородскихъ славянъ именно, какъ „на отрасль Кривичей“ [4]). По отзыву А. Е. Ефименко, „Смоленская земля, сосѣдняя съ Полоцкой, родственна ей по населенію и близка по общимъ экономическимъ интересамъ“ [5]). Съ другой стороны, признавая взаимное родство Смольнянъ съ Новгородцами, г. Ефименко справедливо приходитъ къ такому обобщенію: „Въ наукѣ въ настоящее время преобладаетъ мнѣніе, что въ колонизаціонномъ движеніи внутри финской территоріи принимали участіе Кривичи, притомъ двумя теченіями: изъ Смоленской области и изъ области Новгородской, такъ какъ Новгородскихъ славянъ современная наука признаетъ за отрасль того же Кривичскаго племени“ [6]).

---

[1]) Русск. Вѣстникъ: т. LII; М. 1864; стр. 647; замѣтка Д. Ив. Иловайскаго: „Великій Новгородъ и Бѣлоруссія“—по поводу книги „Разсказы изъ Русской исторіи. Исторія Новгорода Великаго“. Соч. Ив. Бѣляева.

[2]) Курсъ русской исторіи. Ч. I; изд. 2-е; М. 1906; стр. 159.

[3]) Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ; 1895; стр. 260.

[4]) Русская исторія; т. I; Москва. 1914; стр. 131.

[5]) Учебникъ русской исторіи. Изд. Брокгауза и Ефрона; Петроградъ; 1909; стр. 55.

[6]) Тамъ же: стр. 12.

Научно обоснованная этнографическая связь Смольнянъ съ Полочанами показываетъ, что раздѣлъ Смоленской области тріумвиратомъ Ярославичей былъ жестокой операціей насильственнаго расторженія кровнаго родства между племенными группами Кривичей. Совершенно естественно, что княжескій домъ Рогволодовичей, имѣвшій исконныя владѣльческія права на Кривицкую землю, не могъ отнестись къ этому безразлично. Въ древнѣйшихъ памятникахъ устнонароднаго эпоса и отчасти лѣтописной литературы можно даже уловить едва замѣтныя черты нѣкоторой подчиненности Смоленска Полоцку, какъ младшаго пригорода своему главному городу. Такъ въ Скандинавскихъ сагахъ очень часто упоминается Полоцкъ, какъ самостоятельный правительственный и торговый центръ, но не называется Смоленскъ, хотя археологія имѣетъ много доказательствъ, что Скандинавы постоянно проходятъ чрезъ этотъ городъ. Въ договорѣ князя Олега съ греками 907 года дается „укладъ" только на г. Полоцкъ, какъ представителя именно опредѣленной, особой земли, а не на Смоленскъ, который, какъ простой пригородъ матери-метрополіи, очевидно, еще не успѣлъ пріобрѣсти самостоятельнаго политическаго положенія [1]). Только съ того времени, какъ, продвинувшись съ береговъ Западной Двины на востокъ—въ равнину верхняго Днѣпра, плотныя массы Кривичей осѣли на берегахъ этой великой рѣки съ ея притоками и далѣе перешагнули въ область верхней Волги, только теперь Смоленскъ дѣлается отдѣльнымъ колонизаціоннымъ пунктомъ, превращается въ самостоятельный политическій центръ, становится крупнымъ экономическимъ узломъ для оживленной торговли. Старый же Полоцкъ, оставшись далеко позади, утрачиваетъ прежнюю силу своего политическаго вліянія на далеко ушедшихъ восточныхъ своихъ колонистовъ. Ходъ исторіи Смоленской земли тогда опредѣляется все болѣе и все яснѣе: главный интересъ ея сосредоточивается въ настойчивомъ стремленіи Смольнянъ къ обособленному политическому существованію, чего они частью и достигаютъ въ XII в. когда на Смоленскомъ столѣ утверждается особая вѣтвь князей — Ростиславичей. Ясно, что братья—Ярославичи совершенно не считались

---

[1]) Лавр. 30.

ни съ древними связями кровной близости между двумя группами Кривичей, ни съ современными политическими настроеніями народныхъ массъ, когда въ 1060 году рѣшились произвольно остановить колесо исторіи Смоленскаго княжества и дать обратный ходъ его размаху...

Если даже допустить, что кровная связь между племенными союзами, о которыхъ говоритъ намъ Начальная лѣтопись, впослѣдствіи перестала быть столь дѣйствительной, что, съ теченіемъ времени, начинаютъ выступать отчетливые слѣды уже не кровнаго, а политическаго объединенія [1]), все же нельзя думать, будто въ эпоху Всеслава Брячиславича (XI—XII вв.) могла оборваться прочная политическая и колонизаціонная связь Смоленска съ Полоцкомъ, корни которой уходятъ такъ глубоко—въ недосягаемую даль сѣдой старины.

На основаніи этого кровнаго родства трехъ вѣтвей Кривичскаго племени проф. П. В. Голубовскій даже утверждаетъ, что еще князь Рогволодъ (X в.) полагаетъ начало стремленіямъ Полоцкихъ князей къ соединенію всѣхъ частей Кривицкой земли [2]). „Затѣмъ уже въ XI вѣкѣ, опираясь на этнографическую связь Полоцка, Новгорода и Смоленска, Полоцкіе князья стремятся захватить въ свои руки область верхняго теченія З. Двины, Волхова и Днѣстра, какъ пунктъ, откуда они могли распространять и упрочивать свое политическое вліяніе на всю Кривицкую территорію“ [3]). Нѣкоторые какъ бы недосказанные намеки на это встрѣчается еще у проф. М. Ос. Кояловича: по его мнѣнію, для Бѣлоруссіи въ XI вѣкѣ сталъ „обозначаться въ Полоцкѣ государственный пунктъ самостоятельной жизни“; но это историческое явленіе не достигло надлежащей зрѣлости, такъ какъ „во Всеславѣ были широкія идеи и плохія Бѣлорусскія средства для ихъ осуществленія“ [4]). Мнѣніе проф. Голубовскаго не возвышается надъ обычнымъ уровнемъ ученой, хотя и очень серьезной гипотезы: большую слабость ея, конечно, составляетъ недостаточно-твердое

[1]) А. Е. Ефименко. Учебникъ русской исторіи; изд. Брокгауза и Ефрона; Петроградъ; 1909; стр. 18.

[2]) Исторія Смоленской земли; Кіевъ; 1895; стр. 260; примѣч. 2.

[3]) Тамъ же: стр. 263.

[4]) Лекціи по исторіи Западной Россіи; Москва; 1864; стр. 74—75.

обоснованіе ея на фактахъ. Собственно настоящую опору для себя подобная гипотеза могла бы получить въ нападеніяхъ Всеслава на города: Псковъ—въ 1065 г., Новгородъ—въ 1066 г. и Смоленскъ—въ 1077 г., которые были главнѣйшими политическими центрами Кривичей. Но осада Пскова составляетъ только единичный эпизодъ въ полувѣковой исторіи Полоцкаго чародѣя: едва ли было-бы правильно, поэтому, придавать этому отрывочному происшествію обобщающее значеніе. Набѣги же Всеслава на Новгородъ и Смоленскъ были такъ быстры, такъ стремительны и молніеносны, что на нихъ скорѣе нужно смотрѣть только какъ на крайнія средства рѣшительнаго воздѣйствія на Ярославичей, съ цѣлію получить отъ нихъ согласіе на увеличеніе территоріи Полоцкаго княжества, которое было такъ богато болотными трясинами, сыпучими песками, дремучими лѣсами и такъ бѣдно плодородными площадями, благоустроенными хозяйствами, такъ мало было населено людьми житьими, смердами и пр. Если у кого-либо изъ выдающихся по широтѣ кругозора, твердости воли, огню энергіи представителей дома Рогволодовичей, напр. у Всеслава, и могъ зародиться планъ государственнаго объединенія всѣхъ трехъ частей Кривицкой земли, то, вѣроятно, такой замыселъ предносился ему только въ смутныхъ чертахъ отдаленной исторической перспективы, граничившей, при огромномъ перевѣсѣ матеріальныхъ и военныхъ силъ Ярославичей, почти съ утопіей.

Напротивъ, подлинная сущность и настоящая основа политической системы Кіева XI—XII вв., самое зарожденіе вѣковой распри Ярославичей съ Рогволодовичами и развитіе ея въ непрерывной цѣпи однотипныхъ фактовъ, исключительный характеръ и конечный исходъ борьбы,—все это приводитъ къ безспорному заключенію, что задачей Всеслава и Всеславичей была именно оборона „отчины Рогнѣды“ отъ захвата ея Кіевскимъ княземъ и обезпеченіе Полоцку возможности самостоятельнаго политическаго, экономическаго и культурнаго развитія. Это была цѣль глубоко жизненная, строго опредѣленная, совершенно реальная, и для достиженія ея самостоятельность окружающихъ Полоцкъ областей имѣла безусловно рѣшающее значеніе. Если бы Новгородъ и Псковъ въ XI вѣкѣ не подпали подъ власть Кіева,—сѣверныя границы Полоцкаго княжества не подвержены были

бы опасной угрозѣ враждебнаго нападенія, и всѣ усилія Рогволодовичей сосредоточились бы на южномъ фронтѣ обороны противъ натиска южно-руссовъ. Независимыя же княжества Смоленское и Туровское, подобно буферамъ, могли предохранять юго-западные и юго-восточные удѣлы Полоцкой земли отъ непосредственныхъ ударовъ Ярославичей. Кромѣ того, политическая самостоятельность поименованныхъ областей, особенно Новгородской и Смоленской, обезпечивала Полоцкимъ князьямъ спокойное обладаніе верховьями Западной Двины, по которымъ пролегала часть волоковъ, рѣчекъ, озеръ великаго воднаго пути, и одновременно давала имъ возможность округлять свои владѣнія чрезъ присоединеніе сосѣднихъ земель...

Должно замѣтить, что взглядъ на вѣковую безпримѣрно-жестокую распрю между внуками Рогволода и Ярослава именно, какъ на борьбу Полоцкихъ князей и Кривичей за свою независимость отъ Кіева—имѣетъ въ русской исторической наукѣ очень прочную и давнюю традицію. Любопытно, что историки самыхъ различныхъ оттѣнковъ и направленій единодушно сходятся въ такомъ опредѣленіи одного изъ существенныхъ свойствъ изслѣдуемаго нами историческаго явленія.

Представители „государственной теоріи", какъ извѣстно, смотрятъ на древнюю Русь эпохи Владимира и Ярослава, какъ на государственный организмъ, въ формѣ чистой монархіи, и такое же государство только со многими государями хотятъ видѣть даже въ періодъ областного дробленія Русской земли [1]). Съ точки зрѣнія этой теоріи Рогволодовичи въ борьбѣ съ Ярославичами, очевидно, ставили себѣ задачею утвержденіе независимости отъ Кіева Полоцкаго княжества, какъ отдѣльнаго государства, и даже обособленіе его отъ Россіи. Н. М. Карамзинъ первый выработалъ для этого слѣдующую формулу: „Князья Полоцкіе издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ

[1]) Срав. изложеніе основныхъ началъ „государственной" теоріи у Н. М. Карамзина въ „Исторіи государства Россійскаго"; т. II; изд. 2-е; Петроградъ: 1818; стр. 68—69 и др., а впослѣдствіи у проф. Д. Я. Самоквасова въ его „Замѣткахъ по исторіи Русскаго государственнаго устройства и управленія" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869; № 11; стр. 40—105 и № 12; стр. 217—248).

Россіи, желая быть владѣтелями независимыми" [1]). Н. Устряловъ пытается развить эту формулу: „Всеславичи ранѣе другихъ потомковъ Владимира Св. хотѣли быть независимыми и, не признавая первенства великаго князя Кіевскаго, постоянно враждовали дому Ярослава Мудраго" [2]). Тожественныя сужденія высказываютъ О. Турчиновичъ [3]), И. Зеленскій [4]) и др. Позднѣйшій „реставраторъ" государственной теоріи—проф. Д. Я. Самоквасовъ, вспомнивъ лѣтописное свидѣтельство о назначеніи Рюрикомъ посадника въ Полоцкѣ [5]), приходитъ къ выводу, что обособленіе Полоцка отъ Новгородскаго союза племенъ произошло въ очень древнее время: „Когда именно Полоцкъ отдѣлился отъ Новгорода и получилъ особаго князя, даже не Рюрикова дома, объ этомъ въ лѣтописи нѣтъ ни слова. Очень невѣроятно, чтобы Полоцкъ, будучи членомъ Новгородскаго союза и имѣя посадника отъ руки Рюрика, отдѣлился потомъ отъ владѣнія Рюриковичей и подпалъ подъ власть чужихъ князей безъ всякихъ треволненій, тихо, такъ чтобы событіе это не обратило на себя вниманія. Прибавимъ къ этому, что, по мнѣнію Карамзина, въ періодъ призванія Варяговъ, Смоленскъ и Полоцкъ были независимы отъ Новгорода и не принимали участія въ призваніи Варяговъ" [6]).

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго; стр. 173.

[2]) Русская исторія. Ч. I; изд. 5-е; Петроградъ; 1855; стр. 95.

[3]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ; Петроградъ; 1857; стр. 38.

[4]) Свой взглядъ И. Зеленскій высказываетъ въ отношеніи Брячислава Изяславича: „Желая утвердить свою независимость отъ Кіева, юный князь нападеніемъ на Новгородъ и взятіемъ его въ 1021 г. началъ войну съ дядею своимъ" (см. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Минская губернія; Петроградъ; 1864; ч. I; стр. 5); мнѣніе Карамзина воспроизведено также А. Н. Слупскимъ въ „Исторіи Минска" (см. „Сѣверо-западный календарь" на 1893 г.; Минскъ; стр. 23).

[5]) По смерти Синеуса и Трувора—„прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро" (Лавр. лѣт. стр. 19).

[6]) См. „Замѣтки по исторіи Русскаго государственнаго устройства и управленія" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869; № 11; стр. 43. Н. М. Карамзинъ на стр. 115 своей Исторіи (по изд. 2 брат. Слениныхъ) говоритъ: „Смоленскъ, населенный Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ".

Въ школѣ „родового быта“ (С. М. Соловьевъ и др.) отдѣленіе Полоцкаго княжества разсматривается, какъ необходимое слѣдствіе изгойства Рогволодовичей, или ихъ исключенія изъ родового старшинства, устраненія отъ участія въ общемъ родовомъ земельномъ владѣніи. Получивъ отъ родичей какую-либо волость, князь-изгой и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ отъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшею для изгоевъ. Такъ образовались особыя волости: Полоцкія и другія“ [1]) „Исключеніе племянниковъ изъ сонаслѣдія съ дядьми“ [2]), уничтожавшее возможность земельнаго и хозяйственнаго развитія полученныхъ ими областей, возбуждало острую борьбу между князьями, и это весьма ярко проявилось въ кровавомъ поединкѣ внуковъ Рогволода съ внуками Ярослава.

Создатель „теоріи очереднаго порядка“ В. Ос. Ключевскій находитъ любопытное совпаденіе между преждевременнымъ сиротствомъ князей-изгоевъ, особенно потомковъ Рогволода, и географически-окраиннымъ положеніемъ ихъ областей. Выдѣленіе князей-изгоевъ изъ владѣльческой очереди было естественнымъ слѣдствіемъ основаннаго на ней порядка, постоянно нарушаемаго общественной физикой. Географическое положеніе выдѣленныхъ княжествъ, постепенно стѣснявшихъ пространство дѣйствія очереднаго порядка, одинаковое: всѣ они окрайныя. Какъ самый очередный порядокъ былъ основанъ на соотвѣтствіи ступеней лѣстницъ генеалогической и территоріальной, такъ и въ процессѣ разрушенія этого порядка повторялось то же самое соотвѣтствіе. Князья, становившіеся—если допустимо такое сравненіе—генеалогическими оконечностями, очутились владѣльцами территоріальныхъ оконечностей, окраинъ Русской земли, наиболѣе отдаленныхъ отъ „матери русскихъ городовъ“. Раньше всѣхъ изгоевъ въ положеніи выдѣленныхъ князей очутились именно князья Полоцкіе, потомки старшаго сына Владиміра Св. отъ Рогнѣды [3]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. I; т. 2; изд. 3; стр. 283—284.

[2]) С. М. Соловьевъ. Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1846; стр. 134.

[3]) В. Ос. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Ч. I; изд. 2-е; М. стр. 222—223.

Легко замѣтить, что для представителей обѣихъ теорій борьба Рогволодовичей съ Ярославичами не могла имѣть иной цѣли, кромѣ вынужденной самозащиты младшихъ князей противъ суроваго примѣненія къ нимъ старшими князьями жестокихъ правилъ изгойства.

Въ недавнее сравнительно время среди русскихъ историковъ опредѣлилась цѣлая группа изслѣдователей, которые доказываютъ, что въ древней Руси существовалъ порядокъ сеньёрьяльный (распаденіе на помѣстья-государства) и феодальный (лѣстница вассальныхъ владѣній), конечно, не въ смыслѣ прямого тождества или даже непосредственнаго родства древне-русскаго государственнаго строя съ западно-европейскимъ феодализмомъ, а только въ значеніи извѣстнаго сходства и нѣкотораго параллелизма между ними. Зародившись еще въ отдѣльныхъ монографіяхъ и общеисторическихъ курсахъ Н. И. Костомарова [1]), Н. Полевого [2]), В. Ос. Ключевскаго [3]) и др., ученіе о феодализмѣ въ Россіи вышло изъ сумрака неопредѣленныхъ гаданій и пріобрѣло твердое положеніе среди научно-обоснованныхъ теорій послѣ блестящихъ научныхъ изслѣдованій талантливаго Н. П. Павлова-Сильванскаго [4]), а въ настоящее время феодальная теорія имѣетъ представителей въ лицѣ Н. И. Карѣева [5]), М. Н. Покровскаго [6]) и др.

При всемъ своеобразіи коренныхъ основъ и движущихъ силъ историческаго развитія древней Руси и Западной Европы, оба строя: феодальный и удѣльный, по ученію названной школы, имѣютъ общую природу и принадлежатъ къ одному и тому же историческому

---

[1]) Срав. VIII и IX главы въ статьѣ „Начало единодержавія въ древней Руси".

[2]) Теорія Н. Полевого изложена въ статьѣ Ѳ. И. Леонтовича: „Задружно-общинный характеръ быта древней Руси" (см. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1874; VI, стр. 204).

[3]) Курсъ Русской исторіи. Ч. I; изд. 2-е; М. 1906; стр. 446—449.

[4]) Взгляды безвременно угасшаго ученаго изложены въ монографіяхъ: „Феодализмъ въ древней Руси"; П. 1907 и „Феодализмъ въ удѣльной Руси"; П. 1910.

[5]) „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи"; Петроградъ; 1910; особенно: стр. 38—49; 137—145.

[6]) См. его изданіе: „Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ"; изд. тов-ства „Міръ"; Москва; глава III: „Феодальныя отношенія въ древней Руси"; стр. 64—94.

типу [1]). Если даже на Руси не было феодализма, какъ цѣльной системы, то главные элементы его, несомнѣнно, имѣлись на лицо [2]); былъ настоящій феодальный порядокъ не въ количественномъ отношеніи, не въ развитомъ состояніи, а въ отношеніи качественномъ: въ зачаткѣ, въ зародышѣ [3]); было извѣстное родство между отдѣльными институтами областного и феодальнаго строя не только по внутреннему ихъ содержанію, но даже по внѣшней формѣ [4]). Нагляднымъ воплощеніемъ „русскаго варіанта" феодализма было распаденіе Руси на отдѣльныя территоріи, владѣтели которыхъ занимаютъ низшія и высшія ступени правительственной лѣстницы, съ соотвѣтствующимъ соподчиненіемъ другъ другу. Какъ въ Европѣ верховная королевская власть раздробляется между государственными чиновниками и правителями отдѣльныхъ областей, такъ въ древней Руси великокняжеская власть расходится по рукамъ отдѣльныхъ князей Рюрикова дома [5]). Какъ на романо-германскомъ Западѣ королевства раздѣляются на крупныя наслѣдственныя сеньеріи, превращающіяся постепенно въ независимыя государства, такъ на славяно-русскомъ Востокѣ сначала существуетъ одинъ великій князь въ Кіевѣ; но затѣмъ число князей съ подобнымъ значеніемъ умножается, потому что въ каждой большой области заводится свой великій князь, подъ рукою котораго находятся свои удѣльные князья [6]). На самую высшую ступень этой феодальной лѣстницы поднимаются два—три десятка великихъ и крупнѣйшихъ удѣльныхъ княжествъ, которыя и получаютъ территоріально-государственныя права, подобно средневѣковымъ французскимъ герцогствамъ и графствамъ: Нормандіи, Бретани, Фландріи, Бургундіи и пр. [7]).

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси; 1907; стр. 88.

[2]) Н. Карѣевъ. „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?" Петроградъ: 1910; стр. 142.

[3]) Тамъ же: стр. 24; это сужденіе Н. Ив. Костомарова.

[4]) Н. Павловъ-Сильванскій: цитованное сочиненіе—стр. 93—96; 100—105; 110—114; 120—123 и др.

[5]) Н. Карѣевъ: цитованное сочиненіе: стр. 38.

[6]) Тамъ же: стр. 41.

[7]) Павловъ-Сильванскій: цитов. сочин. стр. 85.

Выводы, логически слѣдующіе изъ основоположеній изложенной теоріи, окрашиваютъ средніе вѣка Полоцкой исторіи и въ частности княженіе Всеслава своеобразнымъ цвѣтомъ. Съ точки зрѣнія Павлова-Сильванскаго или Карѣева сообщеніе лѣтописцевъ: „Роговолодъ имѣяше волость свою Полтескъ“ [1]), и ходатайство бояръ за Рогнѣду предъ Владимиромъ: „въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ“ [2]), доказываютъ, что коренная Полоцкая земля была полной и безусловной собственностью Рогволодовичей, которой въ феодальной терминологіи соотвѣтствовалъ „алодъ“. Напротивъ, разсказъ лѣтописцевъ о Ярославѣ, какъ онъ „призва къ себѣ Брячислава и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною заодинъ“ [3]), даетъ основаніе предполагать, что нѣкоторая часть Полоцкаго княжества составляла только условную поземельную собственность Рогволодовичей, такъ какъ была пріобрѣтена ими на опредѣленныхъ обязательствахъ. Это владѣніе можетъ быть обозначено какъ „бенефицій“, пока послѣдній не былъ замѣненъ терминомъ: „феодъ“ [4]).

Согласно феодальной теоріи Полоцкое княжество XI—XII вв. уже принадлежало къ разряду крупныхъ феодальныхъ соединеній или великихъ русскихъ княжествъ, добившихся правъ на земельно-государственную самостоятельность. Такой именно взглядъ совершенно опредѣленно высказанъ Н. Полевымъ, какъ логически-послѣдовательное развитіе общей его теоріи происхожденія въ древней Руси феодализма. Рюрикъ, по теоріи Полевого, ввелъ на русской землѣ феодальную монархію, варяжскій феодализмъ или военно-

---

[1]) Лавр. 284; срав. 74: „бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ“.

[2]) Лавр. 285.

[3]) Соф. I, стр. 134; Воскр. 328; Твер. 143 и др.

[4]) „Я думаю, говоритъ проф. Н. Ив. Карѣевъ, что если бы историческая судьба ввела нашу родину въ кругъ западной культуры съ ея общимъ для разныхъ народовъ латинскимъ языкомъ, но при сохраненіи нашими предками національной самобытности общественнаго строя, то нашъ терминъ „вотчина“ переводился бы по латыни, какъ „алодъ“, а, съ другой стороны, терминъ „помѣстье“ переводился бы *„бенефиціемъ“, когда же послѣдній замѣнился „феодомъ“, то, пожалуй, и послѣднимъ терминомъ“* (См. „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?“; Петроградъ; 1910; стр. 42).

феодальную систему правленія, основанную на Скандинавскихъ обычаяхъ. Со времени Ольги военный феодализмъ перешелъ въ феодализмъ семейный, или систему удѣловъ, которые составляютъ переходъ отъ феодализма военнаго къ чистой монархіи и введены Ольгой подъ вліяніемъ греческихъ учрежденій [1]). „Влѣво отъ Смоленска, составляя сѣверныя границы подвластнаго Кіеву Заднѣпровья, было русское, но отдѣльное отъ Кіева княжество Полоцкое. Здѣсь Полоцкъ, Минскъ и еще нѣсколько городовъ составляли феодальный союзъ особаго княжескаго семейства“ [2]).

Опредѣленіе смысла вѣковой борьбы Рогволодовичей и особенно Всеслава съ Кіевомъ, именно какъ стремленія Полоцкаго княжества къ самостоятельности и защиты ея отъ Ярославичей, получаетъ для себя со стороны феодальной теоріи новое подтвержденіе и особую окраску.

Эволюціонная схема развитія западно-европейскаго феодализма и раздробленія древней Руси на удѣлы имѣетъ нѣкоторое сходство. Въ Западной Европѣ королевства распадаются на наслѣдственныя княжества королевскихъ чиновниковъ, которыя постепенно пріобрѣтаютъ самостоятельность. Затѣмъ снова возстанавливается ростъ государственнаго начала, въ формѣ подчиненія мелкихъ сеньеровъ болѣе крупнымъ—и этихъ послѣднихъ королямъ. Также и Кіевская Русь, раздѣлившаяся послѣ Ярослава Мудраго на рядъ крупныхъ областей или великихъ княжествъ, потомъ распадается на болѣе мелкіе удѣлы, пока не превращается въ развалины отъ налетѣвшего урагана татарскаго погрома. Далѣе, какъ и въ Западной Европѣ, на Руси усиливается государственный централизмъ: „идетъ собираніе земли Русской“ Москвою [3]). Если феодализація Западной Европы и областное дробленіе Руси служатъ показателями перевѣса силъ центробѣжныхъ, разъединяющихъ надъ силами центростремительными и объединяющими, то на княженіе Всеслава Брячиславича

---

[1]) Срав. у Ѳ. И. Леонтовича. „Задружно-общинный характеръ быта древней Руси“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1874; кн. VI; 203—204.

[2]) Н. Полевой. Исторія русскаго народа; т. II; М. 1830; стр. 43.

[3]) Н. Карѣевъ. „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?“ П.; 1910; стр. 41.

(1044—1101) можно смотрѣть, какъ на время особенно усиленной работы факторовъ разъединенія, какъ на періодъ могучаго пробужденія въ Полоцкой Руси дремлющихъ силъ политической децентрализаціи. Въ теченіе XI—XII вѣковъ произошелъ именно кризисъ въ установленіи взаимоотношеній Полоцкой областной системы къ южно-русскому централизму. Смѣлый, храбрый и рѣшительный Всеславъ былъ достойнымъ выразителемъ центробѣжныхъ общественныхъ и политическихъ теченій въ Полоцкѣ. Но его дѣти—Всеславичи—не оказались на высотѣ стоявшихъ предъ ними историческихъ задачъ, такъ какъ не сумѣли дать отпоръ жестокому натиску южно-русскаго централизма. Однако, потеря областной самостоятельности оказалась кратковременнымъ явленіемъ въ Полоцкой исторіи: вскорѣ она снова получаетъ закономѣрный ходъ. Освободившись отъ Кіевской опеки, Полоцкая земля, подобно другимъ великимъ Русскимъ княжествамъ, быстро распадается на мелкіе удѣлы, пока не становится легкой добычей усилившейся Литвы....

„Этнографически—областная школа“ объясняетъ раздробленіе древней Руси своеобразностью и раздѣльностью составныхъ ея частей.

Групп историковъ этого типа, во главѣ съ Н. Ив. Костомаровымъ, указываетъ основной источникъ разъединенія Русской земли въ этнографическомъ различіи жившихъ въ ней племенъ и народностей. По теоріи Костомарова, Русскій народъ еще до призванія князей выработалъ, въ силу условій этнографическихъ, мѣстныхъ и историческихъ, самобытную племенную организацію отдѣльныхъ народностей, которая, послѣ прихода князей, начала подчинять себѣ и политическую организацію народа. Самобытная жизнь племенъ и образовавшихся изъ нихъ волостей подчиняла народнымъ земскимъ началамъ организацію княжеской власти, приспособляя родовыя отношенія князей къ цѣлямъ и стремленіямъ самобытныхъ земель, такъ что при Рюриковичахъ эта самобытность только всплыла на верхъ, воплотившись въ сложную систему княжескихъ волостей. Княжества удѣльной эпохи соотвѣтсвовали именно первобытнымъ племенамъ Русскихъ славянъ; въ удѣльный же періодъ эти народныя части только получили опредѣленную физіономію, пріобрѣли извѣстную полити-

ческую форму и соединились въ одну политическую систему: федерацію земель и волостей.... Подобно другимъ племеннымъ группамъ, также Кривичи стремятся къ самостоятельной политической жизни, несмотря на то, что территоріально они раздѣлились на три части среди сосѣднихъ областей. „Выказываютъ, говоритъ Костомаровъ, свое самобытное существованіе Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразной жизнью, подъ властью сперва Рогволода, потомъ потомковъ перваго сына Владимирова“ [1]).

Точка зрѣнія Костомарова на раздѣльность древне-русскихъ областей, какъ на проявленіе этнографическаго различія племенного ихъ состава, всецѣло принимается также проф. В. Б. Антоновичемъ. Возникшій подъ вліяніемъ указанной причины поворотъ въ ходѣ Русской исторіи описывается у него такъ: „Обширное государство, составившееся въ X и XI столѣтіяхъ усиліями Кіевскихъ князей, стремится къ децентрализаціи. Отдѣльныя области обширной Русской территоріи, опираясь на тяготѣніе врозь населявшихъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на родовые счеты многочисленной княжеской семьи, стремятся къ самостоятельности. Власть Кіевскихъ князей постепенно падаетъ, вліяніе ихъ на области ослабѣваетъ. Вмѣсто бывшаго центра государственной власти въ Кіевѣ, возникаетъ нѣсколько новыхъ центровъ государственной жизни“ [2])... „Раньше другихъ Русскихъ земель обособилась въ родѣ Изяслава Владимировича Полоцкая область“ [3]).

Легко видѣть, что среди ученыхъ указанной школы борьба Всеслава съ Ярославичами могла разсматриваться не иначе, какъ типичное для XI—XII в.в. Русской исторіи мѣстное проявленіе общерусскаго движенія къ децентрализаціи, какъ яркая вспышка охватившаго Полочанъ племенного стремленія къ политическому обособленію...

---

1) Н. Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія; кн. I; Петроградъ 1903; стр. 10.

2) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи; т. I; Кіевъ; 1885; стр. 18.

3) Тамъ же: стр. 19.

Другая фракція историковъ той же школы (В. Пассекъ, М. Д. Затыркевичъ и др.) ставитъ распаденіе Руси на удѣлы въ причинную связь со стремленіемъ древнерусскихъ, главнымъ образомъ, городскихъ общинъ къ независимости.

Занимая обширнѣйшее пространство, съ различными условіями жизни и недостаточными путями сообщенія, при семейномъ бытѣ, гдѣ кругъ довѣренности всегда былъ ограниченъ, отдѣльныя области Русской земли, по изображенію В. Пассека, образовали самостоятельныя общины, которыя не имѣли одной исторіи, не жили общегосударственной жизнью, не слились въ одно цѣлое, но управлялись и судились своими собственными боярами, своими правителями и судьями, имѣли свои мѣстныя дружины... Съ образованіемъ Русскаго государства и появленіемъ князей-варяговъ—эти первоначальныя общины не могли покорно уступить своихъ древнихъ правъ, не захотѣли довѣриться новымъ, чуждымъ имъ по происхожденію княжескимъ дружинамъ. А такъ какъ собственныя дружины князей были гораздо малочисленнѣе дружинъ мѣстныхъ, то, конечно, первыя не могли выдержать борьбы съ послѣдними, но должны были такъ или иначе въ нихъ преобразоваться, съ ними слиться. Такова же была исторія отношеній между мѣстными и княжескими дружинами въ Полоцкой областной системѣ. Полоцкіе князья не могли бы, особенно въ XII в., спокойно владѣть Полоцкими землями, и эти земли непремѣнно перешли бы во владѣніе князей дома Ярослава, если бы дружины Полоцкой системы не слились съ ними, не поддерживали, не отстаивали ихъ. Дѣйствительно, когда Рогволодовичи, особенно Всеславъ, отказались отъ подчиненія Кіеву и обнаружили явное стремленіе къ независимости, Полочане горячо поддержали своихъ князей, приняли на себя тяжелые удары опустошительной войны и не желали разстаться съ Рогволодовичами даже послѣ того, какъ тѣ были окончательно разбиты и поруганы [1]). „Кто поддерживалъ Всеслава въ этой борьбѣ?“ спрашиваетъ Пассекъ. „Онъ нигдѣ не могъ найти средствъ для нея, какъ въ стремленіи Полочанъ управляться родо-

[1]) См. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“; М. 1870; кн. III; стр. 79; 2—3; 44—45 и др.

вымъ своимъ княземъ и не быть въ непосредственной зависимости отъ Кіева, а бороться съ Кіевомъ было въ то время не шутка. Слѣдовательно, желаніе Полоцкой мѣстной дружины имѣть своимъ княземъ Всеслава, мѣстной дружины, которая своею же кровью и достояніемъ должна была отстаивать своего князя, составляло желаніе живое, горячее" [1])...

Весьма рѣшительно указываетъ на крупную роль собственно городовъ въ борьбѣ областныхъ системъ вообще и Полоцкой въ частности съ Кіевскимъ централизмомъ М. Д. Затыркевичъ. „Какъ на юго-западѣ, такъ и на сѣверо-западѣ, говоритъ онъ, борьба городовъ со сбродными дружинами началась стремленіемъ старославянскаго населенія къ освобожденію изъ-подъ власти князя Кіевскаго. Пользуясь стремленіемъ городовъ сѣверо-западныхъ и политическимъ обособленіемъ, князья Полоцкіе, потомки старшаго сына Владимирова Изяслава, не хотѣли повиноваться распоряженіямъ князя Кіевскаго и стремились расширить свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ княжествъ. Чтобы смирить нѣкоторыхъ князей Полоцкихъ и подчиненное имъ городское населеніе, князья Кіевскіе предприняли походы на сѣверо-западъ, брали приступомъ города, избивали населеніе или забирали его въ плѣнъ и переводили въ свои владѣнія. Но всѣ эти мѣры не приводили ни къ какимъ послѣдствіямъ" [2])...

Изъ вышеизложенныхъ сужденій Пассека и Затыркевича очевидно, что и вторая группа представителей „этнографически-областной теоріи" за движущій мотивъ борьбы Всеслава и Всеславичей съ Ярославичами и Мономаховичами признаетъ именно начало автономіи Полоцка отъ Кіева.

Очень сходныя мысли по данному вопросу высказаны также авторами областныхъ монографій о Кривичской и Полоцкой земляхъ: М. В. Довнаръ-Запольскимъ, В. Е. Данилевичемъ и др.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Д. Леонардовъ.

[1]) См. „*Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ*"; М. 1870; кн. III; стр. 46.

[2]) Затыркевичъ М. Д. „О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства въ домонгольскій періодъ". М. 1874; стр. 222.

Записки маркиза Пасторэ (Pastoret) о 1812 годѣ.

Отъ переводчика.

Предлагаю для напечатанія въ одной изъ книжекъ «Полоцко-Витебской Старины» сдѣланные мною переводы извлеченій изъ записокъ двухъ иностранныхъ авторовъ, бывшихъ въ Витебскѣ въ 1812 и 1813 годахъ. Первый изъ этихъ авторовъ—маркизъ Пасторэ (de Pastoret), поставленный губернаторомъ Витебска въ 1812 году и занимавшій эту должность въ продолженіе $3^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ. Записки его, изданныя покойнымъ Петромъ Ивановичемъ Щукинымъ въ пятомъ выпускѣ «Бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 г.», вышедшемъ въ Москвѣ въ 1900 году въ количествѣ 200 экземпляровъ, не предназначенныхъ къ продажѣ,—пожалуй, не извѣстны многимъ изъ читателей «Полоцко-Витебской Старины», но онѣ представляютъ несомнѣнный интересъ не только для витеблянъ. Я изъ нихъ перевелъ только ту часть, которая касается губернаторства Пасторэ въ Витебскѣ, съ его описаніемъ состоянія губерніи (стр. 216—271), и это, впрочемъ, составляетъ около двухъ третей всего текста записокъ.

Несмотря на многія невѣрныя сужденія и ошибки, приходится однако удивляться, какъ могъ такой юный администраторъ (ему тогда только что минуло 21 годъ), совершенно не подготовленный и незнакомый съ мѣстностью, набросать такую картину страны и обычаевъ, причемъ многое изложено имъ довольно мѣтко, не забывая, впрочемъ, о собственномъ самовосхваленіи.

Изъ біографическаго словаря Булье (Bouillet) видно, что маркизъ Амедей Пасторэ (1791—1857) былъ сыномъ маркиза Эммануила (1756—1840), бывшаго короткое время конституціоннымъ министромъ короля Людовика XVI, эмигрировавшаго во время террора, но вернувшагося уже въ 1795 году во Францію, состоявшаго затѣмъ и депутатомъ и профессоромъ международнаго права въ Collége de France, позднѣе

бывшаго сенаторомъ въ Наполеоновскія времена и наконецъ ярымъ приверженцемъ династіи Бурбоновъ. Въ царствованіе Людовика Филиппа, послѣ 1830 г., онъ сталъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ легитимистской оппозиціи этому королю и былъ опекуномъ дѣтей герцога Беррійскаго. Жена его, родомъ Пискатори изъ Марселя (1766—1844), сдѣлалась очень извѣстной своей умной благотворительностью въ Парижѣ, гдѣ она первая основала убѣжища и ясли для дѣтей, и ей городъ Парижъ поставилъ памятникъ—бюстъ въ залѣ засѣданій управленія пріютовъ. Г-жа Пасторэ была въ Парижѣ близкимъ другомъ извѣстной г-жи Свѣчиной, нашей русской католички.

Изъ этого видно, что родители нашего автора записокъ были культурные люди и, вѣроятно, дали хорошее воспитаніе своему единственному сыну. Этотъ сынъ, насъ интересующій маркизъ Амедей Пасторэ, занимался и поэзіей: только что вернувшись изъ Витебска, онъ издалъ въ 1813 году поэму «Трубадуры», въ 4-хъ пѣсняхъ, въ 1818 году—поэму «Нормандцы въ Италіи», въ 1824-мъ г.—«Элегіи», а въ 1829 г.—историческое сочиненіе о паденіи греческой имперіи, и написалъ еще нѣсколько историческихъ романовъ. Примкнувшій во время реставраціи къ династіи Бурбоновъ, онъ служилъ при ихъ дворѣ, вышелъ въ отставку въ 1830 году и сдѣлался, подобно отцу, близкимъ человѣкомъ къ претенденту Генриху V (Графу Шамборскому), завѣдывая его имущественными дѣлами. Но позднѣе онъ примкнулъ къ Наполеону III, сломившему революцію 1848 года, и умеръ въ 1857 въ должности сенатора второй имперіи.

О нашемъ Витебскомъ Пасторэ неодобрительно выразился маркграфъ Вильгельмъ Баденскій (1790—1859), тогдашній графъ Гохбергъ, въ своемъ дневникѣ кампаніи 1812 года, недавно изданномъ въ Парижѣ въ французскомъ переводѣ *). Маркграфъ Вильгельмъ командовалъ баденской бригадой, дивизіи Дэндельса, въ 9-мъ корпусѣ великой арміи», бывшемъ подъ начальствомъ маршала Виктора, герцога Беллунскаго, былъ въ Витебскѣ со своей бригадой съ 12|24 по 16|28 октября и квартировалъ у русскаго отставного генерала Чорба, пред-

*) La Campagne de 1812—Mèmoires du Margrave de Bade, traduits par A. Chuquet, Paris, Fontemoing. 1912.

вѣщавшаго ему скорую гибель Наполеоновской арміи отъ холода. Маркграфъ очень удивился, увидѣвъ такого юнаго и неопытнаго человѣка во главѣ французской администраціи города, и описываетъ его заносчивымъ и самодовольнымъ. Бригада баденская очень нуждалась въ теплой одеждѣ, имѣвшейся въ изобиліи въ Витебскихъ складахъ, но, несмотря на усиленныя просьбы маркграфа, Пасторэ въ выдачѣ таковой отказалъ грубымъ образомъ. Вскорѣ затѣмъ маркграфъ видѣлъ Пасторэ на Березинской переправѣ и укорялъ его за этотъ отказъ. Теплая одежда могла многихъ спасти отъ смерти и цѣликомъ досталась русскимъ. Въ 1816 году этотъ самый Пасторэ «имѣлъ наглость», какъ говоритъ маркграфъ Вильгельмъ, обратиться къ нему съ просьбой выхлопотать ему баденскій орденъ, въ чемъ маркграфъ съ негодованіемъ отказалъ. Вотъ все, что мнѣ извѣстно о маркизѣ Амедеѣ, котораго записки о Бѣлоруссіи написаны, вѣроятно, зимою 1813 года, до кампаніи этого года.

Графъ *К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ.*

Memoires sur la Russie.

...Русскіе, отступая, не переставали насъ тревожить: наканунѣ нашего вступленія въ Витебскъ мы стояли бивуакомъ на берегу Двины, и казаки появлялись посреди рѣки и безнаказано насъ вызывали; болѣе того, они ночью перешли рѣку и увлекли двухъ человѣхъ, стоявшихъ возлѣ сарая, въ которомъ мы съ Г. Дарю и нѣсколькими офицерами императорской свиты ночевали. Лишь только разсвѣло, мы продолжали путь; по мѣрѣ того, что мы подвигались, мы все яснѣе и яснѣе слышали пушечные выстрѣлы, а также ружейную перестрѣлку, довольно оживленную. Мы, наконецъ, подошли примѣрно на поль-лье (2 версты) отъ Витебска; императоръ сидѣлъ и завтракалъ во рву такъ же спокойно, какъ въ иномъ мѣстѣ, тогда какъ нѣсколько казаковъ, движимыхъ удальствомъ или любопытствомъ, подходили на ружейный выстрѣлъ его наблюдать и насъ бравировать. Мы ихъ видѣли тогда въ первый разъ.

Въ Витебскѣ однако было большое смятеніе, генералъ-губернаторъ спасся верхомъ и остававшееся въ городѣ небольшое число русскихъ высшихъ офицеровъ за нимъ послѣдовало. Жители, которые въ продолженіе двухъ дней слышали только грохотъ выстрѣловъ и которые тщетно надѣялись на защиту тѣхъ, которые только что ихъ покинули, предавались смертельному страху и собирались кучей въ нѣкоторые дома, какъ будто этимъ увеличивалась ихъ безопасность. Когда генералъ Коленкуръ вступилъ въ городъ, онъ велѣлъ созвать дворянство, спросилъ, кому назначено управлять городомъ, и приказалъ избрать депутацію для представленія ключей города императору въ моментъ его прибытія *).

---

*) Бригадиръ графъ Храповицкій, бывшій когда-то фаворитомъ Екатерины, а тогда въ отставкѣ, былъ главою этой депутаціи; страхъ, имъ испытываемый, впечатлѣніе, на него произведенное императоромъ, окруженнымъ войсками, а также и утомленіе отъ многихъ трудовъ городского управленія въ подобное время, свели его съ ума три дня позднѣе; а жена его, особа любезная и умная, до такой степени была поражена испугомъ, что весь день провела на порогѣ своего дома, угощая виномъ проходящихъ солдатъ, въ надеждѣ спасти свой домъ, но вмѣсто того способствуя его ограбленію.

Витебскъ почти не былъ разграбленъ и поэтому обладалъ еще довольно значительными запасами, которыми воспользовались для продовольствія арміи. Мѣстоположеніе города придавало ему значеніе важнаго пункта. Въ равномъ разстояніи отъ Петербурга и Москвы, на обычномъ пути сообщенія Эстляндіи и Ингріи съ Литвой и Лифляндіи съ Украйной (Малороссіей), Витебскъ волей Екатерины II и по выгодѣ своего положенія сталъ оживленнымъ коммерческимъ центромъ, имѣя склады товаровъ въ Дубровнѣ, Лепелѣ, Невелѣ и Шкловѣ и посылая товары въ Балтику по Двинѣ и въ Черное море по Березинѣ и Днѣпру, имѣлъ сношенія отъ Архангельска до Одессы и отъ Лейпцига до Москвы.

Это новое завоеваніе отличалось отъ предыдущихъ; присоединенный гораздо ранѣе къ Имперіи Царей, бывшая столица губерніи Бѣлорусской, Витебскъ воспринялъ характеръ и духъ подчиненія другихъ русскихъ областей; однако императоръ (Наполеонъ), въ интересахъ котораго было отодвинуть какъ можно далѣе предѣлы Польши, притворился считать его польской страной и вмѣсто слова «завоеваніе» примѣнилъ слово «освобожденіе».

Пока армія подкрѣплялась (se rafraichissait) и продолжала походъ, императоръ занялся устройствомъ этой губерніи, а также и Могилевской *).

Онъ желалъ придать нѣкоторый блескъ возстановленію Польши, и чтобы имѣть въ этомъ успѣхъ, онъ воспользовался обычно счастливымъ обаяніемъ громкихъ именъ. Одинъ изъ князей Сапѣгъ, князь Огинскій, графъ Пржездѣцкій, графъ Тизенгаузенъ, графъ

---

*) Способъ, принятый въ Вильнѣ, не былъ примѣненъ въ Витебскѣ; въ Литвѣ, какъ мы уже видѣли, во главѣ власти стояла генеральная комиссія, интенданты получали отъ нее приказанія и передавали ихъ субъ-префектамъ; въ Могилевѣ интендантъ сносился съ уѣздными комиссіями, которыя дѣлали ему представленія; въ Витебскѣ же губернская комиссія, во главу которой сперва предположили поставить особаго императорскаго комиссара, имѣла предсѣдателемъ интенданта и послѣднему пришлось вступить въ сношенія съ двѣнадцатью субъ-префектами, ему непосредственно подчиненными. Не знаю причины этихъ различій, но въ сущности это дѣло не важное, и достаточно о немъ упомянуть, не разыскивая причины.

Коссаковскій были съ самаго начала привлечены въ Литвѣ къ учреждаемымъ должностямъ; въ Витебскѣ по одинаковымъ побужденіямъ были избраны: князь Павелъ Сапѣга, князь Радзивиллъ, графъ Борхъ, членъ лифляндскаго рода, извѣстнаго своимъ богатствомъ, Шадурскій и Вейсенгофъ, пользовавшійся уваженіемъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, Щиттъ—простой дворянинъ, но принадлежащій къ многочисленной и весьма уважаемой семьѣ, пользовавшейся большимъ довѣріемъ,—всѣ они были призваны принимать участіе въ губернской комиссіи. Я былъ назначенъ интендантомъ провинціи (intendant de la province т. е. въ родѣ нашего гражданскаго губернатора), а военнымъ губернатором принцъ Невшательскій (Бертье) посадилъ генерала Шарпантье.

Два довольно важныхъ обстоятельства являлись помѣхами во всѣхъ дѣйствіяхъ, которыя можно было попытаться предпринять. Однимъ былъ величайшій безпорядокъ, царствовавшій въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ тайные агенты революціи возмутили крестьянъ, увѣряя ихъ, что свобода, о которой имъ говорили, равнозначуща полнѣйшей анархіи; вторымъ—абсолютный недостатокъ денежныхъ средствъ и затрудненіе въ ихъ пріисканіи. Власть монарха могла уничтожить первое, и оно было уничтожено. Сейчасъ скажу, что сдѣлалось со вторымъ.

Дворянство Витебской губерніи само обратилось къ императору съ прошеніемъ прекратить безпорядки, которыми оно возмущалось, такъ какъ страдали его права. Императоръ принялъ прошеніе. Онъ мнѣ приказалъ составить совмѣстно съ комиссіей и обнародавать отъ его имени воззваніе (proclamation), которое онъ самъ исправилъ, нѣсколько строчекъ котораго онъ самъ продиктовалъ, а военному губернатору было поручено выслать летучіе отряды, съ цѣлью усмиренія крестьянъ и ловли мародеровъ. Страхъ, распространенный вездѣ этими отрядами, строгость, съ которою дѣйствовали нѣкоторые изъ дворянъ, почти получившихъ на то полномочія, скоро затушили этотъ временный бунтъ, которымъ непріятель не сумѣлъ воспользоваться, породивъ его сначала самъ. Менѣе счастливо уладилось финансовое положеніе края.

Русское правительство прибѣгло къ системѣ, оправданной мно-

гими подобными примѣрами: оно прибѣгло къ бумажнымъ знакамъ взамѣнъ ходячей монеты; отсутствующій металлъ былъ замѣненъ билетами Петербургскаго банка, цѣною въ 5, 10, 20, 50 и 100 рублей, и дѣйствіемъ менѣе справедливымъ и менѣе великодушнымъ оно, стараясь своей властью распространить эти билеты въ провинціи, вытянуло оттуда монету. Это было-бы еще переносимымъ зломъ, ежели бы количество выпущенныхъ билетовъ не превосходило количества звонкой монеты, находящейся въ обращеніи; но, воспользовавшись съ полной свободой правомъ, своевольно примѣняемымъ нѣкоторыми правительствами, насильственно заставить народъ принимать денежный знакъ, цѣнность котораго ничѣмъ не обезпечена, русское правительство сдѣлалось жертвой собственной намѣренной ошибки и увидѣло паденіе цѣны билетовъ тотчасъ-же на 50%, затѣмъ на 65, 75, и, наконецъ, когда нашествіе французовъ породило боязнь, на 82 процента. Новое управленіе Бѣлоруссіи было лишено возможности придать денежному знаку законное значеніе, фиксировать его было-бы равносильно его уничтоженію. И все-таки надлежало предвидѣть, что императоръ въ своихъ расчетахъ съ провинціей платилъ-бы этими знаками по нарицательной ихъ цѣнѣ, а что населеніе принимало-бы ихъ только по дѣйствительной, курсовой: хотя и удалось добиться согласія императора разсчитываться этими билетами по среднему, болѣе обычному курсу, подобно тому какъ это было сдѣлано имъ въ Литвѣ, т. е. считая узаконенную потерю въ 75% и значитъ по расчету четырехъ рублей билетами за одинъ рубль серебра, но это оказалось недостаточно; торговые люди отказывались принимать билеты по этому курсу, да и кромѣ того, въ виду предположенія о возстановленіи Польши, о которомъ всѣ тогда мечтали, надо было подумать о способахъ для возвращенія этимъ областямъ прежняго богатства. Я предложилъ систему, основанную на системѣ Law *), съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными тогдашними обстоятельствами, и я просилъ разрѣшенія вводить ее постепенно, связавъ эту операцію съ продажей соли, которой находилось въ Витебскѣ большое количество. Но планъ мой грѣ-

*) Шотландецъ, чуть не разорившій Францію во время регентства своими финансовыми мѣропріятіями. *Перев.*

шилъ своимъ основаніемъ. Императоръ, го не утвердившій, приказалъ мнѣ продолжать обычнымъ способомъ, стараясь довести курсъ бумажнаго рубля до утвержденной нормы въ 75% потери. Приказаніе было исполнено, и не взирая на нѣкоторыя затрудненія, посчастливилось довести потерю рубля до 73% и 72%, когда дѣла приняли нѣкоторую устойчивость.

Императоръ тогда намѣревался остаться на зиму въ Витебскѣ, подкрѣпить свои войска, завести склады, укрѣпиться по линіи Двины и заняться либо въ Витебскѣ, либо въ Вильнѣ созданіемъ и устройствомъ Польскаго королевства; въ теченіе десяти дней давались соотвѣтственныя этому приказанія, и мы могли думать, что этотъ мѣсячный походъ принесетъ большіе и дѣйствительные плоды. Но злая наша судьба восторжествовала: похвальбы Неаполитанскаго короля взяли верхъ надъ волей императора и разумными безъ сомнѣнія совѣтами: Витебскъ былъ покинутъ, армія двинулась впередъ на Смоленскъ; императоръ выѣхалъ изъ Витебска 12 августа (по новому стилю) и направился по указанной имъ дорогѣ, а главная квартира выѣхала на слѣдующій день.

Съ этого момента и до вторичнаго прихода арміи въ Смоленскъ я не могу говорить о ея дѣйствіяхъ, не бывъ очевидцемъ; поэтому я, вмѣсто дальнѣйшаго описанія похода, поговорю немного о странѣ, которую лучше узналъ, и о предметахъ, которые я лучше могъ наблюдать.

Отъ покушеній непріятеля Витебскъ былъ защищенъ 1-мъ и 6-мъ армейскими корпусами, расположенными вдоль Двины; начальствовавшій ими герцогъ Реджіо (Удино), раненный въ 16-й или 17-й разъ, вынужденъ былъ передать командованіе графу Гувьону, главному начальнику (colonel général) кирасиръ, котораго армія считала однимъ изъ достойнѣйшихъ своихъ вождей: 18 августа онъ сразу на нѣсколькихъ пунктахъ атаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и, согнавъ съ позиціи, овладѣлъ двадцатью пушками: эта побѣда рѣшила участь Полоцка и части провинціи, на нѣкоторое время очищенной отъ непріятеля, а Гувьону дала маршальскій жезлъ. Тогда и я освободился отъ казаковъ, державшихъ меня до того какъ-бы въ осадѣ въ Витебскѣ,—я могъ принять нѣкоторыя мѣры и попытаться

придать управленію провинціи болѣе правильную форму. Но спокойствіе это продолжалось однако не долго; порою казаки, двинутые графомъ Витгенштейномъ съ лѣваго его фланга, громили сѣверные уѣзды; порою высланные главной русской арміей съ праваго фланга казаки спускались изъ окрестностей Порѣчья и мѣшали сообщеніямъ между Витебскомъ и Смоленскомъ; эти послѣдніе постепенно исчезали по мѣрѣ движенія впередъ французской арміи и отступленія русскихъ. Но почти одновременно съ этимъ отдохнувшая и усиленная свѣжими подкрѣпленіями армія Витгенштейна снова начала свои дѣйствія, почти вполнѣ прекратившіяся въ продолженіе слишкомъ мѣсяца. По прошествіи нѣкотораго времени эта армія, постепенно усилившаяся, тогда какъ наша уменьшалась, благодаря также безпечности и неохотѣ герцога Беллунскаго (Викторъ), отказавшагося идти на выручку 2-го корпуса,—благодаря также опрометчивости Гувьона, не отложившаго атаку до прибытія шедшаго къ нему герцога Беллунскаго,—благодаря, наконецъ, и умѣлымъ распоряженіямъ своего начальника,—армія Витгенштейна получила превосходство, заняла Себежъ, Рѣжицу, Люцинъ, Динабургъ и Друю, вступила въ Полоцкъ, заставила французскую армію отступить къ Сѣнно и, распространяясь отъ Уллы до Суража, въ первыхъ числахъ ноября овладѣла и Витебскомъ. Пока успѣхи наши чередовались съ пораженіями, управленіе краемъ должно было быть и дѣйствительно было довольно затруднительно. Поставленный въ краѣ совершенно незнакомомъ, среди населенія, языкъ котораго былъ мнѣ не извѣстенъ и обычаи чужды, покинутый всѣми членами той комиссіи, которая должна была меня поддерживать и направлять, я испытывалъ большія затрудненія и находилъ всегда вновь возникающія препятствія. Обязанный ранѣе всего позаботиться о пропитаніи двѣнадцати-тысячнаго гарнизона и трехъ тысячъ больныхъ въ городѣ, изъ котораго нельзя было выйти, плохо поддерживаемый своими земляками и плохо поддержанный мѣстными жителями, прибывшій въ край въ то самое время, когда отъ предыдущаго урожая ничего не оставалось, а къ новому еще не приступали, я часто бывалъ въ очень трудномъ положеніи, и только одно мое счастье во многихъ случаяхъ меня выручало.

Изъ всѣхъ препятствій самымъ, безъ сомнѣнія, важнымъ было

недружелюбное отношеніе (mauvaise volonté) поляковъ; быть можетъ, что, когда я ихъ выше *) характеризовалъ, я былъ подъ вліяніемъ впечатлѣнія, отъ нихъ сохранившагося, но это впечатлѣніе получилось у меня только отъ нихъ самихъ, и они вполнѣ его оправдали. Я затруднился бы сказать, какая у нихъ была скрытая мысль, такъ какъ очень трудно ее найти у людей, у которыхъ притворство служитъ главной чертой характера, но съ внѣшней стороны нельзя было не отмѣтить шокирующаго противорѣчія между ихъ словами и дѣйствіями; говорили-ли съ ними о причинахъ и происшествіяхъ войны,—слова: «побѣда», «возрожденіе», «свобода», «преданность»—летѣли съ ихъ устъ; говорилось-ли о нѣкоторыхъ жертвахъ,—эти же самые люди, только что столь пламенные, становились глухими къ просьбамъ, либо отвѣчали отговорками, такъ какъ даже не имѣли мужества отказать. Заставляла насъ необходимость опредѣлять, какія съ ихъ стороны должны быть произведены жертвы,—они вооружались доводящей до отчаянія силою инерціи, громоздили замедленіе на замедленіе, отвѣчали ложью на каждое замѣчаніе и жалобой на каждую угрозу и дѣлали то, что съ самаго начала должны были дѣлать только подъ насиліемъ употребленнаго оружія. Таковыми они были, когда русскіе отъ нихъ удалялись, но лишь только непріятель снова показывался, все принимало другой видъ.

Пораженные страхомъ и дрожащіе при всякомъ извѣстіи, они кидались ко мнѣ, прося поддержки, умоляя о защитѣ, пышно выставляя все, что они могли бы предоставить въ наше распоряженіе, клялись отдать все, что имѣютъ, своимъ защитникамъ, вообще не было границъ ихъ податливости, которою нѣкоторые корыстолюбивые служащіе не преминули злоупотребить.

Лишь только страхъ проходилъ, они забывали о своихъ обѣщаніяхъ, или же сами себя обвиняли въ трусости, чтобы оправдать свою недобросовѣстную скупость. Можно-ли еще что прибавить къ этой картинѣ? Развѣ только сказать, что эти самые люди, которыхъ торговлю мы утвердили, спокойствіе возстановили, имущество обезпечили, оказывались готовыми къ возмущенію, лишь только они насъ

*) Въ началѣ записокъ, говоря о Литвѣ.—*Перев.*

считали болѣе слабыми; тайными сношеніями, которыхъ вся бдительность полиціи не могла пресѣчь, они передавались, чтобы и насъ предать, внушавшему имъ страхъ непріятелю, отъ котораго могли ожидать всякихъ возмездій, но который, будучи болѣе отдаленъ, считался ими менѣе опаснымъ. Обращайтесь съ Бѣлоруссіей, какъ съ союзной страной, а не какъ съ подданой, сказалъ мнѣ императоръ, и прибавилъ: въ общемъ поступайте съ ней какъ можно лучше. Никогда инструкціи не заключали такого простора, и никогда не было такъ трудно ихъ выполненіе.

Я былъ-бы неправъ, если-бы сказалъ, что поляки лишены храбрости, такъ какъ у меня на это нѣтъ никакихъ основаній; въ бой они являются съ невозмутимымъ спокойствіемъ (flegme), а иногда и съ блестящей отвагой французовъ; для нихъ день сраженія есть день торжества (jour de triomphe), и если желать ихъ видѣть съ наивыгоднѣйшей стороны, слѣдуетъ ихъ видѣть именно въ такой день; но у нихъ храбрость, переходящая иногда въ ярость, никогда не бываетъ безразсчетная. Они сражаются съ полнымъ забвеніемъ о себѣ, но предварительно разсчитавъ, за кого имъ выгоднѣе сражаться. Ихъ теперешній характеръ, о которомъ, быть можетъ, мнѣ будетъ позволено еще поговорить, происходитъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій. Отъ наибогатѣйшаго князя до самаго темнаго раба— все порабощено въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; правительство столь-же деспотично, какъ азіятскія, оно приводитъ въ трепетъ всѣхъ ему подвластныхъ, и тѣ же магнаты, которые считаютъ свое состояніе въ восемь или десять тысячъ крестьянъ, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ низости и самоуниженіи, чтобы не набросить на себя тѣнь при дворѣ, одновременно ихъ опасающемся и угнетающемъ; вокругъ толпятся дворяне меньшей знати (которыхъ Поляки называютъ околичной шляхтой), жадные паразиты и корыстные льстецы, живущіе на ихъ счетъ, сопровождающіе ихъ въ костелъ, на прогулкѣ, служащіе имъ партнерами въ игрѣ и весь день съ ними курящіе и одинаково мыслящіе. Политика правительства, сосредоточившаго всю власть въ рукахъ двухъ или трехъ своихъ русскихъ агентовъ, оставляя полякамъ одни только пустыя званія, въ большой степени служитъ причиной этому постыдному ихъ состоянію. Большинство изъ этихъ

мелкихъ дворянъ владѣетъ нѣкоторымъ количествомъ земли или— вѣрнѣе—нѣкоторымъ числомъ крестьянъ, такъ какъ состоянія оцѣниваются по числу крѣпостныхъ, и о человѣкѣ говорятъ, что у него шестьдесятъ, сто, тысяча, десять тысячъ душъ, чтобы выразить, что у него шестьсотъ, тысяча, десять тысячъ, сто тысячъ рублей дохода; въ эти числа никогда не входятъ женщины, которыя въ здѣшнемъ краѣ никогда въ расчетъ не принимаются. Вслѣдъ за шляхтой околичной идутъ мѣщане и купцы; но купцы эти всѣ евреи или русскіе, въ исчисленіе они входятъ только по отдѣльному счету и ни въ какомъ случаѣ не считаются частью народа. Прибѣгающій къ ихъ услугамъ дворянинъ смотритъ на нихъ свысока, обманываетъ ихъ на отдаваемыхъ подрядахъ, лишаетъ ихъ прибыли, не платя за покупки, отгоняетъ ихъ палками, когда они безпокоятъ его своими справедливыми требованіями, и сидя за кофеемъ, восхищаясь принесеннымъ платьемъ, либо музыкальнымъ инструментомъ, ими доставленнымъ, онъ только выражаетъ удивленіе, какъ это можно быть купцомъ и что еще существуетъ профессія, именуемая торговлей.

За ними идутъ крестьяне; нѣтъ нужды мнѣ описывать ихъ положеніе. Достаточно, кажется, сказать, что все, что ставили въ упрекъ колонистамъ подъ небомъ Америки, можетъ быть примѣнено и къ польскимъ помѣщикамъ: прикрѣпленіе къ землѣ; обязанность посвятить господамъ часть времени; необходимость заручиться согласіемъ господъ для вступленія въ бракъ; запрещеніе жениться на женщинѣ изъ другаго помѣстья, такъ какъ ребенокъ являлся-бы утраченнымъ для владѣльца этого помѣстья, а на дѣтей смотрятъ, какъ на приростъ отъ скота; наказанія, предоставленныя рѣшенію помѣщика; тѣлесныя наказанія, налагаемыя по его приказанію, безъ права жалобы и безъ пощады; новое поприще, налагаемое на людей, посѣдѣвшихъ въ своемъ ремеслѣ, которыхъ уводятъ отъ семьи и избы, чтобы сдѣлать изъ нихъ солдатъ или матросовъ: все это встрѣчается въ ледяномъ климатѣ Бѣлоруссіи. Слѣдуетъ однако по справедливости признать, что часть помѣщиковъ, либо по естественному чувству, либо, вѣроятнѣе, изъ расчета своихъ же выгодъ, нѣсколько заботится о своихъ крестьянахъ; обычай установилъ между ними нѣкоторое негласное соглашеніе; я уже говорилъ, что въ этой странѣ состояніе

измѣряется числомъ рабовъ, а не количествомъ земли; каждый крестьянинъ, оцѣненный примѣрно въ десять франковъ годоваго дохода, можетъ обработывать только нѣкоторую площадь земли; для этого онъ нуждается въ такихъ-то орудіяхъ: въ сохѣ, въ волахъ, въ хатѣ, въ одной или въ парѣ лошадей и въ нѣсколькихъ подводахъ,— и дѣло господина--его всѣмъ этимъ снабдить. Если онъ этого не сдѣлаетъ, крестьянинъ не двинется, не работаетъ, не образуетъ семьи и ждетъ спокойно смерти; жизнь для него не настолько привлекательна, чтобы онъ ею особенно дорожилъ, а ему хорошо извѣстно, что смерть его не выгодна помѣщику. Этимъ дано въ его рукахъ мщеніе, и при желаніи онъ этимъ пользуется.

Эта іерархія рабовъ, это приниженіе гражданственности (ordre social)—грустное зрѣлище; что всего грустнѣе, это—приниженность (dégradation) человѣка; отсутствіе бодрости духа (courage moral) и энергіи у дворянъ, чести и честности у евреевъ, торговцевъ и у мѣщанъ, просвѣщенности (intelligence) и естественныхъ привязанностей (affections naturelles) у крестьянъ. Безъ сомнѣнія, часто встрѣчаешь между ними исключенія, но эти исключенія тѣмъ болѣе даютъ понять отличіе между большинствомъ этихъ людей сѣвера и обитателями умѣренныхъ климатовъ. Обычаи—въ одно время и причины и послѣдствія этихъ большихъ отличій, и обычаи этой страны, дѣйствительно, не мало замѣчательны. Желаете-ли знать времяпровожденіе богатаго дворянина этой страны? Въ городѣ онъ, лишь только встанетъ съ постели, принимаетъ нѣсколькихъ человѣкъ своихъ крестьянъ, стоящихъ на колѣняхъ и бьющихъ челомъ съ какими-нибудь жалкими просьбами, либо скромными подношеніями; онъ куритъ, завтракаетъ, его одѣваютъ и лакеи въ ливреяхъ провожаютъ его въ костелъ, съ посѣщенія котораго онъ начинаетъ развозить свою скуку; гуляетъ за тѣмъ по улицамъ; если онъ женатъ, то къ часу дня возвращается домой къ обѣду, если же холостъ—отправляется обѣдать къ знакомымъ; таковъ здѣшній обычай: у холостого нѣтъ собственнаго хозяйства, и онъ разъ навсегда безъ зова обѣдаетъ въ знакомыхъ домахъ, и часто видишь, что ко времени принятія пищи неожиданно являются пять—шесть человѣкъ и садятся за столъ; никакихъ прибавокъ въ этомъ случаѣ не дѣлаютъ: обыкновенно подается кислый

супъ, сдѣланный изъ пива и сыра, гусь начиненный яблоками, варенная баранина, квашенная капуста и особенно яблоки, приготовленныя на сто ладовъ. Отъ двухъ часовъ дня всѣ отдыхаютъ, а съ четырехъ часовъ начинаются взаимные визиты. Мужчина входитъ, цѣлуетъ хозяйкѣ руку, а хозяина въ плечо и садится; ему тотчасъ приносятъ яблоки и сладкій миндаль, которые съѣдаются всѣми присутствующими, причемъ кожа съ яблокъ и скорлупа прямо бросаются на полъ; дамы сидятъ особо и разговариваютъ, тогда какъ мужчины садятся за карты и ведутъ огромную игру; къ шести часамъ приносятъ чай, снова ѣдятъ и снова садятся за игру; въ девять вечара подается ужинъ, и гости, явившіеся съ четырехъ или пяти часовъ, обыкновенно остаются ужинать; послѣ ужина всѣ расходятся. Тогда начинается другая сцена, не менѣе забавная: семьи обыкновенно живутъ въ одномъ домѣ и всѣ, за исключеніемъ хозяевъ дома, ложатся вмѣстѣ, какъ придется, на полу, на стульяхъ, на диванахъ и такъ проводятъ ночь *).

Въ деревнѣ мужчины большую часть дня на охотѣ, а по вечерамъ развлекаются разсказами и иногда бросаютъ взглядъ на отчеты

---

*) Разъ какъ то ночью я возвращался съ рекогносцировки за городомъ и мнѣ надо было передать приказаніе одному изъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ; привязываю лошадь во дворѣ и иду въ домъ. Въ первыхъ сѣняхъ, величиною въ девять или десять квадратныхъ футовъ, на двухъ столахъ лежали двѣ служанки и подъ ними на полу два крестьянина; въ слѣдующей за сѣнями столовой четверо или пятеро полуголыхъ слугъ спали на овчинахъ; далѣе въ гостиной племянница хозяина дома съ двумя подругами расположились спать на диванѣ не болѣе 10 футъ длиною; вхожу въ спальню и нахожу на полу двухъ братьевъ, укутанныхъ въ оленьи шкуры, возлѣ двухъ огромныхъ кроватей, на которыхъ лежали ихъ жены; въ ногахъ каждой изъ кроватей лежало по горничной, а третій братъ тоже на полу у печки; пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое грудныхъ, съ ихъ кормилицами и няньками тѣснились въ слѣдующей небольшой комнатѣ; надо еще себѣ представить полнѣйшій безпорядокъ: на фортепьяно не доѣденныя блюда отъ ужина и грязныя тарелки, въ гостиной масса разбросаннаго платья, снятаго мужчинами и женщинами, въ другой комнатѣ въ безпорядкѣ валялись бумаги, склянки съ духами книги, провизія, парадная одежда,—и тогда, пожалуй, будешь имѣть понятіе объ усадьбѣ богатаго польскаго помѣщика и о томъ впечатлѣніи, которое могъ получить, человѣкъ, привыкшій къ болѣе мягкимъ нравамъ и благороднымъ обычаямъ.

по имѣнію. Не такіе это люди, чтобы сбросить съ себя тяжелое иго, разорвать позорныя цѣпи. Заговорите съ кѣмъ-либо изъ нихъ о славѣ, онъ заговоритъ о богатствѣ; припомните ему великое слово «свобода», онъ вамъ отвѣтитъ «покой».

Евреи, образующіе въ дѣйствительности второе сословіе въ странѣ, такъ какъ единственно въ ихъ рукахъ находится торговля и промышленность, евреи, привязанные къ своей религіи, скитальческой и мелочной (errante et minutiuse), даютъ меньше характерныхъ чертъ бытописателю. Согласно обычаю, въ сѣверныхъ ихъ сектахъ, разрѣшается имъ женить сына, еще груднаго младенца, на зрѣлой къ супружеству дѣвушкѣ и жить съ этой дѣвушкой, какъ съ законной женой. Это, пожалуй, единственная особенность, которую стоитъ отмѣтить; въ остальномъ они являютъ тѣ-же черты, какъ и другіе нѣмецкіе евреи: грязные по собственному вкусу и по скупости, жадные по корыстолюбію, лживые по природѣ, они вездѣ являются наиболѣе дѣятельными и ловкими и наименѣе совѣстными изъ гражданъ. Въ Бѣлоруссіи все очутилось въ ихъ рукахъ: сапожникъ, васъ обувающій, и врачъ, васъ лѣчащій; барышникъ, у котораго вы нанимаете лошадь, и банкиръ, учитывающій ваши векселя,—всѣ евреи, и правительство, ихъ всегда притѣсняющее и всегда въ нихъ нуждающееся, бережетъ и сохраняетъ ихъ, подобно руднику, изъ котораго оно, по желанію, вытягиваетъ огромныя суммы.

Перейдемъ теперь къ послѣднему классу населенія. Жалкая и тяжкая жизнь крестьянъ внушаетъ больше жалости, чѣмъ любопытства, и больше отвращенія, чѣмъ жалости. Не одинъ разъ мнѣ пришлось проводить день или ночь въ ихъ хатахъ, слѣдить за ихъ обычаями и стараться говорить съ ними на ихъ языкѣ, поэтому я попытаюсь о нихъ сказать по собственнымъ наблюденіямъ, а не съ чужихъ словъ.

Потребности у этихъ людей крайне ограниченны. Домъ зажиточнаго крестьянина больше вглубь, чѣмъ вдлину, и состоитъ изъ трехъ комнатъ. Въ первой, обыкновенно направо отъ входа, сохраняются тѣ запасы провизіи на зиму, которые не зарываются въ землю; во второй, служащей сѣнями и темной, помѣщаются домашнія животныя либо выращиваемый приплодъ отъ нихъ; подъ сѣнями имѣется погребъ или, вѣрнѣе,

яма, вырытая въ землѣ и покрытая досками, въ которой прячутъ овощи на зиму и боченки съ крѣпкими напитками. Въ третьей комнатѣ, наконецъ, налѣво отъ входа, обычное жилье семьи и въ ней находятся столъ, скамья вдоль стѣнъ вокругъ комнаты, два топорныхъ шкапчика, подвѣшенныхъ въ углахъ и въ которыхъ находятся переносныя мѣдныя божницы, служащія фетишами этому роду дикарей, пукъ сосновыхъ лучинъ, служащихъ для освѣщенія, нѣсколько глиняныхъ горшковъ и наконецъ огромная печь во всю высоту комнаты, служащая одновременно и для печенія хлѣба, варки пищи, и одромъ для спанья; весь дымъ изъ нея распространяется густымъ туманомъ по комнатѣ и выходитъ въ три или четыре отверстія, въ квадратный футъ величиною, нарочно продѣланныя подъ потолкомъ въ стѣнахъ комнаты. Вотъ и вся обстановка часто многочисленной семьи. Хата выстроена изъ толстыхъ, неотесанныхъ бревенъ, наложенныхъ одно надъ другимъ; между ними вмазывается глина со мхомъ, плохо мѣшающая проникать наружному холоду.

Человѣкъ, живущій въ хатѣ, низокъ ростомъ, некрасивъ, но крѣпкаго сложенія; лѣтомъ онъ ходитъ въ рубашкѣ, въ порткахъ и сверху носитъ родъ грубаго холщеваго кафтана, подпоясаннаго веревкой; зимою онъ вмѣсто холста носитъ одежду изъ бѣлой шерстяной матеріи (serge blanchâtre), изготовляемой въ Лифляндіи и въ Украйнѣ, а сверхъ нее грубо выдѣланную овчину; жена его одѣта почти такъ-же и отличается отъ него только большей слабостью и быть можетъ даже болѣе некрасивымъ, отталкивающимъ типомъ; у обоихъ голова покрыта шапкой, соотвѣтствующей остальной одеждѣ; оба они, за исключеніемъ большихъ праздниковъ, когда женщины иногда надѣваютъ сапоги, обуты въ лаптяхъ, сплетенныхъ изъ древесной коры, въ родѣ тѣхъ корзинъ, которыя у насъ употребляются для перевозки нѣкоторыхъ товаровъ, и у обоихъ ноги окутаны широкими полосами холста и туго обвязаны веревками, такъ что отъ колѣнъ до ступни нога представляется одной толщины и, слѣдовательно, уродлива; въ такомъ видѣ они работаютъ на полѣ, въ томъ-же видѣ живутъ дома и спятъ вмѣстѣ на печи. Рѣдко они разстаются со своей одеждой, пока она совсѣмъ не износится въ лохмотья, и крайняя нечистоплотность служитъ одной изъ причинъ столь частой у нихъ заразной болѣзни.

Легко себѣ представить, что у такихъ существъ крайне ограниченное число мыслей. Поэтому эти мысли очень стойки и какъ-бы врожденны; у нихъ нѣтъ нѣжныхъ чувствъ привязанности, одинъ только инстинктъ выгоды и потребность въ суевѣріи повсемѣстно среди нихъ наблюдаются. Тотъ же человѣкъ, отказывающійся понять малѣйшее нововведеніе въ способѣ выращиванія скота, отлично умѣетъ дать преувеличенную цѣну продаваемому имъ товару, подмѣшать къ нему что-нибудь похуже, либо уменьшить выговоренное количество, пользуясь нуждой покупателя, и въ этомъ отношеніи ихъ базары походятъ на остальные въ Европѣ. Церкви ихъ очень отличаются отъ нашихъ. Я говорю не о церквахъ нашего исповѣданія (secte), но о тѣхъ греческихъ, въ которыхъ алтарь закрытъ отъ прихожанъ нѣсколькими дверями, открываемыми только въ извѣстныя времена, и гдѣ безчисленное количество живописныхъ изображеній, приносящихъ, пожалуй, развлеченіе болѣе слабо вѣрующимъ и восторгъ болѣе пламенно вѣрующимъ, и это придаетъ обрядамъ то великолѣпіе, которое плѣнило посланцевъ царя *). Въ церквахъ обоихъ вѣроисповѣданій постоянно видишь, рядомъ съ людьми болѣе спокойно молящимися, многихъ крестьянъ, кладущихъ до двадцати сряду земныхъ поклоновъ, бія себя въ грудь и челомъ объ полъ; женщины, еще болѣе суевѣрныя, часто остаются до конца службы и въ лютые морозы распростертыя на полу, лицомъ къ землѣ и съ руками, распростертыми въ видѣ креста. Суевѣріе это сливается иногда и съ болѣе умными и хорошими обыкновеніями. Нигдѣ я не видѣлъ столькихъ причащающихся, какъ въ этой странѣ. Надо полагать, что причащающіеся имѣютъ хотя намѣреніе и желаніе исполнить свои обязанности, какъ человѣка и члена общества. Не думаю, чтобы религія приносила утѣшеніе этимъ на-половину дикарямъ, они ее недостаточно понимаютъ; но она имъ служитъ занятіемъ, ставитъ ихъ, до нѣкоторой степени, въ сношенія съ Существомъ, совмѣщающимъ оба міровыя начала (les met dans une sorte de rapport avec un être qui renferme les deux principes), и хотя они Его не постигаютъ, однако

*) Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду отправка посланцевъ Св. Владиміромъ.— *Перев.*

ему молятся, призывая другую власть, чѣмъ помѣщичью; по ихъ понятіямъ, если только можно выразить этимъ словомъ глубокое сочетаніе ихъ прозябанія и ихъ чувствъ, жить--это значитъ быть рабомъ, и въ ихъ глазахъ свобода и рабство разнятся только нравомъ помѣщика, т. е. будетъ-ли онъ невзыскателенъ или жестокъ.

Къ этимъ подробностямъ, быть можетъ слишкомъ пространнымъ, полагаю, не будетъ лишнимъ прибавить краткій очеркъ способа управленія этими странами. Въ каждой изъ большихъ областей, какъ въ Тверской, Псковской, Новгородской, Витебской, представителемъ монарха является генералъ-губернаторъ, которому довѣряется значительная часть власти монарха: онъ утверждаетъ или отмѣняетъ смертные приговоры, даруетъ милости, назначаетъ чиновниковъ на нѣкоторыя должности и окруженъ какъ-бы малымъ дворомъ. Подъ нимъ находится гражданскій губернаторъ, въ чинѣ генералъ-маіора или дѣйствительнаго тайнаго (sic) совѣтника, и ему поручена вся администрація; но такъ-какъ онъ обязанъ докладывать генералъ-губернатору, то онъ скорѣе пользуется вліяніемъ, нежели властью. Слѣдующій за тѣмъ по іерархіи вице-губеренаторъ управляетъ финансами, предсѣдательствуетъ въ палатѣ, слѣдитъ за взиманіемъ податей. Губернскій прокуроръ стоитъ на стражѣ всѣхъ интересовъ монарха и казны въ такъ называемой поляками казенной палатѣ, вѣдающей всѣ денежныя повинности, рѣшаетъ всѣ споры и держитъ въ своихъ рукахъ все управленіе финансовое. Губернскій казначей, полицмейстеръ и военный губернаторъ—послѣднія изъ должностей, замѣщаемыхъ императоромъ; на всѣ остальныя должности лица избираются населеніемъ, такъ-какъ было желаніе, особливо въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, предоставить народу тѣмъ большую личину свободы, чѣмъ сильнѣе въ дѣйствительности его подчиненіе.

Каждые три года дворянство собиралось въ губернскомъ городѣ и изъ своей среды выбирало губернскаго предводителя, обязанность котораго отстаивать интересы своей провинціи при дворѣ, подносить монарху ходатайства и адресы, а также быть постоянно представителемъ дворянства передъ генералъ-губернаторомъ.

Надо еще упомянуть и о другомъ собраніи, быть можетъ, не менѣе замѣчательномъ по своей цѣли и постоянству. Ежегодно въ мар-

тѣ мѣсяцѣ всѣ помѣщики и всѣ купцы съѣзжаются въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ, и тогда рѣшаются всѣ дѣла имущественнаго интереса. Совершаются всѣ сдачи въ аренду, торговыя сдѣлки, подписываются документы, утверждаются заёмы, совершаются платежи въ теченіе трехъ недѣль, и всего труднѣе на свѣтѣ было-бы объяснить поляку, что онъ можетъ заниматься подобными дѣлами и въ другое время, кромѣ „мартовскихъ контрактовъ“,—такъ называется ими эта эпоха. Быть можетъ, обычай этотъ заимствованъ отъ евреевъ, которые всѣмъ распоряжаются въ Польшѣ.

Уѣздные предводители, въ каждомъ уѣздѣ исполняющіе почти одинаковую роль съ губернскими, наблюдали надъ уѣздными дѣлами, дѣлали раскладку и слѣдили за наборомъ людей и за податями, устраивали торги на поставки и наблюдали за починкой дорогъ сосѣдними жителями.

Подкоморіи вѣдали отграниченіе помѣстій, впослѣдствіи были чѣмъ-то въ родѣ третейскихъ судей по пограничнымъ дѣламъ.

Хорунжіи были замѣстителями уѣздныхъ предводителей.

Депутаты дворянства во время годичныхъ собраній составляли какъ-бы областное законодательное собраніе (en quelque sorte le corps législatif de la Province), слѣдили за дѣятельностью губернскаго предводителя и указывали ему, какъ поступать.

Предсѣдатель, совѣтники и ассесоры палатъ гражданскихъ и уголовныхъ и земскихъ судовъ (shambres territoriales). Эти суды были въ каждомъ уѣздѣ и служили первой инстанціей суда. Департаменты гражданскій и уголовный,—таково ихъ мѣстное названіе,—были судомъ аппелляціоннымъ.

На всѣ эти должности, большинство изъ которыхъ были неоплачиваемыя, находилось тѣмъ не менѣе очень много охотниковъ, такъ какъ онѣ давали нѣкоторое вліяніе, извѣстный почетъ и титулъ, сохраняемый даже по оставленіи должности; но обычаемъ установилась въ нихъ нѣкоторая іерархія. Начинали съ занятія должности члена одного изъ судебныхъ департаментовъ, либо депутата дворянства, затѣмъ становились предсѣдателемъ одного изъ судовъ, либо хорунжимъ или подкоморіемъ, затѣмъ уѣзднымъ предводителемъ, наконецъ,—губернскимъ предводителемъ и по прошествіи двадцати од-

ного года службы на одной или на нѣсколькихъ изъ этихъ должностей —по праву получали орденъ Святаго Владиміра третьей степени. Мужчины придавали довольно высокое значеніе всѣмъ этимъ мѣстамъ, а женщины еще гораздо большее; пани-маршалкова, пани-подкоморжина, пани-хорунжина служатъ для нихъ цѣнными титулами, которыми онѣ гордятся, и въ разговорѣ ихъ постоянно такъ величаютъ. Лакей, сопровождающій ихъ въ костелъ, шляхтичъ, слѣдующій за ними на прогулкѣ, кучеръ, везущій ихъ на площадь, именуемую Дзуски (sic), даже мужъ у себя дома не иначе къ нимъ обращаются, какъ съ этимъ постоянно повторяемымъ титуломъ, устанавливающимъ отличіе между ними и другими женщинами, не имѣющими счастье его носить.

Эта форма управленія, только что мною описанная, была установлена и признана въ Бѣлоруссіи, когда мы въ нее вступили, и намъ было довольно трудно ее измѣнить, при постоянно безпокоившемъ насъ грозномъ непріятелѣ, никогда не удалявшемся далѣе шестидесяти верстъ (quinze lieues); часто имъ атакуемые и безъ всякой надежды на помощь, забытые великой арміей и не получая объ ней никакихъ извѣстій, мы должны были бороться съ препятствіями всякаго рода. Ген. Витгенштейнъ готовился отвоевать Полоцкъ и получалъ ежедневно новыя подкрѣпленія черезъ Невель и Великіе-Луки, тогда какъ графъ Гувьонъ постепенно становился слабѣе. Какая то эпидемическая болѣзнь распространялась среди нѣмецкихъ войскъ, и они гибли въ большомъ числѣ. Мнѣ было-бы трудно выразить то чувство, которому они предавались: одновременно были и утомленіе и тоска по родинѣ, слабость въ отношеніи къ опаспостямъ и стойкость въ отношеніи къ смерти; но это чувство, дѣйствительно, существовало и по мѣрѣ его распространенія влекло за собой болѣзнь, въ которой душевная сторона преобладала. Wo ist die Hause, wo sterbt man? (sic), гдѣ домъ, въ которомъ умираютъ? другъ у друга спрашивали баварскіе солдаты, знавшіе о многихъ товарищахъ, скончавшихся въ этомъ домѣ. Имъ его указывали, они туда направлялись, входили, садились около сложенныхъ въ отличномъ порядкѣ умершихъ товарищей и затѣмъ сами умирали съ тѣмъ-же равнодушіемъ и хладнокровіемъ. Другіе, позабывъ всякую боязнь, не могли устоять противъ

желанія вернуться на родину. Шесть тысячъ такихъ баварцевъ перешли другъ за другомъ черезъ Нѣманъ со своимъ оружіемъ и ранцами на спинахъ.—«Куда вы идете?», спрашивали ихъ на многихъ пунктахъ.—«Мы идемъ въ Баварію».—«Значитъ, вы дезертиры?»—«Нѣтъ, мы идемъ въ Баварію».—И, дѣйствительно, они туда уходили, а полиція, всегда плохо дѣйствовавшая въ тылу арміи, будучи всегда малочисленной, не имѣла возможности ихъ удержать.

Русскіе, наоборотъ, привычкѣ къ тяжкому рабству обязанные равнодушіемъ къ сохраненію жизни, не имъ принадлежавшей, возбужденные сверхъ того извѣстіями, вѣрными и невѣрными, получаемыми изъ Петербурга, становились съ каждымъ днемъ предпріимчивѣе. Летучіе отряды (troupes légères), которыми усилилась ихъ Полоцкая армія, давали имъ возможность совершать съ пользой частые набѣги въ странѣ, и они умѣло этимъ пользовались. Шесть разъ мы были вынуждены отстаиваться въ форштатахъ города, какъ-бы на аванпостахъ. Послѣ долгой неподвижности, происходившей будто-бы отъ страха, а на самомъ дѣлѣ бывшей умною осторожностью генерала, призвавшаго на помощь новыя подкрѣпленія и оттягивавшаго дѣйствія съ цѣлью задержать непріятеля до наступленія зимы, генералъ Витгенштейнъ подвинулъ правое свое крыло отъ Козянъ на Колодую и Сиротино (de Kosiany sur Kolodujа et Sirotino), стянулъ свой центръ на Ромщино (Romischino) и двинулся къ Полоцку.

(Далѣе слѣдуетъ краткое описаніе трехдневнаго Полоцкаго сраженія, которое мы выпускаемъ, такъ-какъ Пасторэ не былъ его очевидцемъ и говоритъ со словъ другихъ).

Взятіе Полоцка непріятелемъ было для насъ событіемъ огромной важности. Крѣпость эта, расположенная по обѣ стороны Двины, командовала надъ сообщеніемъ по рѣкѣ, и съ ея паденіемъ должны были пасть Дисна, Друя, Дрисса, Динабургъ и, наконецъ, самъ Витебскъ. Оба генерала тотчасъ это поняли. Генералъ Витгенштейнъ, побѣдитель, тотчасъ потребовалъ присылки новыхъ силъ; ген. Гувьонъ, побѣжденный, тоже просилъ подкрѣпленій; онъ именно просилъ подкрѣпленій, а не выручки. Герцогъ Беллунскій находился въ Смоленскѣ; пойди онъ тотчасъ по направленію, ему указанному, на Порѣчье и Велетъ-Иваново (Wiélyet-Jvanovo), это было-бы погибелью русской арміи, атако-

ванной съ сѣвера герцогомъ Тарантскимъ (маршалъ Макдональдъ), съ юга генераломъ Гувьономъ, съ востока герцогомъ Беллунскимъ, а съ запада имѣвшей Литву, находившуюся всецѣло въ нашихъ рукахъ она была-бы вынуждена сложить оружіе. Но герцогъ Беллунскій не получилъ достаточно скорыхъ указаній, съ другой стороны—герцогъ Беллунскій питалъ зависть къ генералу Гувьону, къ полученной имъ славѣ 18 августа, къ побѣдѣ, имъ тогда одержанной; онъ отказалъ въ присылкѣ войскъ, отговариваясь, что ничего не можетъ сдѣлать безъ приказанія отъ императора. Такимъ образомъ протекло пятнадцать дней. Наконецъ, русскіе узнали объ эвакуаціи Москвы и поторопились насъ снова атаковать; въ это время герцогъ Беллунскій, получившій строгое замѣчаніе отъ императора, рѣшился двинуться; но, вѣрный своему намѣренію подкрѣпить генералъ Гувьона, а не выручить его отвлеченіемъ непріятеля, избралъ путь, по его словамъ, наиболѣе короткій, и шелъ черезъ Бабиновичи и Сѣнно. Генералъ Гувьонъ узнаетъ это; движимый подобнымъ же чувствомъ, онъ опасается необходимости сдать командованіе старшему въ чинѣ и, послѣ нѣсколькихъ поспѣшныхъ распоряженій, повидимому самъ склоняется поддаться желанію русскихъ начать сраженіе; лишь только прибыли двѣ первыя бригады изъ арміи герцога Беллунскаго, онъ принимаетъ бой, кажется близъ Ошаца *) (sic—Ochatz), и—разбитъ; пораженіе было полное, и таланта генерала еле хватило на то, чтобы вновь сформироваться и отступить безъ особаго безпорядка черезъ Камень и Лепель, а герцогъ Беллунскій расположился квартирой въ Сѣннѣ.

Мы однако были почти совершенно спокойны въ Витебскѣ (18/30 октября).

Полное невѣдѣніе, въ которомъ мы находились, отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій, хотя меня внутренно весьма тревожило, давало мнѣ однако способы успокоить умы. Торговые люди, обыкновенно лучше освѣдомленные, распространяли одни только благопріятные для насъ слухи. Паденіе Полоцка, сначала произведшее большое впечатлѣніе, казалось теперь менѣе важнымъ, такъ-какъ я убѣдилъ

---

*) Первое Чашницкое дѣло 19/31 октября.—*Перев.*

жителей, что генералъ Гувьонъ совершилъ лишь искусный маневръ, прижавъ непріятеля къ рѣкѣ. Совсѣхъ сторонъ говорили о нашихъ побѣдахъ, только не задолго передъ этимъ насъ увѣрили, что авангардъ нашъ вступилъ въ Тверь. Затѣмъ говорили, что онъ въ Новгородѣ; наконецъ, говорили и о Петербургѣ. Вскорѣ затѣмъ это уже были не туманные слухи—это были положительныя подробности: знали, откуда послѣдовало нападеніе, разсказывали, какъ англичане, снявъ пушки съ нѣкоторыхъ изъ своихъ кораблей, нашли способъ вооружить ими батарею и какъ эта батарея была взята; называли ворота, черезъ которыя вступилъ императоръ, и точно указывали день. Относясь сперва недовѣрчиво къ этимъ слухамъ, которые самъ приказывалъ распространять, я былъ ими пораженъ, затѣмъ нерѣшителенъ, наконецъ я былъ въ положеніи человѣка, которому объявляютъ объ осуществленіи его желаній, и я, какъ и всякій другой, былъ очень близокъ имъ повѣрить, какъ вдругъ я увидѣлъ, что русскія ассигнаціи, которыя мнѣ съ такимъ трудомъ удалось удержать на обычномъ курсѣ (съ потерею въ 75%), вдругъ стали поразительно подниматься (потеря только въ 55 и 58 процентовъ); этого было вполнѣ достаточно для вселенія подозрительности; почти одновременно я узналъ, что ген. Гувьонъ довольно быстро отступалъ и что непріятель подвигался по обоимъ берегамъ Двины. Я просилъ маршала (т. е. Гувьонъ Сенъ-Сира) не оставлять насъ безъ защиты и, на сколько могъ, разсылалъ лазутчиковъ для наблюденія за непріятелемъ.

Уже одинъ изъ отрядовъ непріятельскихъ овладѣлъ Городкомъ, на правомъ берегу, а большая часть арміи была въ Бѣшенковичахъ; нападеніе было неизбѣжно и казалось очень близкимъ; мы сочли нужнымъ удвоить старанія и бдительность.

Разъ какъ-то (3 ноября нов. ст.) я самъ отправился для осмотра дороги и позицій впереди города. Возвращаюсь и нахожу военнаго губернатора. —«Ну, милостивый государь, говорю я,—что вы намѣрены дѣлать?»—Немного смущенный, онъ отвѣтилъ: «Я буду повиноваться приказаніямъ».— «Итакъ, вы выступите изъ города до нападенія непріятеля?»—«Вижу, что это необходимо. А вы,—обращаясь ко мнѣ,—не пойдете съ нами?»—«Что касается меня, отвѣтилъ я, то мнѣ, къ счастью, ни отъ кого не можетъ быть приказаній, какъ только отъ импера-

тора; это онъ меня здѣсь поставилъ, онъ мнѣ поручилъ Витебскъ, и я не покину Витебска, пока меня не выгонитъ непріятель».—Мы оба остались, но непріятель не замедлилъ насъ выгнать изъ города.

Высланные нами, хорошо оплаченные, лазутчики (espions) давали намъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Непріятель былъ въ восьми льё (32 версты) отъ насъ. Герцогъ Беллунскій при своемъ отступленіи оставилъ бригаднаго генерала Кастексъ съ двумя полками легкой кавалеріи, съ цѣлью развѣдки движенія русскихъ и, по возможности ихъ задержки; Кастексъ насъ о томъ увѣдомилъ и предупредилъ, что ежели онъ къ вечеру шестого ноября не появится въ Витебскѣ, то это будетъ знакомъ, что онъ былъ вынужденъ отступить.

Положеніе было критическое, у насъ было не болѣе восьми сотъ человѣкъ гарнизона, всѣ изъ Бергскаго полка; армія, которая должна была насъ поддержать, отступала, непріятель приближался съ двухъ сторонъ, у насъ было много причинъ къ тревогѣ и весьма мало надежды.

Мы такъ прождали день шестого ноября и всю слѣдующую ночь. Скоро все рѣшилось. Въ семь часовъ утра довольно частая перестрѣлка разбудила тѣхъ изъ насъ, которые послѣ безпокойствъ наканунѣ и постоянныхъ тревогъ ночью попытались прилечь. Я сѣлъ на лошадь и, выѣзжая изъ дому, увидѣлъ бѣжавшихъ ко мнѣ почти всѣхъ польскихъ чиновниковъ, находившихся въ довольно естественномъ тогда страхѣ; я ихъ успокоилъ, какъ могъ, послалъ за комендантомъ и полицмейстеромъ и потребовалъ отъ нихъ отчета о происходящемъ; они мнѣ отвѣтили, что непріятель въ предмѣстьи, на правомъ берегу, что евреи его ночью впустили. Онъ только что занялъ казарму жандармеріи (la grand'garde de gendarmerie) и передовой постъ нашей пѣхоты. Онъ остановился у мостового укрѣпленія (tête du pont) и насъ сильно атакуетъ. Пули, надъ нами жужжавшія, только подтверждали это грустное донесеніе. Въ ту же минуту прибылъ и генералъ.—«Видите, говорилъ онъ,—вы мнѣ помѣшали выступить изъ города, а теперь непріятель заставитъ насъ его покинуть».—«Непріятель дѣлаетъ свое дѣло, насъ атакуя, отвѣтилъ я,—а защищаясь—мы дѣлаемъ свое дѣло».—Тогда же я приказалъ вывести изъ города остатокъ нашихъ повозокъ (équipages). Казна наша и часть лазаретовъ

(ambulances) уже наканунѣ выступила съ агентами военной администраціи. Обозъ двинулся, и я поскакалъ верхомъ къ госпиталю въ зданіи гимназіи. Это былъ наиболѣе возвышенный пунктъ города, на берегу Двины, и тамъ была поставлена батарея изъ двухъ единственныхъ, у насъ имѣвшихся, пушекъ. Съ этого пункта я увидѣлъ стрѣлявшаго въ насъ съ того берега непріятеля, и это ему тѣмъ легче было дѣлать, что мы не были защищены ничѣмъ. Наши же пушки, поставленныя слишкомъ высоко, не приносили непріятелю вреда. Я подозвалъ одного изъ канонировъ, чтобы обратить его вниманіе на это, какъ онъ тутъ же упалъ, сраженный пулей; тогда же прибылъ сюда и генералъ со своими адъютантами. Мысль о паденіи крѣпости его такъ смутила, что выразить трудно.—«Подожженъ-ли мостъ»? спрашиваю я. —«Я это приказалъ».—«Но мнѣ кажется, что приказаніе не исполнено». «Оно навѣрное исполнено».—Мало успокоенный послѣднимъ отвѣтомъ, я спустился съ горы, чтобы въ этомъ самому убѣдиться; уже ядра свистѣли въ городѣ; доскакиваю до моста—онъ цѣлехонекъ.—«Капитанъ, говорю я начальнику поста, отчего не подожгли моста?»—Онъ ко мнѣ вплотную подходитъ, беретъ мою лошадь за уздцы и отвѣчаетъ: «Это дѣло артиллерійскаго офицера, а не мое»,—и въ эту минуту падаетъ убитый. Мостъ былъ прямой и непріятель на другомъ его концѣ цѣлился по мосту; я удалился и отправился къ генералу Пужэ (Pougét). Очень хотѣлось продолжить оборону, но уже было поздно: у насъ было только двадцать человѣкъ верхомъ, пушками управляли люди неопытные въ дѣлѣ; надо было покориться. Гарнизонъ собрался на площади и сталъ выступать въ сторону, противуположную атакѣ непріятеля; все, казалось, способствовало нашему отступленію. Меня безпокоило только одно: мы оставляли въ госпиталѣ двѣсти человѣкъ больныхъ, а опытъ войны доказывалъ, что мало давалось пощады. Я сперва рѣшился было остаться съ ними, но наши французы, а затѣмъ и сами жители меня отъ этого удержали.—«Ваша голова оцѣнена, сказалъ одинъ изъ нихъ, и всякій васъ знаетъ. Первый ударъ сабли или выстрѣлъ изъ пистолета достанется вамъ, и вы погибнете безъ всякой пользы для больныхъ».—Причина была достаточно вѣская, я это понялъ, и отказался отъ первоначальнаго намѣренія. Когда мы подходили къ большой площади, я увидѣлъ именитѣйшихъ гражданъ

города, выходившихъ изъ іезуитской церкви.—«Господинъ интендантъ, говорили они,—мы съ вами разстаемся, мы снова поступаемъ подъ начальство правительства, нами любимаго, но мы только что молились за васъ, уходите поскорѣе отъ непріятеля, который погонится за вами, и не забывайте насъ, мы васъ никогда не забудемъ. Если когда-нибудь вы будете принуждены покинуть вашу Францію, пріѣзжайте къ намъ, Витебскъ будетъ счастливъ васъ снова увидѣть».—Я обратился къ городскому головѣ —«Милостивый государь, сказалъ я: если Витебскъ полагаетъ быть мнѣ сколько-нибудь обязанъ благодарностью, то я прошу у васъ немедленнаго доказательства. Я оставляю въ госпиталѣ двѣсти человѣкъ больныхъ. Накормите ихъ въ ихъ нищетѣ, защитите ихъ, беззащитныхъ. Вспомните, что они находятся въ восьмистахъ льё отъ своей родины, безъ поддержки, безъ средствъ, и что они сюда пришли только съ цѣлью васъ освободить и защитить». —«Клянусь вамъ, отвѣтилъ мнѣ городской голова,—что пока меня силою отъ того не удержатъ, мы всѣ позаботимся о ихъ нуждахъ».—Я большаго и не желалъ, и разстался съ ними; многіе изъ нихъ плакали, я самъ плакалъ; однако не очень я любилъ свое пребываніе въ Витебскѣ, я былъ тамъ только несчастливъ и въ тревогѣ; но въ эту минуту мнѣ оказывали привязанность.

Комендантъ крѣпости Шавардесъ, храбрый до неосторожности и часто увлекаемый своей южной головой, захотѣлъ остаться еще нѣкоторое время въ городѣ съ немногими нашими силами, для наблюденія за непріятелемъ и для сожженія моста; имѣя хорошую лошадь, онъ легко могъ насъ догнать. Итакъ выступили безъ него, пѣхота впереди съ нашими двумя орудіями, за нею около двѣнадцати человѣкъ верхомъ на лошадяхъ, а генералъ Пужэ со мною замыкали шествіе. При выходѣ изъ города я увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые, казалось, отъ меня прятались, и поскакалъ къ нимъ. То были служащіе изъ госпиталя, тѣ самые, что были отряжены комисаромъ для ухода за больными.—«Вы здѣсь, спросилъ я,—что же вы дѣлаете?—«Городъ покидаютъ, господинъ интендантъ, и мы также его покидаемъ».—«Но больные лежатъ въ госпиталѣ? И кто-же за ними будетъ ходить? Кто заявитъ о ихъ нуждахъ? Вамъ приказано было оставаться».—«Нѣтъ, господинъ интендантъ».—«Военный комисаръ

долженъ былъ вамъ дать такое приказаніе, и если онъ того не сдѣлалъ, то я самъ приказываю, и вы останетесь».—«Мы не останемся, воскликнули они,—у насъ нѣтъ обязанности жертвовать своей жизнью». —И тысяча (sic) безпорядочныхъ криковъ вторили этимъ словамъ директора госпиталя. Я вытащилъ пистолетъ изъ кармана и приставилъ дуло къ его груди.—«Еще шагъ—и я васъ убью, сказалъ я.—Первый изъ васъ, который попытается за нами слѣдовать будетъ растрѣлянъ. Отправляйтесь къ своему мѣсту!»—Они отправились, и наше отступленіе продолжалось.

Мы выступили изъ Витебска въ нѣкоторомъ порядкѣ: примѣрно, въ четырехъ льё (16 верстъ) впереди насъ шелъ высланный мною утромъ обозъ подъ охраною двухъ сотъ человѣкъ, мы составили какъ бы его арріергардъ; мы слѣдовали по избранному пути, единственному для насъ свободному, на Смоленскъ чрезъ Рудню и Жуково. Въ разстояніи одного льё (4 версты) отъ города ускакавшій изъ города жандармъ насъ догналъ и сообщилъ, что все было взято непріятелемъ, что мостъ подожгли слишкомъ поздно и что непріятель насъ догоняетъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли его кавалерію. Мы строимся въ коллону, непріятель приближается, подробно насъ осматриваетъ и съ кавалеріей отправляется направо, съ цѣлью насъ обойти.—«Генералъ, говорю я тогда Пужэ,—эти люди стремятся намъ отрѣзать дорогу, надо этому помѣшать; я поскачу впередъ, чтобы выстроить въ бой головной отрядъ, вы же ихъ здѣсь задержите. Обѣщаю вамъ, что они насъ тамъ не отрѣжутъ».—Онъ соглашается, и я отправляюсь со своимъ однокашникомъ и другомъ Рели, бывшимъ со мною. Проскакавъ около одного льё, встрѣчаю офицера, принадлежавшаго къ головному отряду, передаю ему приказаніе для немедленнаго исполненія, а мы съ Рели слѣзаемъ и заходимъ въ сарай значительной величины, находившійся у дороги, за небольшимъ мостомъ. Рели на минуту отлучается за сараемъ, а я остаюсь при лошадяхъ. Вдругъ раздаются крики, и я вижу по ту сторону моста скачущихъ казаковъ; зову Рели, онъ прибѣгаетъ полураздѣтый, вскакиваемъ на своихъ лошадей и несемся, имѣя съ тыла быстро нагоняющихъ казаковъ. Въ ста шагахъ далѣе открывается оврагъ, черезъ который неминуемо надо перейти. Съ одной стороны крутой,

почти отвѣсный холмъ, съ другой—глубокая яма, вырытая въ пескѣ, а въ оврагѣ—завязнувшій зарядный ящикъ, котораго не могли вытащить слишкомъ слабосильныя лошади; рядомъ—свалившееся большое дерево, покрытое снѣгомъ, являлось единственнымъ возможнымъ сообщеніемъ. Я мгновенно сообразилъ и серьезность препятствія, и необходимость его преодолѣть, и затруднительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающую опасность моего положенія; лошадь меня спасла, она вскарабкалась на лежащее дерево, цѣпко на немъ встала, а затѣмъ прыжкомъ поверхъ зарядняго ящика очутилась на другомъ склонѣ, и опять меня понесла. Я убѣгалъ и недоумѣвалъ, какъ могли явиться преслѣдовавшіе насъ казаки. Что-же стало съ генераломъ Пужэ и съ его отрядомъ и артиллеріей, которые должны были не пропустить сзади насъ непріятеля? Вскорѣ я все узналъ отъ догнавшихъ меня адъютантовъ: русскіе настигли генерала Пужэ, онъ старался окружить пушки войсками, но не успѣлъ этого сдѣлать, и казаки вломились въ ряды Бергскихъ солдатъ, которые всѣ и сдались. Одинъ изъ адъютантовъ былъ храбрый и честный человѣкъ; дважды онъ постарался собрать нѣсколькихъ бѣглецовъ и, поворачивая фронтъ, наступать на непріятеля, находившагося въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, но они оказывались въ одиночествѣ, остальные бѣжали, и поневолѣ пришлось убѣгать.

Мы такимъ образомъ проскакали десять льё (40 верстъ). Въ девять вечера при полной темнотѣ вся наша кучка заблудилась и со мною было только нѣсколько фискальныхъ чиновниковъ (employés de régies). Я остановился въ избѣ для отдыха лошадей; тьма, казалось, защищала меня отъ погони, и я предполагалъ себя въ безопасности. Однако вскорѣ прибываетъ одинъ изъ нашихъ, за которымъ, оказывается, гнались; евреи въ деревняхъ замѣтили меня и мой мундиръ и указывали мой путь; бѣглецы сами его указывали; мы были въ опасности. Я взялъ проводникомъ крестьянина, и мы двинулись дальше. Уже была полночь; сильный морозъ (отъ 16 до 18 градусовъ) стягивалъ воздухъ, ледяной вѣтеръ взметалъ тучи снѣга, и земля была такъ покрыта снѣгомъ, что нельзя было различить дорогу; вокругъ меня было нѣсколько удрученныхъ и обезкураженныхъ людей, роптавшихъ и зачастую укорявшихъ; проводникъ ощупывалъ тростью

землю, иногда ложился, чтобы разглядѣть слѣдъ, который и днемъ былъ-бы съ трудомъ видимъ, и, часто казалось, отчаявался найти дорогу. Я самъ, ослабленный нѣсколькими предыдущими безсонными ночами и отсутствіемъ пищи, лично преслѣдуемый, съ головой, оцѣненной непріятелемъ, и почти безъ всякой надежды, я велъ эту кучку бѣглецовъ; сердце, полное грустными воспоминаніями, съ горечью сравнивало мое теперешнее положеніе съ прежде бывшимъ. И будущее, представлявшееся въ видѣ славы, счастья и достатка, я сравнивалъ съ горемъ и, быть можетъ, смертью, казавшимися моимъ единственнымъ удѣломъ.

Проводникъ, наконецъ, объявилъ, что мы спасены; ему удалось найти дорогу, и мы направились къ сосѣдней усадьбѣ (château voisin) просить о пристанищѣ, на что было дано согласіе; два часа позднѣе мы покинули усадьбу и казаки насъ тамъ искали; но либо имъ указали ложное направленіе, либо имъ показалось, что обѣщанные за мою голову пятьсотъ червонцевъ не стоютъ такихъ усилій, только они въ 15 лье отъ Витебска прекратили погоню. Оттуда мы пошли на Смоленскъ неизвѣстными дорогами, питаясь милостыней крестьянъ, изъ которыхъ иные давали намъ пріютъ, а другіе съ презрѣніемъ насъ отталкивали, когда я умолялъ ихъ выдать немного корма лошади или хлѣба мнѣ. Но надежда на наступленіе лучшихъ временъ снова у меня появилась.

Мы въ Витебскѣ жили въ такомъ невѣдѣніи, что полагали, что императоръ еще въ Москвѣ. Въ нѣсколькихъ лье отъ Смоленска мы начинали догадываться о положеніи дѣлъ по разсказамъ крестьянъ, а немного далѣе мы встрѣтили войска арміи вице-короля, направлявшейся на Витебскъ, сами же мы поспѣшили прибыть въ Смоленскъ. Мы прошли черезъ полуразрушенныя укрѣпленія, прошли мимо домовъ, когда-то прекрасныхъ, но представлявшихъ однѣ развалины. Наконецъ мы прибыли $\left(\frac{\text{29 октября}}{\text{10 ноября}}\ \text{1812 г.}\right)$. Министръ меня тотчасъ повелъ къ императору. Сперва пришлось увидѣть принца Невшательскаго (маршала Бертье), начальника главнаго штаба. — «Какъ? Вы здѣсь? воскликнулъ онъ, — что же вы пришли дѣлать?» — «Принести печальную вѣсть, ваше свѣтлость: Витебскъ взятъ»! — «Витебскъ взятъ? А корпусъ

вице-короля туда пошелъ?»—«Корпусъ вице-короля въ одномъ маршѣ отсюда по тому направленію, тѣмъ не менѣе Витебскъ взятъ, ваша свѣтлость!»—«Это невозможно», отвѣтилъ онъ.—Я хотѣлъ возразить, но онъ все повторялъ: „Это невозможно, это невозможно“,—и прибавилъ: „впрочемъ, зачѣмъ вы мнѣ о томъ докладываете?. Отправляйтесь, если хотите, сами о томъ доложить императору“.—Я такъ и сдѣлалъ, и поднялся наверхъ. Когда я вступилъ въ дежурную комнату, одинъ изъ адъютантовъ генерала Пужэ только-что вошелъ къ императору и разсказалъ ему главное, и въ эти нѣсколько минутъ, что онъ тамъ находился, надо было видѣть любопытство присутствовавшихъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Наконецъ императоръ за мной послалъ. Я вошелъ, какъ пріѣхалъ, со шпагою въ рукѣ и суконной шапкой намѣсто треуголки. Онъ былъ одинъ съ Неаполитанскимъ королемъ и началъ довольно спокойно:—«Итакъ вы желаете совершить весь походъ, вы къ намъ возвращаетесь?»—«Ей Богу, государь, отвѣтилъ я,—въ томъ не моя вина».—„Я это знаю, но—посмотримъ, разскажите, какъ все это случилось“.—Я ему описалъ все въ наиболѣе сжатой формѣ. Когда я кончилъ, Неаполитанскій король на меня набросился съ вопросомъ: „какіе это негодяи солдаты сдались такимъ образомъ?“—„Государь, отвѣтилъ съ наибольшимъ смиреніемъ,—то были солдаты Бергскаго полка“ *).—Онъ удовлетворился этимъ и больше не задавалъ вопросовъ. Обращаясь снова къ императору, я отвѣчалъ на его вопросы касательно вида и количества имѣвшихся запасовъ. Въ магазинахъ было достаточно провіанта для всей арміи на десять дней, а для одного корпуса на всю зиму.—«Очень ли было вамъ трудно собрать такіе запасы?» спросилъ онъ.—„Довольно трудно, такъ-какъ непріятель былъ все время поблизости.“—„Да, но у васъ былъ Гувьонъ для вашей защиты“.—„Простите, государь, ген. Гувьону было не до насъ, ему самому приходилось обороняться отъ непріятеля“.—«А жители?» —„Жители подъ конецъ начали намъ довѣрять. Но администраторы, поставленные вашимъ величествомъ, при мнѣ всѣ разбѣжались, и ихъ отсутствіе часто задерживало дѣла“.—„Какъ? вы были одни?“—«Совершенно одинъ, отвѣтилъ я,—и прошу ваше величе-

---

*) Мюратъ носилъ званіе и Бергскаго великаго герцога.

ство меня по этому извинить, если не могъ исполнить инструкціи».— «Хорошо, хорошо, а каково было отношеніе къ вамъ народа и дворянства?»—„Свободы они не желаютъ, а если у нихъ есть къ чему либо энтузіазмъ, то только къ вашему величеству".—„Вообще они сталибы противъ меня?"—«Нѣтъ, государь».—„Ну, тогда мнѣ большаго ничего не нужно".—Затѣмъ онъ меня разспрашивалъ о различныхъ отрасляхъ управленія и вернулся къ самому факту взятія города.—„Какъ же Гувьонъ не остановилъ Витгенштейна?"—«У него было не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ».—„Это невѣрно, быстро возразилъ онъ,—у Гувьона было пятьдесятъ, а у Витгенштейна не болѣе двадцати тысячъ человѣкъ".—«Я могу говорить вашему величеству только то, что знаю, но я это знаю вѣрными путями, черезъ лазутчиковъ, частыми сношеніями; въ своемъ *положеніи я долженъ былъ сильно интересоваться* этими свѣдѣніями и по-моему у маршала Гувьона было только тридцать тысячъ человѣкъ, а у Витгенштейна пятьдесятъ».—«Они опять меня обманули! воскликнулъ онъ,—и прибавилъ: „а маршалъ Викторъ"?—Я ничего не отвѣтилъ.—«А Викторъ что»?—„Государь, отвѣтилъ я,—не мнѣ судить о его дѣйствіяхъ; я могъ бы ошибиться и ввести васъ въ заблужденіе".—«Нѣтъ, говорите, говорите».—„Государь, вотъ уже мѣсяцъ, что Витебскъ былъ въ большой опасности. Герцогъ Беллунскій не счелъ нужнымъ придвинуться, невзирая на наши ежедневныя ходатайства, невзирая на ежедневныя просьбы маршала Гувьона выслать ему подкрѣпленія, несмотря на то, что ему указывали короткій и вѣрный путь, чтобы ударить въ тылъ непріятеля; онъ дожидался приказаній вашего величества выручить насъ и когда онъ, наконецъ, рѣшился двинутьтя, маршалъ Гувьонъ открылъ сраженіе и былъ разбитъ. Одинъ изъ нихъ теперь въ Череѣ, а другой въ Новомъ Лепелѣ".—«Ахъ, несчастный! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.—Этотъ Викторъ не въ состояніи даже командовать дивизіей, полкомъ! Не идти впередъ! Дозволить прорваться черезъ линію! Видите-ли, какъ они жертвуютъ, изъ личныхъ расчетовъ, спасеніемъ моихъ армій! Какая глупость, какое невѣдѣніе первыхъ основъ военнаго искусства, сказалъ онъ, подойдя къ разложенной на столѣ картѣ,—и вотъ таковы они всѣ! Я слишкомъ ихъ возвысилъ, они неохотно служатъ, они разстраиваютъ всѣ мои планы! Даву—наполовину

помѣшанный и ни на что не годенъ; Викторъ—этотъ уничтожаетъ только безъ пользы заготовленный въ Смоленскѣ провіантъ; Ожеро—не хотѣлъ двинуться и пологаетъ, что оказываетъ мнѣ милость, подчиняясь моимъ приказаніямъ. Они однако должны меня слушаться, они знаютъ кто я, а я знаю, кто они! Нѣтъ, среди нихъ нѣтъ никого, кому можно-бы довѣрить что-либо; надо вѣчно самому все дѣлать. Пусть будетъ такъ, я все буду дѣлать, но пусть они повинуются и исполняютъ, пусть берегутся, я хорошо сумѣю безъ нихъ обойтись! Видите-ли, какой планъ они сумѣли испортить! Вице-король въ Витебскѣ, Гувьонъ въ Динабургѣ и Макдональдъ въ Ригѣ командуютъ надъ всей Двиной; въ Могилевѣ и Смоленскѣ Даву и Ней защащаютъ Днѣпръ; Викторъ идетъ въ Оршу, Ренье въ Минскъ, Понятовскій въ Полоцкѣ, Шварценбергъ съ нѣмцами на Украйнѣ, и я изъ Вильны въ теченіе зимы организую всю страну и даю отдыхъ арміи и заставляю ихъ, наконецъ, слушаться. Какое невѣдѣніе, какое невѣдѣніе! повторилъ онъ еще два или три раза, стукнувъ объ столъ кулакомъ. Ахъ, Боже мой! и они еще хотятъ меня обмануть»!—Онъ снова приблизился ко мнѣ.—«Оставьли-ли вы что-нибудь въ Витебскѣ»? спросилъ онъ.—„Нѣсколько больныхъ, которыхъ не могъ увезти; но они въ безопасности: городской голова честью поклялся ихъ защитить, накормить и лечить; долженъ его назвать вашему величеству: это—Богомолецъ, и я радъ случаю засвидѣтельствовать ему передъ вами свое уваженіе и благодарность".—«Хорошо, сказалъ императоръ, меня это радуетъ». Король Неаполитанскій присоединился ко мнѣ въ этихъ похвалахъ. Мало-помалу императоръ успокоился и сталъ разговаривать, какъ обыкновенно.—„Что за страна этотъ вашъ Витебскъ, спросилъ онъ, —городъ-то я видѣлъ, по окрестности"?—«Очень печальныя, отвѣтилъ я,—и страна, и учрежденія, и люди—все это одно только подкрашенное варварство». —„Я это знаю, отвѣтилъ онъ,—и послѣ нѣсколькихъ другихъ вопросовъ продолжалъ:—они упрекаютъ меня въ честолюбіи, какъ будто честолюбіе могло меня сюда привести: война эта чисто политическая. Эхъ, какая мнѣ выгода идти сюда искать такой климатъ, такую страну? Стоитъ-ли все это самой плохой части Франціи? Для нихъ же все имѣетъ другую цѣну; въ Польшѣ, въ Германіи--все хорошо, все прекрасно для этихъ дикарей; одно только сіяніе солнца въ продолженіе

шести мѣсяцевъ—для нихъ пріятная новинка! Это ихъ слѣдуетъ останавливать, а не то что меня. Эти нѣмцы со своею философіей ничего не понимаютъ». Такой разговоръ продолжался еще нѣкоторое время, потомъ онъ спросилъ, не усталъ-ли я. Я дѣйствительно былъ утомленъ и въ томъ признался. Онъ отправилъ меня спать, предупредивъ, что завтра снова за мною пошлетъ. Когда я вышелъ, всѣ удивлялись моему милостивому пріему, и многіе возобновили со мною знакомство. Я прождалъ слѣдующій день, но императоръ получилъ дурныя извѣстія, и я его снова увидѣлъ только много позднѣе, близъ р. Березины.

Вотъ и все, что касается Витебска въ мемуарахъ маркиза Пасторэ. Онъ далѣе описываетъ всѣ тягости отступленія, со словъ другихъ приводитъ краткое описаніе всего случившагося съ арміей, съ іюля по ноябрь, и кончаетъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина во Францію, куда онъ могъ прибыть въ январѣ 1813 г. Можно предположить, что онъ вскорѣ началъ писать эти записки, такъ-какъ о новомъ походѣ 1813 года онъ упоминаетъ, только какъ о предстоящей въ будущемъ необходимости отогнать русскихъ изъ Германіи въ свои предѣлы, загородившись отъ нихъ надежнымъ барьеромъ.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ.

О пребыванiи въ плѣну въ Витебскѣ въ 1812 и 1813 годахъ иностранцевъ-офицеровъ Наполеоновской армiи.

Извлечено изъ записокъ графа Карла фонъ Ведель [1]).

Отъ переводчика.

Графъ Карлъ фонъ Ведель (1790—1853) служилъ поручикомъ въ 9-мъ польскомъ легко-конномъ полку, въ кавалерiйскомъ корпусѣ генерала Нансути. Родомъ онъ былъ изъ Остъ-Фризiи, на границѣ Голландiи, и, по присоединенiи этой провинцiи къ Голландiи, кончилъ обученiе въ Лейденскомъ университетѣ и началъ службу сперва по гражданской части, а позднѣе, по присоединенiи всей Голландiи къ имперiи Наполеона, въ войскахъ имперiи. Подъ конецъ жизни онъ недолго былъ ганноверскимъ министромъ народнаго просвѣщенiя. Младшiй его сынъ былъ еще недавно оберъ-шталмейстеромъ двора нынѣшняго императора германскаго Вильгельма II.

Во время отступленiя или—вѣрнѣе—бѣгства Наполеоновской армiи графъ фонъ Ведель, голодный и иззябшiй, шелъ 7/19 ноября 1812 года пѣшкомъ отъ Орши къ Лядамъ и, замѣтивъ сохранившееся село въ десятиминутномъ разстоянiи направо отъ дороги, отправился туда, въ надеждѣ найти что-либо съѣстное. Его тамъ прiютилъ и накормилъ священникъ (вѣроятно унiатскiй), съ которымъ онъ объяснялся по-латыни. Но скоро и неожиданно нагрянули казаки и за-

---

[1]) Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Russland 1812, in russicher Gefangenschaft 1813 bis 1814, im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Lebenserinnerungen von Carl-Anton Wilhelm Grafen von Wedel. Berlin 1897. Asher & C-0 Verleger. Преемниками фирмы Asher & C-0, Берлинской издательской фирмой Behrend & C-0, разрѣшено публиковать порусски этотъ отрывокъ. *Перев.*

брали его въ плѣнъ. Казачій полковникъ Иловайскій, при видѣ польской уланской шапки, заговорилъ съ нимъ по-польски, но узнавъ, что онъ не полякъ, а нѣмецъ (полкъ былъ только по имени польскій и служили въ немъ одни нѣмцы), позвалъ говорящаго по-нѣмецки своего офицера, и когда разъяснилось, что его зовутъ графомъ фонъ Ведель, Иловайскій спросилъ, не родственникъ-ли онъ храброму генералу той-же фамиліи, другу Фридриха Великаго? Нашъ Ведель отвѣтилъ, что тотъ приходился ему дѣдомъ, что было не совсѣмъ вѣрно—родство было болѣе дальнее. Оказалось, что Иловайскій хорошо зналъ исторію Фридриха Великаго, чтилъ его память, и поэтому обращеніе съ Веделемъ тотчасъ измѣнилось; его обогрѣли, дали денегъ, снабдили лошадью и теплымъ плащемъ, а затѣмъ онъ обѣдалъ съ офицерами, и здѣсь съѣдалась провизія и распивалось отличное вино, отбитыя казаками съ фургономъ короля Мюрата. Но для Веделя это продолжалось недолго, его на слѣдующій день передали конвойному пѣхотному отряду, направлявшемуся въ Витебскъ съ другими плѣнными, при чемъ въ пути отъ него отобрали все, данное Иловайскимъ, и онъ, послѣ многихъ мытарствъ, добрался до Витебска 12/24 ноября.

Приводимъ здѣсь въ переводѣ съ нѣмецкаго подлинный разсказъ самого Веделя о его пребываніи въ Витебскѣ.

...Въ Витебскъ мы вступили послѣ полдня, и намъ, офицерамъ, отвели помѣщеніе въ небольшомъ, дочиста ограбленномъ домѣ и заперли въ комнатѣ нижняго этажа, направо отъ входа. Въ комнатѣ же налѣво отъ входа помѣстились шесть человѣкъ сторожившихъ насъ казаковъ. Въ нашей комнатѣ было три окна на улицу, къ стѣнѣ была прикрѣплена скамья и былъ кромѣ того сосновый шкапъ и одинъ столъ. Оконныя стекла были побиты. Часъ спустя, явился полицейскій офицеръ, переписавшій поименно всѣхъ насъ, и съ нимъ пришло двое людей, изъ которыхъ одинъ съ большимъ мѣшкомъ, а другой съ двумя кружками вина и нѣсколькими чашками, которыя онъ поставилъ на столъ. Первый человѣкъ высыпалъ содержимое мѣшка прямо на полъ посреди комнаты. Оно оказалось въ родѣ кусковъ торфа, величиною съ кулакъ. Полицейскій чиновникъ объявилъ, что

вернется завтра съ новымъ запасомъ провизіи. Мы освидѣтельствовали обѣ кружки, въ меньшей оказалась плохая водка, а въ большей кислое пиво (квасъ?). То, что намъ представилось темнымъ торфомъ, при близкомъ осмотрѣ оказалось изсушеннымъ кислымъ чернымъ хлѣбомъ, въ которомъ виднѣлась овсяная шелуха. Русскіе называютъ это сухарями. Хлѣбъ рѣжется на ломти, кладется въ печь и получается родъ жесткаго бисквита. Нашъ хлѣбъ внутри былъ совершенно бѣлый, но не отъ плѣсени, а отъ химическаго разложенія. Надо полагать, что нашли этотъ овсяный хлѣбъ негоднымъ для обращенія его въ сухари для войскъ, хранился онъ затѣмъ въ сыромъ мѣстѣ и найденъ достаточно годнымъ для военно-плѣнныхъ. Голодъ заставилъ насъ имъ не побрезгать, и мы поужинали весьма печально. Мы просили о соломѣ для ночлега, но намъ отвѣтили, что всю солому съѣли французскія лошади. Сквозь побитыя стекла проникалъ въ комнату снѣгъ. Мы заткнули тряпками отверстія и должны были лечь прямо на полъ. Изъ шкапа вытащили одинъ изъ ящиковъ вмѣсто изголовья, разостлали мой бѣлый плащъ—получилось ложе, другой вестфальскій офицеръ, по фамиліи Либгаберъ, легъ рядомъ со мною, и мы прикрылись его плащемъ. Привыкшіе къ твердому ложу и подъ открытымъ небомъ, мы отлично заснули. Не одну такую ночь провели мы, лежа на мерзлой землѣ, подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ, либо подъ снѣгомъ или дождемъ.

На другое утро пришелъ полицейскій и снова съ водкой, пивомъ и сухарями. На нашу просьбу исправить оконныя стекла онъ прислалъ человѣка, залѣпившаго ихъ бумагой, но послѣдняя отъ сырости скоро отстала, и пришлось снова прибѣгнуть къ тряпкамъ. Положеніе наше было крайне жалкое. Истомленные, голодные, покрытые грязью и насѣкомыми, не бритые, безъ средствъ вымыться и почиститься, хилые, жалкіе, одѣтые въ рубища, мы бы другъ на друга смотрѣли съ гадливостью, если бы не потеряли къ тому времени всякаго чувства гадливости.

Грязнѣйшій изъ нищихъ не могъ производить болѣе отталкивающаго впечатлѣнія, чѣмъ мы, двадцать здѣсь собранныхъ офицеровъ. Изъ дома разрѣшалось намъ выходить только во дворъ. Но и безъ этого запрещенія мы бы постыдились выйти на улицу. На слѣдующій

день снова пришелъ полицейскій офицеръ. Одинъ изъ нашихъ, довольно пожилой французъ, лазаретный инспекторъ, лежалъ въ горячечномъ бреду. На этотъ разъ сердце полицейскаго не устояло отъ жалости. Онъ намъ обѣщалъ починить окна и прислать намъ цирульника, а также умывальный тазъ, мыла и гребни, и объявилъ, что съ завтрашняго дня намъ дадутъ мясного. Онъ сдержалъ слово; хотя въ тѣхъ же рубищахъ, но мы, наконецъ, были выбриты, острижены, умыты и причесаны и получили человѣческій образъ. Намъ также прислали еще столовъ, ножей, вилокъ и ложекъ, стакановъ, большой жбанъ, ведро, хорошаго пива, соли, овсяной каши и столоваго масла. Какъ удивительно вкусенъ намъ показался супъ изъ овсянки! Наконецъ, получили мы горячую, здоровую пищу! Живя привольной обыденной жизнью, совершенно не знаешь, сколько наслажденія получаешь отъ самыхъ незатѣйливыхъ вещей, и только одна горькая нужда насъ тому учитъ.

Воздухъ въ тѣсной комнатѣ былъ ужасенъ, насѣкомыхъ расплодилось множество и они насъ все болѣе и болѣе мучили. Больному лазаретному инспектору становилось все хуже; ужъ онъ не могъ подняться на ноги. Соломы у насъ не было. Къ бреду и горячкѣ скоро присоединился отравляющій воздухъ поносъ. Лазаретный инспекторъ вскорѣ скончался въ ужасномъ состояніи, безъ всякаго врачебнаго облегченія своихъ страданій. Мы только просили, чтобы его трупъ убрали. Но русскіе гнушались трупа, лежащаго въ испражненіяхъ, быть можетъ, также боялись заразы и не хотѣли за него взяться. Такъ-какъ мы не могли выйти изъ дома и не желали сложить трупъ на тѣсномъ нашемъ дворикѣ, гдѣ мы пользовались чистымъ воздухомъ, то намъ не оставалось другого выбора, какъ выбросить въ окно трупъ на улицу. Четверо изъ насъ взялись за трупъ и, раскачавъ его при счетѣ разъ-два-три, выбросили его на улицу въ кучу снѣга, наметеннаго вьюгой у насъ подъ окномъ. Здѣсь онъ пролежалъ замерзшій нѣсколько дней, пока не былъ убранъ.

Намъ теперь выдавали ежедневно 20 фунтовъ мороженаго мяса, крупъ, картофеля и хлѣба, и мы жили относительно сносно. Частенько однако приходилось, что наша стража отгоняла насъ отъ плиты, когда супъ былъ готовъ, вычерпывая изъ него наваръ и луч-

шіе куски мяса, и разбавивъ его водой намѣсто отнятаго навара, передавали супъ намъ.

На другой день послѣ кончины лазаретнаго инспектора намъ полицейскій объявилъ, что отнынѣ намъ разрѣшено выходить по одиночкѣ или вдвоемъ, въ сопровожденіи казака. Въ тотъ-же день пришелъ къ намъ и деньщикъ Либгаберга, вестфальскій солдатъ, въ сопровожденіи казака, и освѣдомился о своемъ баринѣ, съ которымъ онъ имѣлъ интимный разговоръ. По его словамъ, плѣннымъ солдатамъ жилось еще много хуже, чѣмъ намъ. Они лежали въ большомъ домѣ, въ просторныхъ комнатахъ, но безъ оконныхъ рамъ и дверей, и было невыносимо холодно. Получали они только сухари, водку и кислое пиво, причинявшее рѣзь въ желудкѣ. Треть команды уже померла. Онъ умолялъ разрѣшить ему остаться съ нами, но казаки на то не согласились.

Либгаберъ, лежавшій со мною, шопотомъ мнѣ сообщилъ, что его деньщикъ, отличный и очень къ нему привязанный человѣкъ, сохранилъ два золотыхъ червонца и хотѣлъ ихъ оба ему передать. Но онъ взялъ только одинъ, а другой возвратилъ деньщику. Онъ рѣшилъ, что сумма эта была слишкомъ недостаточна для полезнаго примѣненія и что мы всѣ скоро здѣсь покончимъ жизнь въ нищетѣ, и потому предложилъ мнѣ воспользоваться разрѣшеніемъ выйти и на нее хоть разъ хорошенько поѣсть въ трактирѣ. Предложеніе было очень заманчиво, такъ какъ я чувствовалъ всегда голодъ. Мы почистились, какъ могли, заняли у товарищей недостающую одежду и, выйдя на улицу, вскорѣ нашли недалеко большой трактиръ, на вывѣскѣ котораго красовалась золотыми буквами напись: «Hotel de Carlson». Мы вошли, намъ указали залу, въ которой нѣсколько русскихъ офицеровъ играли на билліардѣ. Отвели намъ столъ, поставили приборы и принесли кушанье и бутылку вина, нами не заказанную. Позавтракали мы отлично и намъ подали кофе и ликеры. Мы стали уже бояться, что нашего червонца не хватитъ за угощеніе. Либгаберъ передалъ его хозяину со словами: «вотъ все, что у насъ есть, милостивый государь, получите въ уплату». Но хозяинъ не принялъ червонца и сказалъ, что на эти деньги можно купить овчину, что онъ съ насъ денегъ не желаетъ брать и только проситъ насъ почаще у

него бывать. Либгаберъ благодарилъ и просилъ указать, гдѣ можно купить овчинный тулупъ. Хазяинъ вызвался достать таковой и вскорѣ вернулся съ хорошимъ полушубкомъ и принесъ еще сдачи съ червонца. Мы смотрѣли на билліардную игру, и Либгаберъ какъ то меня назвалъ по фамиліи. Услышавъ мою фамилію, одинъ изъ русскихъ гусарскихъ офицеровъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Ваша фамилія Ведель?» И когда я отвѣтилъ»: «да, графъ Ведель»,—онъ продолжалъ: «Не изъ Остъ-Фрисландіи-ли?»—«Совершенно вѣрно, изъ Эвенбурга, близъ Лера».—«Тогда вы, значитъ, братъ моего лучшаго друга, безстрашнаго Августа!»—Такъ, дѣйствительно, прозвали моего двоюроднаго брата Августа, когда онъ въ 1806-мъ году служилъ въ прусскомъ корпусѣ Гиршфельда и отличался безумной храбростью. На мой отвѣтъ, что Августъ приходится мнѣ двоюроднымъ братомъ и что я очень съ нимъ друженъ, русскій офицеръ очень обрадовался случаю имѣть о немъ извѣстія. Онъ мнѣ сказалъ, что его зовутъ Мартенсъ, родомъ изъ Риги, служилъ прежде въ прусскихъ войскахъ, въ корпусѣ Гиршфельда, а съ 1809 года находится на русской службѣ въ чинѣ ротмистра. Онъ очень восторгался безстрашіемъ Августа. Я ему сообщилъ все, что зналъ о послѣднемъ: что онъ въ чинѣ ротмистра совершилъ походъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и пр.; потомъ я ему разсказалъ о себѣ, о своихъ похожденіяхъ и о томъ, какъ съ нами въ Витебскѣ ужасно обращаются. Онъ меня проводилъ домой и однимъ взглядомъ убѣдился въ истинѣ моего описанія. Онъ тутъ же потребовалъ, чтобы я къ нему тотчасъ перебрался и раздѣлилъ бы съ нимъ номеръ въ гостиницѣ Карлсона, а дальше будетъ видно, какъ поступить. Я ему отвѣтилъ, что долженъ отклонить съ благодарностью его столь благородное предложеніе, такъ какъ я весь покрытъ насѣкомыми и кромѣ того не желалъ-бы оставить товарищей по несчастью и хочу дѣлить ихъ судьбу. Когда онъ увидѣлъ, что я остаюсь непреклоннымъ при своемъ рѣшеніи, онъ сказалъ, что наканунѣ вечеромъ прибылъ въ Витебскъ графъ Беннингсенъ, что онъ тотчасъ къ нему отправится и доложитъ ему, какъ постыдно съ нами здѣсь обходятся. Такое обращеніе съ плѣнными совершенно не согласуется съ благородными и доброжелательными чувствами императора

Александра, и генералъ скоро сумѣетъ прекратить это безобразіе. Товарищи крайне обрадовались предстоящей перемѣнѣ къ лучшему. Минутъ десять спустя, явились двое слугъ съ корзинами: «Русскіе офицеры изъ гостиницы Карлсона поручили кланяться и передать угощеніе». Тутъ въ обиліи оказались—хлѣбъ, масло, сыръ, разное жаркое, нѣсколько бутылокъ рома, лимоны и сахаръ. Всѣ повеселѣли и мы приготовили пуншъ. Первый тостъ былъ за нашихъ благодѣтелей изъ гостиницы Карлсона; потомъ выпили за мое здоровье, такъ какъ Либгаберъ разсказалъ, что я предпочелъ оставаться съ товарищами и отказался отъ предложенной квартиры въ гостиницѣ; затѣмъ я провозгласилъ здоровье Либгабера, такъ какъ онъ не поступилъ эгоистически и предпочелъ раздѣлить съ товарищемъ полученный червонецъ, а это послужило началомъ измѣненія къ лучшему нашей судьбы. Выпили также за здоровье деныцика, вѣрность котораго своему офицеру дала возможность осуществленію всего дальнѣйшаго, и на его долю было оставлено пунша и кушанья. Мы пропировали до поздней ночи, на нѣсколько часовъ забыли свои невзгоды и стали мечтать о лучшихъ временахъ.

На другое утро къ 10 часамъ подъѣхали къ нашему дому изящныя сани. Человѣкъ въ щегольской шубѣ раскрылъ нашу дверь, однако отскочилъ на шагъ назадъ отъ зловонія.—«Есть-ли здѣсь среди васъ графъ Ведель?» воскликнулъ онъ.—«Онъ самый», отвѣтилъ я. —«Его сіятельство генералъ графъ Беннингсенъ желаетъ, графъ, съ вами говорить, и мнѣ поручено васъ къ нему доставить».—Я тотчасъ принарядился, какъ могъ, съ помощью товарищей, и скоро предстоялъ передъ генераломъ, высокимъ, худощавымъ человѣкомъ, съ очень высокимъ лбомъ и строгимъ взглядомъ.

— «Вы графъ Ведель?»—«Точно такъ, ваше сіятельство!»—«Вы мнѣ родственникъ?»—«Очень сожалѣю, что не могу отвѣтить вашему сіятельству утвердительно. Мнѣ по крайней мѣрѣ не извѣстно о такой чести».—Онъ мнѣ тогда сказалъ, что одна изъ его племянницъ недавно вышла за Веделя, однако, какъ онъ пологаетъ, не графа. Такъ какъ нельзя было найти здѣсь родственной связи и я выразилъ тому сожалѣніе, то онъ сказалъ: «Родственникъ или не родственникъ, это безразлично, но надо теперь вамъ помочь, и помочь поскорѣе. Я узналъ

черезъ ротмистра Мартенса, какъ постыдно съ вами и вашими товарищами обращаются; если-бы узналъ императоръ, то онъ былъ-бы весьма недоволенъ. Вы неповинны въ ужасахъ этой несправедливой войны. Наполеону станетъ извѣстно, что значитъ напасть на Россію; на него мы желаемъ обратить свой гнѣвъ, а не на несчастныхъ плѣнныхъ, попавшихъ въ наши руки, особливо не на плѣнныхъ нѣмцевъ. Парижа онъ болѣе не увидитъ или увидитъ тамъ нашихъ, если удастся ему теперь убѣжать».

Эти слова были для меня знаменательны и произвели глубокое впечатлѣніе, я увидѣлъ, какъ въ Россіи смотрятъ на обстоятельства.

— «Передайте своимъ товарищамъ, продолжалъ онъ, что они не должны падать духомъ. Мною уже приказано отвести вамъ квартиры въ городѣ, а также имѣть о васъ попеченіе».

Я собрался откланяться, когда онъ еще меня спросилъ:

— «Не могу-ли я еще быть вамъ въ чемъ полезенъ?»—«Если ваше сіятельство, отвѣтилъ,—пожелали-бы оказать мнѣ великую услугу—переслать письмо въ Данію, къ сестрѣ моего отца, то это было-бы все, о чемъ я осмѣлился-бы попросить».—«Передайте мнѣ свое письмо открытымъ, разрѣшите мнѣ его прочесть, дабы я могъ убѣдиться, что оно не содержитъ чего-либо, для насъ вреднаго, и я самъ его отправлю по назначенію. Закрытаго-же письма я отъ васъ принять не могу».

Только что я вернулся къ товарищамъ, какъ туда явились полицейскіе съ нѣсколькими людьми для указанія отведенныхъ намъ въ городѣ квартиръ. Голландскому артиллерійскому поручику Бюллотъ (Bullot), голландскому пѣхотному поручику Техтеру и мнѣ была отведена квартира въ домѣ ротмистра пана Козарина. Домъ былъ въ зарѣчномъ предмѣстьи, на берегу Двины. Я тоже себя показалъ голландцемъ, такъ какъ въ это время Остъ-Фризія была присоединена къ Голландіи, и я зналъ, что голландцы со временъ Петра Великаго находятся въ большой чести у русскихъ; вѣроятно поэтому и меня присоединили къ двумъ вышеназваннымъ голландцамъ, которые были хорошими и пріятными людьми. Панъ Козаринъ, человѣкъ уже не молодой, и жена его приняли насъ очень дружественно. Несомнѣнно, что ему за наше квартированіе платили. Ему оставалось только насъ

кормить и освѣщать. Намъ ежедневно выдавали опредѣленное количество мяса, хлѣба, крупъ, соли и полрубля (ассигнаціоннаго); мы всю эту провизію передавали своему хозяину, который взамѣнъ этого принималъ насъ къ своему столу, гдѣ насъ кормили простой, здоровой пищей, очень намъ нравившейся. Первымъ для меня дѣломъ было написать письмо своей теткѣ въ Данію и я это письмо на слѣдующій день лично передалъ генералу Беннингсену. Онъ меня принялъ весьма любезно, прочелъ при мнѣ письмо и обѣщалъ его отправить.—«Я изъ вашего письма вижу, сказалъ онъ,—что вы все потеряли; позвольте мнѣ вамъ выдать впередъ маленькій авансъ, до той поры, когда вамъ возможно будетъ его возвратить».—И давъ 20 червонцевъ, прибавилъ: «мнѣ расписки не надо; вамъ всегда легко будетъ меня найти, когда вы будете въ состояніи расплатиться, а требовать я самъ не буду».—Я искренно благодарилъ его за данныя съ такою любезностью червонцы. Два дня позднѣе я явился къ генералу чистый и одѣтый во все новое, чтобы повторить свою благодарность. Такое было счастье отлично вымыться въ банѣ, выбриться и одѣться прилично. Графъ Беннингсенъ удержалъ меня обѣдать и представилъ меня генералу Чорбѣ, жившему въ Витебскѣ въ оставкѣ. На слѣдующій день меня Чорба пригласилъ къ обѣду. Тамъ я познакомился съ нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ съ генеральшей Севериной, принимавшей у себя въ домѣ Витебское общество. Съ того времени я сталъ членомъ этого общества. Послѣ обѣда меня отвелъ въ сторону адъютантъ графа Беннингсена князь Голицынъ и говорилъ со мною объ обстоятельствахъ того времени: власть Наполеона сокрушена, онъ не перенесетъ постигшаго его удара; вся Германія противъ него поднимается и Пруссія раньше другихъ; уже устанавливается связь съ прусскимъ отрядомъ Наполеоновской арміи; вѣроятно, его атакуютъ и не дадутъ вернуться въ Францію; герцогъ Ольденбургскій, близкій родственникъ Царя, уже формируетъ въ Петербургѣ нѣмецкій легіонъ; если бы я захотѣлъ поступить на службу въ этотъ легіонъ, то Беннингсенъ меня туда отправитъ съ рекомендательными письмами; я легко могъ-бы тамъ получить чинъ ротмистра, тѣмъ болѣе, что герцогу извѣстна моя семья. Я не долженъ бы стѣсняться данной Наполеону присягой, послѣдняя была вынуждена силою. Долгъ

каждаго нѣмца теперь отдѣлиться отъ Наполеона и открыто выступить противъ тирана. Теперь наилучшее время для поступленія въ легіонъ, такъ какъ онъ только началъ формироваться; потомъ будетъ туда наплывъ со стороны плѣнныхъ нѣмцевъ, а характеръ герцога таковъ, что онъ долженъ внушить полное довѣріе и уваженіе.

Я отвѣтилъ князю слѣдующее: во всемъ, что онъ сказалъ, онъ совершенно правъ; я никакъ не могъ-бы упрекнуть нѣмцевъ, пожелавшихъ вступить въ этотъ легіонъ, однако самъ я не могу принять предложенія. Моя родина Остъ-Фризія была уступлена Пруссіей Голландіи. Кромѣ того, я вовсе не былъ привлеченъ на военную службу насильственнымъ наборомъ; меня императоръ Наполеонъ произвелъ въ офицеры, и я согласился принять офицерскій дипломъ, не спрашивая себя, буду-ли я взятъ насильственно по набору въ случаѣ, что откажусь отъ этого диплома. Я поэтому долженъ смотрѣть на присягу какъ на данную мною добровольно и счелъ-бы противнымъ долгу и совѣсти нарушить эту присягу. Вдобавокъ, отецъ мой, перешедшій со всей голландскою арміей въ войско Наполеона, продолжаетъ находиться тамъ въ строю. Доколѣ это продолжается, мнѣ невозможно сражаться противъ арміи, въ которой служитъ мой отецъ. Князь болѣе не настаивалъ и не пытался опровергнуть мои доводы, внушенные такими чувствами. Какъ однако иначе сложилась-бы моя судьба, поступи я тогда ротмистромъ въ русско-нѣмецкій легіонъ! Врядъ-ли я былъ бы такъ доволенъ собою, какъ теперь!

Беннингсенъ не долго оставался въ Витебскѣ и послѣдовалъ со своимъ корпусомъ за арміей. Я сердечно простился съ Мартенсомъ, которому былъ столько обязанъ; онъ обѣщалъ изрѣдка извѣщать о себѣ. Я впослѣдствіи часто о немъ навѣдывался, но никогда болѣе о немъ не слыхалъ.

Генералъ Чорба [1]) заинтересовался какъ-будто мною. Онъ меня

---

[1]) Уже знакомый читателямъ „Полоцко-Витебской Старины". О немъ тоже упоминаетъ въ своемъ дневникѣ маркграфъ Вильгельмъ Баденскій (тогдашній графъ Гохберъ), стоявшій въ Витебскѣ со своей баденской бригадой съ 12/24 по 16/28 октября и квартировавшій у генерала Чорбы, который ему предсказывалъ скорую гибель Наполеоновской арміи отъ холода.

часто звалъ обѣдать и сказалъ мнѣ: «Я васъ отнынѣ не буду приглашать къ обѣду, любезный графъ, но вашъ приборъ будетъ ежедневно ставиться; приходите, когда только пожелаете, мы всегда будемъ вамъ рады».

Чорба, родомъ сербъ, былъ красивымъ мужчиной съ темными волосами и живымъ взглядомъ, врядъ-ли старше сорока лѣтъ. Онъ былъ женатъ на очень богатой женщинѣ и вышелъ въ отставку вслѣдствіе какихъ-то непріятностей по службѣ. Генеральша, урожденная княжна Любомирская, принадлежащая къ одному изъ знатнѣйшихъ польскихъ родовъ, вышла за него, стоявшаго много ниже ея по происхожденію, страстно его полюбивъ, вопреки желанію своей семьи, и они утвердились въ Витебскѣ вслѣдствіе близости къ ея помѣстьямъ. Она была небольшого роста блондинка, безъ красоты, но съ пріятными чертами лица. Они говорили другъ съ другомъ по-нѣмецки очень бѣгло и правильно. Кромѣ того, они оба владѣли французскимъ языкомъ—Чорба хорошо, а жена его отлично, какъ настоящая парижанка. Несмотря на внѣшнюю отшлифованность и лоскъ, генералу всетаки не всегда удавалось скрыть свое сербское воспитаніе; дикость иногда брала верхъ даже при обращеніи съ супругой. Домашній штатъ его былъ поставленъ широко, на русскій ладъ. Въ столовой за длиннымъ столомъ было мѣсто для сорока обѣдающихъ. Вверху стола сидѣли генералъ съ генеральшей, далѣе приглашенные и явившіеся безъ зова гости, далѣе домашній учитель, кандидатъ богословія Шаафъ, изъ Іевера въ Остъ-Фризіи, сынъ тамошняго пастора, бывавшій часто въ нашемъ имѣніи и отлично знавшій всѣ обстоятельства нашей семьи; рядомъ съ нимъ сидѣли оба старшіе сына генерала, мальчики лѣтъ 10 и 12; далѣе слѣдовали еще приборы въ ожиданіи гостей. Обыкновенно за столъ садились не болѣе 12 человѣкъ, остальныя мѣста оставались незанятыми. Часто появлялись однако передъ самымъ обѣдомъ, либо послѣ его начала, нежданные гости; но сколько бы ихъ ни явилось, это не причиняло никакого замѣшательства. Домашней прислуги было до 10 человѣкъ крѣпостныхъ. Тѣ, которые прислуживали въ гостиныхъ, были одѣты въ изящныя ливреи, остальные въ своемъ мужицкомъ платьѣ, босые и часто въ лохмотьяхъ. Все, что

оставалось отъ стола, отдавалось прислугѣ. Поэтому всегда приносились огромныя блюда съ мясомъ, рыбой и зеленью. Если являлось неожиданно много гостей, то слугамъ оставалось меньше; гостямъ-же никогда не было недостатка въ кушаньяхъ, хотя иногда это случалось съ болѣе тонкими французскими блюдами, изготовленными въ меньшемъ количествѣ.

Я воспользовался мнѣ съ такой сердечностью повтореннымъ приглашеніемъ и по нѣскольку разъ въ недѣлю обѣдалъ у генерала, оставаясь тамъ еще за чашкой кофе. Кромѣ меня, въ числѣ обычныхъ гостей, бывали тамъ капитанъ Лагэ (La Gay), 12 кирасирскаго полка, капитанъ д'Эгремонъ (d'Aigremont), бельгійскаго уланскаго полка, и еще нѣсколько французскихъ офицеровъ. Чувствовали себя тамъ весьма непринужденно. Послѣ кофе генеральша обыкновенно удалялась; генералъ закуривалъ турецкій чубукъ, которыхъ находилось много уже набитыхъ турецкимъ табакомъ. Мы оставались, пока генералъ не вставалъ, со словами: «прощайте господа», и не слѣдовалъ за женой. Часто нѣкоторые изъ насъ приглашались вернуться къ вечернему чаю, гдѣ бывало большое общество.

И остальнымъ военноплѣннымъ въ Витебскѣ, число которыхъ очень возрасло послѣ Березинской катастрофы, жилось хорошо. Я ни отъ кого изъ нихъ не слышалъ жалобъ на дурное обращеніе со стороны ихъ хозяевъ. Всѣ получали аккуратно провизію натурой и суточные деньги; большинство, подобно намъ, столовались у своихъ хозяевъ, предоставляя послѣднимъ свою провизію.

У нѣкоторыхъ оказывались спасенныя деньги и они могли этимъ улучшить свое положеніе. Либгаберъ жилъ недалеко отъ насъ и мы видѣлись съ нимъ ежедневно.

Вскорѣ послѣ того, что мы поселились на отдѣльныхъ квартирахъ, черезъ Витебскъ стали порходить большими партіями, до тысячи человѣкъ, французскія и другія войска, взятыя на Березинской переправѣ и препровождаемыя далѣе внутрь страны; въ числѣ ихъ была дивизія Партуно, сдавшаяся около Борисова. Эти несчастные, за неимѣніемъ возможности пріютить ихъ на частныхъ квартирахъ, были поселены, на одну или двѣ ночи, въ огромномъ пустомъ зданіи, совершенно лишенномъ оконныхъ рамъ, гдѣ они много терпѣли отъ

мороза и скудной пищи, сухарей. Зданіе это, какъ я слышалъ, было выстроено для императрицы Екатерины II ко времени знаменитаго путешествія, устроеннаго ей Потемкинымъ, на югъ Россіи. Каждую ночь тамъ умирало много людей, и вступающіе туда на слѣдующій день выбрасывали вонъ трупы черезъ окна.

У дома этого намело кучу снѣга; выброшенные туда замерзшіе трупы оставались въ томъ положеніи, въ какомъ пришлось упасть. Нѣкоторые были въ стоячемъ положеніи, погруженные въ снѣгъ по поясъ, другіе—головой внизъ, а ногами вверхъ, иные набоку, на животѣ, или на спинѣ. Полиція не принимала никакихъ мѣръ, сильный морозъ препятствовалъ разложенію. Я собственными глазами видѣлъ тогда сотни такихъ труповъ въ самыхъ ужасныхъ позахъ. Только много позднѣе полиція распорядилась увезти эти трупы за городъ и похоронить ихъ въ большихъ рвахъ, обливъ ихъ известью.

Вскорѣ показались послѣдствія полнаго равнодушія къ санитарнымъ мѣрамъ. Тифъ, эта самая смертельная изъ болѣзней, начавшійся среди плѣнныхъ, вскорѣ распространился по всему городу.

Ужасна была участь тѣхъ несчастныхъ плѣнныхъ, которые попадали въ госпиталь. Моему пріятелю Либгаберу тоже пришлось туда попасть. Лишь только я узналъ о томъ, поторопился его навѣстить, чтобы помочь ему, какъ могъ. Войдя въ лазаретъ, я увидѣлъ налѣво отъ входа горницу безъ дверей. То была покойницкая, изъ которой особые люди выносили трупы, для погребенія за городомъ, въ большіе рвы. Четыре худые трупа лежали тутъ на тощей соломѣ. Изъ покойницкой меня обдало теплымъ зловоніемъ. Больные въ палатахъ лежали на мѣшкахъ, набитыхъ соломой, покрытые рубищами, иные совершенно недвижимо, быть можетъ, уже были покойниками, другіе же метались въ бреду. Насѣкомые, покидающіе покойника, лишь только онъ начинаетъ остывать, ползали длинными рядами на голыхъ членахъ; тошнотворная грязь покрывала всѣ предметы.

Либгаберъ лежалъ въ бреду и меня не узналъ; его деньщикъ, одинъ изъ лучшихъ людей, мнѣ когда-либо встрѣчавшихся, съ грустью сидѣлъ около койки; онъ сказалъ мнѣ, что желаетъ остаться при своемъ офицерѣ до конца, ожидаемаго въ скоромъ времени. Я убѣдился, что моей помощи здѣсь не требовалось, и пошелъ домой.

Лишь только я вернулся, я сталъ чувствовать какую то тупую боль въ головѣ, какой никогда не испытывалъ. На слѣдующій день меня стало лихорадить. Товарищъ мой Бюллстъ прописалъ мнѣ чай изъ сиреневыхъ цвѣтовъ (Fliederthee) и какія-то капли, которыхъ я принялъ не малое количество на кускѣ сахара. Но мнѣ все становилось хуже. Нѣсколько дней спустя, пришелъ домашній учитель Шаафъ, посланный генераломъ Чорбой, чтобы узнать, почему я пересталъ у нихъ бывать. Увидя меня въ кровати больнымъ, онъ немедленно ушелъ и вернулся съ домашнимъ врачомъ генерала, нѣмцемъ, упросившимъ пана Козарина добрыми словами и деньгами—не отправлять меня въ лазаретъ, какъ тотъ намѣревался, а оставить у себя въ домѣ. Онъ мнѣ передалъ, что генералъ ему поручилъ меня лѣчить до выздоровленія и никакъ не допустить моей отсылки въ лазаретъ. Я былъ уже наполовину въ бреду и былъ твердо увѣренъ, что скоро умру, и потому грубо отвѣтилъ доктору, что онъ шарлатанъ и мнѣ не поможетъ и что лучше пусть меня оставитъ въ покоѣ умереть.

(Далѣе идетъ длинное описаніе ощущеній Веделя во время его болѣзни, въ теченіе которой, въ горячечномъ бреду, онъ бросался въ снѣгъ и боролся съ окружающими. Описаніе это, не представляющее общаго интереса, опускается).

...Наконецъ я выздоровѣлъ. Тому способствовала, кромѣ отличнаго ухода, и хорошая пища, ежедневно приносимая изъ генеральской кухни. На новый 1813 годъ (вѣроятно, по старому стилю) я снова могъ явиться къ генералу и выразить ему свою благодарность.

Я провелъ эту зиму въ Витебскѣ такъ пріятно, какъ это только возможно, будучи въ плѣну, и самый этотъ плѣнъ, который мнѣ представлялся тогда великимъ несчастьемъ, представляется мнѣ теперь наибольшимъ счастьемъ, какое могло выпасть на мою долю при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Какъ бы ни было ужаснымъ отступленіе арміи до Березины, при которомъ лишенія, чрезмѣрные труды и нужды солдатъ превосходили все возможное, но дальнѣйшій путь до перехода черезъ Нѣманъ оказался въ нѣкоторомъ отношеніи еще хуже. Тамъ, хотя по не разоренному краю, находилось болѣе жизненныхъ средствъ, солдатъ менѣе голодалъ и русскіе не такъ упорно преслѣдовали; зато морозъ со дня на день увеличивался; тысяча-

ми погибали отъ него въ открытомъ полѣ, либо съ ума сходили, либо были оставляемы въ лазаретахъ, что равнялось ужасной смерти. Вильна до того была переполнена мертвецами, какъ мнѣ потомъ разсказывали нѣкоторые бывшіе тамъ въ плѣну офицеры, что русская полиція назначила плату въ 60 копѣекъ съ каждаго трупа, вывезеннаго жителями за городъ. Для полученія этихъ денегъ многіе не ограничивались мертвецами, а приканчивали умирающихъ, больныхъ и даже убивали сзади здоровыхъ и вывозили за городскія ворота.

Если-бы я даже благополучно перебрался черезъ Березину и перенесъ всѣ дальнѣйшіе ужасы, то все-таки, связанный и оставаясь вѣрнымъ принесенной Наполеону присягѣ, я принужденъ бы былъ сражаться противъ настоящихъ интересовъ моего отечества, на меня бы смотрѣли, какъ на измѣнника, и позднѣе не приняли-бы на службу, и вообще былъ бы я глубоко несчастливъ.

Мы, близорукіе люди, такъ рѣдко знаемъ то, что служитъ намъ на пользу, и охотно ропщемъ на горе, тогда какъ поистинѣ должны бы благодарить Бога, ведущаго насъ ко спасенію своей неисповѣдимой премудростью.

Панъ Козаринъ съ женою, два ихъ сына, 15-ти и 16-ти лѣтъ, пожилая незамужняя сестра и служанка—вотъ составъ семьи, въ домѣ которой мы проживали. Они всѣ были хорошими, благодушными людьми, въ скромности и довольствѣ жившими на проценты съ небольшого капитала, а также на доходы съ куска земли и небольшую пенсію. Они не выказывали недовольства на принесенное нами въ ихъ маленькое хозяйство разстройство. Бюллотъ, милый, любезный человѣкъ (Техтеръ перебрался на другую квартиру во время моей болѣзни), и я всячески старались быть пріятными и услужливыми постояльцами. Мы давали уроки сыновьямъ, Бюллотъ по математикѣ, которую хорошо зналъ, какъ артиллеристъ, а я училъ ихъ французскому и латинскому языку и чистописанію. Мальчики, очень одаренные, дѣлали быстрые успѣхи. Преподаваніе занимало у насъ ежедневно нѣсколько часовъ; остальное время я проводилъ въ писаніи своихъ замѣтокъ и въ чтеніи книгъ изъ библіотеки генерала Чорбы; кромѣ того, мы играли въ шахматы съ Бюллотомъ и навѣщали другихъ плѣнныхъ офицеровъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, уже не принадлежалъ добрый Либгаберъ, умершій въ госпиталѣ.

Насъ очень мучила напасть, о которой въ Германіи не имѣютъ понятія, а именно насѣкомыя—вши и прусаки. Въ Россіи развѣ только въ домахъ высшихъ классовъ не бываетъ этихъ насѣкомыхъ, у горожанъ же и у крестьянъ ихъ множество, такъ и кишатъ. Разъ они завелись въ овчинномъ тулупѣ, обычной верхней одеждѣ русскаго простолюдина, то уже нѣтъ возможности ихъ оттуда выгнать. Паровыя бани, въ которыхъ русскіе и поляки моются по субботамъ, чтобы быть чистыми на воскресенье, способствуютъ уменьшенію этой напасти, но не въ состояніи ее искоренить. Въ баняхъ подъ потолкомъ, гдѣ всего жарче, прикрѣплены жерди, на которыя вѣшаютъ снятую съ тѣла одежду. Это дѣлается съ цѣлью убить вшей, которыя не выносятъ такой высокой температуры. Передъ тѣмъ, что одѣться, платье усиленно выколачиваютъ, причемъ убитыя вши выпадаютъ кучами. Но яички ихъ остаются въ мѣху жизнеспособными зародышами, и къ слѣдующей субботѣ ихъ снова образуется столько-же. При всей чистотѣ, которую мы старались соблюсти, мы не могли вполнѣ отъ нихъ избавиться. Часто видишь въ наилучшемъ обществѣ, какъ одинъ кто-нибудь подходитъ къ другому и рукою до него касается: онъ снялъ вошь, бросилъ на полъ и раздавилъ ногой. Никого это не поражаетъ.

Другая напасть, не менѣе непріятная, это тараканы—прусаки, гнѣздящіеся въ деревянныхъ домахъ, особенно подъ потолкомъ. Ихъ насмѣтное множество, какъ у насъ мухъ въ августѣ мѣсяцѣ въ деревенской харчевнѣ. Они не столь назойливы, какъ мухи, но зато бываютъ круглый годъ. Днемъ они обыкновенно сидятъ смирно, но къ ночи начинаютъ бѣгать вверхъ и внизъ по стѣнамъ, производя нѣкоторый шорохъ своими щупальцами. Часто они спадаютъ съ потолка на лицо спящему, и по утрамъ часто видишь нѣсколько штукъ на кровати. Впрочемъ, они не кусаютъ и не жалятъ человѣка, но кидаются на все съѣстное, которое приходится тщательно отъ нихъ уберегать. Народъ, привыкшій къ нимъ въ своихъ домахъ, даже и не пробуетъ ихъ уничтожать, такъ какъ при ихъ быстромъ расположеніи отъ нихъ не избавиться.

Козаринъ мнѣ сказывалъ, что единственный способъ ихъ уничтожить—это зимою въ сильнѣйшій морозъ покинуть домъ дней на 14, открывъ предварительно всѣ окна и двери, чтобы холодъ

всюду проникъ. Но тамъ, гдѣ всѣ дома страдаютъ отъ той-же напасти, прусаки скоро снова водворяются на старое мѣсто съ приносимыми людьми предметами. Русскіе полагаютъ, что эти насѣкомыя явились къ нимъ изъ Пруссіи, и потому зовутъ ихъ прусаками, однако я таковыхъ нигдѣ въ Пруссіи не встрѣчалъ, кромѣ Торна, расположеннаго близъ границы.

Хозяинъ мой былъ очень доволенъ, что я еженедѣльно по субботамъ также пользовался его баней. Такими банями пользуются повсемѣстно въ Россіи. Существуетъ много общественныхъ бань, но туда ходитъ только простой народъ. Кто только можетъ, заводитъ свою собственную баню, и это стоитъ недорого; въ общественныхъ баняхъ я никогда не бывалъ. Пользованіе такими банями способствуетъ здоровью и чистоплотности населенія, такъ-какъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю они обстоятельно освобождаются отъ грязи. Въ теченіе недѣли русскіе простолюдины обыкновенно ограничиваютъ умываніе тѣмъ, что набираютъ въ ротъ воды, выпускаютъ ее на руку и трутъ ею лицо и руки, поэтому къ субботней банѣ эти бородатыя лица уже черны отъ дыма, наполняющаго ихъ курныя избы. Не слѣдуетъ однако думать, что баня пана Козарина была устроена такъ, какъ у насъ устраиваютъ русскія бани.

Хочу разсказать свои впечатлѣнія о первомъ своемъ мытьѣ въ банѣ. Во дворѣ, у самаго берега Двины, за открытымъ навѣсомъ, былъ домикъ изъ глины, съ такой низкой дверью, что надо было очень согнуться, чтобы войти въ домикъ, примыкающій къ навѣсу. Козаринъ вошелъ первымъ, сложивъ одежду на жердяхъ, затѣмъ и я влѣзъ черезъ узкую дверь и хотѣлъ отъ сильной жары выскочить обратно, но Козаринъ меня насильно удержалъ.

Въ банѣ было очень темно, слабый свѣтъ еле проходилъ черезъ крошечное окно, въ квадратный футъ, съ тусклыми стеклами, и воздухъ былъ пропитанъ парами, какъ во время тумана. Когда я тамъ очутился, мнѣ показалось, что меня хватитъ ударъ, до того невыносима была жара и трудно дышать. Панъ Козаринъ нарочно, въ видѣ шутки, приказалъ особенно сильно натопить баню, чтобы увидѣть, какъ я это перенесу. Онъ ухватился за палку, торчащую изъ потолка. Эта палка имѣла въ концѣ что-то въ родѣ швабры, употре-

бительной на корабляхъ для мытья палубъ. Шваброй этой затыкалось отверстіе желѣзной трубы въ потолкѣ, черезъ которую можно было выпустить наружу излишній жаръ. Жаръ быстро сталъ выходить, и я могъ снова лучше дышать. Свѣтъ тоже немного проходилъ черезъ отверстіе, и я тогда разсмотрѣлъ, что влѣво отъ двери была печь, въ родѣ хлѣбо-пекарной, со вмазаннымъ въ нее котломъ, подъ которымъ горѣли дрова. Пары изъ котла грѣли баню и осаждались сыростью на стѣнахъ и на полу. Лишь только я немного отдышался и пришелъ въ себя, Козаринъ снова заткнулъ отверстіе и жаръ снова поднялся. Я сталъ сильно потѣть, и Козаринъ меня уложилъ на скамью на полувысотѣ помѣщенія. Вытащивъ изъ очага раскаленный кусокъ желѣза, онъ его бросилъ въ кипящую воду котла, и тотчасъ образовалось съ шипѣніемъ масса новыхъ паровъ, которые снова мнѣ заперли дыханіе, но я долженъ былъ лежать спокойно. Тутъ онъ сталъ меня мылить по всему тѣлу и я былъ весь покрытъ мыльной пѣной; потомъ, взявъ березовый вѣникъ, онъ сперва погрузилъ его въ ведро съ холодной водой, въ которой плавали кусочки льда, и началъ меня сѣчь съ головы до ногъ, сгоняя пѣну; затѣмъ сталъ натирать меня хрѣномъ, и мнѣ показалось, что я весь обложенъ горчичниками; потомъ окатилъ меня водой и сказалъ мнѣ лечь на верхнюю лежанку. Здѣсь я могъ оставаться, только благодаря шайкѣ съ ледяной водой, надъ которою я дышалъ и смачивалъ изъ нея голову. Этимъ мытье кончилось и я сошелъ съ лежанки; тутъ мнѣ показалось, что меня хватилъ ударъ, но это только оказалось шуткой Козарина, неожиданно окатившаго меня съ головы до ногъ этой ледяной водой. Затѣмъ онъ меня нѣсколько осушилъ (сухимъ нельзя вытереть при такомъ потѣ и парахъ) и сказалъ мнѣ надѣть рубаху, портки, чулки и вылѣзти изъ бани въ сарай, гдѣ онъ мнѣ передалъ нагрѣтую въ банѣ шубу и башмаки, и велѣлъ опрометью бѣжалъ въ домъ, а въ домѣ меня ожидала его жена съ большимъ стаканомъ водки, въ которую было подсыпано перцу. Заставивъ это выпить, меня уложили въ кровать отдохнуть отъ страшной бани. Тутъ пришелъ Козаринъ, освѣдомился о моемъ состояніи и спросилъ, какъ мнѣ все это понравилось. Я громко ему высказалъ, что онъ меня никогда болѣе въ своей банѣ не увидитъ и что у меня

горло обожжено отъ крѣпкой перцовки. Смѣясь, онъ мнѣ отвѣтилъ, что полагалъ, что я сумѣю вынести то, что выносятъ русскіе, и съ этой цѣлью *онъ слегка дозу усилилъ и баню особенно жарко натопилъ*, а на слѣдующій разъ онъ не такъ сильно ее вытопитъ и очень надѣется, что я снова помоюсь въ ней. Позднѣе, когда я попривыкъ, я выбѣгалъ съ Козаринымъ изъ бани на Двину и тамъ окунался въ проруби, затѣмъ бѣжалъ назадъ въ баню и обильно въ ней потѣлъ. Русскіе вообще это часто дѣлаютъ, но непремѣнно послѣ купанія въ проруби возвращаются въ баню. Они считаютъ такое купанье очень полезнымъ для укрѣпленія нервовъ, и въ холодной водѣ остаются только на одно мгновеніе. Не могу сказать, чтобы мнѣ это показалось пріятнымъ; но я это дѣлалъ изъ молодечества и чтобы показать русскимъ, что и я на то способенъ. Бюллотъ, болѣе меня разумный, мылся съ большей осторожностью.

Большое почитаніе выказываютъ русскіе простолюдины къ своимъ иконамъ въ металлическихъ окладахъ, висящимъ всегда въ углу комнаты. Никогда они не забудутъ, входя въ комнату, сперва перекреститься передъ иконой, шепча: „Батюшка Богъ, Матушка Марія, Іисусъ Христосъ"—глубоко кланяясь и крестясь. Затѣмъ только они обращаютъ вниманіе на присутствующихъ въ комнатѣ. Своимъ попамъ они тоже выказываютъ большое уваженіе, цѣлуютъ имъ руку, становятся передъ ними на колѣна, прося благословенія.

Въ Витебскѣ, какъ и во всѣхъ польскихъ городахъ, жило много евреевъ. Всѣ они безъ исключенія говорили между собой по-нѣмецки, какъ на родномъ языкѣ, съ поляками—по-польски. Среди нихъ встрѣчаются очень красивые женщины и мужчины.

Зима близилась къ концу. Сильные морозы переносятся тамъ легче, чѣмъ у насъ, благодаря устройству квартиръ, отопленію и одеждѣ. Мнѣ часто казалось, что плѣнные лучше переносили холодъ, чѣмъ природные жители.

Плѣнные офицеры жили по-дружески, добрыми товарищами между собою и обоюдно помогали другъ другу, лишь только оказывались при деньгахъ. Такъ, напримѣръ, Лагэ (La Gay), получивъ извѣщеніе, что ему изъ Парижа открытъ кредитъ въ Петербургѣ на 1800 франковъ, воскликнулъ: „Слава Богу, теперь я могу помочь

товарищамъ!“ Онъ оставилъ себѣ 900 руб. ассигнаціями, а остальные роздалъ товарищамъ; я на свою долю получилъ 75 франковъ. Лагэ не пожелалъ имѣть отъ насъ квитанцій, мы только обмѣнялись съ нимъ своими постоянными адресами. Было условлено, что кто первый вернется на родину, тотъ будетъ продолжать писать оставшимся, пока не получитъ отъ нихъ извѣстія.

Въ началѣ апрѣля 1813 года намъ было объявлено, что Россійскій Императоръ приказалъ перевезти плѣнныхъ изъ Витебска далѣе внутрь страны, чтобы очистить мѣсто для новыхъ плѣнныхъ. Немногимъ только, показавшимъ себя больными, было разрѣшено остаться. Стоило-бы мнѣ только обратиться къ заступничеству Чорбы, чтобы тоже остаться; но онъ собирался переѣхать на лѣто въ свое имѣніе и однообразіе жизни въ Витебскѣ уже мнѣ прискучило. Я, напротивъ того, радовался путешествію внутрь страны, которое мы должны были совершить на подводахъ. Куда именно, о томъ никто не зналъ.

Уже съ начала апрѣля стали отбывать транспорты съ плѣнными, обыкновенно партіями отъ 30 до 40 человѣкъ. По моимъ тогдашнимъ замѣткамъ, мы выступили 25 апрѣля—6 мая, подъ командою капитана милиціи (вѣроятно, ополченія) Осипа Михайловича Воронова, съ 6 ополченцами-солдатами. Кромѣ меня были въ этой партіи: Фреманже, баталіонный командиръ въ 125-мъ полку, Маннвиль, маіоръ 44-го полка, Фіель, полковникъ 4-го Конноегерскаго полка, Дюно, капитанъ 44-го пѣх. полка, Левассеръ, капитанъ 5-го артиллерійскаго полка, Тахтердъ и Ванъ Роенъ 125-го полка; Бюллотъ—9-го артиллерійскаго, Каньонъ, Руо и Кальтенбахеръ—12-го Кирасирскаго, Вергэ, вахмистръ 23-го Конноегерскаго полка, и нѣсколько другихъ, фамиліи которыхъ не упомню.

Панъ Осипъ, такъ звали мы своего вожатаго, былъ любезный, благодушный господинъ, проникнутый важностью порученнаго ему дѣла. Онъ намъ добросовѣстно и аккуратно каждую субботу выплачивалъ за недѣлю впередъ слѣдуемые намъ кормовыя деньги, по полтинѣ въ день на человѣка.

Въ первый день мы проѣхали только 17 верстъ, такъ какъ въ опустошенной этой мѣстности нельзя было достать болѣе 6 малыхъ подводъ. Погода была ясная и пріятная. Послѣ полдня мы прибыли

въ деревню Агапоновщина, гдѣ всѣхъ офицеровъ помѣстили въ большомъ залѣ еврейской корчмы. Деревня пострадала отъ войны и была совершенно разорена; поблизости находилась усадьба помѣщика—деревянный домъ (каменные здѣсь очень рѣдки), тоже разоренный и еще не починенный.

О нашемъ пропитаніи заботился панъ Осипъ, который съ нами же и ѣлъ. Пищей мы могли быть довольны. Только 26 апрѣля—8 мая могли мы продолжать путь, такъ какъ до этого недоставало перевозочныхъ средствъ. Въ этотъ день мы дошли до Суража, мѣстечка, близъ котораго, за 9 мѣсяцевъ передъ тѣмъ, мы бились съ казаками. Я нашелъ мѣсто, гдѣ я разводилъ костеръ, близъ большаго камня, и даже разбросанныя по землѣ перья того гуся, который былъ мною вмѣстѣ съ Іосифомъ и Роземаномъ *) тогда ощипанъ и зажаренъ. Времена измѣнились; что сталось съ этими двумя бѣдными людьми? Здѣсь мы оставались 4 дня; нѣсколько разъ я заходилъ на мѣсто своего прежняго бивуака и переносился мысленно на все происшедшее за эти мѣсяцы. Мы здѣсь застали много плѣнныхъ, поступившихъ на службу въ корпусъ, образуемый полковникомъ Дибичемъ. Въ утро отъѣзда насъ всѣхъ собрали вмѣстѣ; небольшаго роста господинъ, въ полковничьихъ эполетахъ и со многими орденами, подошелъ къ намъ и спросилъ, нѣтъ-ли среди насъ желающихъ поступить на службу въ образуемый имъ, по царскому повелѣнію, корпусъ. Причемъ онъ предлагалъ сумму денегъ авансомъ. Это былъ тотъ самый Дибичъ, который впослѣдствіи сталъ очень извѣстнымъ и получилъ титулъ Забалканскаго. Такъ какъ никто изъ насъ не согласился на предложеніе, то мы продолжали дальнѣйшій путь. 13 мая были мы въ Велижѣ, небольшомъ, привѣтливомъ городѣ, гдѣ мы застали многихъ плѣнныхъ, очень довольныхъ обхожденіемъ съ ними русскихъ.

Въ этой не тронутой войною мѣстности всѣ припасы были на одну треть дешевле, чѣмъ въ Витебскѣ. Велижъ расположенъ на лѣвомъ берегу Двины. 16 мая мы тронулись далѣе, перешли въ 6 верстахъ отъ Велижа черезъ Двину и прибыли въ Панково, большое

---

*) Слуга и деньщикъ Веделя, безъ вѣсти пропавшіе во время отступленія.

село, гдѣ не бывало еще французовъ. Здѣсь припасы были еще дешевле и было много хорошихъ лошадей. 18 мая мы снова пересѣкли Двину, расположились на ночь въ скверной деревушкѣ на берегу рѣки; на слѣдующій день въ третій разъ перешли черезъ Двину и очутились въ искони-русской землѣ. Бросалось въ глаза полное отсутствіе евреевъ, кишащихъ въ бывшихъ польскихъ городахъ, но въ настоящей Россіи не терпимыхъ; насъ тоже поразило, что крестьяне отказывались отъ серебряной монеты и принимали только мѣдную и ассигнаціи».

Съ выходомъ Веделя изъ предѣловъ Витебской губерніи, мы оканчиваемъ переводъ его записокъ. Остается вкратцѣ упомянуть о дальнѣйшихъ странствованіяхъ Веделя по Россіи до освобожденія изъ плѣна въ 1814 году.

Добрый капитанъ Вороновъ проводилъ эту партію плѣнныхъ до Вологды, куда они прибыли 28 іюня. Путь лежалъ черезъ Торопецъ, Осташковъ, Вышній Волочекъ, Бѣжецкъ, Весьегонскъ и Череповецъ. Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ Ведель отзывается съ похвалою, и люди и страна ему очень понравились. Вороновъ говорилъ, что въ Вологдѣ конецъ ихъ странствованію и что ихъ партія остается тамъ на квартирахъ. Вмѣсто того, пять дней спустя, 3-го іюля ихъ отправили ни болѣе, ни менѣе какъ въ Саратовъ. Намѣсто Воронова ихъ туда повелъ полицейскій офицеръ. Путь былъ на Кострому, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Лукояновъ, Саранскъ, Пензу и Петровскъ. Въ Саратовъ прибыли они 12 августа. Ведель удивляется странному ихъ маршруту. Въ продолженіе 100 дней они исколесили добрую часть Европейской Россіи вдоль и поперекъ. „Зачѣмъ было, говоритъ Ведель,—подниматься далеко на сѣверо-востокъ, чтобы оттуда идти далеко на югъ? Другія партіи плѣнныхъ, впрочемъ, тоже разсылались во всѣ стороны. Имѣлось-ли въ виду дать намъ понятіе о размѣрахъ Россіи? Или желали показать плѣнныхъ большему числу жителей и этимъ поднять ихъ воинственное настроеніе? Наконецъ, быть можетъ, полагали, что техники и ремесленники изъ числа плѣнныхъ добровольно утвердятся въ разныхъ мѣстахъ страны? Послѣднее дѣйствительно случилось, многіе, особливо изъ числа солдатъ,

остались въ Россіи, найдя хорошій заработокъ".—Саратовъ тогда еще отстраивался, во многихъ мѣстахъ прямолинейныя канавки обозначали направленіе будущихъ улицъ. Въ Саратовѣ имъ жилось хорошо и дешево. Ведель съ пятью офицерами и полякомъ деньщикомъ, говорившимъ по-русски, наняли небольшой деревянный домъ, въ которомъ сами устроились, имѣя свое хозяйство.

Неожиданно 13 февраля Ведель былъ потребованъ къ губернатору Панчулидзеву, очень любезно его принявшему и объявившему, что отъ министра юстиціи князя Лопухина получено предписаніе дать ему своду, а также снабдить деньгами и подорожной; губернаторъ тутъ-же передалъ письмо на его имя, первое полученное изъ дому послѣ 20 мѣсяцевъ. Оно оказалось отъ его незамужней молодой сестры и въ первыхъ строкахъ говорилось о „покойномъ" отцѣ, но безъ всякихъ подробностей о кончинѣ отца *). Пораженный этимъ извѣстіемъ, Ведель не могъ дочитать письма, и губернаторъ ласково его отпустилъ домой, сказавъ явиться на слѣдующій день. На этотъ разъ онъ былъ очень любезно встрѣченъ и губернаторшей и повелъ ее къ обѣду. Губернаторъ предлагалъ Ведѣлю принять присланные княземъ Лопухинымъ 600 рублей на дорогу, но Ведель имѣлъ, какъ онъ говоритъ, глупость отъ нихъ отказаться и насилу согласился взять 300 рублей, о чемъ позднѣе очень сожалѣлъ. Пришлось позаботиться объ отъѣздѣ, купить кибитку, мѣховую полость, обувь, шубу и нѣкоторые припасы. Ему также разрѣшено было взять съ собою, въ качествѣ слуги, плѣннаго солдата-нѣмца. Недоставало только паспорта и подорожной, которые, по словамъ губернатора, были уже готовы и будутъ ему тотчасъ присланы. Но ихъ все не присылали, и Ведель пошелъ о томъ справиться у правителя губернаторской канцеляріи г. д'Эстрѐ (D'Estreè), родомъ изъ французскихъ выходцевъ, съ которымъ онъ познакомился на губернаторскомъ обѣдѣ. Тотъ обѣщалъ немедленно прислать, но слова не сдержалъ. Пришлось Веделю еще два раза повторить ходатайство, но все безуспѣшно. Когда онъ разсказалъ о томъ подполковнику Рено, тоже плѣнному голландцу, тотъ отвѣтилъ:

*) Отецъ Веделя, тоже Наполеоновскій, а передъ тѣмъ Голландскій генералъ, начальствовалъ надъ гарнизономъ въ Ломжѣ и скончался за годъ до этого, въ февралѣ 1813 года.

„Какъ? Вы такъ давно въ Россіи и еще не знаете здѣшнихъ порядковъ? Подарите правителю канцеляріи 10 рублей, а не то долго прождете. Недавно отсюда выѣхалъ князь Гогенлоэ и далъ д'Эстрѐ 25 р. Вы не князь, поэтому дайте только 10.“—Ведель возразилъ, что его чувства возмущаются дать денегъ изящному господину, имѣющему щегольской экипажъ, съ которымъ онъ обѣдалъ у губернатора, только за то, что тотъ исполнитъ свой долгъ,—что онъ бы себя почувствовалъ глубоко оскорбленнымъ, если бы съ нимъ такъ поступили. Рено сказалъ, что въ Россіи не такъ на это смотрятъ; тотъ именно фактъ, что у д'Эстрѐ щегольской экипажъ, доказываетъ, что онъ беретъ взятки, жалованья на это не хватило-бы; д'Эстрѐ могъ думать, что Ведель не бѣденъ, разъ онъ обѣдаетъ у губернатора и отказывается отъ присланныхъ денегъ. Другіе знакомые повторили Веделю то же самое. Тогда, запасшись 10-рублевой бумажкой, Ведель снова идетъ въ канцелярію, д'Эстрѐ снова такъ же любезно его встрѣчаетъ, и проводивъ до небольшой комнаты, гдѣ они были наединѣ, прощается. Но тутъ Ведель вытащилъ свою 10-рублевку и суетъ въ руку д'Эстрѐ, прося передать писарямъ за труды. Д'Эстрѐ съ благодарностью беретъ деньги и, когда Ведель, сдѣлавъ нѣсколько прощальныхъ визитовъ, возращается домой, онъ тамъ находитъ полицейскаго съ бумагами, не уходившаго, пока не получилъ своей мзды—пары рублей. Вмѣстѣ съ подорожной ему передали кошель съ мѣдными деньгами для „на-чай“ ямщикамъ. Подорожная была выдана только до слѣдующаго губернскаго города. Въ каждомъ изъ такихъ городовъ по пути пришлось ему получать новую. Простившись съ товарищами, которыхъ онъ послѣ никогда не видѣлъ, Ведель выѣхалъ 26 февраля изъ Саратова съ нѣмцемъ слугою и русскимъ солдатомъ провожатымъ. Ѣхать было болѣе удобно, чѣмъ онъ когда-либо могъ мечтать, и Ведель недоумѣвалъ, почему одному ему выпало такое счастье? Что могло побудить князя Лопухина оказать ему благодѣяніе? Губернаторъ самъ того не зналъ. Только впослѣдствіи Ведель узналъ, что сынъ князя Лопухина, молодой русскій офицеръ, бывъ въ ноябрѣ 1813 года въ походѣ въ Остъ-Фризіи, встрѣтился тамъ у гостепріимныхъ помѣщиковъ съ его, Веделя, сестрою. Офицеръ плѣнился красотою хорошенькой барышни, разсказывавшей ему о братѣ, находящемся въ

русскомъ плѣну, и обѣщалъ препроводить ему письмо, а кромѣ того написалъ своему отцу, а тотъ сдѣлалъ много болѣе обѣщаннаго.

Черезъ Тамбовъ и Орелъ, гдѣ къ нему присоединились еще два освбожденныхъ изъ плѣна голландскихъ офицера, Трубчевскъ, гдѣ ихъ любезно угощалъ городничій Ив. Антон. Тимоновъ, Стародубъ и Чериковъ они прибыли въ Могилевъ 2 апрѣля. Здѣсь они нашли плѣннаго французскаго полкового врача Деламаръ, имѣвшаго въ городѣ отличную практику. Нѣсколько дней спустя, они проѣзжали черезъ Витебскъ, гдѣ Ведель видѣлся съ Чорбой и Козаринымъ, а также съ прежними товарищами по плѣну—Д'Эгремонъ, Лагэ и другими.

13 апрѣля они прибыли въ Ригу, откуда однако не удалось имъ сѣсть на корабль и продолжать путь моремъ, а пришлось переѣхать границу въ Мемелѣ, гдѣ должна была находиться коммиссія по обмѣну плѣнныхъ.

Тутъ мы съ Веделемъ простимся, скажемъ только еще, что онъ, прибывъ лѣтомъ 1814 г. на родину и поступивъ тамъ на гражданскую службу, въ мартѣ 1815 года, узнавъ о новымъ воцареніи Наполена, поторопился снова поступить въ войска, но уже теперь въ прусскія, былъ съ ними подъ Ватерлоо, затѣмъ въ Парижѣ (гдѣ встрѣтилъ д'Эгремона, уже служащаго королю Людовику XVIII) и оставался нѣкоторое время въ гарнизонѣ во Франціи. Скончался онъ въ Ганноверѣ въ 1853 году.

Перев. графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ.

Матеріалы
для исторіи Отечественной войны 1812 года.

Извлечены изъ Витебскаго Губернскаго Архива.

Matériaux pour l'histoire de la guerre de 1812, tirés des Archives du gouvernement de Vitebsk.

(Продолженіе).

Въ первыхъ двухъ книгахъ «Полоцко-Витебской Старины» мной была пропущена 16-ая связка дѣлъ 1812-го года, содержащая матеріалы по дорожной части. Но и въ томъ, что было напечатано въ тѣхъ книгахъ, часто чувствовались недочеты, многіе архивные матеріалы, видимо, не сохранились. Разсматривая нарядъ дѣлъ въ отдѣлѣ указовъ Генералъ-Губернаторскихъ, я нашла, что пробѣлъ предшествующей моей работы можетъ быть восполненъ цѣлой группой другихъ сообщеній, сохранившихся въ бумагахъ Городецкаго повѣта, нынѣшняго Городокскаго уѣзда. Они датированы 1812-мъ годомъ, но многія изъ нихъ помѣчены и годомъ 1811-мъ; сюда принадлежатъ документы, носящіе характеръ распоряженій подготовительныхъ, имѣвшихъ значеніе для удобства передвиженія войскъ русскихъ, долженствовавшихъ быть наготовѣ при встрѣчѣ съ полчищами непріятеля. Къ такимъ относятся мѣры объ улучшеніи дорогъ, о продовольствіи войскъ и проч.

Между помѣщенными мной указами встрѣчаются и такіе, которые относятся не исключительно къ губерніи Витебской, но они даютъ общее освѣщеніе мѣстной административной работѣ того времени и потому также печатаются, хотя въ извлеченіи.

Печатаемый матеріалъ распредѣленъ мною на слѣдующіе 6 отдѣловъ.

А.—О рекрутскомъ наборѣ 1812 года и о мѣрахъ взысканія за укрывательство бѣглыхъ рекрутъ.

Б.—Объ управленіи дѣйствующею арміею и обязанностяхъ чиновниковъ и дворянства въ военное время.

В.—Объ улучшеніи и содержаніи путей сообщенія.

Г.—Распоряженія, касающіяся продовольствія войскъ.

Д.—О разграбленіи почты, слѣдовавшей изъ г. Люцина въ первую западную армію.

Е.—Объ утраченныхъ архивахъ *).

А.—О рекрутскомъ наборѣ 1812 года.

Sur les Recrues.

1. Décret aux propriétaires, qui s'obstinent à envoyer leurs Serfs comme recrues. 12/I—1812 г.

1. Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго.

Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижнему Земскому Суду.

„Такъ какъ большая часть владѣльцевъ не подали сказокъ въ назначенный срокъ, т. е. къ 1-му Октября, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы по отдачѣ слѣдующихъ съ нихъ рекрутъ показать ихъ *убылыми*, Его Императорское Величество, пріемля въ уваженіе, что настоящій рекрутскій наборъ Высочайшимъ Манифестомъ назначено произвести по 5-ой, а не по 6-ой ревизіи, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы поступающіе въ сей наборъ рекруты всѣ вообще исключены были изъ новой 6-ой ревизіи по точному смыслу Манифеста». Генваря 12-го 1812 года. № 405.

---

2. Указъ Е. И. В. С. В.

Изъ Витеб. Губ. Правленія.

Городецкому Нижнему Земскому Суду.

2. Par la grâce de Sa Majesté envers ceux des propriétaires qui ont été endetés en suite de leurs affaires de recrutement;—le premier juillet 1812 a été fixé comme terme dernier pour compléter le contingent des recrues 19/II—1812.

---

*) При печатаніи соблюдена ореографія подлинниковъ.

Въ Указѣ Правит. Сената отъ 1-го, въ семъ Правленіи полученномъ 12-го Февраля подъ № 2211-мъ, напечатано: по Имянному Его Величества Высочайшему Указу, данному Правит. Сенату минувшаго Генваря въ 26-ой день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено:

«Желая облегчить тѣхъ, на коихъ состоитъ рекрутская недоимка, и доставить имъ удобнѣйшій способъ очистить нынѣ оную совершенно; признали Мы за благо, оставляя на сей разъ силу и дѣйствіе 5-и статьи Указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 16-й день Сентября прошлаго 1811-го года, дозволить принять всѣхъ недоимочныхъ рекрутъ, какъ отъ послѣдняго набора, такъ и отъ прежнихъ лѣтъ остающихся, не по генеральному о наборѣ оныхъ учрежденію, но на основаніи 2-ой статьи упомянутаго указа, т. е. ростомъ въ два аршина и три вершка, а лѣтами не моложе 18-ти, и не старше 37-ми.

Допуская мѣру сію сей единый разъ, Мы остаемся въ ожиданіи, что каждый, пекущійся о собственной пользѣ своей, не замедлитъ воспользоваться оной. Нерадивые жъ и не внемлющіе внушеніямъ собственныхъ выгодъ самимъ себѣ должны приписывать строгость, съ каковою по протеченіи предположеннаго времяни повелѣно будетъ взыскать недоимку сію.

Окончательный срокъ снисходительной мѣры сей постановляемъ 1-ое Іюля сего года».

Февраля 19-го 1812 года. № 4153.

---

3. ВЫСОЧАЙШІЙ
Манифестъ отъ 24 марта 1812 года,

коимъ повѣлено:

1) «Собрать во всемъ Государствѣ съ пяти сотъ душъ шестой ревизіи по два рекрута.

2) Наборъ начать во всѣхъ губерніяхъ со дня полученія о семъ указовъ черезъ двѣ недѣли и кончить въ теченіи одного мѣсяца.

3) Въ пріемѣ рекрутъ руководствоваться правилами, предписанными въ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 1811-го года Сентября 16-го.

4) Рекрутъ, по сему набору принимаемыхъ, содержать въ губернскихъ городахъ, при гарнизонныхъ полкахъ и внутреннихъ батальонахъ на томъ же основаніи, какъ содержатся и приготовляются рекруты въ запасныхъ депо».

---

4. Городецкому Нижнему Земскому Суду.

4. Pour les deux gouvernements de Vitebsk et de Moguileff, est déclaré Etat de guerre. Le gouvernement de Vitebsk est considéré comme appartenant à l'arrondissement militaire du 1-e corps de l'Ouest.

Изъ Витебск. Губерн. Правленія.

Въ предложеніи Его Королевское Высочество Генералъ отъ Кавалеріи Бѣлорусскій Военный Губернаторъ Герцогъ Александръ Виртембергскій, изъясняя, что сего числа 15-го Іюня получилъ онъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА за собственноручнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ Высочайшій Указъ отъ 12-го сего Іюня слѣдующаго содержанія: «Бѣлорусскія губерніи *Витебскую* и Могилевскую повелѣваемъ, на основаніи учрежденія для управленія большой дѣйствующей Арміи и Указа Правительствующему Сенату въ 13 день Марта сего года даннаго, объявить въ военномъ положеніи и причислить *первую* къ военному округу 1-ой Западной Арміи и послѣднюю къ округу 2-ой Западной Арміи». Сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе предлагаетъ сему Правленію повсемѣстно въ губерніи объявить.

Іюня 17-го дня 1812-го года № 15623.

---

5. Second Manifeste de Sa Maiesté l'Empereur Alexandre Premier pour réitérer la nécessité d'augmenter la quantité des troupes russes après l'invasion des forces étrangères.

5. БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Мы Александръ Первый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

«Вторженіе непріятеля въ Россію,— война, которую всѣми НАШИМИ стараніями не могли МЫ отвратить, принуждаетъ НАСЪ обратиться къ сильнымъ мѣрамъ, дабы воспрепятствовать нашествію врага,

идущаго съ мечемъ и пламенемъ разорить Россійское Государство. Мѣры сіи необходимо нужны и состоятъ въ приумноженіи новыхъ воинскихъ силъ; для того повелѣваемъ въ теченіи одного мѣсяца произвести рекрутскій наборъ съ обѣихъ Бѣлорусскихъ Губерній, съ Подольской, Волынской, Лифляндской и Эстляндской, съ пяти сотъ душъ по пяти человѣкъ, на слѣдующемъ основаніи.

1-ое. Кто поставитъ рекрута въ первыя двѣ недѣли отъ начала набора, у того принимать позволяется, хотя бы онъ былъ полувершкомъ ниже назначенной мѣры.

2-ое. Мѣста для пріема назначаются: изъ Губерній Лифляндской и Эстляндской въ Нарвѣ; изъ Витебской въ Великихъ Лукахъ; изъ Могилевской въ Красномъ и Рославлѣ; изъ Подольской въ Елисаветградѣ; изъ Волынской въ Кіевѣ.

3-ье. Для пріема назначить чиновниковъ одного съ Воинской стороны и двухъ съ Гражданской; одного отъ той Губерніи, съ которой рекрутъ поставляется, и одного отъ той, въ которой онъ пріемлется.

4-ое. Во всемъ прочемъ поступать по тѣмъ же правиламъ, по которымъ производится послѣдній наборъ.

5-ое. Съ Сибирскихъ Губерній вмѣсто рекрутъ собрать деньгами за каждаго по двѣ тысячи рублей.

Данъ въ Главной Квартирѣ Нашей въ лагерѣ при Г. Дриссѣ, Іюля 1-го дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: АЛЕКСАНДРЪ. На копіи написано: свѣрялъ А. Балашовъ. Вѣрно: Герцогъ А. Виртембергскій.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Изъ Вит. Губерн. Правленія № 9038.
Городецкому Нижн. Земск. Суду.

6. Sur la régularisation du recrutement, et sur les mesures à prendre contre ceux qui chercheront à échapper au devoir militaire.

Предложеніе
Т. С. Министра Юстиціи и
Кавалера Ивана Ивановича
Дмитріева.

Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената 1-го Департамента

о казеннныхъ Оренбургской Губерніи крестьянахъ, оказавшихся неспособными въ рекруты и уваживъ составленныя по сему предмету въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта Военномъ и Гражданскихъ Дѣлъ соображенія, согласно съ мнѣніемъ сихъ Департаментовъ полагаетъ:

1-ое. Въ облегченіе тѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ селеній, какъ Оренбургской, *такъ и другихъ губерній*, на коихъ состоитъ рекрутская недоимка, дозволить всѣхъ недоимочныхъ рекрутъ отъ послѣдняго набора и отъ прочихъ лѣтъ остающихся, принять не по Генеральному о наборѣ оныхъ учрежденію: но на основаніи 2-ой статьи Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 16 день Сентября прошлаго 1811-го года, то есть ростомъ въ два аршина и три вершка, а лѣтами не моложе 18-ти и не старѣе 37-ми.

2-ое. Буде въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ и дворянскихъ участкахъ, по надлежащемъ освидѣтельствованіи, не окажется годныхъ по сему росту въ рекруты людей, то брать менѣе полувершкомъ, или и цѣлымъ вершкомъ узаконенной помянутымъ Высочайшемъ Указомъ мѣры, только были бы они лѣтами и здоровьемъ способны на службу, коихъ и опредѣлять во флотъ.

3-е. Естьли и таковыхъ не явится, тогда взымать отъ 12-ти лѣтъ и выше здоровыхъ и крѣпкаго сложенія, не взирая въ прочемъ на мѣру ихъ роста, и отсылать въ ближайшія Военно-сиротскія Отдѣленія съ зачетомъ казеннымъ селеніямъ и помѣщикамъ за рекрута.

4-ое. Совершеннолѣтіе сихъ малолѣтнихъ опредѣляется въ 18-ть лѣтъ, съ котораго времени считаютъ имъ 25-лѣтній срокъ службы.

5-ое Кромѣ вышеозначенныхъ случаевъ ни въ какомъ другомъ убавленіе роста и отмѣна лѣтъ, установленныхъ по Указу 16-го Сентября 1811-го года, мѣста имѣть не могутъ.

6-ое. Для предупрежденія подложныхъ увѣчій, въ отбывательство отъ рекрутства не рѣдко чинимыхъ, постановить: 1, съ помѣщичьими людьми, обличившимися въ умышленномъ себя поврежденіи, поступать по точной силѣ Генеральнаго о наборѣ рекрутъ учрежденія 3-ей главы 6-го пункта. 2, Въ казенныхъ селеніяхъ, изъ семействъ, гдѣ откроются таковыя подложныя увѣчья, по надлежащемъ

въ томъ удостовѣреніи, брать двухъ, то есть того, кто учинилъ себѣ увѣчье, и другого, годнаго на службу по сему положенію или малолѣтняго, перваго безъ зачета, а второго съ зачетомъ; и буде сдѣлавшій себѣ увѣчье окажется неспособнымъ ни къ фронтовой, ни къ строевой службѣ: тогда обращать его навсегда въ крѣпостныя работы. 3, Но ежели въ томъ семействѣ, въ коемъ окажется подложное увѣчье, не найдется ни одного годнаго къ фронтовой службѣ ни съ опредѣляемою убавкою мѣры роста, ни малолѣтняго; то брать также двухъ за одного, то есть какъ увѣчившаго себя, такъ и другого, какой будетъ состоять въ семействѣ на лицо, и распредѣлять въ нестроевые; а буде ни одинъ изъ нихъ по увѣчью не окажется годнымъ въ нестроевые, тогда обоихъ посылать навсегда въ крѣпостныя работы, а деревнѣ зачитать за одного рекрута. 4, Правила сіи относятся до тѣхъ только семействъ, кои содѣйствовали къ умышленному увѣчью своего семьянина для избавленія отъ рекрутской повинности, или вѣдая объ ономъ не донесли въ свое время. Напротивъ съ семействъ, кои въ томъ нимало не участвовали, и отецъ или ближній того семейства родственникъ извѣстить начальство, брать одного только изобличеннаго въ умышленномъ поврежденіи и поступать съ нимъ, какъ сказано Генеральнаго о наборѣ рекрутъ учрежденія 3-й главы въ 6-мъ пунктѣ о помѣщичьихъ крестьянахъ, то есть припять его въ службу, въ какую годенъ будетъ; а буде окажется неспособнымъ, ссылать въ крѣпостную работу, съ зачетомъ деревнѣ за рекрута.

7-ое. При дѣйствіи сихъ необходимыхъ мѣръ, на особенное попеченіе и отвѣтственность Начальниковъ Губерніи возлагается имѣть наблюденіе, дабы разсмотрѣніе и удостовѣреніе о подложныхъ увѣчьяхъ производимо было со всею возможною точностію и безпристрастіемъ и чтобъ съ виновными въ томъ немедленно поступлено было по настоящему о нихъ положенію.

8-ое. Сіе положеніе распространить и на предбудущіе рекрутскіе наборы. Апрѣля, 3-го дня, 1812-го года.

На семъ мнѣніи въ 4-ый день сего Марта собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано тако: «БЫТЬ ПО СЕМУ».

---

7. Décret sur le patronnage des enfants restés dans les villages après le départ de leurs pères partis pour l'armée et des orphelins, placés dans des asiles militaires.

7. Сообщеніемъ Министерства военнаго Департаментъ Инспекторскій, прописывая, что въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ отъ полковъ и командъ о кантонистахъ, при оныхъ числящихся, показываются солдатскія дѣти оставленными, за выступленіемъ въ походъ, при матеряхъ съ данными пашпортами въ городахъ и селеніяхъ, о коихъ полки не имѣютъ никакого свѣдѣнія, требуетъ приказать привести въ извѣстность всѣхъ оставленныхъ отъ полковъ и прочихъ воинскихъ командъ солдатскихъ дѣтей, проживающихъ въ губерніи и достигшихъ изъ оныхъ 12-лѣтняго возраста и болѣе, препроводить немедленно въ ближайшія военносиротскія отдѣленія; а равномѣрно и моложе тѣхъ лѣтъ; но сиротъ, или коихъ родственники взять къ себѣ на воспитаніе не пожелаютъ, и какъ объ оныхъ, такъ и объ малолѣтнихъ, при матеряхъ или родственникахъ находящихся, доставить въ Департаментъ именные списки.

Мая 8-го дня 1812 года № 13239.

---

8. Supplément (à l'Oukaz) au Décret de Sa Majesté l'Jmpératrice Cathérine II, daté de l'an 1797 admettant nécessaires les punitions et les amendes contre ceux dès propriétaires ou paysans ayant caché dans leurs maisons les fuyards et les déserteurs.

8. Дополненіе къ Высочайшему Указу 1797-го года о наказаніи и штрафахъ за укрывательство бѣглыхъ рекрутъ и дезертировъ. По Высочайшему повелѣнію, Указъ переведенъ на польскій и нѣмецкій языки.

Государственный Совѣтъ въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ мнѣніе Департамента Гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, по внесенному Министромъ Полиціи представленію Гродцен-

Rada państwa, na wspólnej członków Sessyi roztrząsnowszy zdanie Departamentu dzieł Cywilnysh i Duchownych za wniesieniem przez Ministra Policyi przedstawienia Grodzieńskiego Cywilnego Gubernatora o nawiąz-

Nachdem der Reichsrath in seiner allgemeinen Versammlung das Gutachten des Departaments der Civil und Geistlichen Angelegenheiten über die durch Polizei-Minister eingereichte Vorstellung des Civil Gouverneurs

скаго Губернатора, о взысканіяхъ за укрывательство дезертировъ, находитъ: что въ Указѣ 15-го ноября 1797-го года слѣдующими пунктами повелѣно: „1-мъ: со всякаго управ„ляющаго деревней или „мызой и въ ней са„мой живущаго, кто „дастъ ночлегъ бѣглому „солдату, взыскать за „сіе въ штрафъ сто „рублей. 2-мъ: крестья„нинъ, корчмарь или „харчевникъ подвер„гается тѣлесному на„казанію; а помѣщики „и управители, кои жи„вутъ внѣ своихъ по„мѣстій, буде прожи„ваетъ въ деревняхъ „ихъ дезертиръ болѣе „6-ти дней и они о томъ „вѣдать не будутъ, за„платятъ пени 25 руб„лей. 3-мъ: За допуще„ніе къ совершенному „водворенію, сверхъ „опредѣляемаго штра„фа съ помѣщика, гдѣ „таковой воинскій слу„житель укрывался, „взыскивать рекрута „безъ зачета".

kach za ukrywanie dezertora znajduje, że w Ukazie dnia 15-go Listopada 1797-o roku rozkazano w następujących punktach: „1-m z każdego „rządcy wsi lub majątku i w „onym że przemieszkiwające„go kto da nocleg zbiegłemu „sołdatowi uzyskiwać za to „sztrafu sto rubli. 2-m Pod„dany, karczmarz lub ober„żysta ulega ukaraniu na „ciele; a dziedzice i zaźą„dzajace, którzy nie mieszkają „w swoich possessyach, jeżeli „we wsiach ich dezertor „więcej nad sześć dni prze„mieszka i oni o tem nie „będa wledzieli, zapłacą „sztrafu 25 rubli. 3-m Za „dopuszenie do osiadłości „prócz postawionego sztrafu „z dziedzica gdzie takowy „wójskowy ukrywa się brać „rekruta nie zaliczając przy „naboże onego".

von Grodno, wegen Bestrafung für Verfehlung der Deserteure vernommen; hat solcher gefunden, dass laut dem Befehle von 15-ten November 1797 folgende Punkte festgesetzt waren: 1-tens.—„Ein Jeder, der ein „Dorf oder Landgut verwaltet, „soll, falls er einem entlau„fenen Soldaten Nachtlager „gestattet, mit hundert Rubel „Strafe belegt werden.— „2-tens. Bauern, Krüger „oder Gastwirthe sind kör„perlicher Strafe unterwer„fen; Gutsbesitzer und Guts„verwalter aber, welche aus„serhalb ihren Güter wohnen, „sollen, falls sich ein De„serteur in ihren Dörfern „über sechs Tage ohne ihr „Wissen aufhalten wird, fünf „und zwanzig Rubel stra„fe erlegen.—3-tens. Fur „die Zulassung einer volligen „Aufnahme aber müssen die „Gutbesitzer, bei denen ein „solcher Soldat versteskt hat, „ausser der oben bestimmten „Strafe, einen Recruten ohne „Anrechnung stellen.

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи уваживъ разсужденіе Департамента Гражданскихъ дѣлъ, въ пополненіе и изъясненіе означеннаго Указа полагаетъ постановить слѣдующія статьи:

1-е. Взысканіе штрафа, положеннаго въ 1-мъ пунктѣ Указа 15 ноября 1797 года за ночлегъ бѣглому солдату, оставить въ своей силѣ, разумѣя, что взысканіе сіе падать должно на того, кто дастъ дезертиру пристанище.

2-е. Наказаніе, наложенное во 2-мъ пунктѣ означеннаго Указа для крестьянина, корчмаря или харчевника, также оставить въ своей силѣ.

3-е. Есть-ли кто по 1-му пункту того Указа не въ состояніи заплатить штрафа, таковаго наказывать тюремнымъ заключеніемъ на 3 мѣсяца.

Rada Państwa na wspolnej członków Sessyi roztrząsnowszy uwagi Departamentu dzieł Cywilnych w dopełnienie i pojaśnienie rzeczonego Ukazu mniema postanowić artykuły następujace:

1. Uzyskanie sztrafu położonego w pierwszym punkcie Ukazu dnia 15-go Listopada 1797 roku za nocleg zbiegłego sołdata zostawić w swojej mocy rozumiejąc że uzyskanie takowe na tego tylko paść powinno kto dezertyrowi da przytulenie.

2. Ukaranie postanowione w drugim punkcie pomienionego Ukazu dla chłopa, karczmarza lub oberżysty też w swojej mocy zostawić.

3. Jeżeli kto wedle pierwszego punktu tego Ukazu nie wstanie sztrafu zapłacić, takowego karać więzieniem na trzy miesięcy.

Und nachdem der Reichsrath, in seiner allgemeinen Versammlung das Gutachten des Departaments der Civil Angelegenheiten in Erwägung gezogen, hat er für nothig erachtet, zur Ergänzung und Erläuferung benannten Befehls nach folgende Punkte festzusetzen:

1-tens. Dass die in den 1-ten Punkte des Befehls vom 15-ten November 1797 festgesetzte Strafe für das Nachtlager eines entlaufenes Soldaten in ihrer Kraft bleibe, wohlverstanden, dass eine solche Bestrafung nur denjenigen treffen kann, der einem Deserteur Zufluchtsort gestattet hat.

2-tens. Die in dem 2-ten Punkte benannten Befehls bestimmte Strafe für Bauern, Krüger oder Gastwirten soll ebenfalls in ihrer Kraft bleiben.

3-tens. Wenn Jemand, nach dem ersten Punkte desselben, nicht im Stande sein solche die Strafe zu bezahlen, so soll ein Solcher mit drei monatischer Gefangnisstrafe belagt werden.

4-е. За совершенное водвореніе дезертира, помѣщики, въ мѣсто поставки рекрута натурою, штрафуются взысканіемъ съ нихъ по двѣ тысячи рублей ассигнаціями, на основаніи Манифеста 5-го Ноября 1811 года. Но сіе взысканіе можетъ налагаемо быть въ такомъ только случаѣ, когда помѣщикъ самъ пребываніе имѣетъ въ селеніи, гдѣ дезертиръ будетъ водворенъ.

5-е. Мелкомѣстный шляхтичъ, въ помѣстьѣ своемъ пребывающій, за водвореніе у себя дезертира, есть-ли не въ состояніи заплатить двухъ тысячъ рублей, отдается въ военную службу; а въ случаѣ неспособности къ оной, подвергается ссылкѣ въ Сибирь.

6-е. Управляющій деревнею, гдѣ допущенъ будетъ къ водворенію дезертиръ, подвергается равному наказанію,

4. Zo osadzenie dezertora dziedzice zamiast rekruta naturą sztrafują się uzyskaniem z nich po dwa tysiące rubli assygnacyami na mocy Manifestu dnia 5 Listopada 1811 roku. Lecz takowe uzyskanie może być czynione w owym tylko razie, kiedy dziedzic sam w tej wsi przemieszkiwa, gdzie dezertor osadzonz będzie.

5. Szlachcie na małej swojej possessyi przemieszkiwający za osadzenie u siebie dezertora, gdy nie wstanie zapłacić dwuch tysiecy rubli, oddaje sie w służbę wojenną, a w przypadku niesposobności do onej ulega zesłaniu do Syberyi.

6. Zarządzający wsią, w której dezertor do osiadłości dopuszczonym będzie, ulega równie ukaraniu w artykule piątym postanowiowemu.

4-tens. Für die gänzliche Aufnahme eines Deserteurs sollen die Gutsbesitzer, statt einen Recruten in natura zu stellen, mit einer Geldstrafe von zwei tausend Rubel in Banko - Assignationen, laut Manifest vom 5-ten November 1811, belegt werden. Diese Strafe kann aber nur dann stattfinden, wenn der Gutsbesitzer auf dem Gute selbst wohnet, wo der Deserteur aufgenommen worden.

5-tens. Ein gering begüterter Edelmann (Schlachtitsch), der auf seinem Gute wohnt, wird für die Aufnahme eines Deserteurs, wenn er nicht im Stande ist zwei tausend Rubel zu zahlen, in Kriegsdienste abgegeben, oder er ist, falls er nicht dazu fähig, einer Verweisung nach Sibirien ausgesetzt.

6-tens. Der Verwalter eines Guts, wo die Aufnahme eines Deserteurs zugelassen worden, ist der nähmlichen Strafe unterworfen, die in

въ 5 пунктѣ положенія сего опредѣляемому.

7-е. Помѣщики, внѣ вотчинъ своихъ пребывающіе, ни за ночлегъ, ни за водвореніе дезертира не должны подвергаться никакому взысканію, буде только не *было* отъ нихъ дано въ вотчину письменнаго приказанія о водвореніи бѣглаго.

8-е. Дѣла сего рада производить и рѣшать безъ очереди.

9-е. Настоящія правила о взысканіяхъ за укрывательство дезертировъ опубликовать повсемѣстно, съ переводомъ оныхъ на Польскій и Нѣмецкій языки дабы никто не могъ отговариваться невѣденіемъ.

На которымъ мнѣніи въ 12-й день Марта 1812 года собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано тако: «БЫТЬ ПО СЕМУ».

7. Dziedzice nie mieszkające w dobrach swoich ani za nocleg ani za osadzenie dezertora, żadnemu ukaraniu nie mają ulegać, jeżeli tylko nie była przez nich dana na pismie do dóbr dyspozycya o osadzeniu zbiegłego.

8. Sprawy takowego rodzaju sadzić i kączyć bez kolei.

9. Niniejsze prawidła o nawiązkach za ukrywanie dezertora ogłosić wszędy z wytłomaczeniem onych na polski i niemiecki jezyki, aby żaden niewiadomoś ią nie mógł wymawiać się.

Na którym to zdaniu dnia 12-go Marca 1812 roku przez Iego Imperatorska Mość własną ręką tak napisano. „MA BYĆ WEDLE TEGO".

dem 5-ten Punkte dieses Beschlusses bestimmt worden.

7-tens. Die Gutsbesitzer, welche ausserhalb ihrer Güter wohnen, sollen weder für das Nachtlager, noch die Aufnahme eines Deserteurs einer gerichtlichen Belangug ausgesetzt sein wofern, nur kein schriftlicher Befehl zur Aufnahme eines Deserteurs von demselben ihren Erbgütern gegeben worden.

8-tens. Anklagen von diser Art sollen ausser der Reihe untersucht und entschieden werden.

9-tens. Gegenwärtiges Reglement, wegen Bestrafung für Aufnahme der Deserteure, soll aller Orts, in polnischer und deutscher Sprache übersetzt, bekannt gemacht werden, damit sich Niemand mit desselben Nichtwissen entschuldigen könne.

Welches Gutachten am 12-ten März 1812 von Seiner Kaiserlichen Majestät eigenhändig also bestätiget worden: „DEM SEI ALSO".

Б. **Объ управленіи дѣйствующею арміею и обязанностяхъ въ военное время чиновниковъ и дворянства.**

De l'administration de l'armée active et des obligations des employés et de la noblesse en temps de guerre.

10. Городецкому Нижн. Земск. Суду.

Въ Указѣ Правит. Сената отъ 16-го въ семъ Правленіи полученномъ 30-го Апрѣля подъ № 10112 напечатано: По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ Господина Генерала отъ инфантеріи, Министра Военныхъ Сухопутныхъ силъ и кавалера Михаила Богдановича Барклая де Толли и списокъ съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рескрипта, даннаго въ 16 день сего марта на имя его Г-на Министра, въ которомъ изображено: „Съ изданіемъ новаго учрежденія для управленія „большой дѣйствующей арміи, тѣ только облекаются властію, въ семъ „учрежденіи Главнокомандующему присвоенною, кои послѣ сего уч„режденія будутъ въ званіи Главнокомандующаго утверждены, или „вновь назначены, всѣ же прочіе слагаютъ съ себя званіе Главноко„мандующихъ, и мѣра власти имъ опредѣляется особыми указами. „Изъ сего изъемлются однако-же Главнокомандующій столицы, кото„рый сохраняетъ свое названіе на прежнемъ основаніи и на преж„нихъ правахъ".

Мая 20-го дня, 1812-года № 12446.

---

11. Détails sur le droits des commandants en chef par rapport aux autorités civiles de l'Empire et sur la subordination de ces derniers.

11. Высочайшій Указъ Правит. Сенату въ 13-й день сего марта за собственноручнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ, въ которомъ изображено:

„Признавъ нужнымъ собрать воедино и издать въ совокупности „всѣ положенія для разныхъ частей управленія большихъ дѣйствую„щихъ армій НАШИХЪ, повелѣли МЫ составить полное изъ оныхъ „Учрежденіе, и утвердивъ его препровождаемъ у сего къ подлежа„щему исполненію.

„Установивъ симъ Учрежденіемъ отношеніе высшаго начальства „Арміи съ внутренними управленіями Имперіи и необходимую связь

„между оным и мѣстными начальствами пограничных губерній, признали МЫ нужным постановить слѣдующія дополнительныя правила:

1. „Пограничныя губерніи и области могут быть по усмотрѣнію НАШЕМУ объявлены в военном положеніи.

2. „Объявленіе сіе чинится особенными НАШИМИ Указами.

3. „Губерніи, в военном положеніи объявленныя, по управленію полиціи и доставленію всѣх воинских потребностей состоят в начальствѣ Главнокомандующаго дѣйствующею Арміею, коего повелѣнія начальники сих губерній обязаны исполнять безпрекословно.

4. „Естьли-бы было двѣ или болѣе Больших Дѣйствующих Армій, то в каждой из них приписываются губерніи в Военном положеніи объявленныя по расположенію Армій и обстоятельствам.

5. „Главнокомандующій Арміей может в сих губерніях собственною властію отрѣшать чиновников Городской и Земской Полиціи.

6. „Он может предавать виновных военному суду.

7. „Военный Суд в сих губерніях учреждается и дѣйствует на точном основаніи его при Дѣйствующей Арміи.

8. „Приговоры Военнаго Суда в губерніях, объявленных в военном положеніи, утверждаются Главнокомандующим.

9. „Военному Суду в объявленных в военном положеніи губерніях подлежат всѣ жители оных, и чиновники воинскіе и городских и земских полицій.

10. „Главнокомандующій не может входить в управленіе губерній сих по части судной и хозяйственной, кои остаются в обыкновенном их порядкѣ.

11. „Гражданскіе Губернаторы сих губерній, получив требованіе Главнокомандующаго, поступают по точной силѣ третьей части „Учрежденія для Большой Дѣйствующей Арміи, Интендантскаго Управленія главы первой, шестого отдѣленія § 51 статей 2, 3, 4 и 5-ой и главы второй перваго отдѣленія §§ 59, 77, 78 и 89 второго отдѣленія § 106; третьяго отдѣленія §§ 112, 113 и 114; четвертаго отдѣленія §§ 124, 125, 129 и 130.

12. „При взиманіи воинских потребностей Губернаторы дѣйствуют в отношеніи к раскладкѣ и уравненію оных чрез Предводителей Дворянства, Городскія Думы, Магистраты и проч.

13. „Губернаторы объявленныхъ въ военномъ положеніи губер-„ній отвѣтствуютъ лично за исправное и немедленное исполненіе „предписаній Главнокомандующаго Арміей по части Полиціи и достав-„ленію воинскихъ потребностей.

Контрассигнировалъ Военный Министръ Барклай-де-Толли".

---

12. Son Altesse royale, Général gouverneur militaire de la Russie Blanche fait distribuer 40 exemplaires concernant les instructions données aux employés du gouvernement de Vitebsk.

12. При предложеніи Его Королевское Высочество Бѣлорусскій Военный Губернаторъ, Герцогъ Александръ Виртембергскій, отъ 7-го іюня препровождая 40 экземпляровъ наставленія всѣмъ чиновникамъ Бѣлорусскихъ губерній, относящагося до обязанности каждаго изъ нихъ, приказалъ оставить у себя для свѣдѣнія и зависящаго отъ него исполненія, прочіе разослать въ Казенную Палату, въ оба Департаменты Главнаго Суда, въ повятовые и Нижніе Земскіе Суды, къ Полицеймейстерамъ и Городничимъ.

Іюня 11-го дня 1812 года.

---

13. Instructions de son Altesse Royale, Duc de Wirtemberg, Général-gouverneur militaire à tous les employés des gouvernements de la Russie Blanche.

13. **Наставленіе для всѣхъ чиновниковъ Бѣлорусскихъ губерній.**

«Со времени Главнаго Управленія моего Высочайше ввѣренными мнѣ Бѣлорусскими губерніями къ величайшему моему удовольствію познавалъ я и могу сказать нашолъ превосходный духъ въ чиновникахъ Могилевской и Витебской губерній. Замѣчаніе сіе содѣлало день моего прибытія въ Бѣлоруссію однимъ изъ счастливѣйшихъ дней жизни, а съ привязанностію моей къ Бѣлоруссіи не можетъ ничто сравняться кромѣ живѣйшаго моего желанія видѣть губерніи ея совершенно шастливымп подъ моикъ управленіемъ, и сіе будетъ пріятною наградою трудовъ моихъ и стараній.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ каждый чиновникъ въ государственной службѣ находящійся еще болѣе имѣетъ время дать без-

сомнѣнные опыты преданности Всемилостивѣйшему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и усердія къ службѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Симъ побуждаясь, долгомъ званія моего считаю поставить въ виду и напомнить всѣмъ чиновникамъ Витебской и Могилевской губерній къ наблюденію все то, что ихъ обязываетъ къ исполненію Высочайшихъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣній и чемъ они заслужить могутъ Всемилостивѣйшее благоволеніе Государя Императора, почитающаго Себя болѣе тогда щастливымъ, когда находитъ случаи вознаградить своихъ вѣрноподданныхъ.

Начиная отъ Губернскаго Правленія, я не могу изъяснить, сколько я долженъ напоминать оному о поспѣшности въ исполненіи чинимыхъ ему предписаній. Настоящія обстоятельства требуютъ по части завѣдывающей управленіемъ губерній чрезвычайной скорости; ибо малѣйшая мѣдленность можетъ нанести величайшія затрудненія и безпорядки.— Оно должно имѣть смотрѣніе за всѣми частями управленія, наблюдать, дабы всѣ тягости, налагаемыя въ слѣдствіе Высочайшей воли были сколько возможно уравнительны; избѣгать всѣхъ личностей; не щадить ни одного виновнаго. Сіе было-бы непростительною слабостію. О тѣхъ же чиновникахъ, которые отличаться будутъ ревностію и усердіемъ, доносить мнѣ безъ упущенія времени, дабы я могъ имѣть пріятное удовольствіе ходатайствовать о наградѣ ихъ трудовъ и дѣятельности. Губернское Правленіе наконецъ стараться будетъ, дабы дѣла безостановочное имѣли теченіе, недоимки казенныхъ податей и недоимочные рекруты были скорѣе взысканы. Какъ нынѣ поспѣшность въ сношеніяхъ болѣе всего нужна, то Губернское Правленіе должно будетъ болѣе нежели прежде имѣть прилежное смотрѣніе, чтобы почтовыя станціи, почтовыя дороги и мосты содержаны были въ совершенной исправности, равно за всѣмъ тѣмъ, что относится до городскихъ и земскихъ полицій. Зная ревность и усердіе Могилевскаго Г-на Гражданскаго Губернатора, графа Толстого и Витебскаго Г-на Вице-Губернатора Сушки, я съ полнымъ упованіемъ ожидаю со стороны ихъ совершенной точности въ исполненіи моихъ предписаній.

Казенная Палата во всѣхъ случаяхъ должна пещись о пользѣ

казенной, наблюдая за всѣми казенными доходами, дабы оные въ постановленные сроки собираемы были, ибо въ нынѣшнее время болѣе нежели въ иное государство имѣетъ нужду въ деньгахъ. Она усугубитъ къ исполненію обязанности своей всю дѣятельность, не допуститъ малѣйшаго нерадѣнія со стороны подчиненныхъ ей уѣздныхъ Казначеевъ; имѣть будетъ неусыпное за ними смотрѣніе, въ точности-ли исполняются прежнія предписанія и мое повелѣніе, чтобы въ уѣздныхъ Казначействахъ не оставалось казенныхъ денегъ болѣе 500 рублей и въ случаѣ неисполненія сего доносить мнѣ дабы я могъ дать приказаніе о учиненіи съ виновныхъ безотлагательнаго взысканія. Вообще Казенная Палата да не отступитъ въ чемъ бы то ни было отъ предписаннаго порядка, ибо оный есть спасительнымъ щитомъ противу всѣхъ злоупотребленій; Витебская должна принять новыя усилія и средства къ продажѣ хранящейся въ Витебскѣ не малаго запаса казенной соли, *) а я не оставлю о усердіи ея свидѣтельствовать Министру Финансовъ.

1-й и 2-й департаменты Главнаго Суда, равно повѣтовые суды да умножатъ усердіе свое къ прилежнѣйшему отправленію дѣлъ. Зная образъ правильныхъ мыслей составляющихъ оные суды чиновниковъ, я излишнимъ считаю напоминать имъ, что въ теперешнее время никто не можетъ быть уволенъ отъ своего мѣста. Всякое нынѣ о семъ требованіе было-бы не разсудительно, и по сему я долженъ предварить каждаго, что подобныя прозьбы не будутъ приняты развѣ-бы справедливыя причины убѣждали меня. Мнѣ остается еще напомнить членамъ сихъ судовъ, сколько ихъ почтенныя должности могутъ споспѣшествовать къ удержанію довѣренности и почтенія, должнаго Правительству и разнымъ его частямъ, ежели оныя исправляемы будутъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и усердіемъ какое оказываетъ по всему добрый народъ Бѣлорусскій.

Полиціи, а паче Земскія, никогда не будутъ болѣе имѣть занятія какъ въ настоящее время и отъ всякаго чиновника болѣе требуется дѣятельности и усердія. Малѣйшее нерадѣніе въ сіе время

---

*) О продажѣ соли и о цѣнахъ на нее въ разныхъ районахъ есть нѣсколько указовъ. *Примѣч. М. М.*

было-бы важнымъ преступленіемъ по должности; ибо оно можетъ нарушить повелѣнія правительства, требующія нужнаго и скорѣйшаго исполненія. Чиновникамъ Земскихъ Полицій ослабѣвать нынѣ въ чемъ-бы то ни было, значило-бы быть преступными и нарушающими клятву присяги, а паче во взысканіи казенныхъ недоимокъ, сборовъ на земскія повинности и въ разныхъ нарядахъ и поставкахъ, которыя съ ихъ повѣтовъ слѣдуютъ. На ихъ отчетѣ лежать будетъ, чтобы все предписанное въ ихъ должности исполняемо было со всею точностію; а я непреклоннымъ буду въ строгомъ взысканіи за всякое упущеніе со стороны чиновниковъ, которые часто представляютъ видъ неправильный, суть всегда причиною непомѣрныхъ издержекъ и трудовъ для тяжущихся сторонъ. Строжайшее повиновеніе старшимъ отъ младшихъ по должностямъ должно быть въ судахъ. За всякое непослушаніе со стороны Засѣдателей Исправникамъ будетъ взыскиваемо строжайшимъ образомъ безъ малѣйшаго упущенія. По чему и предписываю Земскимъ Исправникамъ, есть-ли бы оказаны были имъ отъ Засѣдателей ослушанія, то объ оныхъ немедленно мнѣ доносить. Исправники приложатъ всеусильнѣйшее стараніе въ исполненіи чинимыхъ имъ предписаній и непрестанное бдѣніе о сохраненіи во ввѣренныхъ имъ повѣтахъ установленнаго порядка и всего въ должности ихъ предначертаннаго. Они въ разныхъ обстоятельствахъ сноситься будутъ съ гг. Повѣтовыми Маршалами, ни въ чемъ не отступая отъ предписанныхъ правилъ подъ отвѣтственностію ихъ и что только зависѣть будетъ отъ ихъ обязанностей, всякій долженъ будетъ содѣйствовать къ общему благу, не вмѣшиваясь однако одинъ во власть другого. Всякой, противной сему поступокъ я никогда не оставлю безъ взысканія. Предписываю также земскимъ полиціямъ имѣть строжайшее наблюденіе, дабы подозрительные люди не имѣли нигдѣ пристанища; приложить стараніе къ поимкѣ воинскихъ дезертировъ и смотрѣть, дабы ни одинъ человѣкъ, не имѣющій узаконеннаго вида, не могъ избѣгнуть отъ строгости закона. Они не меньше будутъ имѣть наблюденіе, чтобы всѣ повинности, какія на кого возложены, исполняемы были съ поспѣшностію. Наконецъ Земская Полиція пещись будетъ о исполненіи чинимыхъ ей предписаній, не допуская малѣйшей несправедливости. Члены Земскихъ Полицій, имѣя много

дѣлъ, зависящихъ отъ ихъ исполненія по нижнему земскому суду и по повѣту, не должны терять ни малѣйшаго времени въ бездѣйствіи, ниже праздныімъ гдѣ либо обращеніемъ, что почтено будетъ за самовольную отлучку, запрещенную генеральнымъ регламентомъ и послѣдующими узаконеніями, и я ни подъ какимъ видомъ не приму во уваженіе никакихъ по сему неправильныхъ оправданій.

Городская Полиція, кромѣ относящихся до нея въ прописанномъ наставленіи Земской Полиціи, не допуститъ никакихъ личностей, опасаться будетъ подъ предлогомъ Квартирной Коммиссіи чинить отягощеніе, назначеніемъ воинскаго поста, ибо часто видѣлъ я съ неудовольствіемъ, сколько по сей части происходитъ несправедливости и какъ часто случается, что бѣдность бываетъ утѣснена. Я взыскивать буду строжайше съ Полицеймейстеровъ и Городничихъ, которые въ семъ случаѣ окажутся виновными и отступать будутъ отъ существующихъ правилъ; равномѣрному буду подвергать взысканію и тѣхъ, которые не будутъ смотрѣть за надлежащимъ порядкомъ, или чинить малѣйшія притѣсненія по части имъ ввѣренной. Поставляю имъ также въ виду обязанность ихъ въ разсужденіи чистоты тѣхъ мѣстъ, гдѣ содержатся арестанты, гошпиталей, больницъ и другихъ публичныхъ заведеній и самыхъ улицъ; равно касательно предосторожности, которую они имѣть должны на случай пожара и къ прекращенію онаго. *Обязанностію также* есть мѣстныхъ начальниковъ Полиціи наблюдать, чтобы цѣна продаваемыхъ мѣстныхъ и другихъ жизненныхъ припасовъ была сколь можно ниже и они должны употреблять средства какія нужны къ достиженію сей цѣли.

При всемъ томъ Городскія и Земскія Полиціи въ нынѣшнее время одолжаются содержать въ твердой своей памяти 237 и 256 статьи Высочайшаго о Губерніяхъ Учрежденія, въ коихъ предписано: Городничій и Земскій Исправникъ сами и всѣ въ городѣ и уѣздѣ живущіе обязаны клятвою предъ Всемогущимъ Богомъ въ сохраненіи ненарушимымъ подданической вѣрности къ особѣ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и какъ безъ нарушенія временнаго и вѣчнаго своего блаженства клятву свою преступить не могутъ, для того Городничему и Земскому Исправнику поручается бдѣніе, дабы никто въ противность подданическаго долга и послушанія въ городѣ и уѣздѣ ничего не предпріялъ и не учинилъ и проч.

Происшествія, сопряженныя съ обстоятельствами настоящаго времени, требуютъ чрезвычайныхъ усилій всѣхъ частей Россіи. Близкое разстояніе Бѣлоруссіи отъ границы потребуетъ можетъ быть большихъ еще стараній. Кто же тутъ, зная необходимость нѣсколько маловременныхъ пожертвованій, не усмотритъ пользы для общаго и собственнаго благополучія? Ежели обратимъ мы взоры наши на сосѣднія народы, другія иностранныя государства, на ихъ неисчисленныя бѣдствія, не должны ли мы хвалиться именемъ Россіянъ, принадлежа къ Россіи и пользуясь отеческимъ попеченіемъ Государя Императора, который только желаетъ благополучія своимъ подданнымъ и твердаго ихъ благоденствія? Во всякое время обязанностію есть чиновниковъ всею ихъ возможностію способствовать благотворительнымъ видамъ Правительства. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ обязанность сія есть сильнѣе и становится, такъ сказать, священною. Сіи то разсужденія должны быть свойственны всякому чиновнику Бѣлорусскихъ губерній.

Назначены нѣкоторыя построенія; содержаніе почтъ содѣлалось дороже; предписанъ рекрутскій наборъ; ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ бережливостью, которая будетъ нѣкогда эпохою въ лѣтописяхъ для усиленія способовъ къ уплатѣ государственныхъ долговъ, положилъ временный сборъ помѣщичьихъ доходовъ; однако-же правильность показаній о дѣйствительномъ доходѣ оставилъ на доброй вѣрѣ и чести своего вѣрнаго Дворянства. Въ какомъ-же подобное сему чинится государствѣ? Вотъ какія суть наши тягости. Ежели оныя намъ трудны кажутся, мы ихъ не найдемъ таковыми, взявъ во вниманіе ту отличную милость Государя Императора, которую Дворянству оказать соизволилъ, отсрочивъ заемщикамъ восьмилѣтнихъ займовъ изъ Государственнаго заемнаго Банка на 12 лѣтъ принадлежащій Банку платежъ. Какое изъ нихъ семейство не возчувствуетъ сего благодѣянія обезпечивающаго цѣлость его достоянія? Обратимъ вниманіе на тягости, которыя несутъ почти всѣ сосѣдніе съ нами народы, платя съ ихъ доходовъ по 60-ти со ста кромѣ того, что подвержены безъ исключенія назначенію въ воинскую службу, или такъ называемую конскрипцію.—Дворянство ихъ, лишившееся всѣхъ привилегій, могло-бы надѣяться вкушать спокойствіе при отцахъ своихъ

и въ мѣстахъ своего рожденія. Но сіе утѣшеніе навсегда имъ не позволено; влекутъ ихъ на помощь чуждымъ народамъ въ дальнія страны; малое же число тѣхъ, которые избѣгнутъ опасности войны безпрестанно возобновляемой, должны стонать подъ бременемъ судьбы, сколько плачевной, столь и несправедливой.

Таковыя мои предписанія обязаннымъ я нахожу себя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дать на пользу службы всѣмъ чиновникамъ подъ управленіемъ моимъ состоящимъ. Я присовокупляю еще, что нынѣ никто не можетъ ни подъ какимъ видомъ уклониться отъ службы и я содержать буду точную записку о тѣхъ, которые только будутъ нерадивы, желая подъ предлогомъ болѣзни не исполнить порученія, какое имъ учинено будетъ. Я требую скорѣйшаго и совершеннаго отъ каждаго послушанія и предваряю, что строжайшее взысканіе неминуемо послѣдуетъ за всякій поступокъ противу добраго порядка и повиновенія столь нужнаго для службы.

Имѣя однако-же со времени управленія моего столько опытовъ усердія, ревности, я могу сказать личной привязанности разныхъ чиновниковъ губерніи, что уже болѣе года произвело столь щастливыя для службы послѣдствія, и надѣюсь, что не буду доведенъ къ сей крайности, но напротивъ того ожидаю, что буду имѣть частые случаи свидѣтельствовать у ВЫСОЧАЙШАГО Престола о новыхъ доказательствахъ ревности и усердія чиновниковъ сей губерніи къ Нашему АВГУСТѢЙШЕМУ МОНАРХУ. Надѣюсь, что всякій усугубитъ свою дѣятельность въ настоящемъ времени и что всякой изъ чиновниковъ удостовѣренъ, что собственное его благополучіе и его возвышеніе меня же занимаютъ и я болѣе почту себя щастливымъ, когда могу быть сколько либо полезнымъ для человѣка истинно почтенія достойнаго и исполняющаго свою обязанность. Я наконецъ увѣренъ, что всякій мнѣ вспомоществовать будетъ всѣми мѣрами, какъ по сіе время чинимо было, для достиженія сихъ послѣдствій, столько полезныхъ для службы, какъ и для собственной славы.

Бѣлорусскій Военный Губернаторъ Герц. А. Виртембергскій.

12-го мая 1812 года Витебскъ.

---

13. Instructions de Son Altesse Royale, duc de Wirtemberg à la Noblesse par l'entremise du maréchal du district de Gorodok.

13. Заступающаго Городецкаго Маршала Повѣтоваго Хорунжій Петръ Стаховъ.

Благородному Дворянству Городецкаго Повѣта.

Его Королевское Высочество Бѣлорусскій Военный Губернаторъ Герцогъ Александръ Виртембергскій въ предписаніи своемъ отъ 23-го числа іюня предположить изволилъ сильнѣйше внушить господамъ помѣщикамъ дабы они при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по усердію ихъ старались выполнять все воинскіе требованіи и учинять въ проходѣ ихъ выгоды, а къ вящему ихъ объясненію необходимости препровождаю при семъ съ помянутаго предписанія точную копію и прошу по оной принять возможности къ исполненію всѣхъ воинскихъ требованій дѣлая войскамъ проходящимъ всякія пособія и выгоды съ равномѣрной точностію и усердіемъ къ отечеству.

Іюня 27-го дня 1812 года.

Б. В. Г. Точная копія.

23-го іюня, 1812-го года.

№ 2433.

Витебскъ.

Городецкому Повѣтовому Маршалу.

О внушеніи Дворянству деятельнаго исполненія обязанностей своихъ.

Долгомъ званія моего почитаю поставить ввиду Вашему: что въ настоящихъ обстоятельствахъ служба Государственная требуетъ во всѣхъ чрезъ звычайной деятельности—я отъ усердія Вашего ожидаю что Вы неупустите ничего отъ васъ зависящего, Дабы въ повете вашемъ исполненіе даваемыхъ вамъ отъ меня и другихъ начальственныхъ властей и предписаніе чинимо было со всею точностію.

Сколько должно быть пріятно для всякаго благовоспитаннаго человека сохранить ненарушимо, какъ добрему гражданину и вѣрному подданному слѣдуетъ долгъ, которымъ обязанъ онъ клятвою, на себя возложенною, долгъ, которымъ обязанъ онъ Государю и Отечеству стремясь къ сей толико желаемой цѣли; въ особенности нужно тутъ употребить не только все усердіе, но и величайшую поспѣшность къ

исполненію данныхъ предписаній, ибо въ противномъ случаѣ не малый для службы вредъ можетъ послѣдовать. Нѣтъ нужды и не должно судить кому либо о надобности или пользѣ принимаемой правительствомъ мѣры; частныя лица видятъ только то, что ихъ вблизи окружаетъ, не могутъ заключить о важности и необходимости оной; и такъ вовсе невозможно и непохвально допускать какіе либо толки въ семъ предметѣ; сей занимающейся онымъ поступокъ не только есть непростительнымъ и безразсуднымъ, но достоинъ смѣха, такъ какъ они судятъ о дѣлахъ, не имѣя объ оныхъ достаточнаго понятія.

Самоскорѣйшее повиновеніе есть тѣмъ нужнѣе и необходимѣе, что противное сему навлечетъ всегда для тѣхъ, которые отъ сего уклоняться будутъ, непріятныя послѣдствія, какъ въ разсужденіи чести ихъ, такъ и достоянія.

Какъ губернія, подъ начальствомъ моимъ находящаяся состоитъ на воинскомъ трактѣ, то натурально переходъ войскъ, и воинскіе транспорты будутъ въ оныхъ частые, посему я прошу Васъ, милостивый государь мой рекомендовать дворянству Вашего повѣта оказывать всевозможную учтивость и вѣжливость всѣмъ воинскимъ чинамъ и доставлять имъ всевозможное пособіе.

Доказывая такимъ образомъ приверженность свою и преданность нашему АВГУСТѢЙШЕМУ Монарху, вѣрное Бѣлорусское Дворянство непремѣннѣйше обратитъ на себѣ вниманіе сего всемилостивѣйшаго Отца и благодѣтеля Многочисленныхъ своихъ подданныхъ. Кто-же впротчемъ не имѣетъ въ войскѣ родственниковъ и друзей и такъ не долженъ перенести нѣкоторые маловременные нераздѣльные съ нынѣшними обстоятельствами тягости, отъ которыхъ понынѣ мудрое Правленіе умѣло насъ предохранить, между тѣмъ какъ сосѣдніе народы чрезъ много лѣтъ привыкли уже претерпѣвать бѣдствія, и нынѣ осталось имъ одно только скучное воспоминаніе прошедшаго ихъ благополучія.

Я приглашаю Васъ, Г-нъ Маршалъ, обязать каждаго въ Вашемъ уѣздѣ, чтобы всѣ тщательно уклонялись отъ всякихъ споровъ и ссоръ съ воинскими чинами, чего избѣгнуть будетъ удобно, оказывая имъ пріятную учтивость и чтобы принимали ихъ такъ какъ того заслуживаютъ защитники Отечества.

Я увѣренъ также, что всякій исполнять будетъ то, что отъ него потребуется, безъ промедленія и отговорокъ, такъ какъ не допущу ни малѣйшаго ослабленія моей обязанности, и ничего того не оставлю, что только требовать будетъ исполненія по предписаніямъ получаемымъ мною отъ правительства. Наблюдая за точнѣйшимъ оныхъ исполненіи при всемъ томъ какъ попеченіе, труды и старанія мои посвящены на пользу Высочайше ввѣренныхъ мнѣ губерній, то никто да не останавливается обращаться ко мнѣ во всемъ томъ что есть справедливо и не будетъ противно моей обязанности.

Никакой трудъ, никакія дѣла не будутъ мнѣ въ тягость, ежели оттого зависѣть будетъ чье добро или благополучіе непротивное законамъ. Многія занятія, которыми обремененъ я нынѣ не воспрепятствуютъ мнѣ никогда, какъ и по сіе время мною чинимо было пещись о пользѣ всѣхъ тѣхъ, которые ко мнѣ обратятся.

О семъ Милостивый Государь мой прошу Я Васъ увѣдомить почтеннѣйшее сословіе дворянства Вашего повѣта.

На подлинномъ подписано тако:

Бѣлорусскій военный губернаторъ
Герцогъ Александръ Виртембергскій.

В. **Объ улучшеніи и содержаніи почтовыхъ трактовъ.**

De l'amelioration et de l'entretien des routes postales.

14. Ordre de Sa Majesté adressé au Gouverneur civil de Vitebsk d'augmenter le nombre des chevaux aux stations de postes et obligeant les propriétaires á participer à cette augmentation.

14. **Копія** съ именного Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнія къ Витебскому Гражданскому Губернатору послѣдовавшаго съ реестромъ о прибавкѣ на почтовыхъ станціяхъ помѣщичьихъ лошадей равно и съ раскладки заступающимъ должность Губернскаго городецкимъ повѣтовымъ Маршаломъ учиненной.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Усмотрѣвъ въ проѣздъ мой въ Вильну до какой степени простирается безпорядокъ по почтовому устройству въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особливо въ Витебской, нахожу нужнымъ по нынѣ настоящимъ обстоятельствамъ предписать наистрожайше слѣдующее:

1-ое. Возлагается на личную отвѣтственность Губернатора, а въ

его отсутствіе вице-Губернатора исправность почтовыхъ станцій на нижеизясненномъ положеніи.

2-ое. На каждой станціи въ прилагаемомъ регистрѣ поименованной будетъ назначено число лошадей которыхъ выставить не позже 15-го Маія.

3-е. Сіи лошади всѣ должны быть крѣпкія, здоровыя, сносныя, среднихъ лѣтъ, не малорослыя, и отнюдь не изъ обыкновенныхъ мужичьихъ.

4-ое. Добавочныя сверхъ положеннаго числа на станціяхъ лошадей должны всѣ быть собраны изъ помѣщичьихъ уравнительнымъ нарядомъ.

5-ое. Дозволяется нарядъ сихъ лошадей дѣлать временной на сроки, кои будутъ признаны дворянскими предводителями удобнѣйшими, какъ то: двухъ недѣльный, месячный, или двухъ мѣсячный и тому подобное.

6-ое. Прежде истеченія срока наряжаемые на смѣну уже должны быть по мѣстамъ.

7-ое. Въ случаѣ ихъ неприхода старые не отпускаются до прибытія оныхъ.

8-ое. При отпускѣ лошадей со станціи выдается конюшимъ каждаго помѣщика билетъ въ коемъ означается день отпуска оныхъ со станціи.

9-ое. Помѣщики коихъ люди будутъ задержаны болѣе положеннаго срока на станціяхъ отъ не привода другихъ на смѣну имѣютъ предъявлять свои жалобы губернскому правленію, которое удостовѣрясь по выданному билѣту о справедливости жалобы, взыскиваетъ съ опоздавшихъ по 50-ти рублей на день за каждую лошадь лишне продержанную.

10-е. При наряжаемыхъ лошадяхъ должны быть на кажду тройку по одному кучеру или конюшему умѣющему править.

11-е. Сіи прибавочныя лошади не употребляются иначе какъ на фельдъегерей и курьеровъ у коихъ на подорожныхъ будетъ приложено по двѣ печати.

12-е. Губернаторамъ, или въ отсутствіи ихъ Вице-Губернаторамъ еженедѣльно посылать исправныхъ чиновниковъ осматривать въ точности ли исполняются сіи повеленія.

13-е. Ни какія отговорки и извиненія не будутъ приняты и Губернаторы или въ отсутствіи оныхъ Вице-Губернаторы въ случаѣ неисполненія или неисправности вышеприведеннаго подвергнутся строжайшему наказанію.

Въ Вильнѣ Апрѣля 24 дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: АЛЕКСАНДРЪ.

Контрассигнировалъ Военный Министръ Барклай-де-Толи.

Приложеніе.

Liste des étapes par lesquels passait la poste de la Russie Blanche.

Росписаніе мѣстъ, чрезъ которыя пролегаетъ Бѣлорусскій трактъ.

1) Въ Гродно черезъ Софію, Гатчино, Лугу, Псковъ, Островъ, Опочку, Себежъ, Друю, Видзы, Свенцяны, Вильно и Лиду, и станціи: Радзивонишки и Щодну, Щучинъ, Мильковщину и Жидомль.

2) Въ Брестъ Литовскій чрезъ Софію, Гатчино, Лугу, Порховъ, Великія Луки, Суражъ, Витебскъ, Оршу, Борисовъ, Минскъ, Несвижъ, Слонимъ, Пружаны и Кобринъ.

3) Въ Каменецъ-Подольскій чрезъ Софію, Гатчино, Лугу, Порховъ, Великія Луки, Суражъ, Витебскъ, Оршу, Шкловъ, Могилевъ, Быховъ, Рогачевъ, Мозырь, Овручь, Житомірь, Хмѣльникъ и Проскуровъ.

4) Въ Могилевъ на Днѣстрѣ, по тракту Каменецъ-Подольскому до Могилева, а отсюда черезъ Пропойскъ, Чечерскъ, Бѣлицу, Черниговъ, Козелецъ, Кіевъ, Васильковъ, Сквиру, Махновку, Липовецъ, Райгородъ и Брецлавъ.

5) Въ Радзивиловъ; по тракту Каменецъ-Подольскому до Житоміра и изъ онаго черезъ Новградъ Волынскъ, Острогъ и Кременецъ.

---

15. Ordre du Duc de Wirtemberg d'augmenter la quantité des stations de poste et de les louer.

15. Его Корол. Высочество Б. В. Г. Герцогъ А. Виртемберскій по дошедшему свѣдѣнію что въ здѣшней губерніи нѣкоторыя постовыя станціи съ начала сего года не отданы еще въ содержаніе за неявкою къ тому желающихъ, а содержатся кантонами или повѣтами,

отъ 10-го сего февраля предложить сей палатѣ изволилъ предписаннымъ въ Имянномъ Высочайшемъ Указѣ отъ 25-го марта 1810 года порядкомъ назначить вновь сроки къ торгамъ на отдачу въ содержаніе тѣхъ почтовыхъ станцій, и чрезъ кого подлежитъ вызвать къ тому желающихъ съ должными залогами; а какіе будутъ назначены сроки, донести о томъ Его Высочеству и увѣдомить Г-на Губернскаго Маршала.

Приложенія.

1. Вѣдомость о неотданныхъ въ содержаніе почтовыхъ станціяхъ по Витебской губерніи съ показаніемъ на каждой положеннаго числа лошадей и какая на оныя назначена дворянствомъ цѣна.

Февраля 15 дня 1812 года.

2. Б. В. Г.

18 февраля 1812 года

Витебскъ.

Объ осмотрѣ почтовыхъ станцій.

Ордеръ.

Дорожному Смотрителю Липчинскому.

(Копія).

---

16. Punition d'un maitre d'une station de poste pour sa fuite avec les chevaux et ses postillons.

16. Указъ Его Импер. Величества—Городецкому Нижнему Суду.

Рапортомъ, Заступающій должность Городецкаго Повѣтоваго Маршала Хорунжій Стахіевъ доноситъ, что содержатель Чуриловской почтовой станціи Суражскій мѣщанинъ Лабковскій невыполняя подписи своей въ поставкѣ 12-ти прибавленныхъ по Высочайшему повелѣнію лошадей, опустошилъ ту станцію и оставя оную въ безпорядкѣ и безъ всякаго почтового дѣйствія самъ скрылся, и наконецъ и почтовыхъ лошадей съ погонщиками отправилъ въ свой домъ, лошадей продалъ съ повозками, а погонщиковъ распустилъ.—Поступокъ, каковой онъ предалъ благоуваженію начальства, отъ коего велѣно учинить слѣдствіе; но дабы онъ содержатель не растащилъ своего имѣнія къ обремененію даннаго по немъ залога, проситъ о учиненіи законнаго ареста и запрещенія, какъ на имѣніе помянутаго содержателя, Лабковскаго, посредствомъ Суражской Городской Полиціи описаннаго,

такъ и на заложенные за него подъ порутчика Гурки 49-ть душъ яко въ неустойкѣ контракта на отвѣтъ и обезпеченіе роднымъ его дядею Майоромъ Гуркою и вѣрителемъ содержателя, Лабковскаго подверженныхъ.

Мая 15 дня, 1812 года.

---

17. Par ordre du Duc de Wirtemberg la station postale du district de Nevel est citée exemplaire par publication.

17. Его Королевское Высочество, Генералъ отъ Кавалеріи Бѣлорусскій Военный Губернаторъ Герцогъ А. Виртембергскій отъ 17-го мая № 1812-мъ прописывая: что Невельскій повѣтовый Маршалъ донесъ Его Королевскому Высочеству, что при всѣхъ въ содержаніи почтъ затрудненіяхъ, двѣ почтовыя станціи сенковская и жеребецкая, содержимыя отставнымъ Гвардіи порутчикомъ Михельсономъ, при извѣстномъ цѣлому Невельскому повѣту значительномъ пожертвованіи его собственностію, въ такомъ удержаны порядкѣ и устройствѣ, что могутъ почесться примѣрными по Бѣлоруссіи. Кромѣ наилучшей упряжи, опрятно одѣтыхъ ямщиковъ и отличной чистоты въ почтовомъ домѣ на Сеньковской станціи, гдѣ чрезвычайно великіе разгоны для обереженія, чтобы и при наилучшемъ кормѣ отъ самой ѣзды не изнурились лошади, для почты удерживаются комплекты. Доводя сіе до свѣдѣнія Витебскаго Губернскаго Правленія, Его Королевское Высочество предложить изволитъ оному таковой похвальный подвигъ Г-на Михельсона на пользу общую сдѣлать гласнымъ для примѣра прочимъ по всей губерніи.

Мая 31 дня 1812 года.

---

18. Punition, sévère selon la loi, de deux proprietaires pour manquement à leur devoir.

18. Е. Крл. Высочество по донесеніи Г-на Вице-Губернатора о поступкѣ помѣщиковъ Кацюцевича и Хребтовича, уклонившихся отъ исполненія требованія земскаго исправника въ дачѣ подъ проходящій чрезъ повѣтъ Астраханскій Кирасирскій Полкъ обывательскихъ подводъ предлагать изволитъ приказать кому слѣдуетъ съ помѣщи-

ками Кацюцевичемъ и Хребтовичемъ въ примѣръ другимъ поступить по всей строгости законовъ безъ малѣйшаго отлагательства.

Маія 31 дня, 1812 года.

---

19. Ordre de Son Altesse Royale de ne pas permettre aux employés des tribunaux inférieurs de s'absenter des lieux de leur service ni de venir en aide aux propriétarires.

19. Его Королевское Высочество отъ 27 Маія изъясняя: что опредѣленныя по Земской Полиціи—Ключъ-войты, сотскіе и десятскіе помѣщиками ихъ отвлекаются отъ своихъ должностей безъ вѣдома Нижняго Земскаго Суда или Земскаго Исправника посылками въ разныя даже отдаленныя мѣста, а какъ за почтовыми ихъ отлучками нижніе земскіе суды и земскіе исправники въ нужныхъ наипаче по теперешнимъ обстоятельствамъ исполненіяхъ дѣлъ по повѣтамъ могутъ имѣть остановки, то нужнымъ находитъ предложить Губернскому Правленію чтобы оно на законномъ основаніи сдѣлало кому надлежитъ предписаніе, дабы Ключъ-войты, сотскіе и десятскіе, пока въ сихъ должностяхъ находятся не были помѣщиками употребляемы въ собственныя свои посылки и отправляли бы безпрепятственно тѣ дѣла, кои имъ поручаются.

---

20. Arrêt de l'employé Guisbert pour s'être esquivé en emmenant ses bateliers juste au temps de l'arrivée du Duc Héritier Constantin Pavlovitch, quand son Altesse avait à traverser la rivière Dwina.

20. Витебскому Губернскому Правленію.

Б. В. Г.
15-го маія, 1812 года.
№ 1803.
Витебскъ.
Съ препровожденіемъ Засѣдателя Гизберта для отсылки къ сужденію.

Сего года, Марта 28 и Апрѣля 13 чиселъ предписалъ я Динабургскому Земскому Исправнику Насѣкину отрядить въ Динабургъ исправнѣйшаго изъ засѣдателей Нижняго Земскаго Суда, который бы имѣя тамъ всегдашнее свое пребываніе, удовлетворилъ требованію воинскаго начальства со всевозможною поспѣшностію.

Исправникъ назначилъ къ тому засѣдателя Полуянова, но какъ онъ въ откомандировкѣ, то до времени отрядилъ въ Динабургъ засѣдателя Гизберта.

Отъ 29 Апрѣля Динабургскій Комендантъ Г. Артиллеріи Генералъ-Майоръ Улановъ донесъ мнѣ, что хотя засѣдатель Гизбертъ находился въ Динабургѣ за четыре дня прежде отъѣзда Его Императорскаго Высочества ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА и Великаго Князя Константина Павловича и переправившагося черезъ рѣку Двину послѣдняго, Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка, но оный засѣдатель Гизбертъ, въ тотъ же день, не давъ вовсе ему, Г-ну Коменданту, знать, самовольно распустя всѣхъ крестьянъ, съ сотскими и десятскими бывшихъ при перевозѣ, и самъ выѣхалъ.—А какъ послѣ того времени проходившихъ Лейбъ-Гвардіи полковъ, остальныя части обозовъ приходили, которыя также нужно было переправить, то по ненахожденію для сего крестьянъ, принужденнымъ нашелся онъ, Г. Комендантъ, отряжать воинскихъ служителей, кои бывъ уже довольно заняты казенными работами, должны были и сію обязанность выполнить, что для нихъ весьма отяготительно, а сверхъ сего и другія части, требующія отъ гражданскаго начальства вспомоществованія были оставлены безъ дѣйствія, а за помянутымъ же засѣдателемъ Гизбертомъ хотя два раза посылано, но онъ противъ всего того былъ ослушенъ и невыполнилъ какъ моего повелѣнія, такъ и комендантскаго требованія.

Видѣвъ изъ сего донесенія противный должности поступокъ засѣдателя Гизберта, я, истребовавъ его черезъ нарочно командированнаго Витебской городской полиціи частнаго пристава въ Витебскъ, препровождаю при семъ въ витебское губернское Правленіе, предлагая оному: 1-ое, тотчасъ отправить его для сужденія въ 1-й департаментъ витебскаго главнаго суда съ тѣмъ, чтобы оный произвелъ и рѣшилъ свое дѣло по законамъ безъ малѣйшаго отлагательства и отнюдь не далѣе какъ въ четыре недѣли, и взнеся приговоръ на разсмотрѣніе исправляющему должность Гражданскаго Губернатора Г-ну Вице-Губернатору, донесъ мнѣ. Между тѣмъ 2-ое, удаливъ его, Гизберта, отъ должности засѣдателя, опредѣлить на мѣсто одного изъ кандидатовъ, котораго слѣдоватъ будетъ по законамъ. 3. О таковомъ его,

Гизберта, поступкѣ и объ отсылкѣ его къ суду распубликовать всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ на тотъ конецъ, дабы и прочіе сихъ мѣстъ чиновники остерегались подобныхъ Гизберту самоволій и опасаясь равномѣрнаго съ ними послѣдствія.

Подлинное подписалъ: Б. В. Г. Герц. Ал. Виртембергскій.

---

21. Règlements pour la police rurale sur la manière de recevoir Sa Majesté l'Empereur, les membres de la Famille Impériale, ainsi que les régiments de passage.

21. Городецкому Нижнему Земскому Суду.

Б. В. Г.
22-го Іюня, 1812 года,
№ 2389.
Витебскъ.

О правилахъ для земской полиціи, какъ встрѣчать Государя Императора и другихъ Особъ Императорскаго Дома, также проходящіе полки.

Дошло до свѣдѣнія Государя ИМПЕРАТОРА, что впродолженіи слѣдованія полковъ Лейбъ-Гвардіи черезъ всю Витебскую губернію Гражданскіе чиновники, исключая одного Люцинскаго Земскаго исправника Семенова, не только не заботились исполнить свою обязанность доставленіемъ должнаго съ ихъ стороны вспоможенія проходящимъ полкамъ, но даже такъ далеко простерли свое нерадѣніе, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ во время своего путешествія не видѣлъ ни одного изъ нихъ и ни одинъ не отдалъ долга и чести слѣдуемыхъ Особѣ Его и высокому достоинству.

Таковая явная безпечность Гражданскихъ чиновниковъ о своихъ должностяхъ и глубокое невѣдѣніе о должномъ уваженіи возбудили справедливое ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на нихъ негодованіе и заслуживаютъ строжайшее взысканіе; почему приказалъ я витебскаго Главнаго Суда 1-го Департамента Совѣтнику Горбачевскому учинить о всѣхъ виновныхъ изслѣдованіе, дабы я могъ подвергнуть таковыхъ законной строгости.

Непростительно и непонятно, какъ могли гражданскіе чиновники дойти до сего забвенія долга, который возлагаетъ на нихъ обязанность службы.

Дабы подобные безпорядки, истинно къ стыду Гражданскихъ чиновниковъ относящіеся, не могли впредь подъ какимъ бы то ни было видомъ произойти гдѣ болѣе, я нужнымъ призналъ предписать слѣдующее.

Какъ скоро въ которомъ повѣтѣ дойдетъ свѣденіе о путешествіи Его Императорскаго Величества, или другихъ Особъ Императорскаго Дома, подобно тому какъ проѣзжалъ Его Императорское Высочество Великій Князь, хотя-бы краткость времени или другія обстоятельства воспрепятствовали Губернскому Начальству увѣдомить лежащіе по тракту повѣты, а извѣстно о томъ будетъ изъ другого мѣста, то земская полиція имѣетъ безъ малѣйшей потери времени повѣстить повѣтовыхъ: маршала, подкоморія, хорунжаго и всѣхъ уѣзднаго города Судебныхъ мѣстъ чиновниковъ и ближайшее Дворянство съ тѣмъ, чтобы маршалъ, или въ случаѣ законнаго отсутствія, заступающій его мѣсто ни мало не медля назначилъ на каждую почтовую станцію по два человѣка изъ Дворянъ для распорядка подводъ и исправности на станціи. Дворяне сіи должны быть изъ числа расторопнѣйшихъ и имѣющихъ болѣе о нужныхъ вещахъ свѣдѣнія, дабы могли исполнять немедленно приказанія, какія имъ отъ высокихъ путешественниковъ даны будутъ, и отвѣчать на всѣ чинимые имъ вопросы. Впрочемъ ближайшіе къ станціи Дворяне, не по наряду и не чиня никакихъ издержекъ, каковыя Его Императорскимъ Величествомъ запрещены въ Указѣ 1802-го года, августа 11-го, а обязаны будучи чувствованіемъ вѣрноподданническаго долга къ своему Государю и приверженности къ Августѣйшему Дому Его Величества, могутъ собраться и изъявить свою преданность.

Земскій Исправникъ каждаго Повѣта, или заступающій его должность, какъ скоро узнаетъ, о путешествіи столь высокаго достоинства Особъ, долженъ съ однимъ для пособія ему засѣдателемъ безъ малѣйшаго упущенія времени отправиться на границу повѣта. Его обязанностію будетъ распорядиться и смотрѣть, чтобы подъ всѣ повозки и экипажи не токмо самой путешествующей Особы, но и для ея свиты лошади были самыя лучшія и чтобы на станціяхъ не встрѣтилось ни малѣйшей остановки.

Сіе тѣмъ удобнѣе можно будетъ исполнить, что о проѣздѣ важ-

ныхъ особъ предварительныя увѣдомленія бываютъ черезъ фельдегерей; посему Земскіе Исправники ни въ какомъ случаѣ не должны по несправедливымъ иногда слухамъ наряжать преждевременно и удерживать безполезно лошадей и дѣлать пріуготовленія, которыя были-бы отягощеніемъ, а сіе было-бы противно Именному Высочайшему Указу 1802-го года, Августа 11-го числа, что всегда и оставаться будетъ на отвѣтственности Исправниковъ. Напротивъ того они, хотя-бы и повѣщенія не имѣли, бывъ всегда въ сношеніяхъ съ сосѣдственными Исправниками, должны узнавать достовѣрно о пріуготовленіи въ ихъ сосѣдствѣ, дабы могли и у себя учинить готовность безъ упущенія времени, не дѣлая однакожъ никогда ненужныхъ и отяготительныхъ нарядовъ. Ежели они послѣдуютъ сему предписанію, то служба не иначе исполняться будетъ, какъ съ совершенною точностію, кто же отступитъ отъ онаго, тотъ подвергнется строжайшему взысканію, ибо всякое по сей части упущеніе будетъ всегда сочтено слѣдствіемъ постыдной беззаботливости и не извинительнаго нерадѣнія. Кромѣ Земскаго Исправника, безотлучно находиться долженствующаго при путешествующей высокой особѣ, онъ назначитъ еще расторопнѣйшаго засѣдателя, котораго и представитъ ей на случай посылки и исполненія приказаній, какія даны будутъ.

Само по себѣ разумѣется, что Земскій Исправникъ каждаго повѣта подастъ на границѣ подробный, но краткій рапортъ о состояніи повѣта. Земскій Исправникъ также найтиться долженъ въ состояніи отвѣчать на вопросы ему быть могущіе въ относимости довѣреннаго ему повѣта. Ежели-бъ онъ не умѣлъ отвѣчать на оные, какъ должно, то сіе было бы величайшимъ для него стыдомъ.

Земскій Исправникъ не отступитъ ни въ какомъ случаѣ таковой особы, какъ по выѣздѣ ея изъ повѣта, такъ и вступленіи въ другой, развѣ-бы получилъ отъ нея особенное приказаніе, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности и преданія Суду.

Долгъ Земскаго Исправника есть во всякое время смотрѣть, чтобы дороги и на нихъ мосты и переправы въ его повѣтѣ были сколь возможно въ наилучшей исправности, почему, ежели въ то время окажется неисправность, то съ Исправника взыскано будетъ безъ отлагательства.

Ко всему сему за нужное считаю присовокупить мое предписаніе еще и на то, что, когда будутъ проходить чрезъ Повѣты полки, или другія команды, то Земскіе Исправники и вообще Земскія Полиціи предпримутъ всѣ нужныя мѣры къ удовлетворенію всѣхъ ихъ надобностей и доставленію имъ всѣхъ необходимо нужныхъ выгодъ, дабы оные ни въ чемъ не имѣли недостатка. Исправники вѣжливостью и учтивостью стараться будутъ пріобрѣсти себѣ благоволеніе шефовъ и генераловъ и я предписываю имъ, исправникамъ, при всякомъ проходѣ брать отъ командировъ свидѣтельства о усердіи ихъ, дѣятельности, и доставленіи войскамъ всѣхъ потребностей. Они обязаны будутъ всякій разъ доставлять, прямо ко мнѣ, копіи тѣхъ свидѣтельствъ, за удостовѣреніемъ прочихъ Нижняго Земскаго Суда членовъ, и другія копіи таковымъ же образомъ отсылать въ Губернское Правленіе. Если-же Земскій Исправникъ пренебрежетъ сіе выполнить во время прохода хотя-бы одной роты какого полка или батальона, то будетъ сочтенъ виновнымъ въ неисполненіи своего долга и признанъ будетъ худымъ чиновникомъ, дѣлающимъ ослушаніе данному предписанію.

Земскіе Исправники будутъ паче всего имѣть стараніе, чтобы подъ больныхъ воинскихъ чиновъ повозки, въ случаѣ недостатка казенныхъ, доставляемы были сколь можно выгодныя, и чтобы ни въ чемъ не было недостатка для сихъ достойныхъ защитниковъ отечества.

Какъ Земскіе Исправники исполнительную власть имѣютъ въ рукахъ своихъ, то никакая отговорка не будетъ принята, ежели произойдетъ малѣйшій въ чемъ либо недостатокъ; они должны, не смотря ни на какое лицо, каждаго проводить къ исполненію предписаннаго закономъ и заставить, чтобы чинимо было имъ повиновеніе въ законныхъ требованіяхъ; ибо всякое упущеніе на ихъ лежитъ отвѣтственности. И такъ я предворяю, что ежели дойдетъ ко мнѣ на нихъ еще хотя малѣйшая отъ воинскихъ чиновъ жалоба, то я употреблю предоставленную мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ особенную власть, по которой отрѣшу ихъ, какъ и всѣхъ ненадежныхъ чиновниковъ, отъ должностей и предамъ сужденію по строгости законовъ.

Надѣюсь однако-жъ, что всякій изъ нихъ усугубитъ свое усердіе къ службѣ и возчувствуетъ необходимую надобность изгладить худое мнѣніе, котораго причиною были нерадѣніе и безпорядочныя дѣйствія.

При всемъ вышеозначенномъ къ обязанности Исправниковъ принадлежитъ еще дать чувствовать кому слѣдуетъ, сколько долгомъ есть каждаго благомыслящаго оказывать проходящимъ чрезъ сію губернію войскамъ учтивость и пособія: противное-жъ тому навлечетъ непріятное о духѣ ихъ мнѣніе и подвергнетъ законной строгости; всѣ старанія и усилія должны имѣть цѣлію своею то, чтобы витебская губернія на предбудущее время замѣчаема была отъ каждаго такимъ мѣстомъ, гдѣ воинскіе имѣютъ со стороны Гражданскихъ чиновниковъ величайшія пособія и вѣжливость.

Бѣлорусскій Военный Губернаторъ

Герцогъ А. Виртембергскій.

---

22. La station de Tchourilovo dévastée, pillée et brûlée, n'a ni chevaux, ni gens de service; en outre, ses chemins sablonneux étant difficiles à parcourir, exigent de grandes réparations.

22. Литовскаго Почтамта, офицера осмотра почтовыхъ станцій Ходолѣя.

Городецкаго Повѣта Г. Земскому Исправнику.

Литовскій Господинъ почтдиректоръ по предложенію къ нему Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенію послѣдовавшему: почтовой трактъ до Витебска и Велижа чрезъ Усвяты, во всемъ на прежнемъ положеніи предписалъ мнѣ возстановить; а какъ лежащая тутъ Чуриловская почтовая станція состоитъ въ содержаніи въ помѣщика Бесарабскаго, который нынѣ жительство имѣетъ Городецкаго повѣта въ деревнѣ Мишневича, то и благоволите, Ваше благородіе, какъ наискорѣе настоять, чтобы онъ положенное число лошадей съ ѣмщиками и прочимъ тотъ часъ въ Чуриловѣ поставилъ и когда сіе

исполнено будетъ, поспѣшилъ меня увѣдомить. Витебскъ, ноября 9-го дня, 1812 года.

Офицеръ осмотра почтовыхъ становъ Ходолѣй.

Его Благородію Господину Городецкому Земскому Исправнику Попадинскому.

Городецкаго Повѣта помѣщика, поручтика Бессарабскаго.

По предписанию Его высокоблагородия Господина Хорунжого Стахіева о поставкѣ на чуРиловскую почтовую станцию лошадей Я получа оное поставилъ десять троекъ съ принадлежащимы къ онымъ ямщикамы совсею упряжью которые употребленны должны быть въ гоньбу сего м-ца 3-го числа остальное количество лошадей не могу поставить по причине понесенного мною убытка при нашествіи непріятелей о которомъ убыткѣ не промену Его высокоблагородию Господину Хорунжему рапортовать о чемъ вашему благородію честь имѣю донесть. Помѣщикъ Михаила Бессарабскій.

Декабря 4 дня; 1812-го года.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Городецкаго Нижн. Земск. Суда.

Рапортъ о полученіи указа о приведеніи въ совершенной порядокъ и надлежащую исправность Чуриловской почтовой станціи съ донесеніемъ, что вслѣдствіе предписанія начальства заступающій Городецкаго Повѣтоваго Маршала повѣтовый хорунжій Стахіевъ обще съ членомъ сего Суда отлучались для исправленія Чуриловской почтовой станціи. Нашли раззореніе, безкормицу лошадямъ, сыпучіе пески верстъ на 22½ въ одну сторону почтоваго прогона, отчего въ лѣтнее время трудна дорога и лошади изнуряются и почтовой настоящей гоньбѣ отвѣтствовать не могутъ. Вотчины лучшихъ лошадей не стараются присылать—негдѣ достать сѣна не только вблизи, но въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ станціи—проситъ Н. З. Судъ дабы Губерн. Правленіе благоволило само оказать помощь своими предписаніями вотчинамъ.

---

23. Sur la quantité de bois nécessaire pour la construction et la réparation des ponts.

23. Его Высокородію Г. вице-Губернатору Сушкѣ.

Заступающаго Земскаго Исправника Городецкаго

Н. З. Суда Засѣдателя Антонѣвича.

Сколько нужно на починку и постройку въ новь мостовъ лежащихъ по большимъ проселочнымъ и купеческимъ дорогамъ леса къ будущей весне сего 1812 года казеннаго имѣнія поселянамъ. Сочиненную вѣдомость (по формѣ отъ Г-на Гражданскаго Губернатора въ минувшемъ году къ Городецкому Земскому Исправнику Стахіеву присланной) при семъ Вашему высокородію честь имѣю представить съ испрошеніемъ кому слѣдуетъ ея предписанія объ отпускѣ таковаго лѣса изъ казенныхъ дачъ находящихся въ Городецкомъ повѣтѣ Стаецкой волости или отколь заблагоразсуждено будетъ.

№ 23. Февраля 29, 1812-го года.

По вѣдомости въ итогѣ требуется лѣсу:

На шлюзы и доки 4 и 7-саженнаго 1826 деревъ, на шлюзы—12-ти дюймовыхъ. На мосточины 3081 дерево, 9-ти саженныхъ, 6-ти дюймовыхъ. На трещины 8-ми дюймовыхъ—53; на перила 6 дюйм. 506 штукъ 4-хъ саженныхъ.

---

24. Le directeur en chef des voies de communications, Son Altesse Impériale le Prince d'Holstein Oldenbourg, éxige que, dans le cas où les fournisseurs demanderaient des prix exagérés en les motivant par des retards ou par des obstacles auxquels les commandes auraient été exposées pendant la navigation du gouvernement de Vitebsk, les employés de la Couronne en fassent part au Prince lui-même.

24. Главный Директоръ Путей Сообщенія, Его Императорское Высочество, Принцъ Гольштейнъ Ольденбургскій представлялъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, чтобы, въ отвращеніе несправедливыхъ по судоходству притязаній, всякое казенное мѣсто при заключеніи подряда на какую-либо поставку водою, въ случаѣ, если-бы подрядчики, при выпрошеніи непомѣрныхъ цѣнъ, поставляли причиною тому какія-либо по водному пути остановки или препятствія, сообщало предварительно Его Императорскому Высочеству для соображенія, дѣйствительно-ли оныя справедливы и сообразны съ тою удобностію, какую вообще судоходство въ движеніи своемъ восприяло. ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: по содержанію сего представленія Его Высочества дѣлать надлежащее исполненіе, когда настоять будетъ къ тому случай.

---

25. La navigation établie entre le lac de Sébège et la rivière Drissa, obtenue en passant par d'autres lacs et rivières, est déclarée navigable.

25. Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижнему Земскому Суду *).

Въ Указѣ Правительствующаго Сената отъ 23 Декабря, въ семъ Правленіи порученномъ 4-го Генваря сего 1812-го года подъ № 2978, напечатано: Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ Его Императорскаго Высочества, Главнаго Директора путей сообщенія, Принца Георгія Гольстейнъ Ольденбургскаго, при коемъ, представляя копію съ Высочайшаго Имяннаго Указа, на имя его въ 5-ый день минувшаго ноября послѣдовавшаго, относительно соединенія *Себежскаго озера съ рѣкою Дриссою,* просилъ Правительствующій Сенатъ учинить надлежащія распоряженія, дабы сей новый путь объявленъ былъ судоходнымъ, на основаніи существующихъ на таковые случаи узаконеній, и при томъ изъяснилъ, что систему онаго составлять будутъ слѣдующія воды: 1-ое: Себежское озеро, въ 4-хъ верстахъ отъ города сего имени лежащее, соединенное небольшою рѣчкою, именуемою Угорянка, съ озеромъ Вороновымъ.—2-е: Вороново, соединенное также съ Бѣлымъ озеромъ заливами Ветитеровъ и Глубокимъ и рѣчкою Глубошицею.—3-ье: Бѣлое озеро.—4-ое: озеро Нечерецъ.—5-ое: озеро Лисна. Сіе послѣднее соединяется съ рѣчкою Нечерицею и небольшимъ озеромъ, изъ коего вытекаетъ рѣка *Сволна, впадающая въ Дриссу.* Всѣ сіи озера и рѣчки долженствуютъ быть объявлены судоходными, почему и нужно, чтобы все въ отношеніи къ такимъ водамъ законами предписанное, исполняемо было въ точности. Что касается до устройства и улучшенія сего пути, то Его Императ. Высочество доносилъ, что, на основаніи Высочайшаго о семъ повелѣнія, всѣ надлежащія мѣры имъ уже приняты. При семъ слушали и вышеупоминаемую,

---

*) Къ связкѣ XV-ой; 2-я кн. П.-В. Стар.

приложенную при семъ рапортѣ съ Именного Высочайшаго Указа копію, а въ ономъ Указѣ *изображено:* „личное обозрѣніе, предпола„гаемаго *между Себежскимъ озеромъ и рѣкою Дриссою сообщенія*, Вашимъ „Императорскимъ Высочествомъ предпріятое, пріемлю Я новымъ опы„томъ дѣятельной Вашей попечительности и поспѣшаю изъявить вамъ „совершенную Мою признательность. Изъ двухъ предположеній къ „установленію сего сообщенія, Вами представляемыхъ, утверждаю то, „которое скорѣе можетъ быть исполнено и требуетъ меньшихъ издер„жекъ, а именно—ходъ небольшихъ судовъ,—предоставляя В. И. Вы„сочеству руководствовать Вашими предписаніями во всемъ, что къ „успѣху дѣла сего отъ содѣйствія его зависѣть будетъ".

Марта 9 дня 1812 года.

---

26. Ordonnance de Son Altesse le Duc de Wurtemberg datée du 19 Septembre 1811 de faire réparer les routes en automne.

26. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижн. Земскому Суду.

Въ семъ Правленіи докладывано: по предложенію Е. Корол. Высочества Генерала отъ Кавалеріи Бѣлорусскаго Воен. Губернатора Герцога А. Виртембергскаго отъ 19-го Сентября 1811-го года, чтобы съ наступленіемъ осени и окончаніемъ полевыхъ работъ починить дороги, мосты и прочее; причемъ предлагать изволилъ, собравъ воедино всѣ *постановленія*, какъ *о починкѣ дорогъ*, *мостовъ*, *плотинъ* и переправъ, такъ равно ради прочнѣйшаго саженія березокъ, въ разныя времена изданныя, и въ особенности покойнаго Генералъ Фельдмаршала Графа Захара Григорьевича Чернышева, сдѣлать изъ нихъ краткую выписку для разсылки городскимъ и земскимъ полиціямъ, къ точному и неослабному за исполненіемъ того наблюденію и представить прежде напечатанія на усмотрѣніе Е. Кор. Высочества.

Марта 27 дня 1812 года.

---

27. La responsabilité pour l'état des routes de communication et des ports selon l'ordonnance du directeur en chef Prince George de Golstein appartient à l'administration du gouvernement.

27. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижнему Земскому Суду.

Правленіе сіе слушало Предложеніе заступающаго должность Гражданскаго Губернатора Г. Вице-Губернатора съ приложеніемъ для сведенія копіи отношенія Его Императорскаго Высочества, Главнаго Директора Путей сообщенія, Принца Георгія Голстинскаго, что содержаніе мостовъ, дорогъ и прочего на сей 1812 годъ остается на прежнемъ основаніи, то есть въ вѣдѣніи и отвѣтственности губернскаго начальства.

Копія.

Отъ Главнаго Директора путей сообщенія.

О содержаніи дорогъ, мостовъ и проч. въ 1812 году на прежнемъ положеніи.

Тверь.

20 Генваря 1812 года.

№ 305.

Г. Витебскому Гражданск. Губернатору.

Вновь предполагаемое положеніе о устройствѣ и содержаніи дорогъ, мостовъ и проч. на будущее время хотя ожидается въ нынѣшнемъ году, но какъ, по изъявленной мнѣ предварительно Высочайшей волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, новый сей порядокъ не прежде введенъ быть долженъ, какъ съ 1813-го года; то за нужное почитаю извѣстить Ваше Превосходительство, что исправленіе и содержаніе дорогъ, мостовъ и проч. по губерніи управленію вашему ввѣренной въ теченіе сего 1812 года должно остаться на прежнемъ основаніи.

Хотя по мѣстамъ на нѣкоторыхъ трактахъ опредѣлены уже дорожные смотрители, но обязанность сихъ чиновниковъ, впредь до общихъ по сей части постановленій, должна ограничиться только осмотромъ дорогъ, мостовъ и проч. и донесеніями, какъ къ Вашему Превосходительству, такъ и окружному начальству, о всѣхъ неисправностяхъ, какія гдѣ ими найдены будутъ; въ протчемъ вся отвѣтственность за содержаніе въ должномъ порядкѣ дорогъ и проч. должна лежать въ теченіи сего года непосредственно на губернскомъ начальствѣ, какъ то до нынѣ существовало.

Между тѣмъ, коль скоро новое положеніе о устройствѣ сухопутной части утверждено будетъ, я не оставлю въ то же время Ваше

Превосходительство увѣдомить какъ объ ономъ, такъ и о всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, какія по сему предмету съ моей стороны приняты будутъ.

Подлинное подписалъ Главный Директоръ путей сообщенія:

Георгій Принцъ Гольштинскій.

---

28. Remerâments de Son Altesse Royale à l'employé du tribunal de Riéjitzsa pour ovoir envoyé ses propres serfs afin de compléter le nombre des ouvriers destinés aux travaux de la ville de Drissa.

28. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижнему Земскому Суду.

Его Королевское Высочество, генералъ-отъ-кавалеріи Бѣлорусскій военный Губернаторъ Герцогъ А. Виртембергскій отъ 11-го сего Маія, прописывая, что заступающій должность Рѣжицкаго повѣтоваго маршала тамошній хорунжій Колбъ донесъ Его Королевскому Высочеству, что въ число назначенныхъ въ Дрису съ Рѣжицкаго повѣта рабочихъ 459 человѣкъ по сдѣланной имъ раскладкѣ, собравъ 303-хъ и, получа донесеніе, что отъ помѣщицы графини Борховой 92 отправлены прямо въ Дрису, за недоставленныхъ въ срокъ рабочихъ во избѣжаніе недоимки отправилъ своихъ собственныхъ 33-хъ и помѣщика Подкоморія Буйницкаго 31, съ лопатами въ Дрису. Таковой усердный подвигъ хорунжаго Колба и подкоморія Буйницкаго признавая заслуживающимъ вниманія Начальства и доводя оный до свѣдѣнія Губернскаго Правленія — предложить изволилъ оному отдать имъ похвалу и изъявить особенную Его Королевскаго Высочества признательность, и сей подвигъ сдѣлать гласнымъ по всей губерніи.

11-го Мая 1812 года.

---

29. Ordre Jmpérial de faire appas au moyeu d'une publication à ceux qui voudront se charge de la construction des ponts jusg à la forteresse de Dunabourg.

29. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городскому Н. З. Суду.

При отношеніи, учрежденная въ Динабургѣ строительная коммиссія, прилагая кондиціи на постройку въ Динабургской крѣпости

деревянныхъ крѣпостныхъ мостонъ погонныхъ въ 200 саженей, шириной въ 3 сажени, съ битьемъ свай, изъ всѣхъ казенныхъ матеріаловъ, одними только своими рабочими людьми съ инструментами,— требуетъ о произведеніи публикаціи, дабы желающіе взять таковую постройку явились въ оную строительную Коммиссію въ самоскорѣйшемъ времени, нимало неупуская на ту работу благопріятствующей погоды.—Приложена копія кондицій «Динабургской Инженерной команды о построеніи при Главной Динабургской крѣпости 2-хъ, да въ мостовомъ прикрытіи 1-го, крѣпостныхъ мостовъ, кои-бъ въ октябрѣ мѣсяцѣ сего 1812 года окончены быть должны».

Іюня 4-го дня 1812 года.

---

30. Prière d'un commissaire de police rurale à un autre de lui venir en aide en envoyant un detachement de soldats.

30. Отъ Велижскаго Земскаго Исправника.

Городецкому Г. Земскому Исправнику Попадинскому.

По предписанію Господина витебскаго Гражданскаго Губернатора и кавалера Лешерна прибылъ я сего числа въ Городъ Городокъ для полученія отъ Полоцкаго Г-на Коменданта Николаева воинской Команды 100 человѣкъ пѣшихъ и 50 конницы, изъ коей, какъ мнѣ извѣстно, что прибывшій въ сей-же городъ Г-нъ Капитанъ Веселаго съ имѣющимися при немъ до ста человѣкъ пѣшими неизвѣстно съ какого поводу и по чьему требованію, неожидая меня для слѣдованія въ Велижскій повѣтъ, отправился въ здѣшній; въ имѣніе Слѣпніево, куда и я, немогущій по сему поводу ожидать еще конной команды 50-ти человѣкъ, принужденнымъ нахожусь отправиться—для чего прошу ваше благородіе буде появится еще команда, принадлежащая къ слѣдованію въ велижскій повѣтъ, предупредить командира оной, дабы слѣдовалъ прямо Суражскаго повѣта въ мѣстечко Усвяты, гдѣ я оставлю свѣдѣніе отъ себя къ дальнѣйшему слѣдованію.—Какъ-же извѣстно вашему благородію, что по настоящимъ тяжелымъ обстоятельствамъ почтовыхъ экипажей и на станціяхъ лошадей не имѣется, а потому нужныхъ сношеній повѣта съ повѣтомъ, а также донесеній къ начальнику нашему пересылать нѣтъ возможности, то не оставьте на время — разъ назначить сотскихъ или десятскихъ для скорѣйшей пересылки кон-

вертовъ отъ Границы велижскаго повѣта, въ какія мѣста ихъ назначеніе послѣдуетъ, не оставьте съ нарочнымъ извѣстить меня дабы и я могъ съ моей стороны сдѣлать таковое назначеніе.

№ 15. Ноября 2-го, 1812 года.

---

31. On a envoyé 25 chevaux (5 troyki) et 25 charriots pour transporter les provisions des moulins.

31. Городецкому Земскому Исправнику Г. Попадинскому.

Съ полученія сего рекомендую вашему благородію поставить въ въ Витебскъ, для почтовой гоньбы, пять троекъ къ витебскому Земскому Исправнику Г. Волынскому; и 25 одноконныхъ подводъ въ витебскую Городскую Думу съ семидневнымъ фуражемъ и провіантомъ для перевоза изъ мельницъ провіанта.

Ноября 6-го дня 1812 года. (Подпись: Мазуринъ).

(На оборотѣ листа):

По сему о доставленіи 5-ти троекъ посланъ приказъ 7-го ноября подъ № 68. Отвѣтъ Г-ну Мазурину о семъ, и чтобы 25 подводъ замѣнилъ городскими, на коихъ отправленъ въ Витебскъ къ коменданту овесъ 50 четвертей. — 8-го Ноября партикулярно.

---

32. Organisation des stations de poste.

32. Г. Городецкому Земскому Исправнику Попадинскому.

Щитая необходимо нужнымъ для случающихся экстренныхъ надобностей привести по Тракту отъ витебска до Невѣля почтовые Станціи въ устройство, рекомендую Вамъ на станціяхъ, по означенному тракту въ Городецкой округѣ состоящихъ, поставить по три обывательскихъ тройки съ способными къ гоньбѣ лошадьми, исправными извощиками, тѣлегами и упряжью. Ставить сихъ лошадей на семь дней съ нужнымъ провіантомъ для 9 ямщиковъ и фуражемъ для лошадей очередно. Наблюдая въ поставкѣ сей точную аккуратность, дабы изъ помѣщиковъ одинъ передъ другимъ отягощенъ не былъ, о точномъ и самоскорѣйшемъ сего исполненіи прошу мѣня увѣдомить и отъ себя дать знать Невельскому Земскому Исправнику.

Ноября 11-го дня 1812 года.

(Подпись; Мазуринъ).

---

33. *Des provisions pour les régiments qui passent.*

33. Г. Городецкому Исправнику Попадинскому.

Сего ноября, 6-го числа предписывалъ я вашему благородію о доставленіи изъ Городецкаго повѣта двадцати пяти подводъ въ витебскую Городскую Думу для перевозки изъ магазейна на мельницы провіанта, но оныя подводы еще не присланы, то дабы ни малѣйшей въ продовольствіи проходящихъ войскъ провіантомъ не могло послѣдовать остановки, симъ вашему благородію подтверждаю съ тѣмъ, чтобы означенное число подводъ, съ полученія сего, непремѣнно были доставлены въ означенную думу съ семи-дневнымъ для нихъ пропитаніемъ. При томъ-же рекомендую всякія впредь предписанія, яко нетерпящіе малѣйшей медленности, тотчасъ приводить въ исполненіе.

Ноября 11 дня 1812 года. (Мазуринъ).

---

34. Городецкому Земскому Исправнику.

На отношеніе вашего благородія касательно учрежденія почтъ по Городецкому тракту симъ отвѣтствую, что таковыхъ въ вѣренномъ мнѣ повѣтѣ не имѣется.

Невельскій Исправникъ Висконтъ.

---

35. 2-de Réponse du district: des chevaux de poste, des traineaux de meilleure quantité etant preparée, le registre en est ci joint.

35. Его Благородію Господину Городецкому Земскому Исправнику Ивану Михайловичу Попадинскому.

Изъ Конторы Староства Езерійскаго.

Рапортъ.

По предписанію вашего благородія, дабы тотчасъ было поставлено на Руднянскую Почтовую Станцію 12-ть исправныхъ лошадей, съ упряжью, ямщиками, пристойно одѣтыми, и саньми, по коему и списокъ надежныхъ къ почтовой гоньбѣ лошадей—при сѣмъ вашему благородію препровождаю.

Управляющій Конторою Никита Солѣникъ.

Ноября 10-го дня, 1812-го года.

Регистръ лошадей на почту.

Десятка большого Дыху:	
Деревни Карманой Ивана Шарвы	1
„ Енипавы Оснухи Зашипина	1
„ „ Алѣксѣя Васильева	1
„ „ Федора Курипина	1
Десятка Хвошнянскаго:	
Деревни Горелышово Семена Мартинова	1
„ Балбѣгъ Максима Васильева	1
„ Азарково Пѣтрака Барисова	1
„ Мартинивковъ Мосѣя Трофимова . . .	1
Десятка Новасѣльскаго:	
Деревни Рябыхъ Пѣтрока Лѣонова	1
„ Лукьяна Пѣтрова	1
„ Дрижакъ Сѣргея Дрижаки	1
„ Мѣховаго Сѣргея Феодорова	1
Итого . . .	12

Г. **Распоряженія, относящіяся къ продовольствію войскъ.**

Dispositions concernant l'approvisionement des troupes.

36. Modèles des objets qui pouvaient être envoyés comme dans pendant la guerre.

Министерство Полиціи.

Департаментъ

Исполнительный.

Отдѣленіе 3. Столъ 1.

Съ препровожденіемъ образцовъ вѣщамъ, кои въ пожертвованіе приняты будутъ, и вѣдомость онымъ съ нѣкоторыми дополненіями. 16-го генваря 1812 г.

№ 98.

36. Копія.

Господину Гражданскому Губернатору.

Въ циркулярномъ моемъ г. г. Гражданскимъ Губернаторомъ предписаніи, разосланномъ изъ департамента исполнительной полиціи 31 числа минувшаго Декабря, между прочимъ сказано, что образцы вещамъ, кои въ пожертвованіе приняты будутъ, пришлются по изготовленіи оныхъ. Нынѣ образцы сіи из-

готовлены и я оныя къ Вашему Превосходительству имѣю при семъ препроводить.

Между тѣмъ въ вѣдомости, приложенной къ упомянутому циркуляру, сдѣланы по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ внѣкоторыя дополненія, кои изволитѣ усмотрѣть изъ прилагаемаго у сего экземпляра той вѣдомости со включніемъ сихъ дополненій, почему и прежде посланныя экземпляры слѣдуетъ исправить сходно нынѣшнему.

Сверхъ того Высочайше повѣлено: 1-ое) препровождаемыя вещи хранить въ шкапѣ за стекломъ въ передней губернскаго правленія.

2-ое) Пріемъ и бракъ поступающихъ вещей производить командиру внутренняго гарнизоннаго батальона, или бригадному, гдѣ оный находится.

Извѣщая Ваше Превосходительство о сей Высочайшей волѣ къ точному и непремѣнному по ней исполненію, прошу увѣдомить меня объ исправномъ полученіи препровождаемыхъ при семъ образцовъ.

Министръ Полиціи А. Балашовъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ. Копія.

Господину Министру Полиціи.

Пожертвованія, дѣлаемыя дворянствомъ, купечествомъ и мѣщанствомъ по усердію къ общей пользѣ, принималъ Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и благоволеніемъ, но разнообразіе предметовъ, на которые упадалъ выборъ приносителей, много убавляло достоинства оныхъ. А потому, желая, дабы приношенія сіи были соотвѣтственнѣе обстоятельствамъ настоящаго времени, повелѣваю вамъ:

1-ое. Предписать всѣмъ Гражданскимъ Губернаторамъ, чтобы внушалъ желающимъ дѣлать пожертвованія, дабы они составляли ихъ изъ предметовъ, наиболѣе нужныхъ для военнаго употребленія.

2-ое. Образцы симъ предметамъ препроводить къ каждому Гражданскому Губернатору при описи.

3-ье. Само собой разумѣется, что количество и выборъ сихъ предметовъ оставляется на произволъ каждаго желающаго дѣлать пожертвованіе.

4-ое. Но, дабы пожертвованія сіи могли приносить прямую пользу, то иначе представляемыхъ вещей не принимать, какъ когда онѣ будутъ совершенно сходны съ образцами, или лучше оныхъ, лишь-бы наружный видъ въ семъ послѣднемъ случаѣ былъ сохраненъ противу образцовыхъ.

5-ое. Внесеннымъ вещамъ вести подробный щетъ и копіи съ онаго доставлять министрамъ Военному и Полиціи.

6-ое. Министры обязаны каждый разъ о таковыхъ пожертвованіяхъ доводить до Моего свѣдѣнія.

7-ое. Самыя-же вещи отдавать подъ сохраненіе командирамъ внутреннихъ батальоновъ.

Въ С.-Петербургѣ Декабря 18-го дня 1811 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Вѣдомость вещамъ, кои будутъ приняты въ пожертвованіе.

По образцамъ пѣхотнымъ.

Кивера, витишкеты, гранаты гренадерскіе, и мушкетерскія къ нимъ сукна темнозеленыя: бѣлыя, красныя, сѣрыя, желтыя, темносинія, свѣтлосинія, и черныя: каразея. Холстъ подкладочный, тесьма ниточная бѣлая, галунъ унтеръ-офицерскій золотой, товаръ сапожный по образцамъ пѣхотнымъ. Товаръ на крагены, подошвы, холстъ рубашечный, фламское полотно ревендукъ, полный комплектъ темляковъ, телячьи занавѣски къ барабанамъ, перевязи барабанныя пѣхотныя и егерскія обѣ съ бляхами. Полунагаленищи, ремни ружейныя, чехлы огнивные, сумы патронныя, перевязи пѣхотныя и егерскія, манерки, ранцы съ приборомъ пѣхотные и егерскіе, мѣдные котлы съ ремнями и желѣзною цѣпью, пуговицы мѣдныя, гранаты къ сумамъ гренадерскимъ и мушкетерскимъ.

По образцамъ кирасирскимъ.

Каски, панталоны лосинные, перчатки, товаръ на большіе сапоги, на короткіе, полный комплектъ темляковъ, полунагаленищи, ремни карабинные, чехлы огнивные, лядунки патронныя, перевязи лядуночныя, крюки, портупеи съ пряжками, сѣдла съ приборомъ,

недоуздки, скребницы, троки, щетки, арканы, суровый каламянокъ на кители, толстый ревендукъ на гребжуги, водоносныя фляги, мѣдные котлы съ ремнями.

По образцамъ драгунскимъ.

Товаръ на большіе сапоги, перевязи ладуночныя, галунъ унтеръ-офицерскій серебряный, пуговицы оловянныя, сѣдла съ прибором, потники.

По образцамъ гусарскимъ.

Вититкеты желтыя, красныя, снурокъ бѣлый, желтый, красный, синій, голубой, черный, плетешекъ бѣлой, желтой, красной, товаръ на сапоги, пантолеры съ пряжками и запряжками, портупеи гусарскія съ пряжками, пуговицы мѣдныя и оловянныя.

По образцамъ уланскимъ.

Мѣдная чешуя къ шапкамъ, желѣзныя пики, къ нимъ бушматы съ ремнями и кожанымъ темлякомъ.

По образцамъ артиллерійскимъ.

Бомбы съ орудіями мѣдныя для киверовъ съ пряжкою, хомуты съ приборами, сѣдла съ приборомъ, шанцовой инструментъ съ чехлами.

На подлинномъ написано собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: „БЫТЬ ПО СЕМУ“.

---

37. Le viec gouverneur de Vitebsk, répondant a la demande du général Commissaire de la guerre, lui fait parvenir—„la taxe mensuelle des provisions, et de l'agio de la monnaie“.

37. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижн. Земск. Суду.

При предложеніи,—Г-нъ Вице-Губернаторъ препроводилъ отношеніе Г-на Генералъ-Кригсъ-Коммисара Татищева о доставленіи въ Калкунскій госпиталь и въ коммиссію Псковскаго коммиссаріатскаго депо свѣдѣній о справочныхъ цѣнахъ, на продукты существующихъ, и о лажѣ на серебряную монету ежемѣсячно для исполненія онаго неукоснительно. Почему въ семъ Правленіи Опредѣлено: Какъ

въ сіе Правленіе вѣдомости о торговыхъ справочныхъ цѣнахъ на провіантъ и фуражъ доставляются отъ городскихъ и земскихъ полицій только съ Маія по Сентябрь мѣсяцъ и въ оныхъ не всѣ продукты означаются, а о курсѣ на серебряную монету свѣдѣній никакихъ нѣтъ, то съ копіями предложенія сего и приложеннаго отношенія г. Генералъ-Кригсъ-Коммисара Татищева въ городскія и земскія полиціи послать указы и велѣть, какъ за истекшій Февраль мѣсяцъ сочиня вѣдомости о справочныхъ цѣнахъ на всѣ существующіе, по вѣдомству каждаго, продукты и о лажѣ на серебряную монету, отослать немедленно въ Калкунскій Госпиталь, состоящій въ Курляндской губерніи, близъ города сей губерніи Динабурга и въ коммиссію Псковскаго комисаріатскаго депо; такъ и въ предъ будущіе каждые мѣсяцы, сочиняя таковыя-же, отправлять въ оныя мѣста безъ малѣйшаго упущенія, о чемъ и исправляющему должность Гражданскаго Губернатора, вице-Губернатору, донести, помянутыя-жь копіи прилагаются при семъ.

Марта 20 дня 1812 года. (Копій нѣтъ).

---

38. Des provisions de pain pour l'armée jusqu'au mois de Novembre 1812.

38. На продовольствіе войска по 1-е ноября сего года недостаетъ въ нѣкоторыхъ магазейнахъ Витебской губерніи, по увѣдомленію коммиссіи Витебскаго провіантскаго депо, количества хлѣба, показаннаго въ прилагаемомъ при семъ исчисленіи.

Исчисленіе учиненное въ коммиссіи Витебскаго провіантскаго депо сколько въ какіе магазейны Витебской губерніи недостаетъ провіанта на продовольствіе войскъ по 1-е Ноября 1812-го года.

	Четвертей.	
	Муки.	Крупъ.
Въ Витебскомъ	1285	110 2—4
„ Полотскомъ	198	14 6—4
„ Суражскомъ	6	1—2 ф.

Въ ономъ же магазейнѣ на счетъ купца Абезгауза	109	5
„ Лепельскомъ	10 4	—
„ Усвятскомъ	172	16
„ Себежскомъ	752	70 4
„ Рѣжицкомъ	600	56 2
„ Люцинскомъ	600	56 2
Итого. . . .	3692 4	330 1. 2

(Не датировано).

---

39. Sur la quantité de foin préparée pour la garnison de Drissa.

39. Изъ Витебскаго Губернскаго Правленія.

Городецкому Нижн. Земск. Суду.

Въ предложеніи Г-нъ Вице-Губернаторъ, заступающій должность Гражданскаго Губернатора, изъясняя представленіе коммиссіи Витебскаго провіантскаго депо, что по предписанію Г. Генералъ-Провіантмейстера нужко заготовить въ Дризинскій запасъ изъ новаго урожая сѣна 16824 пуда; а какъ новый сѣнокосъ сближается, то проситъ сдѣлать распоряженіе о вызовѣ желающихъ посредствомъ публики въ Витебской губерніи для торгу на таковую поставку въ Витебской Казенной Палатѣ на сроки 1-й—1-го; 2-й—4-го; и 3-ій окончательный 10-го чиселъ будущаго Іюня, съ достаточными залогами. Для чего къ тѣмъ срокамъ и кондиціи, на какомъ основаніи то сѣно должно быть постановлено, коммиссія доставитъ въ Казенную Палату. Предлагаетъ учинить немедленное распубликованіе.

Іюня 25 дня 1812 года.

Д. **О разграбленіи почты, слѣдовавшей изъ г. Люцина въ первую Западную армію.**

Pillage de la poste se rendant de Lutsin à la premiere armée de l'Ouest.

40. Actes: Sur la poste saccagée et la révolte des paysans. La somme de 81771 roubles destinée à la 1-re Armée Occidentale ayant été volée en route près de la ville de Loutzin.

40. Городецкому Земскому Исправнику, Господину Попадинскому.

От Слѣдственной Коммиссіи, составленной объ отысканіи разграбленной почты.

Во исполненіе предписанія Господъ Псковскаго Гражданскаго Губернатора, князя Шаховскаго и Литовскаго почтъ директора и кавалера бухарскаго, назначено отъ правиться намъ побелорусскому тракту влежащею отъ великихъ лукъ на большой дороге къ витебску деревню Козявкино где крестьяне забунтовавшись ограбили везенную колежскимъ регистраторомъ лыщинскимъ почтальонами волошинымъ и колаковымъ съ суммою на 81771 р. 12¼ к. для произведенія изъследованія и взятья виновныхъ а какъ Сіе учинено въ городе въ коемъ повете крестьяне взбунтовавшись и потому благоволитѣ ваше благородіе завтрашняго числа отъ правится наместо чрезъ станцію Сеппово неотъменно и разведавъ окуратнейшимъ образомъ о бунтующихъ крестьянахъ и насъ почтите уведомить.

Августа 24 дня 1812 года. № 5. Почтмейстеръ:

Слѣдственной Коммиссіи, составленной объ отысканіи разграбленной почты.

От Городецкаго Земскаго Исправника.

На отношеніе оной Коммиссіи отъ 24-го Августа подъ № 5-мъ, мною сего числа полученное, симъ Коммиссію честь имѣю извѣстить: „что я на подобный случай, т. е. для развѣдыванія и усмиренія бунтующихся въ Городецкомъ повѣтѣ крестьянъ", 23-го числа сего Августа съ воли моего Начальства, отправился было изъ Великихъ Лукъ съ тѣмъ, чтобы напередъ снестись по сему предмету съ Г. Подполковникомъ Непейцинымъ, находящимся для сего въ городѣ Невлѣ; но болѣзнь, чувствуемая мною еще на мѣстѣ, въ дорогѣ усилилась

до того, что я принужденъ былъ возвратиться паки въ Великіе Луки, гдѣ и понынѣ страдаю. А потому и не могу до выздоровленія моего удовлетворить требованіе Коммиссіи.

№ 12. 31 Августа 1812 года.

В. Луки.

Городецкому Г-ну Земскому Исправнику Попадинскому.

Препровождая при семъ въ точномъ спискѣ представленіе ко мнѣ отъ 12-го числа текущаго Сентября подъ № 21-мъ полотскаго почтмейстера г. надворнаго совѣтника Завелѣйскаго и г. поручтика Нагеля, а притомъ и выписку людямъ потребнымъ въ высылку по дѣлу о разграбленіи почты, *слѣдовавшей изъ Люцина въ первую Западную Армію*, предлагаю вашему благородію, какъ находящемуся нынѣ въ городѣ великихъ лукахъ, отправясь въ свой повѣтъ, въ которомъ по удостовѣренію Господъ Завелѣйскаго и Нагеля нѣтъ теперь никакого со стороны крестьянъ бунту, учинить по тому представленію по части Городецкаго Повѣта немедлѣнно законное исполненіе, и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Что-жъ относится до подобнаго исполненія по сему-же дѣлу со стороны Невельскаго Повѣта: о томъ тамошнему Нижнему Земскому Суду вмѣстѣ съ симъ отъ меня предложено.

Витебской Казенной Палаты Совѣтникъ: Рубцовъ.

№ 288. Сентября 15 дня, 1812 года.

Городъ великіе Луки.

---

41. **Копія**. Получено 12-го Сентября 1812 года.

Высокоблагородному и высокопочтенному Господину Надворному Совѣтнику, Витебской Казенной Палаты Совѣтнику, Управляющему Гражданскою частію Рубцову.

Полотскаго почтмейстера Надворнаго Совѣтника Завелѣйскаго и Поручтика Нагеля.

Во исполненіе предписанія Господъ Псковскаго Гражданскаго Губернатора и кавалера князя Шаховскаго и Литовскаго почтъ директора и кавалера Бухарскаго, съѣхавъ мы на мѣсто, Витебской губерніи Городецкаго уѣзда въ деревню Сапронову, и Невельскаго

уѣзда въ деревню Казявкину, гдѣ везенная *изъ города Люцина въ первую Западную Армію почта* суммою на 81771 рубль $12^1/_4$ копѣекъ коллежскимъ регистраторомъ лыщинскимъ, почталіонами воложинымъ и поляковымъ, взбунтовавшимися крестьянами разграблена, чинили на мѣстѣ произшествія надлежащее изслѣдованіе, отыскавъ у крестьянъ разбитой чемоданъ, нѣкоторыя вещи, книги и посылки, забрали самихъ начинщиковъ того грабежа крестьянъ, прочія къ тому дѣлу прикосновенные частію бѣжали, а другіе скрываются по лѣсамъ; хотя же къ таковому дѣлу требовали мы въ помоцъ Городецкаго Земскаго Исправника Попадинскаго, и отъ Невельскаго Нижняго Земскаго Суда Заседателя; но первый отозвался болѣзнію, а послѣдній, что по причинѣ бунтующихся крестьянъ, и понедачѣ оному отъ Г. Подполковника Непейцына воинской команды, члена командировать не могъ. Какъ же въ тѣхъ мѣстахъ нынѣ никакого бунту нами не предусмотрено, а крестьянѣ, не видя передъ собой защиты, убаиваясь малыхъ французскихъ набѣговъ, не знаютъ къ кому подъ покровительство прибѣгнуть, считаются таковыми, и потому вашему высокоблагородію представляя при семъ о всѣхъ бѣжавшихъ крестьянахъ, а скрывшихся во время слѣдствія, участвующихъ въ грабежѣ почты и другихъ преступленіяхъ оговоренныхъ, регистръ, покорнѣйше просимъ Городецкому Земскому Исправнику и Невельскому Нижнему Земскому Суду о сыскѣ и поимкѣ оныхъ предписать, и чтобы оные отыскавши, доставили къ намъ въ великіе Луки немедлѣнно, учиня въ тѣхъ селеніяхъ по домамъ и прочимъ мѣстамъ обыски, нѣтъ-ли у нихъ какихъ вещей и денегъ изъ похищенной суммы; а о взятыхъ крестьянахъ, признавшихся въ грабительствѣ, какъ то: Невельскаго повѣта, помѣщицы Фурсмановой, деревни Борокъ Степанѣ Андреевѣ, Никонѣ Семеновѣ; деревни Иванково крестьянкѣ Аннѣ Леоновой; дер. Казявкино Аринѣ Ивановой; деревни Ходатково Данилѣ Васильевѣ, Палагеи Васильевой; Городецкаго повѣта деревни Сапроново Данилѣ Федоровѣ и Невельскомъ мѣщанинѣ, жительствующемъ въ томъ-же уѣздѣ въ корчмѣ Сапроновой, Янкелѣ Абрамовичѣ учинить повальные обыски, какого напредъ сего были поведенія и состоянія и также доставить къ намъ; Городецкій же и Невельскій Коммисары, буде опасаются одни безъ воинской команды на мѣста выѣхать, могутъ таковую про-

сить въ городѣ Невелѣ у Г-на подполковника и кавалера Непейцына; что же ваше высокоблагородіе посему учините, со стороны своей, не оставить сію Коммиссію почтить увѣдомленіемъ.

№ 21. Сентября 12-го дня, 1812 года.

---

42. **Копія.**

Выписка изъ допросовъ, кто оказался виновнымъ въ грабежѣ почты и прочаго, изъ крестьянъ и другого состоянія, коихъ слѣдуетъ отыскать, значитъ ниже.

Сентября 12 дня 1812-го года.

1) Оговоренныхъ съискать въ грабежѣ почты. (Уѣзды, деревни и имена грабителей; всего 25-ть).

2) Въ заграбленіи вина казеннаго, въ отбитіи рекрутъ и грабительствѣ еврея. (Городецкаго уѣзда, деревни и имена; всего 14-ть).

Сюда же къ списку причисленъ, по счету 40-вымъ, „Городецкаго „Нижн. Земск. Суда засѣдатель Талька, по обвиненію въ вспомога„тельствѣ французамъ въ сборѣ хлѣба и прочаго".

---

43. Его Высокоблагородію

Господину Надворному и Витебской Казенной Палаты Совѣтнику, исправляющему должность Гражданскаго Губернатора Степану Кондратовичу Рубцову

Городецкаго Земскаго Исправника

Рапортъ.

Вслѣдствіе даннаго отъ вашего высокоблагородія, 15-го сего Сентября подъ № 288-мъ, мнѣ предписанія, съ приложеніемъ копіи послѣдовавшаго представленія полоцкаго почтмейстера Завилѣйскаго, и поручика Нагеля, кои требуютъ высылки означенныхъ въ ихъ спискѣ людей, о укрывающихся въ городецкомъ повѣтѣ, а въ томъ числѣ и доставленія засѣдателя Тальку, будто бы вспомоществующаго французамъ въ выполненіи ихъ требованія, а первыхъ, яко грабителей разбитой ими казны, почтою изъ Люцина въ 1-ую Западную Армію вѣзенной; симъ донести честь имѣю, 1-е, что Г-нъ Полицеймейстеръ Завилейскій и порутчикъ Нагель, какъ во время производимаго слѣдствія на мѣстѣ преступленія, ими усмотрѣно было укрыва-

тельство гдѣ либо грабителей и хищниковъ казны и таковыхъ необходимость велѣла имѣть доставленными, то должны были требовать по сему случаю пособія отъ воинской стороны, то есть отъ Г-на подполковника артиллеріи Непейцына, стоявшаго въ городѣ Невелѣ, потому: что губернія, подъ воинскимъ состоя управленіемъ, во всѣхъ распоряженіяхъ полицейскихъ зависитъ отъ воинскихъ-же чиновниковъ, тѣмъ паче, что Городецкій Повѣтъ, будучи взбунтованъ въ крестянахъ отъ французскихъ набѣговъ, властямъ земской полиціи уже не повиновался и не повинуется.—2-ое. Изъ выписки показывается, что въ Городецкомъ повѣтѣ нынѣ якобы существуетъ по части полицейской французское правительство, какъ и сами Г.г-да Завилейскій и Нагѣль упоминаютъ въ спискѣ о вспомоществованіи якобы Засѣдателемъ Талькою французовъ въ ихъ требованіяхъ, изъ чего видно, что набѣги французскихъ войскъ въ Городецкій повѣтъ еще не прекращены, а тѣмъ самымъ судить надлежитъ, что и мятежъ въ крестьянахъ продолжается, по притчинѣ котораго и порядковъ въ вѣсти въ повѣтѣ земской полицыи по прежнему невозможно, а затѣмъ и выполнить ихъ требованія высылкою Засѣдателя Тальку, и доставленіемъ по списку значущихся людей, безъ конвоя воинской команды нѣтъ средствъ; ибо приказные земской Полиціи, будучи сами изъ числа крестьянъ, неподобно, чтобы не соучаствовали въ общемъ мятежѣ, отъ чего и выполненіе моихъ приказовъ есть ненадежное, о чемъ самъ Господинъ подполковникъ Непейцынъ ваше высокородіе удостовѣрить можетъ. Каковые обстоятельствы, яко рождающія препятствіе къ исполненію возложенной предписаніемъ на меня обязанности, представляю вашему высокоблагородію на благоуваженіе.

№ 26. 16-го Сентября 1812 года.

Луки.

---

44. Городецкому Земскому Исправнику Попадинскому.

Полотскій почтмейстеръ Завилейскій въ рапортѣ мнѣ поданномъ, объясняя, что, хотя онъ съ чиновникомъ Нагелемъ дѣлалъ розыскъ къ отысканію виновныхъ въ разграбленіи почты на 81771 р. 12¼ к. въ деревнѣ Козявкинѣ, везенной въ 1-ую Западную Армію, но дальнѣйшее изслѣдованіе остановилось за укрывательствомъ преступни-

ковъ по разнымъ селеніямъ, коихъ взять подъ стражу безъ воинской команды предвидится затруднительнымъ и опасность, проситъ моего въ томъ содѣйствія.

А какъ въ городъ Городокъ отрядъ войскъ подъ командой Г-на генералъ-майора Алексѣева нынѣ уже вступаетъ: то я, препровождая у сего рапортъ Завилейскаго съ приложеніемъ, рекомендую вашему благородію, вообще съ нимъ, отправиться въ Городокъ и, испросивъ отъ Г. генералъ-майора Алексѣева нужной воинской команды, дѣятельнѣйшимъ образомъ стараться открыть виновныхъ, и отыскать разграбленную сумму, равно преступниковъ въ семъ дѣлѣ кто окажется отослать за крѣпчайшимъ карауломъ къ суду; о послѣдствіи-же сего дѣла донести мнѣ съ возвращеніемъ посылаемыхъ бумагъ.

Губернаторъ Лешернъ.

№ 4458. „2“ Октября 1812 г.

Великіе Луки.

---

45. Pour saisir les paysans révoltés et les voburs, qui se cachaient dans les forêts et dans les hameaux des villages on a dû envoyer un détachement de soldats.

45. Его Превосходительству

Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру, Бѣлорусскому Гражданскому Губернатору.

Полотскаго Почтмейстера Надворнаго Совѣтника Завилейскаго.

Рапортъ.

О разграбленной почты везенной въ 1-ую Западную армію белорускои губерніи въ деревни Козявкине Суммою на 81771 р. $12^{1}/_{4}$ ко. что мною Сприкомандированнымъ отъ Господина псковскаго гражданскаго губернатора и ковалера князя Шаховскаго, чиновникомъ порутчикомъ Нагелемъ учинено и скопіи рапорта представляемаго присемъ ваше Превосходительство усмотреть изъ волите, далнейшеѣ изъ следованіе приостановилось что участвующия крестьяна городецкаго и невельскаго поветовъ, укриваются поразнымъ Селеніемъ, коихъ безъ помощи земскаго начальства, а темъ боліе безъ воинской команды надлежащимъ порядкомъ въ оруженной взять оныхъ затруднительно;

и потому вашему Превосходительству представляя. убедительнѣйше прошу для дальнѣйшаго изъ следованія наместо неугодно-ли будетъ отъкелъ следуетъ изъ требовавъ доволное число воинской команды, вто мѣсто, общѣ съ чиновникомъ земской Полиціи повелеть отправится онымъ, снабдивъ меня подачей почтовыхъ лошадей или обывательскихъ, сколько будетъ нужно вашимъ предписаніемъ.

№ 25. Сентября 30-го дня 1812 года.

Копія. Его Сіятельству

Господину Тайному Совѣтнику, Псковскому Гражданскому Губернатору, Князю Шаховскому.

Полотскаго Почтмейстера надворн. совѣтн. Завилейскаго и поручтчика Нагеля.

Рапортъ.

Изъ рапорта отъ 24 августа за № 9-мъ ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, какія причины удержали насъ къ выѣзду на мѣсто для произведенія изслѣдованія о расхищенной почтѣ, везенной изъ города Люцина въ 1-ю Западную армію коллежскимъ регистраторомъ Лыщинскимъ и почтальонами: Воложинымъ и Поляковымъ, однако ожидая извѣстія отъ господина Подполковника и Кавалера Непейцына, между тѣмъ не упущали и сами сколько можно узнавать истины со стороны; и заключая, получа послѣднее и первое увѣдомленіе отъ посланнаго, рѣшились истребовать отъ находящагося въ городѣ Великихъ Лукахъ господина бригаднаго начальника, подполковника Попова, воинской команды гарнизонныхъ 20 человѣкъ солдатовъ съ офицеромъ, которой не отказалъ требованію снабдить насъ 19-ю съ ружьями и столько-же съ тесаками и пиками съ однимъ оберъ-офицеромъ, съ коими мы, когда Городецкій Земскій Исправникъ Попадинскій отозвался ѣхать за болѣзнію, а Невельскій что въ разсужденіи бунтующихъ крестьянъ засѣдателя командировать не можетъ. 3-го сентября получа къ тому въ пособіе отъ великолуцкаго нижняго земскаго суда одного дворянскаго засѣдателя Г. Еремѣева, взялъ къ тому Почтмейстеръ 4-хъ вооруженныхъ почтальоновъ отправились Невельскаго повѣта въ мызу Г. Дуве; тутъ призвавъ управляющаго имѣніемъ Госпожи Форсмановой, въ числѣ коего упоми-

нутая деревня Козявкина, старосту Онуфрія Павлова расспрашивали, который объявилъ, что крестьяне, взбунтовавшіеся на сей сторонѣ, начали приходить въ повиновеніе и что онъ начинщиковъ, кои госпожу и онаго совсѣмъ ограбили, а также и почту, поможетъ взять, почему оной отправленъ впередъ, а между тѣмъ узнали, что есть вблизи какой-то отъ невельскаго нижняго земскаго суда кандидатъ Копинскій для выгона подводъ; къ которому мы тотчасъ сообщили, дабы слѣдовалъ съ нами. Сей-же, не отринувъ требованія, присовокупился съ нами, и мы, слѣдуя проселочною дорогою, получая отъ старосты всѣ способы ко взятію крестьянъ, забирали виновныхъ, и вещи, прибыли пополудни въ 6-мъ часу въ деревню Козявкино, кою со всѣхъ сторонъ—сперва окружа караулами опасныя мѣста—забирали найденныхъ на лицо виновныхъ, чиня по домамъ обыски, въ какихъ найденъ и везенный чемоданъ, подъ знакомъ: „С.-Петербургской", 1811 года, № 24; въ немъ разбитыя книги—два боченка подъ поломъ, въ амбарахъ и напотолокѣ, вышитые воротники и обшлага и все обще; скрестъ съ нами не времъ: какъ на сей сторонѣ рѣки Ловати, такъ и на другой забраны числомъ 17 человѣкъ; въ томъ числѣ самыхъ два начинщика; когда примѣтили, что съ сей и другой стороны бѣжавшихъ. крестьяна конна и пѣша начали подавать другихъ селеніевъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ рѣки Ловати; Въ виду повѣстки и узнавъ, на мѣстѣ совершенно, что тамъ не болѣе двухъ дней предъ пріѣздомъ нашимъ, по приказанію 2-хъ французовъ взято 12 коровъ и 40 овецъ и крестьянами погнаны въ городъ Витебскъ; дабы не могло послѣдовать съ нами, а особливо въ ночное время непріятнаго, отправились большой дорогой въ великія луки, кандидатъ-же Невельскаго суда Копинскій поѣхалъ для подводъ въ селеніе, и проѣхавъ по большой дорогѣ нѣсколько лѣсами внезапно прискакалъ обратно верхомъ, сказывая, якобы крестьяне во многомъ количествѣ съ разными по примѣчанію его орудіями, противу насъ слѣдуютъ; почему мы, спѣша солдатъ, тотчасъ пошли между лѣсовъ по дорогѣ. Но крестьяне, увидя насъ близъ самой дороги, побѣжали въ оный. Мы, чтобы дать онымъ знакъ ихъ опасности, сдѣлали два выстрѣла; одинъ почтмейстеромъ, а другой унтеръ офицеромъ; крестьяне скрылись и мы благополучно прибыли 5-го числа со всѣми ви-

новными въ городъ Великie Луки. Теперь Вашему Сiятельству осмѣливаемся донести: бывъ на мѣстѣ и совершенно узнали, что въ деревнѣ Козявкинѣ и далѣе, нѣтъ такого никому отъ крестьянъ страха какъ заключилъ въ отношенiи своемъ Г. Подполковникъ и кавалеръ Непейцынъ, и что если бы Городецкiй Земскiй Исправникъ и Невельскiй Нижнiй Земскiй Судъ имѣли по своей части должное вниманiе, а господинъ Непейцынъ не вѣрилъ стороннимъ слухамъ, наводящимъ страхъ къ нарушенiю спокойствiя, то съ малымъ числомъ возстановлено и удержано было за 70-тъ верстъ отъ Лукъ безопасность и спокойствiе; тѣмъ болѣе крестьяне отъ того заключаются бунтующими, что французскiе набѣги, и то весьма въ маломъ количествѣ, наводятъ имъ страхъ. А крестьяне, будучи непросвѣщенными и не видя передъ собой со стороны нашей отъ чиновъ, коимъ власть вручена, защиты, принужденно находятъ себя онымъ повиноваться; какъ же многiе преступники по показанiямъ привезшихъ бѣжали, и находятся въ отдаленныхъ селенiяхъ, гдѣ по дѣлежу достоянiя вещи хранятся или истреблены, и мы не могли скоротечно отыскать—не знавъ обстоятельствъ совершенно,—подвергая и собственную жизнь опасности, постараемся вновь по возможности отыскивать; коллежскiй регистраторъ Лыщинскiй съ почтальономъ Поляковымъ и изъ виду скоротечно уѣхавшiй, по дорогѣ къ Усвяту находится-ли въ живыхъ, изъ показанiевъ крестьянъ узнать не можно, какiя-жъ вещи найдены регистръ, а равно и съ послѣдняго отношенiя Г-на подполковника и кавалера Непейцына полученнаго уже по исполненiи со стороны нашей слѣдствiя, копiю при семъ честь имѣемъ Вашему Сiятельству представить, предавъ и себя по сему дѣлу на уваженiе.

№ 19. Сентября дня 1812 года.

Витебскому Гражданскому Губернатору

Невельскаго Городничаго Обухова

Рапортъ.

Сего Октября 28 числа Г-нъ Генералъ-Майоръ и кавалеръ Алексѣевъ препроводилъ ко мнѣ при предписанiи Городецкаго Засѣдателя Тальку, замѣченнаго имъ въ разграбленiи почтовой суммы;—для

содержанія его подъ присмотромъ, который нынѣ въ вѣдомствѣ моемъ и находится; о чемъ Вашему Превосходительству почтительнѣйше доношу.

№ 1190. Сентября 30 дня, 1812-го года.

Слѣдственной Коммиссіи, учрежденной объ отысканіи разграбленной почты.

От Городецкаго Земскаго Исправника.

Во исполненіе предписанія Г. Витебскаго Гражданскаго Губернатора выѣзжалъ я въ Городецкій повѣтъ для испрошенія отъ Г-на Генералъ-Майора Алексѣева воинской команды, потребной на мѣсто изслѣдованія; но черезъ посыланныхъ отъ меня нарочныхъ имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что означенный генералъ Алексѣевъ съ отрядомъ своимъ изъ Городецкаго Повѣта выступилъ и возвратится ли паки въ Городокъ и когда неизвѣстно. О семъ Коммиссію честь имѣю извѣстить; я-же остаюсь въ Невелѣ.

№ 35.

9 Октября 1812 года.

Г-ну Надворному Совѣтнику Завилейскому.

Отъ Городецкаго Исправника.

Вашему Высокоблагородію обще съ чиновникомъ Псковской губерніи Нагелемъ поручено изслѣдованіе о разграбленной почтѣ слѣдовавшей изъ города Люцина въ 1-ую Западную Армію, и слѣдствіе остановилось за невозможностію отыскать въ то время подозрительныхъ по сей части крестьянъ. Требуемые Вами отъ меня посредствомъ предписанія мнѣ Г-на Совѣтника Рубцова отъ 12-го Сентября 1812 года нужныя по сему дѣлу Городецкаго Повѣта крестьяне, мною отысканы и находятся подъ присмотромъ. О чемъ имѣю честь Ваше Высокоблагородіе извѣстить, прося вашего увѣдомленія какое время назначите къ прибытію Вашему на мѣсто для окончанія изслѣдованія?

№ 17.

4 Февраля 1813 года.

Городокъ.

Городецкому Земскому Исправнику Г-ну Попадинскому.

Онаго-жъ Суда засѣдателя Жиркѣвича.

По отношенію Вашего Благородія ко мнѣ и по прилагаемому при ономъ списку я нѣсколько человѣкъ перехватилъ и содержу подъ стражею, а кого именно при семъ списокъ прилагаю. Въ моемъ участкѣ крестьяне совершенно спокойны и повинуются своимъ помѣщикамъ; казаки, данные отъ Г-на Коллежскаго Ассесора Бѣлозерскаго, только для того и нужны, что употребляю для надзора за арестантами, каковыхъ въ участкѣ болѣе 40-ка подъ стражею находятся. Не худо-бъ, есть-ли, Ваше Благородіе, попросили отъ Г-на Ассессора хотя 20-ть пѣхотныхъ, для содержанія карауловъ, ибо Г-нъ Хорунжій Стахіевъ предписалъ мнѣ, чтобы я въ ввѣренной мнѣ участкѣ всѣхъ главныхъ начинщиковъ бунтовъ содержалъ подъ стражею.

Содержателя Чуриловской почтовой станціи Порутчика Бессарабскаго 10-ть троекъ поставлены, но по неимѣнію удобныхъ мѣстъ для ямщиковъ и лошадей и пока таковыхъ не устроившія, въ разгонъ не употребляются. Часть реквизиціи 6-го сего Декабря съ моей участки будетъ выслано изъ числа отправленныхъ мною, прежнихъ транспортовъ; имѣнія Будницы транспортъ въ Ровно не прибылъ по причинѣ одержанія его въ Нидоболѣ, а кѣмъ именно удержанъ, неизвѣстно.

№ 53-й. Засѣдатель Жиркѣвичъ.

Декабря 5-го дня, 1812 года.

Слѣптово.

СПИСОКЪ

оговоренныхъ въ грабежѣ почты крестьянъ, а именно:

Деревни Костылево—Трофимъ Григорьевъ.

» Сапроново—Сидоръ Григорьевъ.

» Костылево—Карпъ Карповъ, хотя онаго въ спискѣ и не отмѣчено, но Стаецкими крестьянами оговоренъ въ разграбленіи вина.

» » Сазонъ Лукьяновъ и братъ его Тимофей.

Деревни Митрошино—Петръ Даниловъ.
„ „ Стѣпанъ Ивановъ.
„ „ Емѣльянъ Яковлевъ.
„ „ Иванъ Мокѣенокъ.
„ Новиковъ — Семѣнъ Герасимовъ.
„ Микулиной—Емѣльянъ Ермаковъ.
„ „ Самуйло Максимовъ.

Засѣдатель Жиркѣвичъ.

Въ Городецкій Нижній Земскій Судъ.

Онаго-жъ Суда Засѣдателя Жиркѣвича.

По отношенію Земскаго Исправника Попадинскаго посажены мною подъ арестъ казеннаго имѣнія „Стаекъ" 19-ть человѣкъ, замѣшачныхъ въ разграбленіи почты и отъбитія транспорта, которые и находятся болѣе шести недѣль подъ онымъ. Равно-жъ и бывшій онаго имѣнія Голова Данило Федоровъ, котораго многіе крестьяне въ разграбленіи почты соучастникомъ оговариваютъ, то и онаго наравнѣ съ прочими велѣлъ содержать подъ карауломъ. О чемъ увѣдомляя оный Судъ сіе на благоуваженіе представляя, ожидаю распоряженія.

№ 20-й. Засѣдатель Жиркѣвичъ.

Февраля 15-го дня, 1813 года.

Отъ Полотскаго Почтмейстера Надв. Сов. Завилейскаго.

Городецкому Земск. Исправнику Попадинскому.

На отношеніе Вашего Благородія отъ 4-го февраля за № 17 изъ вещающеѣ, что по делу о разграбленной почты следовавшей 1812 года въ июлѣ м-цѣ изъ Люцина въ 1-ю Западную Армію требуемые мною по сему дѣлу крестьяни отысканы, и находятся подъ присмотромъ, требуетѣ назначенія когда я могу прибыть для окончанія изслѣдованія, изъ вещая какъ я одержимъ былъ тяжкою болѣзнею въ коей болия 10-ть недель находился, а нынѣ получа облегченіе едза могу по горнице проходить, то и время назначить не могу. Какже Г-нъ

Витебскій Гражд. Губрнаторъ и кавалеръ Лешернъ таковое предоставилъ мнѣ привесть къ окончанію обще съ вами, а теперь темъ боліе, что непріятель испределовъ Россіи прогнанъ. Должно таковое окончивши преступниковъ какъ содержащихся въ Великихъ Лукахъ, такъ и сихъ, вами взятыхъ, по окончаніи слѣдствія отослать къ сужденію куда слѣдуетъ. И потому благоволите взятыхъ вами по сему делу крестьянъ кои изъ показаниевъ взятыхъ нами видно что оне въ обще таковую грабили и вещи брали, допросить гдѣ оне истой грабленой почты взятыя вещи сохраняютъ, а также и бумаги ипотомъ содержать подъ стражею именія ихъ описать сколко чего найдено будетъ, а какъ слѣдствіе сіе не можетъ быть окончено до тѣхъ поръ, пока Невельской Нижней Земской Судъ посему делу оговоренныхъ не отыщетъ, ипотому неоставтѣ ваше благородіе овзятыхъ таковыхъ сообщить Невельскому Господину Земскому Исправнику, ипритомъ дабы и оной таковыхъ описалъ именія и обще съ описью всехъ оныхъ содержалъ подъ стражею, яжъ получа облегченія, иотъ Господина Литовскаго почтдиректора резолюцію неоставлю васъ изъвестить.

Февраля 10 дня 1913 года. 1813

Его Высокоблагородію

Городецкому, Нижняго Земскаго Суда, Господину Земскому Исправнику Ивану Михайловичу Побадинскому.

От приходскаго священника, ниже-подписавшагося

Обязательство.

По просьбѣ казенныхъ крестьянъ вотчины Стаекъ обязуюсь за оныхъ отвѣчать только дабы Ваше Высокоблагородіе отпустили ихъ до время по домамъ, а они на всякое требованіе лично явятся. О чемъ я утруждая и прося за выше означенныхъ мною крестьянъ имѣнно: Сазона Лукьянова, Якима Яковлева, Петра Данилова, Ивана Тимофѣева, Степана Иванова, Емельяна Ермолаева, Самуйла Максимова, Ивана Максимова, Симеона Герасимова, Тимофѣя Лукьянова, Якова Лукьянова, Ивана Лукьянова, обязавши себя отвѣту, подписуюсь:

Приходскій священникъ Алексѣй Куликъ.

1813 года. Мая 25 дня.

1813-го года Маія 26-го дня мы нижеподписавшіеся казеннаго имѣнія Стаекъ волостные старшины, голова Михаилъ Терехинъ и мужья Иванъ Григорьевъ и Степанъ Артемовъ давъ сію подписку Господину Городецкому Земскому Исправнику Ивану Михайловичу Попадинскому въ томъ, что сей вотчины Стаекъ крестьяне находившіеся подъ арестомъ во дворѣ Стаицкомъ а именно—Сазонъ Лукьяновъ, Иванъ Лукьяновъ, Яковъ Лукьяновъ, Тимофѣй Лукьяновъ, Иванъ Тимофѣевъ, Семенъ Герасимовъ, Якимъ Яковлевъ, Петръ Даниловъ, Степанъ Ивановъ, Емельянъ Ермолаевъ, Самуилъ Максимовъ, Иванъ Максимовъ, коихъ мы взяли на поручителство и обязуемся вашему высокоблагородію на всякое требованіе доставить, въ чемъ подписуемся. Къ сей роспискѣ вмѣсто выше писанныхъ—старшины, головы и мужиковъ по прошенію и за неумѣніемъ грамотѣ руку приложилъ писарь Костровъ.

Е. **Объ утраченныхъ Архивахъ.**

Des actes archiviaux disparus.

46. Rapport à la Direction du Gouvernement de l'Archiviste; daté du 21 Avril, 1813.

46. Въ Витебское Губернское Правленіе.

Губернскаго Архиваріуса Лютовскаго

Рапортъ.

Во время нападенія на городъ Витебскъ непріятельскими войсками двѣ части Архивы, въ томъ числѣ 1800-го по 1809-й годъ, Канцеляріи Г. Гражданскаго Губернатора дѣла и Графскія *) книги 1772 по 1778 годъ разграблены и растащены, равно состоящей казенной типографіи буквы истреблены; и хотя отъ меня предпринимаемы были въ томъ средствы отъ раззоренія чрезъ начальниковъ французскихъ, но ничто не подѣйствовало, въ чемъ ссылаюсь на Г.Г. Богомольцевъ и переводчика дворянскаго Собранія Веригу, а осталась только Губернская Архивъ состоящая на той сторонѣ рѣки Двины, съ коей только взяты Динабургскаго повѣта помѣщикомъ Клочков-

*) Т. е. графа З. Г. Чернышева, бывшаго Бѣлорусскаго Генералъ-Губернатора. *М. М.*

скимъ и французскимъ генераломъ двѣнадцать плановъ о разграни ченіи смежныхъ границъ витебской губерніи, рѣки Двины, и прочіе, коимъ выметку невозможно было сдѣлать; сколько-жъ именно дѣлъ и книгъ Губернскаго Правленія и другихъ присутственныхъ мѣстъ истреблено, не премину въ свое время представить вѣдомость; о чемъ Губернскому Правленію покорнѣйше доношу.

Генваря 4 дня Губернскій Архиваріусъ.
1813 года.

---

47. Comme la typographie du Gouvernement de Vitebsk a été détruite et tout son alphabet volé ou emporté, la Direction se voit obligée d'en établir un autre.

47. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Бѣлорусскаго витебскаго губернскаго Правленія—Архиваріусу Лютовскому. По рапорту вашему, коимъ донесли, что во время вторженія въ городъ Витебскъ непріятельскихъ войскъ губернская архива разбита оными, въ томъ числѣ съ 1800 по 1809 годъ дѣла канцеляріи Г-на гражданскаго Губернатора, и бывшаго въ Бѣлоруссіи Генералъ-Губернаторомъ, Графа Захара Григорьевича Чернышева книги и предписанія 1772 по 1778 годъ разграблены и растащены, равно состоящей при губернскомъ правленіи казенной типографіи буквы истреблены, а помѣщикомъ Клочковскимъ и французскимъ какимъ-то генераломъ взяты изъ архивы 12 плановъ о разграниченіи витебской губерніи и рѣки Двины и хотя вы въ тожъ самое время предпринимали средствы, чтобъ оное не было взято и разорено, просили начальниковъ, опредѣленныхъ отъ французскихъ войскъ (господъ Богомольцевъ), но ничто не подѣйствовало и что (нынѣ) по зимнему времени и по нахожденію архивы за рѣкою Двиною въ казенныхъ каменныхъ амбарахъ выметки и описи сдѣлать не можете, а по наступленіи удобнаго къ тому времени не упустите представить сему Правленію описей, какія именно дѣла въ архивѣ отъ расхищенія непріятелемъ осталися, а по справкѣ въ семъ Правленіи оказалось: По представленію бывшаго бѣлорусскаго губернскаго правленія съ изъясненіемъ крайней невозможности выполнять должности въ желаемое время съ малымъ числомъ канцелярскихъ служителей въ 1797 году посредствомъ Г-на гражданскаго Губернатора для пособія въ пере-

пискѣ къ поспѣшествованію долженствуемой дѣятельности заведена была при Губернскомъ Правленіи типографія, и оная, къ поспѣшному отправленію дѣлъ Губернскаго Правленія и по Канцеляріи Г-на Гражданскаго губернатора существовала до вторженія непріятеля въ губернскій городъ Витебскъ, и въ то время, по занятіи имъ присутственныхъ мѣстъ,—въ коихъ помѣщалась и типографія,—подъ лазаретъ, всѣ буквы истреблены, кромѣ одного стараго и испорченнаго типографскаго станка и нѣкоторыхъ, потребныхъ къ оному самомалѣйшихъ вещей; почему, по состоявшейся въ семъ правленіи—минувшаго Генваря 24 числа резолюціи, въ отвращеніе предъидущей остановки въ скоромъ отправленіи дѣлъ отъ неимѣнія при Губернскомъ Правленіи типографіи, которое время отъ времени удостовѣрилось болѣе, что положеннымъ малымъ числомъ канцелярскихъ служителей, изъ коихъ нѣкоторые выбыли, другіе умерли, а иные находятся больные при многочисленномъ стеченіи дѣлъ по указамъ Правительствующаго Сената и разнаго рода отъ всѣхъ вообще частей требованій никакъ управиться и успѣвать не можно;—отъ 30-го того же Генваря Его Превосходительству, здѣшнему Г. Гражданскому Губернатору представлено, не благоугодно-ли будетъ въ отвращеніе неминуемаго упущенія и остановки въ отправленіи дѣлъ по Губернскому Правленію, для учрежденія вновь приономъ типографіи испросить отъ вышняго начальства въ доассигнованіе 5000 рублей денегъ, безъ которой сіе Правленіе скоро текущихъ дѣлъ, и особливо требующихъ публикаціи, исправить малоположеннымъ числомъ канцелярскихъ служителей никакъ не можетъ,—въ губернскомъ правленіи опредѣлено: съ прописаніемъ вышеписаннаго Правительствующему Сенату почтеннѣйше донести (: и донесено) рапортомъ, а Его Превосходительству Г-ну Гражданскому Губернатору и кавалеру Лешерну представить (: и представлено) и убѣдительнѣйше просить на заведеніе по прежнему, при Губернскомъ Правленіи типографіи, безъ коей никакъ по малости канцелярскихъ служителей невозможно успѣвать въ отправленіи скораго исполненія требующихъ дѣлъ и публикацій. Исходатайствовать у вышняго начальства по прежнему сего правленія представленію въ ассигнованіе 5000 рублей денегъ. Вамъ, Архиваріусъ-же сего Правленія дать указъ и велѣть, чтобы вы,

въ удобное время съ прикомандированнымъ Вамъ въ помощь писцомъ привели въ порядокъ Губернскій Архивъ; и какія именно дѣла окажутся и не окажутся отъ расхищенія непріятеля представить въ Правленіе подробныя вѣдомости. Апрѣля 21 дня 1813 года.

III-го Отдѣленія; Совѣтникъ Кудрявцовъ.

2-го стола.

Сообщила *М. А. Мельникова.*

Трудъ этотъ посвященъ памяти покойнаго вице-президента Императорской Академіи Наукъ, Якова Карловича Грота, родившагося въ 1812-мъ году.

М. М.

Къ литературной дѣятельности свящ. о. Михаила Ивановича Красовцкаго.

(Эпизодъ 1864 г.)

Среди былыхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей Витебской губерніи, — къ сожалѣнію и стыду еще не дождавшихся своего историка, — очень видное мѣсто занимаетъ священникъ Михаилъ Ивановичъ К р а с о в и ц к і й. Смоленецъ родомъ, онъ окончилъ курсъ Полоцкой духовной семинаріи и полъ-вѣка трудился въ санѣ іерея въ гор. Витебскѣ и Велижѣ. Человѣкъ выдающагося ума, съ рѣдкимъ даромъ слова, о. Михаилъ Ивановичъ былъ лицомъ, популярнымъ на всю губернію. Вниманіе къ этому лицу особенно возрастало, когда отъ поры до времени появлялись въ различныхъ органахъ печати статьи о. Михаила изъ жизни Полоцкой епархіи. М. И. Красовицкій писалъ въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", въ «Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», но особенно излюбленнымъ его органомъ былъ „Церковно-Общественный Вѣстникъ".

Много хлопотъ доставляли нерѣдко о. Михаилу эти его выступленія. Но все же онъ съ открытымъ лицомъ шелъ въ дальнѣйшую борьбу.

У насъ случайно сохранилось отъ о. Михаила одно изъ наиболѣе раннихъ его произведеній, которое повлекло за собою привлеченіе о. Михаила къ суду консисторскому. Статья эта не была даже напечатана. Она была только лишь набрана для очереднаго №—ра «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и задержана цензоромъ-губернаторомъ.

Дѣло это и самая статья такъ близко относятся къ минувшей жизни Витебска, что мы рѣшаемся извлечь указанную статью на свѣтъ Божій и подѣлиться съ читателями «Полотско-Витебской Старины".

I. Необходимыя поясненія.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 года членъ Полоцкой духовной консисторіи священникъ о. Михаилъ Ивановичъ Красовицкій написалъ статью, въ которой, на основаніи архивныхъ дѣлъ Полоцкой духовной консисторіи, изложилъ исторію «д о м а с ъ к у п о л о м ъ»,

находившагося близъ каѳедральнаго собора въ гор. Витебскѣ, по Задуновской ул. Этотъ домъ былъ нѣкогда выстроенъ іезуитами спеціально подъ школьное помѣщеніе. Въ 1838 г. онъ былъ переданъ духовному вѣдомству для помѣщенія въ немъ Витебскаго мужскаго духовнаго училища, которое ютилось съ начала своего существованія въ 3-й части гор. Витебска, близъ военной Николаевской церкви, при Шоссейной улицѣ. Но, волею судебъ, училище сюда не перешло. Самый домъ былъ проданъ въ 1864 г., а духовное училище осталось въ своемъ жалкомъ помѣщеніи.

Статью свою о. М. Красовицкій озаглавилъ такъ: «Историческія древности и древнія исторіи», но подписалъ ее псевдонимомъ: «Внукъ дѣдушки Иринея». Статью эту о. Михаилъ отправилъ для напечатанія въ неоффиціальной части «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Редакторъ сихъ «Вѣдомостей» А. Сементовскій пустилъ ее въ № 5 «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», отъ 1 февраля 1864 года.

Но случилось слѣдующее.

Когда готовый къ выпуску въ свѣтъ № 5 „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ былъ представленъ для цензуры Витебскому военному и гражданскому губернатору В. Веревкину, послѣдній вычеркнулъ эту статью изъ №—ра и написалъ такую резолюцію:

«Домъ съ куполомъ», о которомъ идетъ рѣчь, не составляетъ исторической древности. Сказка объ немъ не входитъ вообще въ область исторіи. Жаль, что описаніе, представляющее нѣкоторый интересъ для жителей города Витебска, не можетъ быть разрѣшено къ печати по саркастическому своему изложенію и потому, что почерпнуто изъ дѣлъ присутственнаго мѣста безъ дозволенія, конечно, начальства“.

И на этомъ г. губернаторъ не остановился . . Онъ потребовалъ отъ редактора указать автора названной статьи и 20 февраля 1864 года, за № 1368, поставилъ въ извѣстность Витебскаго владыку архіепископа Василія о статьѣ „Внука дѣдушки Иринея“, «на зависящее распоряженіе», раскрывъ ему анонимъ.

Резолюція архіепископа Василія послѣдовала (21 февраля 1864 г.) слѣдующаго рѣшительнаго содержанія:

„За означенное противозаконное дѣйствіе и дерзкія выраженія, направленныя противъ лицъ мѣстной администраціи, членъ Консисторіи Михаилъ Красовицкій предается суду. Пусть Консисторія учинитъ по-своему зависящее распоряженіе".

Очевидно, преосвященный далекъ былъ отъ мысли вникнуть въ содержаніе статьи и дать ту или другую отповѣдь г. цензору „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Вѣдь самой статьи онъ не читалъ... Только уже по докладу консисторіи была затребована эта статья, архіепископъ Василій (Лужинскій) прочиталъ ее только 14 марта, когда послѣдовала другая резолюція: «Въ Консисторію къ дѣлу о священникѣ Михаилѣ Красовицкомъ, разсмотрѣніемъ котораго Консисторія имѣетъ поспѣшить».

Такъ о. Михаилъ Красовицкій сдѣлался предметомъ злободневнаго интереса въ консисторіи и въ городѣ. Статья о «домѣ съ куполомъ» пошла по рукамъ.

Консисторія должна была судить своего сочлена.

Отъ 8 апрѣля 1864 г. въ журналѣ правленія консисторіи появилась такая статья:

«Предварительно для обсужденія сего дѣла нужнымъ считается дать запросъ члену Консисторіи священнику Михаилу Красовицкому: 1) при семъ представленная статья г. Витебскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Его Высокопреосвященству подъ заглавіемъ «Историческія древности и древнія исторіи», подъ псевдонимомъ «Внукъ дѣдушки Иринея», о томъ, какъ извѣстный въ Витебскѣ домъ съ куполомъ послѣ 30-лѣтней переписки пришелъ въ развалины и, наконецъ, преданъ на сломку съ публичнаго торга, — его-ли, отца Михаила Красовицкаго, сочиненія эта статья.

2) По собственному ли убѣжденію предпринялъ онъ, о. Красовицкій, тему для составленія сей статьи или по совѣту кого-либо и кого именно.

3) Дѣло консисторское, изъ котораго дѣлалъ извлеченія Красовицкій при составленіи сей статьи, по его ли собственному соизволенію взято имъ изъ Консисторіи и имѣлъ ли онъ на то право, или по дозволенію чьему-либо или разрѣшенію начальствующихъ лицъ.

4) Зналъ ли онъ, Красовицкій, законъ, которымъ воспрещается оскорблять и укорять лицъ высшихъ себя въ званіи, санѣ и облеченныхъ довѣріемъ.

5) Зналъ ли онъ законъ, что безъ дозволенія мѣстнаго начальства и особенно того вѣдомства, къ которому принадлежитъ располагающій подать что-либо изъ дѣлъ, заключающихся въ вѣдомствѣ его службы, запрещается.

6) Если ему былъ знакомъ законъ, отъ знанія котораго никто не освобождается, то почему онъ рѣшился на составленіе означеннаго сарказма.

7) Подавалъ ли онъ означенную статью въ цензуру и кому именно.

Обязать его, Красовицкаго, противъ прописанныхъ запросовъ объясниться и показать по сущей справедливости и долгу священства».

На этомъ настоящее дѣло и закончилось. О. Михаилъ къ этому времени объяснился съ архіепископомъ Василіемъ и убѣдилъ его, что можно карать на основаніи дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати (п. 5 по прод. 1863 г.) только за выпущенныя въ свѣтъ произведенія пера, инкриминируемая же ему статья осталась не опубликованной, будучи задержана цензурой и выброшена изъ №—ра.

Теперь, когда прошло 50 лѣтъ со дня написанія интересующей насъ статьи о. Михаила Красовицкаго, когда никого изъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ нѣтъ въ живыхъ, читая эту безспорно живую статью о. Михаила, не хочется вѣрить, чтобы возможно было уголовное преслѣдованіе противъ автора.

Съ этимъ, надѣемся, согласится всякій непредубѣжденный читатель прилагаемой статьи о. Михаила Красовицкаго.

Къ этому долгомъ считаемъ добавить слѣдующее.

Сама эта статья является любопытной страничкой исторіи Витебскаго духовнаго училища. Насколько намъ извѣстно, въ имѣющемся историческомъ очеркѣ Витебскаго мужскаго духовнаго училища г. Минервина о проектѣ помѣщенія этого училища на Задуновской ул. въ бывшемъ поіезуитскомъ домѣ не говорится, а между

тѣмъ осуществленіе этого проекта могло совершенно измѣнить дальнѣйшую внутреннюю жизнь родного намъ училища, когда оно помѣстилось бы въ центральномъ пунктѣ города. *Д. И. Довялло.*

II. Историческія древности и древнія исторіи.

Вы знаете, добродушный читатель, въ городѣ Витебскѣ Задуновскую улицу? Если не знаете, то спросите у кого-нибудь изъ коренныхъ или давнихъ витебскихъ жителей, а мы вамъ не растолкуемъ этого, потому что не объ улицѣ у насъ рѣчь пойдетъ.

На Задуновской въ гор. Витебскѣ улицѣ, почти противъ каѳедральнаго собора, съ угрожающимъ видомъ, высятся развалины желтаго двухъ-этажнаго, съ высокимъ тяжелымъ фронтономъ, зданія *). Со стороны прежняго русла рѣки Видьбы, стѣна этого зданія разобрана, и изъ нея выросъ, невдалекѣ, на углу той же улицы, при шоссейной дорогѣ, каменный двухъ-этажный домъ Витенберга **). Упоминаемъ о семъ послѣднемъ потому только побужденію, что въ немъ находимъ сильное доказательство воскресенія мертвыхъ.

Не заносчивъ видъ этихъ развалинъ предъ наблюдателемъ днемъ, когда давняго жителя Витебска можетъ остановить лишь загадка: почему эти развалины, такъ давно грозящія своимъ паденіемъ и ярко безобразящія улицу, не сносятся съ такого виднаго мѣста, и почему охотники строиться не заведутъ чего-либо лучшаго на этомъ прекрасномъ и выгодномъ мѣстоположеніи? Величественнаго тутъ ничего нѣтъ!.. И иныя мысли, иныя чувства посѣщаютъ путешественника въ вечерній сумракъ и во мглѣ ночи. Съ одной стороны— соборное зданіе и длинная ограда архіерейскаго двора, дышащія монастырскою сыростью; тутъ же, въ концѣ ограды, Задуновскій мостъ,

---

*) Въ оффиціальной перепискѣ, изъ которой взята эта правдивая исторія, зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, названо д о м о м ъ с ъ к у п о л о м ъ, потому мы и будемъ держаться этого выраженія. *М. К.*

**) Это домъ, въ которомъ помѣщается отдѣленіе московскаго банка, на углу Гоголевской и Задуновской ул. Очевидно, здѣсь указывается на то, что этотъ домъ выстроенъ не только на бывшемъ казенномъ плацу, но и не вполнѣ легально.

не лишенный воспоминаній о пріютѣ, въ былое время, грабежа и разбоя, съ другой стороны—развалины желтаго дома, съ поросшими мхомъ стѣнами, съ стадами нетопырей и лягушекъ... Не знаемъ, какъ на кого, а на насъ позднее путешествіе въ этомъ мѣстѣ всегда имѣло ужасающее вліяніе. Впрочемъ, не одни мы проникались такими чувствами: спросите у любого жителя Витебска, которому, по какому-либо случаю, приходилось странствовать въ этомъ мѣстѣ вечеромъ или ночью,—вамъ всякій скажетъ по сему предмету то же, что говоримъ мы, и всякій смотритъ на эти развалины, какъ на

„.... жилище вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ",

хотя онѣ и состоятъ въ губернскомъ городѣ.

Въ глубокой исторіи развалившагося зданія мы мало свѣдущи; слышали, однако, что въ немъ когда-то помѣщалось іезуитское училище. Засимъ, по изгнаніи изъ нашихъ краевъ іезуитскаго просвѣщенія, зданіе его передано въ духовно-учебное вѣдомство, для помѣщенія здѣсь Витебскаго духовнаго училища, которое, впрочемъ, навѣки лишилось возможности помѣститься по указанному въ бумагахъ порядку и имѣетъ уже это сдѣлать въ зданіи бывшаго С.-Духова монастыря, если оное въ теченіе тридцати лѣтъ не развалится. Исторія же, въ которой мы отчасти свѣдущи, другого рода,—исторія о томъ, чьи теперь эти развалины, какъ онѣ достались настоящему своему хозяину, кто такой этотъ хозяинъ, какъ трудно пріобрѣтать подобное имущество и какой смыслъ этихъ развалинъ? А вотъ не угодно ли заняться...

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1832 года, ректоръ Витебскихъ духовныхъ училищъ находилъ, что занимаемое (тогда и теперь) училищами зданіе, находящееся по ту сторону Двины, при Шоссейной улицѣ, въ связи съ домомъ Гриневскаго, очень ветхо и неудобно для помѣщенія воспитанниковъ. Объ этомъ дѣлались тогда по духовному вѣдомству представленія съ просьбами передать подъ училище по-базиліанскія зданія, что при Успенскомъ соборѣ, и гдѣ нынѣ духовная семинарія [1]). Длинная переписка архипастырей витебскихъ съ гене-

[1]) Рапортъ рект. Вит. д. уч. прот. Ремезова къ преосв. Гавріилу, Могил. и Витеб. отъ 16 іюня 1832 г., за № 89.

ралъ-губернаторами, губернаторами и Св. Синодомъ, а сихъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, поглотила много полезнаго времени. Но по-базиліанскихъ зданій подъ училище не отдали, хотя также не пришлось гражданскому начальству помѣстить въ нихъ и военнаго госпиталя; вмѣсто этихъ зданій въ 1838 году переданъ подъ духовное училище домъ съ куполомъ [2]), вотъ этотъ самый, о развалинахъ котраго мы въ началѣ говорили; а въ зданіи, гдѣ были тогда и гдѣ нынѣ состоитъ, благодаря прочности кирпича и духовнаго здоровья, училище, предположено было помѣстить уѣздный и земскій суды. Съ тѣхъ поръ повелись различные проекты и смѣты, какъ лучше перестроить домъ съ куполомъ, сообразно цѣлямъ науки; составлялись акты и оцѣнки строительныхъ матеріаловъ; писались планы,—и все это представлялось на утвержденіе. Словомъ, на бумагѣ домъ выходилъ прекраснѣйшимъ, для училища выгоднѣйшимъ, для бѣдныхъ юношей—теплѣйшимъ, для духовнаго просвѣщенія разсадникомъ. И вотъ-вотъ, какъ не перейдетъ въ этотъ домъ духовное училище; вотъ, говорятъ, спускаются на Двинскій мостъ.... пока, наконецъ, „прошедшаго октября 31 дня 1844 года, каѳедральнаго собора діаконъ (покойный басъ архіерейскаго хора Іаковъ Горанскій) донесъ, что въ училищномъ домѣ (съ куполомъ) вторый ярусъ купола упалъ на землю, съ поврежденіемъ капитальной стѣны въ комнатѣ, имъ занимаемой". По освидѣтельствованіи жъ „каѳедральнымъ протоіереемъ и ключаремъ" сего приключенія, оказалось, что въ училищномъ домѣ, на второмъ этажѣ, въ кругломъ залѣ, въ которомъ прежде ученики выдерживали экзамены и находилась училищная библіотека,—какъ это видно изъ дѣла о семъ домѣ, въ консисторіи имѣющагося,—своды, отдѣляющіе первый этажъ отъ второго, изгнившіе отъ постоянной течи, по причинѣ совершенно ветхой крыши, разрушились, паденіемъ своимъ проломили своды, отдѣляющіе нижній этажъ сего дома отъ погребовъ, а сильнымъ отъ сего потрясеніемъ всего зданія—подѣйствовали на своды комнаты, занимаемой діакономъ Іаковомъ Горанскимъ, и на прочіе своды комнатъ причта каѳедральнаго собора, въ домѣ семъ скудно помѣщавшагося, на каковыхъ отъ сего открылись тоже тре-

---

[2]) Отн. Ген. Губ. Дьякова къ преосв. Исидору отъ 14 февр. 1838 г. за № 724.

щины; въ капитальной же стѣнѣ хотя и есть трещина, но та была давно, еще предъ разрушеніемъ сводовъ; какъ же въ залахъ ихъ осталась нѣкоторая часть сводовъ, висящихъ на воздухѣ, которая ежеминутно угрожаетъ паденіемъ, то „протоіерей и ключарь, движимые любовію къ порядку“, въ предосторожность, приказавъ забить двери, „оныя опечатали“, а потомъ помѣщающемуся временно въ семъ домѣ причту, изъ комнатъ, ими занимаемыхъ, по открывшимся на сводахъ трещинамъ и отъ постоянной въ дождливое время течи опасностью угрожающихъ, объявили выступить (съ какою, должно быть, трудностію бѣдный каѳедральный причтъ выступалъ по трещинамъ изъ запечатаннаго зданія). Что дѣлать, такъ приказано [3]).

Изъ справки консисторіи, по сему приключенію, оказалось, что „упомянутый домъ съ куполомъ въ коемъ предполагалось помѣстить духовное училище, предназначенъ къ исправленію... и на исправленіе его, по смѣтамъ, составленнымъ епархіальнымъ архитекторомъ и утвержденнымъ комиссіею проэктовъ и смѣтъ, исчислено 6519 руб. 76¾ к., каковыя смѣты и проектъ хранятся въ консисторіи; но указомъ Св. Синода, отъ 6 мая 1842 года, за № 4941, дано знать, что исправленіе сего дома отложено до того времени, пока не окончится дѣло о распредѣленіи зданій по городу Витебску. Нынѣ изъ указа Св. Синода отъ 30 минувшаго октября 1844 г. (наканунѣ паденія купола) за № 12767, видно, что помянутое дѣло приведено уже къ окончанію“ (дѣйствительно приведено). По таковой справкѣ въ консисторіи, между прочимъ, опредѣлено: Какъ сей же домъ состоитъ нынѣ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и потому епархіальному вѣдомству не принадлежитъ, то помянутую смѣту вмѣстѣ съ планомъ препроводить, при отношеніи, въ Полоцкое семинарское правленіе, для зависящихъ со стороны его по сему предмету распоряженій [4]).

Послѣ сего, консисторія, сообразно требованіямъ дѣла, вела переписку о землѣ подъ домомъ съ куполомъ, и въ 1846 году полу-

---

[3]) Рап. прот. и ключ. каѳедральнаго собора отъ 9 ноября 1844 г., за № 87.

[4]) Журн. Пол. Д. Конс. $\frac{\text{1844 г. дек. 29.}}{\text{1845 г. янв. 15.}}$ № 10.

чила отъ палаты государственныхъ имуществъ увѣдомленіе [5]), что она не находитъ препятствія оставить землю эту, вмѣстѣ съ излишкомъ ея, происшедшимъ отъ измѣненія фарватера р. Видьбы, въ пользованіи Витебскаго духовнаго училища, съ платжемъ дохода, исчисленнаго по люстраціи, именно по 8 руб. 3/4 коп. Между тѣмъ, въ отзывѣ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 24 іюля 1846 года, за № 6543, при которомъ препровождено 275 руб. с., для выдачи еврею Фрумину на сноску не догорѣвшаго его дома, изъяснено, что домъ его, Фрумина, построенъ на казенной землѣ, съ разрѣшенія Витебской Казенной Палаты, переданной, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, въ безсрочное содержаніе Витебскихъ духовныхъ училищъ.

Духовное вѣдомство, имѣя вышепрописанныя данныя относительно дома съ куполомъ и принадлежащей къ нему усадебной земли, конечно, положило сбыть его съ рукъ. Фрумину оно заплатило за сноску не догорѣвшаго его дома 275 руб., и съ 1838 г. по 1846 годъ внесло въ казну за землю 59 руб. 98 коп., итого 334 руб. 98 коп. Впрочемъ, на счетъ платы за землю мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, что оная прекращена съ 1846 годомъ, и едва-ли не восходила до 1857 года. Такимъ образомъ, не получивъ съ дома никакой пользы, оно потеряло на свои объ немъ планы около полтысячи; но оставлять его долѣе въ своемъ владѣніи, во всякомъ случаѣ, не признавало полезнымъ.

Въ январѣ 1855 года Витебская губернская строительная и дорожная комиссія сообщила консисторіи [6]), что, вслѣдствіе донесенія полиціймейстера объ угрожающемъ паденіи дома съ куполомъ, она поручила губернскому архитектору освидѣтельствовать означенное зданіе при чиновникѣ полиціи и членѣ консисторіи и опредѣлить: можетъ ли оное быть возобновлено, за какую сумму и для какой цѣли? И затѣмъ, можетъ ли быть допущено дальнѣйшее существованіе столь ветхаго зданія? Свидѣтельствовавшая комиссія нашла, что „а) зданіе возобновлено быть не можетъ; б) опредѣлить суммы на возобновленіе его, не имѣя въ виду цѣли, для которой это будетъ

---

5) 18 мая № 5504.

6) № 146.

дѣлаться, не возможно; в) цѣль, съ которою можетъ быть возобновлено это зданіе, можетъ быть опредѣлена лишь начальствомъ и г) .... разборка зданія повела бы казну, безъ надобности, лишь къ безполезнымъ убыткамъ.... и выгоднѣйшимъ для казны было бы продать домъ этотъ съ публичныхъ торговъ“ [7]) Представляя актъ сего освидѣтельствованія, епархіальный архитекторъ, съ своей стороны, находитъ выгоднѣйшимъ передѣлать подъ духовное училище тотъ же самый домъ, въ которомъ оное помѣщается [8]). Словомъ, и градская полиція, и строительная комиссія, и консисторія признали, что дому съ куполомъ нельзя стоять на своемъ мѣстѣ, и нужно его снести или продать на сломку [9]). Наконецъ, въ апрѣлѣ 1857 г. епархіальное начальство свыше получило приказаніе продать домъ съ публичныхъ торговъ [10]).

Въ іюлѣ того же года, при посредствѣ градской полиціи, присяжные оцѣнщики опредѣлили стоимость дома съ куполомъ въ 500 р.; но какъ вскорѣ послѣ сего произошло еще новое поврежденіе въ зданіи, то, въ отвращеніе могущихъ произойти несообразностей, къ марту 1858 года зданіе переописано и переоцѣнено въ 205 руб. Въ періодъ этихъ оцѣнокъ полиція, въ сентябрѣ 1857 г., находя, что часто упоминаемый домъ съ куполомъ, причинившій многимъ вредъ, въ особенности парникамъ мѣщанина Холстинникова, угрожаетъ еще и большимъ паденіемъ, преимущественно въ бурное время, просила консисторію, въ предупрежденіе могущихъ послѣдовать какихъ-либо несчастныхъ случаевъ отъ нечаяннаго паденія, въ особенности съ лицевой стороны, не оставить учинить зависящее распоряженіе о сломкѣ онаго [11]). По таковымъ побужденіямъ объявили о продажѣ дома чрезъ „Витебскія Губернскія Вѣдомости“ 1858 г., а затѣмъ явились и покупатели. На переторжкѣ коллежскій ассесоръ Гласко высулилъ за домъ съ куполомъ 2015 руб., съ тѣмъ, чтобы ему до

---

[7]) Актъ о свид. 24 мар. 1855 г.

[8]) Рап. архит. отъ 5 апр. 1855 г. за № 8.

[9]) См. Дѣло Пол. Дух. Конс. 1832 г. нач. 20 іюня 82.

[10]) Отн. Об.-Прок. 4 апр. 1857 г. № 4293.

[11]) Отн. Вит. Гор. Полиц. 30 сент. 1857 г. № 8863.

зволено было заарендовать землю, находящуюся подъ домомъ, и перестроить его на томъ же самомъ мѣстѣ; а купеческій сынъ Курской губерніи, города Старо-Оскола, Александръ Васильевъ Сотниковъ объявилъ за него 650 руб., для немедленной сломки и очистки мѣстности.

Епархіальное начальство, какъ и слѣдовало ожидать, заключило оставить домъ съ куполомъ за Гласко, такъ какъ онъ давалъ за него большую сумму. Что же касается находящейся подъ домомъ земли, то оное начальство, имѣя въ виду, что земля эта находится въ безсрочномъ пользованіи духовно-учебнаго вѣдомства, положило передать оную Гласко, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы онъ уже и развѣдывался за нее съ гражданскимъ вѣдомствомъ. Но Св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что находящаяся подъ домомъ съ куполомъ земля, въ двухъ участкахъ, принадлежитъ министерству государственныхъ имуществъ и отдана Витебскому духовному училищу только въ безсрочное пользованіе, а не въ полное и всегдашнее владѣніе, нашелъ, что на продажу означеннаго дома коллежскому ассесору Гласко, для перестройки, съ передачею въ его пользованіе и находящейся подъ онымъ земли, духовное вѣдомство не имѣетъ никакого права. Затѣмъ, Св. Синодъ, имѣя въ виду, что по-базиліанское зданіе пришло въ совершенную ветхость и, по отзыву начальника Витебской губерніи, требуетъ немедленной сломки, положилъ: продать означенное зданіе, на сносъ, купеческому сыну Сотникову, за объявленную имъ на торгахъ цѣну 650 руб., а находящуюся подъ тѣмъ зданіемъ землю, мѣрою 1259 квадр. саж., передать по принадлежности министерству государственныхъ имуществъ, съ прекращеніемъ и производящейся за пользованіе оною платы, по 7 р. 19¾ к. с. въ годъ [12]). Такъ и сдѣлано: г. Сотниковъ внесъ деньги и получилъ домъ съ куполомъ.

Между тѣмъ, гражданское начальство снова просило Св. Синодъ о побужденіи консисторіи къ скорѣйшему окончанію дѣла о продажѣ дома съ куполомъ. Консисторія получила побужденіе, и съ своей стороны, въ январѣ и февралѣ 1860 года, просила гражданское начальство о побужденіи Сотникова къ сломкѣ зданія и очисткѣ мѣстности. Въ январѣ же того года (№ 151) Витебское губернское прав-

[12]) Отн. Об. Пр. Св. Син. 18 іюля 1859 г. № 5509.

леніе стало „покорнѣйше просить консисторію—находящуюся подъ зданіемъ землю передать во владѣніе Витебской думы", а консисторіи въ свою очередь стало извѣстнымъ, что въ Витебской думѣ производятся торги на отдачу въ аренду земли, находящейся подъ зданіемъ съ куполомъ.

Догадались, что обдѣлывается. Употребляя послѣднія силы на пользу своего вѣдомства, консисторія обратилась въ губернское правленіе съ слѣдующею просьбою: „Какъ епархіальное начальство о задержаніи этой мѣстности (находящейся подъ домомъ съ куполомъ) въ духовномъ вѣдомствѣ производитъ переписку и заключеніе свое по сему предмету представило Св. Синоду, то Полоцкая духовная консисторія покорнѣйше проситъ Витебское губернское правленіе учинить распоряженіе объ исключеніи, впредь до рѣшенія дѣла, изъ торговыхъ кондицій той земли, которая находится собственно подъ означеннымъ домомъ съ куполомъ и его подворьемъ". То же писала она и въ думу [13]).

На всѣ эти и подобныя вопли епархіальнаго начальства препровождены въ консисторію нижезначущіяся удовлетворенія. Полиція (8 марта 1860 г.) доставила подписку Сотникова, которая гласитъ: „Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ городскою полиціею опредѣленія Св. Синода объ утвержденіи за мною купленнаго на торгахъ въ присутствіи П. д. консисторіи за 650 руб. каменнаго съ куполомъ зданія и при ономъ особо принадлежащій фундаментъ, принадлежащіе Витебскому духовному училищу, даю сію подписку приставу 1-й части гор. Витебска въ томъ, что я не медля приступлю къ сломкѣ тѣхъ частей зданія, которыя угрожаютъ опасностію паденія (а не всего, значитъ); но какъ Св. Синодъ предписалъ епархіальному начальству передать мѣстность, занимаемую симъ зданіемъ съ огородами (?), въ вѣдѣніе палаты гос. имущ., то я имѣя желаніе взять въ оброчное содержаніе эту мѣстность съ огородами, прежде отданные, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, въ безсрочное арендное содержаніе сказанному уѣздному духовному училищу, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, если по освидѣтельствованію гражданскимъ начальствомъ (освидѣтельствованіе отъ гражданскаго на-

[13]) 24 февр. 1860 г. въ Губ. Пр. № 1477 и въ Думу № 1476.

чальства уже было) окажутся годными и прочными фундаментъ, погребъ и остальныя отъ сломки (?) стѣны желая (должно быть, намѣренъ?) возвести и устроить оный домъ по плану, который будетъ выданъ начальствомъ (?) по просьбѣ моей (да ужъ это, конечно, такъ!), согласно мѣстности и приличности. Февр. 18 дня, 1860 года". На подлинномъ подписано: „Старооскольскій купеческій сынъ Александръ Васильевъ Сотниковъ". Губернское правленіе, 11 марта № 1803, объявило, что оно, „по выслушаніи отношеній оной консисторіи, отъ 24 февраля сего года, за №№ 1462 и 1477, о торгахъ на землю подъ бывшею іезуитскою школою, и рапорта Витебской городской думы отъ 29 февраля, за № 102, объ отдачѣ въ 12-лѣтнее оброчное содержаніе участка городской земли подъ бывшею іезуитскою школою Старооскольскому купеческому сыну Сотникову, и справки, опредѣлило: находящееся въ гор. Витебскѣ ветхое зданіе духовнаго вѣдомства продано купеческому сыну Сотникову для сломки (справедливо!). Продажа эта утверждена Св. Синодомъ (точно такъ!), и Сотниковъ 19 ноября 1859 года представилъ въ полоцкую духовную консисторію слѣдующіе съ него 650 руб. Не смотря на это, равно что означенное зданіе все болѣе и болѣе разрушается, грозитъ неминуемымъ паденіемъ (въ 1860 г.), епархіальное начальство, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, а именно 24 истекшаго февраля, заявляя желаніе удержать означенное зданіе за собою, вошло объ этомъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ и обратилось въ Губернское Правленіе съ требованіемъ о пріостановленіи отдачи въ оброчное содержаніе земли, находящейся подъ симъ зданіемъ и его подворьемъ. Настоящее требованіе (объ удержаніи мѣстности и земли), отдаляя на неопредѣленное время сломку зданія (далѣе-ль 1864 г.?—Нѣтъ; консисторія еще 4 января 1860 года, за № 1, просила Витебскую городскую полицію объ обязаніи Сотникова подпискою въ томъ, чтобы онъ немедленно приступилъ къ сломкѣ; о томъ же просилъ начальника губерніи и епархіальный преосвященный отношеніемъ отъ 19 января, за № 228), которое грозитъ паденіемъ (даже въ 1864 г.) съ вредными послѣдствіями, лишаетъ возможности извлекать, согласно 25 и 26 ст. XII т. 2 ч., доходъ въ пользу скудной городской казны (развѣ епархіальное

начальство не могло бы платить въ скудную городскую казну? развѣ не платило до сихъ поръ, кому слѣдовало? да развѣ къ тому ассесоръ Гласко, дававшій за домъ 2015 руб., не могъ бы платить?) съ мѣстности, составляющей, по 880 ст. X т. 3 ч., городскую собственность. Не представляется за симъ законныхъ основаній къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства епархіальнаго начальства. Обращаясь къ производившимся торгамъ на отдачу означенной земли въ оброчное содержаніе, предложенную купеческимъ сыномъ Сотниковымъ цѣну.... О каковомъ распоряженіи увѣдомить духовную консисторію".

Этимъ и кончается находящаяся въ нашихъ рукахъ переписка о домѣ съ куполомъ. Какъ же потомъ г. Сотниковъ укрѣпилъ развалины, и почему онѣ, купленныя на сломку, стоятъ до сихъ поръ, намъ не извѣстно.

Вотъ видите, читатель, какая тутъ вышла исторія. Во-первыхъ, когда по-iезуитское зданіе съ куполомъ, что на Задуновской улицѣ, было въ духовномъ вѣдомствѣ, то оно сильно угрожало паденіемъ, разрушеніемъ и несчастными послѣдствіями, въ особенности, какъ отзывалась полиція въ 1857 г., съ лицевой стороны; когда же поступило въ вѣдомство г. Сотникова, то и въ 1864 г. не угрожаетъ съ лицевой стороны никакими худыми послѣдствіями. Во-вторыхъ, зданіе куплено на сносъ за 650 руб., и въ снесеніи его была такая крайняя необходимость, что гражданское начальство обращалось по этому къ высшей духовной власти; теперь лицевая сторона зданія стоитъ вблизи бывшаго своего вѣдомства и улыбается ему, и мрачно говоритъ о своей судьбѣ... Если же оно куплено не на сносъ, а на возведеніе и на устройство по плану, который будетъ выданъ начальствомъ, то почему же за него не взято 2015 руб., какъ давалъ коллежскій ассесоръ Гласко? За что бѣдное духовное вѣдомство теряетъ 1365 руб.?.. А земля, что подъ зданіемъ? И земля нужна была, и теперь нужна епархіальному начальству; въ прошломъ или еще запрошломъ году ассигновано на постройку дома для консисторіи 15000 руб.; гдѣ построить этотъ домъ, и гдѣ лучше и выгоднѣе построить, какъ не при архіерейскомъ домѣ и каѳедральномъ соборѣ?...

Мы не имѣли и не имѣемъ въ виду ударять по слабымъ струнамъ стараго инструмента, разыгрывавшаго непонятныя и плачевныя мелодіи. Этотъ инструментъ въ рукахъ нынѣшнихъ искусныхъ виртуозовъ, благодаря уму ихъ и преданности призванію, переклеенъ, и на немъ натягиваются новыя струны, подъ гармонію правды и законности; его звуки не извлекаютъ теперь плачевныхъ воплей и не поражаютъ слухъ нежданнымъ трескомъ и скрипомъ... Но вотъ что насъ занимаетъ: а) опасность путешествій по Задуновской улицѣ, около развалинъ дома съ куполомъ: это признано не только скромнымъ заявленіемъ жителей гор. Витебска, имѣющихъ случай путешествовать здѣсь, но и оффиціальными постановленіями начальства; б) смѣтливость и простота владѣльца этихъ развалинъ.

Почтеннѣйшій купеческій сынъ города Старо-Оскола Александръ Васильевичъ Сотниковъ! Не имѣвъ случая быть съ вами въ личномъ знакомствѣ, по отдаленности нашего мѣстожительства, мы тѣмъ не менѣе считаемъ священнымъ для себя долгомъ публично принести законную дань вашему уму и, провидя въ васъ, кромѣ умной опытности, честность и благонадежность цѣлей, съ подобающимъ смиреніемъ повергнемъ на ваше благоуваженіе нижезначущіяся просьбы: 1) такъ какъ вы изволили купить по-іезуитское зданіе съ куполомъ за 650 руб. на условіи немедленнаго сноса онаго, иначе бы и не купили за такую ничтожную цѣну, то благоволите дозволить Витебской городской полиціи, согласно имѣющимся на то указаніямъ, разрушить и стереть съ лица земли лицевую часть этого зданія на вашъ счетъ; или: 2) такъ какъ вы благоволили имѣть желаніе купленное на сносъ зданіе съ куполомъ возвести и устроить по плану, который будетъ выданъ начальствомъ, и не сносите онаго, вопреки условію, оставившему въ вашемъ карманѣ 1365 казенныхъ рублей, то доусердствуйте возвратить эти рубли, сообразно скромнымъ законамъ совѣсти, по принадлежности духовно-учебному вѣдомству, съ законными, если не съ купеческими, на нихъ процентами. 3) Скажите намъ, какъ вы это дѣльцо обдѣлали. Вы, Александръ Васильевичъ, какъ милостивый государь и честный и состоятельный купеческій сынъ, вѣроятно, не преминете очистить числящіяся на вашей чести недоимки. Уважая въ вашей личности опытность, предусмотрительность и хозяйственную

часть, мы, въ видѣ науки и для вящшей вашей славы, сообщаемъ симъ обществу, а вмѣстѣ и вамъ въ Старый Осколъ, о таковыхъ вашихъ усердственныхъ подвигахъ, которые достойно оцѣнятся вашими современниками.

Въ заключеніе нашей скромной лѣтописи напомнимъ о необходимости обезопасить Задуновскую въ гор. Витебскѣ улицу отъ встрѣчающихся тамъ ужасовъ и злоключеній. По-нашему, если ужъ время, благорастворенія воздуха и старанія г. Сотникова такъ укрѣпили лицевую сторону зданія съ куполомъ, что она не угрожаетъ болѣе ни паденіемъ, ни дурными по слѣдствіями, то надлежитъ по крайней мѣрѣ, по уваженію къ величественности онаго, поставить по этому мѣсту на счетъ его же, Сотникова, побольше фонарей и нанять пастуха для нетопырей и лягушекъ.

Внукъ дѣдушки Иринея (Михаилъ Красовицкій).

Сообщилъ *Д. И. Довгялло.*

Вильна 17 окт. 1913 г.

Способъ запашки земли и посѣва хлѣбовъ въ Бѣлоруссіи и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и нач. XVII вѣка [1]).

(Переводъ съ латинскаго).

„Прежде всего, лѣтомъ, начиная около Петрова дня и продолжая до дня Успенія Пресвятой Богородицы, обыкновенно вырубаются лѣса и кустарники. Очищенное такимъ образомъ мѣсто называется лядою (lada). Если же лѣсъ густой, то, покрывъ (срубленный лѣсъ) сверху соломою, такъ и оставляютъ на зиму. При наступленіи же весны, послѣ Пасхи, когда солнце начнетъ уже порядочно пригрѣвать, мѣсто означенной вырубки, вновь покрывается сверху и снизу соломою и выжигается до тла, потому что, еслибъ земля тамъ не выгорѣла, то, конечно, не дала бы никакого урожая. Въ этихъ же видахъ собирается неперегорѣвшее дерево, сваливается въ кучи и вновь сожигается. На такой выжженной землѣ, очищенной отъ углей и головней, сѣютъ сперва пшеницу (triticum); посѣянныя сѣмена слегка вспахиваютъ и забороняютъ. На Руси для этого достаточно одной лошади; литвины же обыкновенно пашутъ на волахъ, которые впрягаются за рога и такимъ образомъ тащатъ плугъ. Тамъ бываетъ всегда такой

---

1) Arandi seminandique módus in Russia Alba Mochoviae confini et in magno ducatu Litwaniae... Эта интересная земледѣльческая замѣтка находится въ соч. Sarmatiae Europeae descriptio... Alexandri Gwaqnini Veronensis. Cracoviae, 1578-a. Въ польскомъ переводѣ Хроники Гваниньи (Kronika Sarmacyi Europskiey Alex. hrabi Gwagnina, 1611 г.) есть нѣкоторыя отступленія отъ латинскаго текста; всѣ такія отступленія указаны мною въ своемъ мѣстѣ.

Итальянецъ Гваниньи (род. въ 1538 г., ум. въ 1614 г.), въ теченіе 10 лѣтъ былъ ротмистромъ въ Витебскомъ замкѣ.

урожай, что можно-бы утверждать, что тамъ-то и родилась Церера (Cererem in illis regionibus natam affirmares [2]).

Такимъ же точно порядкомъ сѣется, жнется и убирается ячмень, только подъ него вырубается лѣсъ покрупнѣе, и земля требуется потучнѣе, чѣмъ подъ пшеницу. На такой пашнѣ мѣстные жители сѣютъ обыкновенно лѣтъ шесть—восемь сряду, безъ всякаго навознаго удобренія.

Если нужно очистить подъ пашню лѣсъ рослый и толстый, какъ, напримѣръ, сосну, ясень, дубъ [3]) и т. п., тогда его не вырубаютъ, а только обрубаютъ у деревъ сучья и молодые побѣги, чтобы они не препятствовали доступу солнечныхъ лучей на пашню. Одинъ человѣкъ, взобравшись на одно какое-либо дерево, можетъ, не слѣзая, очистить отъ сучьевъ всѣ деревья. Для этого имѣется особый веревочный для сидѣнья снарядъ, вродѣ стремени (stapeda), соразмѣрный съ сидящимъ тамъ человѣкомъ и привязанный къ дереву посредствомъ длинной веревки. Сидя на подобномъ снарядѣ (работникъ), легко перетаскивается мальчикомъ отъ одного дерева къ другому посредствомъ другой веревки; кромѣ того, у бедра работающаго человѣка привязана загнутая палка, для того, чтобы, при приближеніи къ дереву, сильнѣе ухватиться за него [4]).

Такимъ-то образомъ обрубаютъ сучья отъ верхушки дерева до корня. Съ наступленіемъ лѣта, обрубленные сучья, какъ сказано выше, сожигаютъ, а пашня приготовляется подъ посѣвъ.

Рожь на такой пашнѣ сѣется къ зимѣ послѣ уборки пшеницы или ячменя; подъ рожь, однако, необходимо два раза поднять землю плугомъ. Сѣять рожь начинаютъ около Успенія Пресвятой Богородицы, т. е. около 15 августа; и если нерадивый земледѣлецъ не успѣетъ посѣять до праздника Рождества Пресв. Богородицы, т. е. въ теченіе четырехъ недѣль, то земля не принесетъ ему обычнаго плода.

---

[2]) Въ польскомъ изданіи: „tam Ceres Bogini zboża rodziła“.

[3]) Въ польскомъ изд. „brżozy“—березы.

[4]) Въ польскомъ изданіи: „для этого имѣется особый снарядъ, вродѣ носилокъ (nosidła), соразмѣрный съ работающимъ тамъ человѣкомъ. Сидя на подобномъ снарядѣ, (работникъ) снуетъ (snując) отъ одного дерева къ другому, сучья же притягиваетъ къ себѣ привязанною у бедра его загнутою, въ видѣ крюка, палкою“.

Посѣянная такимъ образомъ рожь называется озимою (siliginem hyemalem); та же, которая сѣется весною, называется яровою (aestivalem).

Существуетъ и другой, недавно изобрѣтенный способъ посѣва на выжженной и очищенной отъ лѣса, вышеописаннымъ порядкомъ, почвѣ: къ двумъ частямъ ячменя примѣшиваютъ третью часть ржи, и эту смѣсь сѣютъ весною въ урочное время. Ячмень дозрѣваетъ, жнется и убирается съ поля въ то же самое лѣто; рожь же изъ-подъ ячменя, едва поднявшаяся изъ земли, въ видѣ густой травы, оставляется на зиму. На слѣдующій годъ эта рожь бываетъ такъ урожайна и густа, что чрезъ нее съ трудомъ можно проѣхать верхомъ, и такъ высока, что едва можно видѣть ѣдущаго верхомъ человѣка; притомъ, одно зерно даетъ тридцать и болѣе колосьевъ.

Русскіе (Ruteni) вспахиваютъ всякую почву обыкновенно одною лошадью, такъ какъ земля у нихъ сама по себѣ мягкая.

Во всей же почти Сарматіи наблюдается такой порядокъ посѣвовъ. Послѣ Пасхи, прежде всего сѣютъ пшеницу, потомъ яровую рожь, извѣстную тамъ, вслѣдствіе того, что она сѣется лѣтомъ,—подъ названіемъ ярицы (jarzycza), въ отличіе отъ ржи, которая сѣется, какъ сказано, къ зимѣ, около Успенія Пресв. Богородицы, и называется озимью (ozimina). Послѣдняя, будучи посѣяна лѣтомъ, не принесла бы никакого плода, равно какъ и ярица, еслибы посѣять ее, вмѣсто ржи, на зиму, хотя зерно той и другой сходны между собою и, повидимому, однородны; если сѣять ихъ въ несоотвѣтственное время, то изъ нихъ ничего не вышло бы, развѣ только получилась бы ничтожная трава.

Итакъ, поляки, литвины и червоноруссы [5]) съ мазурами и пруссами, находясь подъ вліяніемъ болѣе теплаго климата и въ болѣе умѣренныхъ странахъ, сѣютъ яровую рожь около праздника Пасхи, такъ что далеко предупреждаютъ посѣвомъ и бѣлоруссовъ, и москви-

[5]) Въ латинскомъ подлинникѣ стоитъ „Ruteni nigri"—черноруссы; но здѣсь, очевидно, дѣло идетъ не о черноруссахъ, а о червоноруссахъ; это подтверждается и тѣмъ, что въ польскомъ современномъ переводѣ поставлено „Ruś podgorska"—Русь, лежащая у горъ (конечно, Карпатскихъ). Червоноруссы—галицко-русскіе малороссы; черноруссы же живутъ къ западу отъ Минска, къ Вильнѣ и отчасти къ Гроднѣ; они принадлежатъ къ Бѣлорусскому племени.

тянъ, которые, вслѣдствіе болѣе неблагопріятнаго климата, должны сѣять гораздо позже; но жнутъ иногда одновременно [6]).

Удивительное дѣло!—ярица, посѣянная иногда спустя лишь нѣсколько недѣль послѣ Пасхи, созрѣваетъ, какъ слѣдуетъ, въ теченіе того же самаго лѣта, такъ что черезъ какихъ-нибудь недѣль восемь ее уже жнутъ и убираютъ съ поля.

Горохъ (pisa vulgariter groch) сѣется около дня св. Адальберта [7]). Горохъ сушатъ и заготовляютъ въ прокъ [8]). Овесъ и ячмень (avena et hordeum, vulgariter owies et jeczmien) сѣются обыкновенно послѣ празд. Пятидесятницы.

Cicer [9]) у поляковъ татарка, у русскихъ и литовцевъ гречиха (grecicha)—сѣется одиннадцать недѣль послѣ Пасхи, около Петрова уже дня.

Рѣпу (rapa) сѣютъ около Иванова дня. Въ то же самое лѣто ее убираютъ съ поля и сберегаютъ въ домахъ; такимъ образомъ, вынесенное изъ амбара (ex penu) для посѣва зерно возвращается чрезъ 10, а иногда, при благопріятной погодѣ, и чрезъ 8 недѣль въ тотъ же самый амбаръ, принося своему хозяину еще стократъ большій плодъ.

Всѣ поляки, червонноруссы (столица которыхъ—Львовъ—Leopolis) [10]), мазуры (Mazovitae), силезцы (Sylesi), пруссы (Pruteni) и нѣкоторые литовцы сберегаютъ хлѣбъ въ житницахъ и въ большихъ скирдахъ (acervos); у иного хорошаго хозяина можно иногда видѣть 400—600 такихъ скирдъ, стоящихъ въ видѣ высокихъ четыреугольныхъ башенъ, лѣтъ до 15-ти и долѣе.

Бѣлоруссы же, всѣ москвитяне и литовцы тотчасъ убираютъ

---

[6]) Въ польскомъ изданіи добавлено: „Бываютъ, впрочемъ, случаи, что бѣлоруссы и москвитяне и сѣютъ одновременно съ жителями Польши".

[7]) Въ польскомъ изданіи: „Св. Войцѣха, т. е. 24 апрѣля.

[8]) Въ польскомъ изданіи добавлено: „Горохъ достаточно просушивается и долгое время сберегается у гумна на лѣстницахъ (w drabinach), называемыхъ тамъ азародами (ozierodami).

Азарода—переплетъ на столбахъ, сдѣланный изъ жердей для пересушки хлѣбныхъ сноповъ, въ родѣ лѣстницы (См. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, Носовича).

[9]) Cicer—по-латыни—горохъ; но здѣсь, очевидно, говорится о гречихѣ.

[10]) См. прим. 5.

сжатый и вымолоченный хлѣбъ съ поля и хранятъ въ амбарахъ (in penu); нѣкоторые же имѣютъ обыкновеніе хранить хлѣба въ вырытыхъ въ глухомъ лѣсу подземельяхъ, старательно обложенныхъ внутри древесною корою. Туда же бѣдняки сносятъ все съѣстное, полти сала (carnes porcinas salsas) и прочіе жизненные припасы, а также одежду и лучшую домашнюю утварь, особенно во время войны, для предохраненія какъ отъ непріятеля, такъ равно и отъ своихъ солдатъ" [11]).

Сообщилъ *А. Сапуновъ.*

---

[11]) Въ польск. изд. „Бѣлоруссы же, всѣ москвитяне и литовцы тотчасъ убираютъ всякій хлѣбъ съ поля въ черныя избы, называемыя у нихъ овинами или гриднями (do izb czarnych, które oni juwiami albo hridniami zowią). Тамъ его сушатъ и, вымолотивъ разомъ, одни ссыпаютъ въ амбарныя засѣки (do samsieków spiżarnych); а другіе прячутъ его въ подземельяхъ, нарочно вырывъ для этой цѣли въ глухихъ лѣсахъ ямы и хорошенько осмотрѣвъ ихъ извнутри, чтобы хлѣбъ не гнилъ"...